

*Посвящается защитникам Советской власти
на Украине и Российской Коммунистической партии
большевиков РКП(б) Ленина-Сталина*

Шел отряд по берегу, шел издалека,
Шел под красным знаменем командир полка.
Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве.
Эх, по сырой траве!

«Хлопцы, чьи вы будете, кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем раненый идет?»
«Мы сыны батрацкие, мы — за новый мир,
Щорс идет под знаменем, красный командир.
Эх, красный командир!

В голоде и в холоде жизнь его прошла,
Но не даром пролита кровь его была.
За кордон отбросили лютого врага,
Закалились смолоду, честь нам дорога.
Эх, честь нам дорога!»

Тишина у берега, смолкли голоса,
Солнце книзу клонится, падает роса.
Лихо мчится конница, слышен стук копыт.
Знамя Щорса красное на ветру шумит.
Эх, на ветру шумит!

М. Голодный

Пролог

Имя Николая Щорса в советское время было широко известно в нашей стране. Герой гражданской войны, командующий прославленной 1-й Украинской советской дивизии, преобразованной позже в 44-ю стрелковую дивизию. О боевых делах его, о тех событиях, в каких он принимал участие, сказано немало. Историки-исследователи достаточно глубоко изучили боевой путь частей, возглавляемых им.

1918–1919-й годы были самыми сложными во всей истории гражданской войны на Украине. В том и заслуга Николая Щорса, что он, коммунист, сумел не только разобрататься во всех сложностях, но и найти свое место в тех событиях. Боевой путь украинских повстанческих частей и составляет его биографию. Легендарное время породило легендарное имя.

В истории Коммунистической партии имя Н.А. Щорса значит среди военачальников. За короткое время, за год службы в Красной Армии, от командира полка Щорс поднялся до командующего дивизией.

Вот высказывания о нем его соратников, товарищей по оружию, которые сражались с ним бок о бок за светлые идеалы трудового народа, за власть Советов.

«Это было во время «нейтральной зоны» в начале сентября 1918 года. К начальнику штаба повстанческих отрядов тов. Петренко, в село Юриновку, пришел человек среднего роста, одет в солдатскую гимнастерку и брюки, с мягкой шляпой на голове. Это был Щорс. Он был на-

значен в распоряжение тов. Петренко зерновским штабом Всеукраинского ревкома.

При первой такой встрече с тов. Щорсом мне бросилось в глаза, что этот скромный, тихий и малоподвижный человек был полон кипучей энергией, которая переливалась через край. Позднее, встречаясь с ним не раз при разных обстоятельствах, я убедился, что Щорс рожден для партизанской войны. Смелый, находчивый, умеющий влиять на окружающих, он был выдающимся организатором. Став во главе одного из первых партизанских полков, тов. Щорс смог создать из него могучую боевую единицу.

Талантливый военачальник, смелый солдат, стойкий революционер, он, безусловно, мог бы стать выдающимся военным работником регулярной армии. С. Бубнов».

«Перед селом развернутым строем в серых потрепанных шинелях, кто в лаптях, кто в опорках, мало кто в сапогах, выстроились богунцы. Навстречу нам суховатый, подобранный, четкой выправки командир. Его шаг сдержанный и как бы пружинит. В этом чувствуются большая энергия и дисциплинированность. Взгляд открытый, прямой, ясный и твердый. Твердое пожатие руки. Четкая речь. Необыкновенный человек...

Таким запомнили командира 1-го Богунского полка тов. Щорса.

В Щорсе чувствуется серьезная военная подготовка. Но очень молодой. Несмотря на аккуратную бороду, ему далеко до 30. Антонов-Овсеенко».

«Прямота и ясность мысли и действия являлись особой чертой Николая Александровича. В жизни он был очень скромным... Преданность делу революции, наличие твердого характера, неугасимая энергия были теми качествами, которые сплачивали вокруг него преданных делу революции людей», — вспоминает бывший первый адъютант Богунского полка, впоследствии один из политработников 1-й Украинской советской дивизии, Н.Ю. Коцар.

«Это был очень выдержанный, революционно настроенный товарищ, — пишет о Н.А. Щорсе бывший начальник штаба 1-й Украинской советской дивизии С.И. Петриковский (Петренко). — Он был сравнительно небольшого рос-

та и хорошо сложен. Особенное впечатление производили его глубокие стальные глаза... В Николае Щорсе была какая-то внутренняя страстность, революционное напряжение идейного борца, беззаветно преданного делу трудящихся, делу коммунизма. Он не знал страха, показывал пример личной храбрости... Замечательный друг и товарищ».

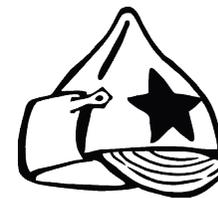
Бывший командир роты, богунец В.И. Ковшер делится воспоминаниями о событиях, которые происходили весной и летом 1919 года. «Когда мы штурмовали Коростень, Щорс громил врага в районе Махновка — Бердичев и прибыл в Коростень на следующий день. Весь участок дивизии слишком велик, а комдиву нужно быть всюду.

На станционной платформе Щорс... подпоясанный и с маузером на правом боку, в высоких сапогах, темно-защитного сукна брюках-галифе и такого же цвета, с чуть-чуть выдвинутым вперед козырьком фуражке, с прикрепленными к ее околышку шоферскими очками, поднялся на импровизированную трибуну, состоявшую, кажется, из багажной тележки...

Помню, какое ласковое, доброе лицо было у Николая Александровича Щорса, когда он осматривал взятый нами бронепоезд «Ганзя», когда он разговаривал с бойцами и командирами. Он жал бойцам руки, расспрашивал о подробностях боя...

Цепь оседает назад. Смотрю, со стороны пасеки несется с красным флажком трехколесный мотоцикл. Под частым пулеметным и ружейным огнем он подъезжает прямо к цепи. Из него с «льюисом» за спиной выскакивает человек... Вижу слегка бледное (как и всегда), серьезное... лицо. Это комдив... Он пробегает вдоль цепи, бросает нам несколько бодрых слов, и мы решительно переходим в наступление».

Двадцатитрехлетний юноша, казалось, он обладал неким таинственным даром, способным воодушевить солдат и превратить даже трусливую толпу в доблестную армию, не знающей страха, — в войско, что идет на битву с радостью в глазах и, подобно буре, нападает на врага. Таким был Николай Щорс.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Белорусское Полесье — край озер, речек и речушек. Сухой земли, годной к полевым работам, немного, да и та родит скудно. Большая часть — плохие болотистые леса и трясина, поросшая камышом...

Возле леска одиноко стоит ветхая избенка с покосившейся крышей, покрытой соломой. За столом в своей хате, тяжело задумавшись, сидит рано состарившийся Мыкола Щорс. Он только что схоронил свою жену, Марию, которую «съела» болотная лихорадка да тяжелая ноша ежедневного труда.

Здесь он родился. Не понять, то ли крики болотных птиц, наполнявшие одинокую хату, то ли шум болотных кустарников пугал ребенка, только маленький Мыколка все плакал, кричал по ночам, плохо рос и смотрел на мать таким глубоким, старчески умным взглядом, что мать в тревоге отворачивала от него глаза. Не раз она в страхе даже думала, от нее ли этот ребенок.

Туго рос ребенок, но все же подрастал, и не опомнилась, как привелось шить ему штаны, оставаясь все таким же чудным. Смотрит перед собой, а видит что-то далекое...

Когда ему исполнилось 7 лет, он уже смотрел на мир по-другому. Он многое знал. Умел различать различные травы, понимал, о чем говорят птицы, о чем кукует кукушка. Знал, что на свете властвует нечистая сила, мог рассказать и о русалках, которые на заре выходят с воды

на берег, чтобы петь песни, придумывать рассказы об утопленниках... Весь мир был как сказка, полная чудес, таинственная, интересная и страшная...

Но вскоре все это захватил тяжелый крестьянский труд с восходом и до захода солнца...

Всю свою жизнь собирался Мыкола бросить бедные солонцеватые земли родного Полесья. Жалкий ее клочок не вознаграждал за его труд. Слышал он, что где-то далеко в Сибири нежится сухая, без болот и лесов земля, жирная и щедрая, наполненная нерастроченной силой. Рвался туда смолоду, но так ничего и не вышло, а с годами желание угасало. И все же, каждый раз, когда слышал о пустующих в Сибири землях, на которых гниют на корню вековые деревья, сердце его учащенно начинало стучать.

— А может, поедem, Саша? — всякий раз после этого спрашивал он старшего сына. — Деваться надо куда-нибудь, не проживем мы на своем клочке.

Но каждый раз остужали разгоряченную голову отца, не по годам расчетливые слова сына:

— Нет, батя, земля сибирская спокон веков не знает, что такое плуг. Как мы ее будем обрабатывать, зубами разве грызть? Нужны волы или лошади. А у нас с тобой всего по одной рубашке. Да и те все в заплатах...

Так Мыкола Щорс и не собрался с духом, не кинул свои края. Все силы до остатка вложил в безжалостно скупую белорусскую землю. Нестарым еще лег в нее и сам вслед за женой...

Александр, хоть внешне и походил на отца, но характером вышел другим. Такой же щуплый, сухощавый, невелик ростом, но не в пример отцу замкнут, трудно сблизился с людьми.

Земля его не привлекала, больше тянулся к верстаку. Когда исполнилось 19 лет, решил вовсе расстаться с землей и покинуть отчий дом. Увез с собой лишь латаную перелатанную фуфайку, да еще фанерный сундучок с кое-каким инструментом. Это все, что смог выделить Мыкола Щорс сыну из своего хозяйства.

Прощаясь, отец прослезился:

— Ну, что, сынок... Дай бог тебе удачи... Может, ты найдешь свою более счастливую долю, чем моя...

За порог не провожал. По давнему преданию это была недобрая примета: тоска заест сына по родной хате...

На перекладных добрался Александр до Минска, а от туда поехал железной дорогой, чугункой, как здесь ее называли. Ехал не долго, и через полторы сотни километров сошел на маленькой станции Сновск. В вокзальном буфете его внимание привлек поджарый, с чахлой соломенной бородежкой мужик. Шум вокзала, свистки паровозов мешали Александру слушать. Из обрывков разговора он понял: свежесколоченная артель направляется на Черниговщину, в казачье село Носовку. Село большое, на реке Снов, земли там супесные, леса сосновые, сухие, без болот. Но не земля и даже не лес интересовали Александра. Тот, кто вел разговор с мужиками, брал за душу другим. Недавно там проложили чугунку, начал расстраиваться пристанционный поселок, закладывалось крупное депо. Перспективы для рабочих рук открывались огромные. Вот он длинный рубль, и, оказалось, совсем рядом.

Александр робко подошел к группе совещающихся мужиков:

— Простите меня великодушно. Послышалось мне, что вы артель собираете... Так не будет ли на то ваша ласка, чтобы и меня в нее включить?..

Александр с трепетом в душе ожидал ответа.

— А почему бы и не включить, добр человек, если умешь что-либо делать и не ленишься к тому же, — ответил тот, кто казался за старшего.

— Мы к работе привыкшие, могу работать по дереву, слесарничать...

— Нам такие как раз и нужны... Ну, что, мужики, берем парня в артель? — обратился он к окружавшим его артельщика.

— Берем... берем... почему не взять, — раздался вразной голос.

— Ну, считай, вопрос решен. Тебя как звать?

— Александр Щорс.

— А меня, Михаил Табельчук. Вот и познакомились...

Так и прибился Александр Щорс к Табельчуку в подручные. Все лето ставили срубы домов, строили сараи, клуни. Заработки шли немалые. Но на покров день расстался Щорс с строящимся новым поселком Сновском. Из Минска пришла повестка идти в армию. Михайло Табельчук не скупился на добрые напутственные слова, звал вернуться после службы:

— Срубишь дом, введешь в него молодую хозяйку... И заживешь припеваючи. Заработков, как видишь, здесь на многие годы хватит.

Александр обещал...

Сдержал Александр Щорс слово. Годы прошли — вернулся Александр отставным солдатом.

Поселок Сновск возник в последней четверти XIX века. В 1871 году у сел Носовка, Коржовка и Гвоздиковка пролегла железная дорога, связавшая Белоруссию с Украиной. Через тихий, полноводный Снов — приток Десны — перешагнул ажурный на каменных быках мост. По этому мосту и повалил безземельный и безлошадный люд из гнилых болот Полесья на сухие, здоровые места Черниговщины. Вокруг станции и депо бурно шла застройка жилыми домами.

Пришлые лепились ближе к станции. Они-то и давали рабочую силу депо и железной дороге.

К концу века Сновск обрел облик пристанционного поселка. Станция внесла большие перемены в жизнь села. Батраки, а за ними и беднейшие селяне прибывались к железной дороге, к рабочему ремеслу. Применение своим натруженным рукам находили в избытке — вместовил, косбрались за молотки, кирки, топоры. Бурно развивались ремесла, торговля. В Сновске появились целыми семьями жестянщики, сапожники, веревочники, портные, плотники, кровельщики, гончары. Добрую половину рабочих рук забрали кирпичные мастерские, депо и стрелочные будки.

Кроме белорусов-умельцев, из Гомеля и других мест в Сновск переселилось немало еврейских семей. Многодетные евреи строили длинные деревянные флигеля на два отдельных входа, с крытыми крылечками на улицу, непременно дощатый пристрой — лавочку. Торговали всем — от марафета, иголок до тульских самоваров и николаевской водки. Мясные лавки, булочные и галантерейные магазины обступали привокзальную площадь.

Осенью воскресными днями кишел базар. Селяне прибывали на возах. Везли битую и живую птицу, сало, вели скот. Среди них располагались бондари, гончары и прочие мастеровые со своим товаром. Шел извечный торг, обмен продуктов на товары. Тут же удачную покупку, да и неудачную, обмывали — ставили магарычи. Колокольный звон собирал сирых, калек, юродивых, таборами к реке сворачивали цыгане. Разряженные, в цветных лохмотьях, серебряных монетах, цыганки со стаями голопузых цыганят назойливо околпачивали простодушных селян. Пока цыганка гадает по ладоням, на зеркальце, цыганята обчистят весь воз, что достанут на вытянутую детскую руку. А их мужья, бородатые, горластые, в добрых сапогах и картузах с лакированным козырьком, в рубашках и штанах, исполосованных в ленточки, сбывали с рук пятнистых кляч. Сивобородые раскладывали прямо на земле поковки из железа — ножи, топоры, печные принадлежности, иные водили на цепи серого от пыли медведя. Вечерами в таборе устраивали пьянки с плясками, песнями и драками. Сновцы толпами собирались на цыганском берегу. Манила, вызывала любопытство чужая бездомная, кочевая, свободная жизнь...

Мало-помалу прижился Александр Щорс в Сновске. Михайло Табельчук помог ему устроиться в депо. Под его надзором освоил профессию деповского слесаря, получил рабочее место с верстаком. Начал самостоятельно зарабатывать себе на хлеб.

Среди чужих людей почти родной ему стала семья Табельчуков. Особенно близко сошелся со старшими детьми Михаила — Петром, Николаем и Казимиром. Хотя и была

значительной разнице между ними в годах, но это не мешало подросткам дружить с усатым отставным солдатом, делиться с ним своими секретами.

Особой привязанностью отличался Казимир, Казя, как звали его в семье. Это был худой, долговязый мальчик лет 5-6, с пытливым взглядом серых, как у отца, глазами. Его интересовало буквально все, и поэтому он всех одолевал вопросами. Почему тонет человек в реке? Почему птицы летают и не падают? Почему ветки качает ветер и откуда сам ветер?.. Эти вопросы ставил в тупик, прежде всего, отца Михайлу. Отмахивался от назойливого сына, делал сердитый вид:

— Отцепись ты, репьях. К батюшке ступай Николаю. Или к своим богомазам... Те втолкуют...

Надо сказать, что у Казимира было еще одно увлечение, даже, скорее, страсть. Он очень любил рисовать. Каждую весну перед пасхой, в церкви появлялся длинноволосый старец богомаз с юнцом помощником. Как звали старца и откуда он родом, никто не знал. Звали его все Богомазом. Сам он реставрировал иконы, а помощник красил краской паперть, окна, двери. Казя в такие дни не отходил от Богомаза, внимательно присматривался, как тот краски разводит, как он их кладет на холст. Все запоминал, а дома сам пробовал делать тоже самое. Рисовал на всем, что под руку попадало — на бумаге, на подоконниках, на стенах. Сестра, Александра, не успевала забеливать его рисунки...

Михайло, видя такую тягу сына, решил потратиться. Заказал знакомому машинисту, чтобы тот привез из Гомеля Казе краски настоящие и щетинные щетки. Казя, получив такое богатство, был на седьмом небе от счастья. Не уставал рисовать. Все стены были увешены его художествами. Домашние и соседи, подойдя к фанеркам с рисунками, пытались рассмотреть, что на них изображено. Долго всматривались, пожимали плечами, переглядывались... Для них это была обычная мазня.

Казя обижался:

— Эх, темнота!.. Масляную картину надо рассматривать издали.

И, действительно, отойдя на несколько шагов, можно было увидеть облака, хаты, деревья, знакомый мост через речку и даже купающихся ребятишек. На солнце играл серебряными искрами пруд, как будто рыбы купались в нем, а за ним, на взгорье пряталась за деревьями церковь. За кустарником лежал широкий и зеленый луг, порезанный извилинами реки...

Этот секрет масляной живописи Казимир подсмотрел тоже у Богомаза. Он видел, как тот клал на холст краски свободно, с избытком. Получалось коряво, а отойдешь — и краски оживают.

Но после окончания церковноприходской школы Казимира не отдали в художники. За обучение надо было платить большие деньги, которых, конечно, в семье не было. Отправили его в Вильно, в железнодорожное училище...

Жил Александр размеренно, ни о чем особенно не задумываясь, тем более о женитьбе: сторонился он женщин, считал, что его время женихаться прошло. Но жизнь оказалась сильнее. Заразом оборвалась его холостяцкая жизнь. Одним словом — судьба. А судьбу, как говорили старики, не обойдешь и не обманешь. Прямо наваждение какое-то. Рядом, у Табельчука, подросла старшая его дочь, Александра. Началось все как-то неожиданно, по весне. До того обращался с ней как с девчонкой. Давал даже шлепков, угощал пряниками по праздничным дням, не скупился и на поучения. И вдруг обнаружилось... совсем взрослая, невеста. Потерял Александр покой, заполнила Александра его мысли и сердце. Утром и вечером тер руки с мылом, брился каждый день. Раньше сам подстригал усы — нынче прибежал к помощи еврея-цирюльника. Справил пиджачную пару из недорогой шерсти, белую рубаху, полуботинки, в довершение обзавелся тростью и гамашами бежевого цвета. Каждый вечер пропадал у Табельчуков! Засиживался до ночи, норовил подсесть ближе к Александре. Побывать с ней наедине... И Александра ответила горячим любовным жаром...

Не ждали свадебной поры — покрова. Отгуляли свадьбу на спаса, по теплу.

Год молодые жили у Табельчуков. Но Александр мечтал о своем собственном доме. С осени еще приглядел он пустырь на Новобазарной улице, меж базаром и депо. Всю зиму завозил кругляк, тес, кирпич. С приходом тепла началась стройка — зазвенели пилы, засверкали топоры. В артель кликнули соседей. Верховодил Михайло.

Вскоре красовался сруб — желтый, нарядный, звено к звену, выставился на улицу свежеструганный часток. Александр насажал яблоневых саженцев, вдоль ограды — кустов красной и черной смородины. Вырыл колодец. Молодая семья переехала в свой собственный дом.

Не задержались и с рождением ребенка. Родился первенец — сын! Всем семейством выбирали ему имя. Перебрали всех родных и близких, но сошлись на одном — назвали Николаем, как деда.

Новорожденного, как водится, понесли в церковь. С кумовьями таскался и дед Михайло. Заглядывая через плечо попа в толстую книгу записей, подсказывал:

— Мая двадцать пятого дня одна тысяча восемьсот девяносто пятого... Рабочий родитель-то.

Поп хмуро свел клочковатые брови.

— Нет в России такого сословия. Из крестьян младенец. Крестьянство — опора царю и отечеству. Да и столп духовному престолу. Захлопнув книгу, смиловился:

— Расти внука, Михайло Антонович...

Сбылась у Александра давняя его мечта — обрел собственный кров, семью. Четвертый десяток измерял. Иным за всю жизнь того не иметь. Но осталась еще одна — самая заветная...

Который год за слесарным верстаком, кажется уже сросся с ним, вслепую может выточить любую деталь. Руки делали одно, а душа рвалась к другому. Мыслей его не покидал паровоз. С завистью провожал взглядом машинистов в черной суконной форме, проходивших двором в депо с жестяными сундучками.

Давно в мыслях мечтал он стать машинистом, ни с кем не делился этой мечтой — ни с тестем и даже жене

не признавался. С годами мечта водить паровозы становилась все более притягательной. Глушил ее, отвлекаясь в своем подворье работой. Копался в саду, достраивался. Выкраивал время и сыну-первенцу. Пилил, строгал, сбивал деревянные игрушки...

Не успел Николай покинуть подвесную люльку, как его место там занял братишка Костя — в отличие от Николая, горластый, требовал к себе повышенного внимания всех живущих в доме.

Рождение второго сына прибавило и Александре работы. Идя под венец, сохраняла много от девчонки — угловатость, неловкость, теперь она мать, налилась сочной женской силой. Лицо сгладилось мягким овалом, ярче засияли голубые веселые глаза. Голову украшала охалка русских волос. Как все молодые женщины, чаще заворачивала их на затылке узлом. Проявился и табельчуковский характер — легкий, уравновешенный, спокойный. Любила кухню, стряпанье, часто и подолгу возилась с тестом. Престольные праздники, воскресные дни никогда не обходились без печеного и жареного...

Братья, Николай и Константин, разные по характеру, крепко держались друг друга. Десять месяцев, разделявшие их, сравнялись где-то на третьем, четвертом году. Николай хрупкий, на остром худеньком личике выделялись глаза — внимательные, серые, почти синие. Не очень разговорчив, степенный в движениях. Во всем противоположность старшему — Константину. Крепыш, плечист, веселый открытый нрав не мешал ему на улице пускать в дело и без дела кулаки. Любил Константин петь. Горланил в доме и на улице.

Дети обживали все вокруг себя. Сперва двор и сад казался им обширным миром, полным таинственных шорохов, которые иногда вселяли страх. Чуть позже потянуло за калитку, где шумела полная жизни улица. Но она не только увлекательнее двора, но и опаснее. Копыта лошадей, колеса, пьяные, соседские собаки, а хлестче — мальчишки. Тут-то нашлось дело для зудящих кулаков Константина. Дрался отчаянно. Постоянно ходил в свежих синя-

ках. Отец смирял его буйный нрав осуждающим взглядом, мать — подзатыльником, ставила в пример старшего.

— Ну, что ты за ребенок такой, — в отчаянии говорила мать Константину. — Посмотри на Колю — не задира, без синяков, рубашка всегда с пуговицами, не дранная.

Но Николая собственный пример не оболящало. Он-то знал, половина братниных синяков, дыр на рубашке — из-за него. После таких разговоров ходил сам не свой: стыдно перед братом. Однажды не вытерпел пытки:

— Мама, Костей невиноватый! В меня пулял грудками Никитка Воробьев, сапожников, вот он и подрался...

В драках завязывалась уличная дружба. Несчетно раз на дню подерутся и помирятся. Не поделают лавочку у дома, клочок пыльной дороги, гайку, вынутую из песка, кусок проволоки. Крики, слезы. Разбегутся по дворам. А погода — мирные пересвисты, отодвигаются железные засовы.

Постепенно в округе дома Щорсов сложился свой край. Напротив, наискосок — подворье Воробьевых, за садом — Плющ Митька, Глушенко Сергей, Науменко Вася. Поддерживали их Мороз Сашка, Ермоленко Степка, Прокопович Николка...

К годам 6-7 стало тесно и на улице. Манила река. Первое время не рисковали: преграждало дорогу кладбище. Даже клятвенные заверения Степки Ермоленко, жившего у самых могилок, — мертвяки, мол, среди бела дня не бродят меж крестов, — не помогали. Пробили обходную тропку — за болотом, железнодорожной насыпью. Долгий, неудобный путь... Но все решилось просто. Как-то напали гвоздиковские, переплыв на самодельных плотках, отступая, самые отчаянные, среди них и Константин, закрепились на могилах. С того боя и обжили самую короткую дорогу к реке через кладбище...

Семья Щорсов быстро росла. Каждые два года в доме появлялся новый жилец. Акулина, за ней Екатерина, последней нашлась Ольга...

И все же Александр Николаевич добился своего. В 1904 году он сдал все экзамены на права машиниста. Свершилось самое заветное! В самостоятельный рейс шел

как на праздник. Новая тужурка с белыми железными пуговицами, фуражка с зеленым кантом, тайком купил и белые нитяные перчатки. Взять их постеснялся, да того и не требовалось. Не пассажирский поезд — товарняк. Состав попался сборный, расхлябанный. Старенький и паровоз, весь в латках, будто худое корыто. Какие уж перчатки! Покуда одолел за ночь свой перегон — на вершок покрылся копотью.

Жил Александр Николаевич, как и большинство других работников депо, домом, семьей. Иногда читал газеты. Слышал и о запрещенной литературе. В депо время от времени появлялись тайные листовки. Читали их тесными кучками, вполголоса. Что в тех листках, к чему они звали, его не волновало. Не знал бы вовсе, не будь разговоров в семье тестя. Исходили они от шурина, Казимира...

Казимир Табельчук окончил техническое училище в Вильно. С полгода как вернулся и состоял при депо. Жил бобылем, занимая у отца светелку. Остальные дети Михайлы Табельчука жили отдельно, имели семьи. На престольные праздники по заведенному порядку собирались все в родительском доме. Тут-то и начинались разговоры. И, как всегда, затевал их старый Табельчук. Александр Николаевич видел, что тесть, вызывая сына на спор, вовсе не отрицал его крамольных мыслей. Казалось, он втайне любит сына, и в то же время исподволь предупреждает, желая оградить от опасности.

— Наши котельники, известные смутьяны, нынче снова бузу заварили, — улучив момент, заговорил Михайло, явно провоцируя сына. — Тут же явились стражники, обыск учинили, шарили по рундучкам... Ну, вот спроси его, чего человеку надобно? Есть работа, есть кусок хлеба... Ведь дело не хитрое, загудят в острог али еще подальше, в Сибирь. И что еще удивляет, так это то, что им потакает инженер. Вежливый такой, руку тянет нашему брату черномазому. А возле него вьется щенок, мой подручный Сашка Васильченко.

Отвечать отцу Казимиру явно не хочется: знает истинную цену этим разговорам. Родителя давно он раску-

сил, не придает значения его кажущейся строгости и приверженности ко всему старому. Понимал, держится он за старое по привычке. Видит вокруг себя назревающие события, душой принимает. Сашку Васильченко, своего подручного, осуждает только в семье, а там, на миру, величает по имени-отчеству.

— Так что, тятя, по-твоему выходит, интеллигенту зазорно первому подать руку рабочему человеку? — поддается Казимир на провокацию.

— Так то не по правилам...

— Извиняюсь! Кто, спрашивается, писал те самые правила, а? Не народ. Определенно, не народ. И служат они небольшой сравнительно кучке. И что это за кучка. Вам должно быть известно... А что касается инженера Полтавцева, не обессудьте, тятя, большой души он человек, высокой культуры. Кстати, без состояния. Старуха мать всю жизнь провела в селе, учительствовала.

— Коль так, за хорошего человека не грех и выпить. С праздником покровом, дети, и ты, жена...

Потрудившись возле холодца, голос подала сестра Александра, вступившись за брата, воспринимав все эти разговоры по своему женскому разумению:

— Вы, тятя, всегда первый задираетесь за столом... Жениться тебе, Казя, край надо. Детишки свои пойдут...

Теплым прищуром окинул Казимир сестру, сидевшую напротив, возле мужа. Он видел ее довольную замужеством, детьми, любил бывать у них, возиться с детворой. Из многочисленных племянников отличал ее старшего, Николая. Не детский ум, ранняя серьезность. Мысли у Николая-ребенка какие-то необычные, но определенно земные. Свои детские думы он помнит: скорее то были мечтания, полет воображения, видел себя художником. А вырос — мир тот погас, лопнул, как мыльный пузырь. Чувствовал себя, как рыба, выброшенная на песок. Сестра не впервые заговаривала о женитьбе, желая ему добра, но она и не подзревала, что ее простые человеческие слова болью отзываются где-то глубоко в его душе. Ему оставалось только отшучиваться:

— Какой из меня жених, Шура... Опоздал. Невесты мои уж сыновей своих на службу цареву провожают.

Старый Табельчук: поднял очередную рюмку за внуков, смену свою:

— Выпьем за молодежь! Они будут лучше нас, умнее... И будущая жизнь у них будет счастливее нашей!..

Александр Николаевич замечал взаимную привязанность сына и шурина. Не очень задумывался, что их может тянуть друг к другу. Само собой — кровь, родство. К Казимиру сам он с давних пор питал душевное расположение. Как мог, помогал. Тот отвечал доверием. Сейчас чувствовалось — заросла тропинка взаимности. Казимир уже не нуждался в его помощи. Теперь у него своя жизнь, правда малопонятная. Знался с новым инженером, котельщиками, отлучался в воскресные дни на какие-то сходки в лес, на реку, посещал вечерами дом колбасника и пекаря Шульца, обрусевшего австрийца. По слухам, режутся в карты, поют песни. Одно в диковину — возвращался трезвым. Этими новостями делилась жена, передавая тревогу матери. Наверяд ли Казимир держит тесную связь с деповскими. Да и особый он, не такой, как все. Мечтатель! К ящику с красками поостыл, зато другая страсть его одолела — хочет построить летательный аппарат. Едва не все жалованье вгоняет в свою мечту...

Революционные события 1905 года всколыхнули и Сновск. Если бы не депо, навряд ли тихую жизнь поселка потревожила бы революционная волна. Дикое захолустье, отдаленное на сотни верст от Киева, Петербурга, Москвы, Харькова. Железная ветка, связавшая те центры, сделала его доступным извне. Накануне кровавых событий в Петербурге — 9 января — в Сновске создается социал-демократическая группа. Ядро ее составили рабочие депо — Глушко Е. Е., Васильченко А. П., Ракитский Б. А., Голубов П. П., Викаревич Е. Е., Тышко Б. П., Кушныров И. С., Карпович А. М., Красько М. Д. Ими руководил Полесский комитет РСДРП. Председателем стачечного комитета был избран инженер Иван Карпович Полтавцев.

Едва телеграф донес в Сновск известие о кровавом воскресенье, деповские бросили работу. Забастовщики сомкнулись по всей Либаво-Роменской дороге. С утра до ночи в просторном дворе депо, иссеченном путями, кипели страсти. Паровозные топки и котельная погашены, остановлены станки. Все возвышенные места были тотчас приспособлены под трибуны. Рвались к тем трибунам все, и завзятые говоруны, и люди, не сказавшие за свою жизнь двух слов принародно. Объединяло всех одно — гнев. Чувствовалось, многовековому терпению рабочего люда пришел конец. На весь двор разносились призывы: к оружию, к свержению царского самодержавия!

Не действовали увещевания, угрозы ни ближнего, ни дальнего начальства. Черниговский губернатор двинул на забастовщиков карательные казачьи части. В Сновске казаки появились на крещение. Зная, чем это пахнет, начальник депо Грузов вызвал к себе инженера Полтавцева и без обиняков, не повышая голоса, предупредил:

— Иван Карпович, желательно, чтобы вы покинули Сновск... Немедля. Ночью может быть поздно. Шепните и Васильченко.

— Их два брата, Васильченко... Сергей и Сашка, — попробовал разыграть удивление Полтавцев.

— Речь идет об Александре, старшем... Сергей подал на брата в жандармерию донос. Так что решайте сами... Кстати, Иван Карпович, не подумайте... Я не разделяю ваши социал-демократические воззрения. Но, как русский интеллигент, против крайних мер. А в данном случае не хочу добавлять крови к той, какая уже пролилась... И пролилась напрасно.

Кровь в Сновске в те дни не пролилась. Ротмистр губернской жандармерии, возглавлявший карательный отряд, послушался начальника депо — аресты произвел глухой ночью. Деповцы вернулись в мастерские на третье утро. Мазутно задымила ржавая труба котельной, сердито засопели маневровые паровозы.

Погарцевав по притихшим улочкам с неделю, казаки оставили Сновск. На прощальном ужине у железнодорожного начальства жандарм, между прочим, посетовал:

— Вспугнул кто-то... Самая верхушка смутьянов исчезла. Изрядно потрясли вашего шифровальщика. Христом и богом молится... Думаю, в Чернигове язык он развяжет.

— Полно, ротмистр, шифровальщик благонадежный человек, — наполняя фужеры игристым вином, отозвался Грузов. — Да и один он у нас... Заменить некем... Главное восстановлено: мир да любовь...

Напуганные революцией 1905 года черниговские помещики обзавелись вооруженной охраной, состоящей в основном из кавказцев. По заливным лугам княгини Милорадович за рекой Сновью разъезжала на лошадях вооруженная охрана ее богатых покосов, рыбных и охотничьих угодий, граничащих с поселком Сновск.

Ребятишки из поселка, а с ними и братья Щорс, все лето проводили на реке и в лесу. На возвышении, ближе к речке, была красивая открытая равнина, устланная ковром зеленой травы. Там же стоял величавый дуб, широко раскинувший ветви и защищая своей могучей тенью прозрачную струю холодного родника. Летними днями дети отправлялись туда, устраивали игры вокруг дуба, утоляя жажду ключевой водой.

Прекрасная, беззаботная пора детства! Бурный и отраден был поток тех юных дней. Чего только не придумывала детская фантазия: строили плоты, устраивали водные сражения, делали вылазки на своих недругов из соседнего поселка Гвоздики, налетали на их огороды и сады. Мерялись они и силой со своими недругами. Не всегда перевес был на их стороне, иногда они возвращались на свой берег избитыми и уставшими ближе к вечеру, когда на дворе уже темнело.

Особой их страстью были налеты на охрану княгини. В один из летних дней они решили устроить на нее очередной набег. Ребятишки взяли несколько рыбацких лодок и, усевшись, медленно двинулись гуськом вверх по реке. Ватага была вооружена до зубов, навесив на себя самодельные деревянные ружья, шашки, кинжалы. Молча, сосредоточенно следили они за берегом, за кустами, где может прятаться враг.

На передней лодке стоял Коля Щорс. Обычно тихий и неразговорчивый, но среди ребятишек он верховодил. Что-то было в нем такого, что заставляло подчиняться ему даже несколько старшим ребятам.

Когда лодки прошли несколько колен извивающейся среди лугов реки, он остановил их повелительным жестом, выхватил из-за пояса большой деревянный, искусно вырезанный пистолет и выпрыгнул на берег. Несколько минут он внимательно вглядывался в даль, потом резко повернулся к лодкам искомандовал:

— Отряд, на берег!

Высадка произошла молниеносно. Лодки опустели. Их вытащили на берег. Полтора десятка мальчиков в возрасте от десяти до тринадцати лет выстроились на лугу в колонну.

— Проверить оружие! — приказал Щорс.

В рядах замелькали деревянные шашки. Острота их клинков опробовалась на ладонях. Молодой командир, проходя вдоль колонны, строго осматривал бойцов.

— Подтяни ремень — потеряешь кинжал.

— Я и так подтянул, чего придираешься!

— Солдаты не разговаривают. Выполняй приказание.

— Ладно, ты, Колька, больно не задавайся. Командёр! Николай нахмурил брови.

— Отобрать у него оружие! — приказал он. — Исключается из отряда на два дня за пререkanie с атаманом.

Ребятишки тут же обезоружили и вытолкнули бунтовщика из своих рядов. Им оказался Митя Хвощ, еще недавно — лучший друг Николая Щорса. В отряде их дружба начала разлаживаться. Митя Хвощ — музыкант, скрипач, избалованный вниманием взрослых, — не хотел кому-либо подчиняться, не признавал дисциплины, в отряде участвовал только потому, что командиром был его друг. А Коля Щорс не признавал никаких исключений и, командуя в своем отряде, забывал о старой дружбе.

Изгнанный Хвощ заложил руки в карманы и сердито зашагал к берегу. Отойдя на почтительное расстояние, он крикнул:

— Солдатики оловянные, ружья деревянные!

Потом Хвощ показал язык и во весь дух понесся берегом. За дерзким оскорбителем помчалась была погоня, но Щорс остановил ее. От ярости у него дрожали ноздри. На носу ясно обозначился красный шрам — отметка, полученная в давнишнем бою.

— Вечером я сам намну ему холку. Будет, гад, помнить.

Начался военный совет. Командир, собрав в кружок вооруженных до зубов есаулов, объяснял обстановку.

— Есаулы, мы наступаем на берег озера Андруши. Там расположился полк вражеской кавалерии. Мы устроим засаду в камышах. Когда я свистну, — выть по-волчьи что есть сил. Есаул Кваско, ты пойдешь в разведку с пластунами. Только, чтобы до самого озера на брюхе ползти и чтоб без обмана у меня. Нечего брюхо жалеть, — успеете еще отрастить.

— Слушаюсь, — ответил Ваня Кваско, самый младший из есаулов отряда, двоюродный брат командира.

Высокой травой, извиваясь, как змеи, ползли пластуны за своим есаулом, сжимая в зубах кинжалы. За пластунами командир вел главные силы отряда. Ребята шли, затаив дыхание.

Чужая, враждебная страна — владения княгини Милорадович.

Тенистым протоком плывет молодой выводок чирков. Деревянными шашками в один миг можно было бы посшибать им головы. Но сейчас об этом нечего было и думать. Отряд шел в наступление. Ребята остановились, замерли только на одну самую маленькую минутку. И даже сам Коля Щорс остановился и, как очарованный, смотрел на пушистых утят, преспокойно проплывавших гуськом в нескольких шагах от него. Соблазн был так велик! Но Коля недаром был командиром, — он умел держать себя в руках. И всем пришлось снова повесить на веревочки свои шашки. Ничего не поделаешь: война.

Враг был уже на виду. На берегу озера два ингуша, сидя на корточках перед костром, мирно жарили рыбу. Синий дымок курился над неподвижными зарослями камыша. Вдали на лугу паслись оседланные лошади ингушей.

Вытянув шеи, тяжело поднялись над озером несколько криков и тут же опустились. Кто-то заплескался, что-то забубльало, и снова все стихло. Такая тишина, что слышно собственное дыхание. Отряд уже скрылся в зарослях. Озеро здесь мелкое, но ноги путаются в тине, осока больно жжет голые икры. Идти надо осторожно, чтобы под ногами не хлюпало. А вот и пластуны. Опутанные тиной, мокрехонькие, они замерли у самого берега и не спускают глаз с врага. Ваня-есаул знаком сообщает командиру, что все благополучно, можно действовать.

Ингуши, пообедав, растянулись на лугу, греют животы на солнце, дремлют. Вдруг пронзительный свист будит мертвую тишину, и сразу же со всех сторон, из озерных зарослей, оживших, точно от ветра заколыхавшихся, раздаётся глухой, протяжный волчий вой.

Заржали перепуганные кони и понеслись по лугу.

Как ужаленные, вскакивают ингуши, хватаются за винтовки, но ничего не видно, только угрожающе колышутся озерные заросли да воеет, гудит кругом земля.

Кони уже чуть видны вдали. Ингуши бегут за ними вдогонку.

Николай Щорс выходит из зарослей. За ним, робко озираясь, выходит вся осипшая от воя ватага.

— Полный разгром неприятеля. Кавалерия обратилась в бегство, — говорит он с серьезным видом.

Пока ингуши ловят своих коней, ребята в полной безопасности оглашают окрестность торжествующими победными криками...

Летом почти все ребяташки собирались под его Щорса командой. Коля-атаман, так его звали друзья, обучал их строю в лесу, за кладбищем. Здесь было сооружено нечто вроде крепости. На валу стояли часовые. Штаб отряда помещался в доме паровозного машиниста Кваско, Колиного дяди. Тут же хранились запасы оружия. Изготавливалось оно по чертежам, которые Коля-атаман заказывал своему деду, инструментальщику паровозного депо Табельчуку. Словом, дело было поставлено на солидную ногу.

После одного из набегов отряда на помещичьи озера в управление сновской полиции прискакал посыльный с пакетом от княгини Милорадович. В тот же день к машинисту Кваско заявился сам господин пристав.

— Где ребята?

— А кто их знает. Бегают где-нибудь, может, в солдаты играют.

— А ну-ка, разыщи их. Всыплю вот я им за эти игры. Княгиню до смерти перепугали. Войска, пишет, надо вызывать, разбойники появились.

«Разбойников» нашли с большим трудом. Атамана и есаула потребовали на допрос. Они явились втроем: Коля Щорс, Ваня Кваско и его брат Тима Кваско. Это была неразлучная компания, заводилы сновских ребяташек.

— Это вы, разбойники, распугали всю охрану княгини Милорадович? — спросил пристав.

— Мы, дядя, играем в войну, — ответил за всех Коля Щорс.

— А с кем же вы воюете?

— А мы с японцами воюем, которые наш флот утопили.

— Врете, разбойники, какие здесь японцы?

— Я, дядя, никогда не вру. Если у меня кто соврет, я ему завсегда сам в морду дам, — строго сказал Коля Щорс.

— А кто ты такой?

— Я атаман.

— Атаман? А ну-ка, подойди.

Пристав схватил атамана за ухо.

— Дядя, больно, отпусти, а то укушу, — тихо сказал Коля-атаман.

Пристав быстро отдернул руку и спросил у Кваско:

— Это твой?

— Племянник. Сынок Щорса Александра, машиниста.

— Выдери его, разбойника.

— А за что, дядя, драть меня?

— Не води свою банду на княжеские озера.

— Так мы же, дядя, в войну играем! Разве нельзя?

— В войну можно, а вы революцию устраиваете, на чужое добро заритесь.

— Ничего подобного, — запротестовал Коля-атаман. — Революции только взрослые устраивают... А почему она все захапала — и лес, и речку?

— Поговори у меня... Вишь, какой умный!.. Выдрать! — приказал пристав и на атом закончил допрос...

Драть Колю, конечно, никто не стал...

Девять лет — пора, когда в человеке складывается характер, зреют чувства и особенно прочно оседает в душе виденное, пережитое. Конечно, со своими оценками, своим пониманием. Наиболее цепко хранит картины прошлого зрительная память.

Зимой, как и многие его сверстники, Николай проводил в депо, где часто происходили бурные события. Митинговали деповские, произносились громкие речи... Появлялись казаки на сытых конях с нагайками в руках... Николай об увиденном и услышанном рассказывал дома. Мать испуганно взирала на сына и на отца, сестренки странно умокали. Отец, неразговорчивый сроду, теперь и вовсе был хмурый, морщины не сглаживались на прокопченном лбу. Как всегда, по утрам он одевался в форменное, брал неизменный жестяной сундучок и, тщательно закрывая за собой калитку, уходил на «путя». Отбив положенное время у остывшего паровоза, возвращался. Дед Табельчук, обычно словоохотливый, уклонялся тоже от объяснений внуку. Скручивая черными промасленными пальцами сигарку, укорял:

— Мал встревать еще в такие дела...

— Дядька Сашка, Васильченковых вон, с паровоза кричал на весь деповский двор: «К оружию!» Это как? В кого стрелять собрались?

— Ну, репьях ты, Николка, ей-бо... Вынь да положи тебе, — обижался незлобиво дед. — Ступай до дядьки Кази, тот все до тонкости распишет...

Николай сам знает, что тот объяснил бы. Но его нет, выехал из Сновска по казенным делам. Пропадал где-то. Явился как-то сам поздним вечером.

Мать уложила уже малых. Отец был в рейсе. Сидели в горнице. Дядя с холода налил из графинчика, к еде не прирагивался. Долго откашливался после водки и все время ворошил волосы. Матери отвечал невпопад. Она добивалась, что станет с арестованными накануне деповскими за устроенный ими митинг...

— А почему казаки не хватают тебя, дядя Казя? — спросил вдруг Николай.

Два крупных, немигающих, черных от лампового света глаза расстреливали в упор. Казимир, трезвея, потянулся было опять к графинчику. Нет, не уклониться от этого взгляда, не уйти и от ответа. Отвечать не только племяннику — и самому себе. Да, почему жандармерия не интересуется его персоной? Окажись он в те дни в поселке, изменилось бы что? Выставился бы на трибуне, призвал к свержению царского режима... А рискнул бы? Навряд... Арестовали членов РСДРП, кто не успел скрыться. Сам-то он таковым официально не числился. Разделять взгляды — одно, а бороться за них... Нет, не взял бы он в руки и оружие. Именно это и мучает его сейчас. Революционная волна захлестнула всю Россию из конца в конец. Идет великая битва труда с капиталом. Видит, волна спадает... А сам-то он с кем? Где его место, на какой стороне? Нет, нет, о месте, стороне и разговора быть не может... Они определены им. Утвердиться только, прочнее стать на ноги.

Потрепав Николая за жесткий вихор, виновато улыбнулся:

— Еще схватят, племяш, казаки... Не всех сразу.

Мать, отругав Николая, проводила его спать.

Пришла пора осиливать грамоту. Зимой и весной братья начали посещать учительницу — Анну Владимировну Горобцову. Молодая, веселая женщина с высокой светлой прической, каждый год с покрова она собирала детей ближних соседей и готовила их к школе.

Читать и писать Николай выучился шести лет, никто с ним не занимался, схватывал сам где мог. Больше возле

дяди Кази. Григория не очень влекла учеба, но все же он тянулся за старшим братом.

Дома книг не было, разве что справочник и прочие наставления по паровозам. Зато учительница давала книжки с картинками и крупными буквами. Учила Анна Владимировна не только читать и писать, но знакомила с арифметикой, географией, историей. Нравилось Николаю слушать рассказы учительницы о дальних мирах и странах, о том, как раньше люди жили на Земле. Рассказывала Анна Владимировна увлекательно, живо. Закроешь глаза — видишь американские леса, кишашие зверем, пустыни, вождей краснокожих людей, голых по пояс, с пышными головными уборами из перьев хищных птиц. Сказочные дали манили, захватывали мальчишеское воображение...

Весной пришло время идти Николаю в школу. Этот день в семье отметили, как праздник. Отец, свободный от рейса, оделся в выходную форму. Вырядилась, будто в церковь, и мать. Николай в белой рубашке, суконных штанах и новых ботинках. Пришли и дед Табельчук с бабкой. Николай чувствовал себя именинником, немного смущаясь от всеобщего внимания...

— Ну, Николай, — напутствовал отец, поднимая рюмку, — вот ты, почитай, взрослый совсем, в школу пойдешь. Школа — это большое дело... Мы верим и желаем тебе, что ты к учебе отнесешься со всей серьезностью. Грамотность — ее за плечами носить не надо, а в жизни даже очень может пригодиться...

Николаю, случалось, и раньше бывать у школьной калитки и во дворе, заглядывал в пустой в летнюю пору коридор. Но нынче, придя в школу, испытывал иное ощущение. Чувствовал, что-то изменилось в его жизни...

Пестро одетую детвору выстроили во дворе. На крыльце тесно сбились учителя, среди них возвышался в черном наряде батюшка Николай. Торжество начала учебного года открыл заведующий школой Николай Ильич Шкилевич, учитель арифметики.

Посадили Николая в классе на первую парту, а рядом девочку — Глашку Новицкую, соседку, что жила на-

против дома Щорсов. Николая это немного смущало, но вскоре он привык к ее белым бантам и мягкому взгляду с улыбкой на пухлых губах. Первый день учебы тянулся мучительно долго. Казалось, не будет ему конца. Сидеть в чистом, новом, в не разношенных ботинках, не смей шевельнуться, руки на парту — было пыткой, наказанием. Учителя на каждый урок входили новые, и каждый нагонял страху. У иных в руках указка или линейка. Душные, тесные классы, запах свежebelенных известкой стен угнетали, а за окнами манило голубое небо, легкие белые облачка, напоминая вольную летнюю пору.

Через несколько дней стало легче — и классы вроде бы стали просторными, и парты гладенькие и вовсе не тесные, можно вертеться, пока учитель пишет на доске, да и компания своя, уличная, почти все друзья рядом. Младшие, кому еще не припало в школу, сопровождали по утрам, заглядывали в окна, лезли на забор, открывали двери и бегали стадом по гулкому коридору. Случалось, отпетые озорники утаскивали у сторожа звонок и звонили в середине урока. Среди них выделялся Константин. Тосковал он, не находил себе дома места, до самых холодов провожал брата.

Посещать школу для Николая было приятным занятием. Может быть потому, что учеба давалась легко, быстро решал задачки, управлялся с чистописанием. Дома ему ответили самое светлое место в комнате — у самого окна. Когда садился за уроки, в просторном доме все смолкало, сестренки тихо передвигались на цыпочках. Не касалось это разве только младшей, Ольги, — только она носилась на радостях по комнатам с визгом, задевая стулья и половички. Акулина, старшая, пыталась ее усювестить. На короткое время это удавалось, но вскоре вихрь, поднятый непоседой, снова начинал бушевать...

В налаженную жизненную колею семьи Щорсов, как снег на голову, нагрязнула беда. Проглядел Александр Николаевич хворобу жены. Казалось, как все — простужалась, кашляла, потом проходило. Были покашливание и

ночные потения. Но к весне все обострилось — подурнела лицом, с обострившихся скул не сходил нехороший румянец. Сомнений не стало — чахотка. Откуда только взялась?

Тесть, подвыпив, сокрушался:

— Не уберег... Не ушел я от нее, треклятой хворобы этой. Весь род Табельчуков наказан. Сидит она, вражина, где-то в глуби нас... Дядька мой, еще помню... Братья, сестры... В цветущие года давила, окаянная. И Столбцы-то кинул из-за того, болота те гнилые. Хотел детей уберечь, солнышком порадовать... Ан нет... Гадюкой выткнула голову...

С весенним теплом Александре Михайловне полегчало. С утра до вечера проводила в саду. Яблони цвели буйно, казалось, розовых сугробов намело. И небо чистое-чистое держалось весь май, днями, бывало, не увидишь ни одного облачка. Не помнила, чтобы так остро воспринимала цвета, запахи. Сжималась душа от мысли, что все это может исчезнуть в один день. Держала эти мысли в себе, не делилась тревогой ни с матерью, ни с мужем... Старалась больше времени уделять детям. Перестала даже журить Костю-сорванца. Умилялась старшим, а малую Ольгу, с рук бы не спускала.

Тепло. Дети играют во дворе. Казалось, в пыли развлекается табун воробушек. Далекое поля розовели в лучах заходящего солнца. Над лугом кружили журавли, блестящая белыми крыльями. Весенний вечер навевал думы.

«Какая же ты роскошная, земля, — думала Александра. — Весело тебя засеять хлебом. Только то в тебе плохо, что чураться бедного. Для богатого улыбаешься красотой, его кормишь, одеваешь, а бедного принимаешь только в яму...»

Как-то среди дня постучали в забор. По лаю собак, сбежавшихся со всей улицы, догадались: почттарь. Почтальон вручил письмо. Разбирала по складам, за этим занятием и застал ее Николай.

— Сынок, не пойму чтой-то, так коряво буквы поставлены.

Николай взял письмо, прочел громко, отделяя слово от слова. После длинного перечня поклонов от близких и дальних родственников, чуть не ото всех Столбцов, родственники приглашали на свадьбу племянницы.

С этого часа Александра Михайловна потеряла покой. Ехать, непременно ехать. Ни строгие слова мужа, ни уговоры родителей не помогали. Поедет, и все. А то увидит ли когда?

— Чай, первая свадьба у племянниц, — последний довод выставила она. — Да и родню проведать.

Собралась в два дня. Перекупала детвору, перестирала, перештопала. Прощание с детьми было тягостным, как чуяла, покидает их навеки...

Через неделю вернулись дед с бабкой, отец и дядя. Матери с ними не было...

Лето навалилось сразу, едва отзвенел последний звонок. Ученики, одуревшие от радости, вырывались из классов... Ура!!! Каникулы! Речка, лес...

Радовался каникулам и Николай. Но беззаботность доносил всего лишь до порога: не встречает его, как обычно, мать. Теперь он старший в доме после отца. Покинуло озорство и младших, следят за братом широко распахнутыми, полными испуга глазами. Одна Ольга всерьез ждет мамку.

Отец, вернувшись из Столбцов, не водил детей за нос, объявил:

— Нету больше матери у вас, сироты вы. Померла она. Похоронили мы ее в родной земле... Где родилась, там нашла и покой...

Наедине со старшим покинуло его самообладание. Не пряча набежавшую слезу, неумело обнимая худенькие плечи сына, жалобился:

— Пропадем мы, Николай, без матери нашей... Куда с малыши-то? А все я...

— Не убивайся, варить я умею, Кулюша стирает уже.

После смерти Александры Михайловны домашние заботы легли на плечи Николая с отцом. Помогали и тетка

Зося, и бабка, но не разрываться же им на два двора. Частые суточные отлучки приводили Александра Николаевича в отчаяние. Пятеро! Мал мала меньше.

Но самая большая помощь, как всегда, пришла от тестя. Вот уж поистине тесть — светлый ангел Александра Николаевича. Намертво приковала его жизнь к семье Табельчуков. Всю жизнь, как есть, ощущает доброе слово и твердую руку. Как ни тяжело Михайле вспоминать дочь-покойницу, у самого сердца разрывается, а заговорил первым:

— Не бейся, Александр, как муха о стекло. Выход один — надо вводить женщину в дом. Как ни верти, а дому нужна хозяйка, детям мать. Конечно, не все сразу явиться — хозяйка, мать, жена. Чем-то придется и поступиться...

Тесть же навел на мысль, кого можно было бы просватать, назвал дочку Константина Подбело, машиниста. Урядкой Александр стал приглядывался к девушке. Еще моложе покойницы. Видная. Рослая, белолица, кареглаза, с кудрявой шапкой волос. Не вышла вовремя замуж, теперь уж попала в ряд засидевшихся девиц.

Через несколько дней осторожно высказал сомнение тестю: пойдет ли она за него?

— Не беспокойся. С Костеем Подбело, батькой ее, уж обмозговали, — успокаивал Михайло. — Дай срок. Ты детей подготавливай...

Вскоре стал замечать Александр Николаевич, что Подбело оказывает ему внимание, снимает картуз при встрече, а встречаются паровозами, залиvisto сигналил.

Все как бы шло по задуманному. Как-то вечером, перекупав малых, уложив их, они, трое мужчин, засиделись за самоваром. Александр Николаевич хотел было начать разговор о предстоящей женитьбе, но совсем неожиданно заметил настороженный взгляд Николая. От этого взгляда вдруг слова, какие собирал он несколько дней, вылетели из головы. Он больше побаивался Константина — ослушник, драчун, жди всегда от него выходку... Но Николай?! Послушный, умница... Понял: именно Николай встанет на пути. Мать любил и больше всех был привязан

к ней. Не попадая струей из самовара в чашку, чертыхаясь, Александр Николаевич несвязно заговорил:

— А была бы мать... Не возились мы с вами до полуночи. Накупать надо, накормить, уложить... А там стирки — гора!

— Сам постираю. Ты ложись, чуть свет вставать, — отозвался Николай, искоса поглядывая на неловкие руки отца.

— Ишь, сам он... — ни с того ни с сего обозлился Александр Николаевич. — Сам все не переделаешь. Корова, гуси, куры, индейки. А зима на носу... Две печи топить!

— Вот проблема, — вмешался Константин, не понимая, что так вдруг не поделили брат с отцом. — Дров наколоть да уголь засыпать... Покуда мы в школе, Кулюша доглядит за огнем...

Осенью в школу пошел и Константин. Бегал он туда с охотой, хотя уроки учить ленился...

А время бежало, не стояло на месте. Александр Николаевич больше не начинал разговора о женитьбе. Николай он понимал и не осуждал его. Напротив, выделяя как старшего из детей, равного себе, делился с ним о своих делах на работе, советовался по хозяйству. Наблюдал исподволь, как он отходит, смягчается, мучает его совесть. Но к мысли о мачехе, заметно, непреклонен. Александра Николаевича это и огорчало, и радовало. Какое-то время он готов был сдаться, отступить — вырастит детей один. Нарочно стал избегать на станции Константина Подбело, обходил их двор. А попадет на глаза цветастая голубая шалька, какую любит носить Мария, зайдет сердце. Вот уж седина в голову, а бес в ребро. Тайком, стыдясь даже себя, искал взглядом ту шальку на базаре и в церкви.

Но однажды, возвращаясь от тестя, столкнулся с ней лицом к лицу в тесном переулке. Разрумянившись, прошла гордая, недоступная. На приветствие ответила едва приметным поклоном. Знал, что она согласна выйти за него. Сперва и слушать не хотела. Но со временем усту-

пила. Эта случайная встреча и оборвала все колебания у Александра Николаевича. Твердо решил ввести в дом хозяйкой Марию. Сделает все, чтобы дети ее приняли, чтители. Наверное, кроме старшего. Пусть он один больше всех хранит память о родной матери. Силу он, отец, применять не станет. Втолкует и Марии, чтобы не обижалась и строго не спрашивала.

Как ни сопротивлялась новая родня, но по настоянию Александра Николаевича обошлись без венчания. Поп записал только в брачную книгу. Отмечали брак в доме у невесты.

Возвращаясь из школы, Николай увидел сани с отцом и новой женой... Чуть не заплакал. Не останавливаясь у калитки, прошел в проулок, к деду. От порога заявил:

— У вас жить буду.

Бабка, усаживая внука за стол, наревелась всласть. Помня наказ старика, вразумляла внука:

— Не гневайся, Колюшка, на отца. И его понять нужно... Вырастешь, узнаешь, что в доме без хозяйки пусто человеку. Богу угодно призвать твою мамку... Рук не подложишь.

— Бог, бог... Чахотка задавила ее.

— А воля чья? — не отступала бабка, косясь на образа. — Его, бога.

Вечером, когда стемнело, пришел отец. Не ругался и не кричал, посмотрел тетрадки Николая, поговорил вполголоса с дедом о своем, путейском. Выглядел он каким-то пришибленным. На бледном усталом лице застыла виноватая улыбка. Николаю жалко стало отца. Бабка позвала вечерять. Отец отказался. Собрался уходить. Снимая с гвоздя полушубок, умоляющими глазами посмотрел на сына.

— Нет, спасибо... Дома своя вечеря на столе стынет. Да и неудобно, спрашивает она...

Догадался Николай, что его спрашивает. Не стал ждать уговоров. Молча собрал в сумку книжки. Отец хотел было помочь ему застегнуть пальто — отстранил его руки...

Дома все сидели за столом в горнице. Мачеха, в светлом платье с открытой шеей, встретила в прихожей. Улыбаясь, протянула руку, желая познакомиться. Николай сделал вид, что не понял жест — подал ей сумку с книгами. Пригласили за стол. На столе стоял пирог с яблоками. Заметил, сестренки не чурались чужого человека в доме, переговариваются, а Константин и вовсе присоседился к локтю мачехи. Отлегло малость, ощутив вкус пирога...

Николай жил свободно, никем не опекаемый. К мачехе он относился холодно, называл ее по имени и отчеству, хотя отец требовал, чтобы все дети называли мачеху «мамой». Колю переломить не удалось. У него был не по летам твердый характер.

— Не могу, хоть убей меня — не могу. Я мамку свою помню, — упрямо твердил он отцу.

И все же постепенно новая жизнь налаживалась в семье Щорсов. Девчата как-то сразу, одна за одной, стали называть Марию Константиновну «мамой». У Кости тоже прорывалось, но он умел и без этого слова объясняться с мачехой. У Николая ничего не получалось. Приходил он в себя долго, словно после тяжелой болезни. По привычке, заведенному порядку наполнял кадку водой, таскал из сарайчика дрова, уголь. Отпали варево и стирка.

Пристрастился бегать вечерами к Табельчукам и все чаще оставался и на ночь. Отец не выговаривал. Привечал Николая дядя Казя. Оказывается, он уже много лет «выдуывает» летательный аппарат. На листе бумаги он получается похожим на стрекозу — решетчатые, из планок, крылья, хвост, велосипедные колеса и моторчик на керосине.

— И взлетит? Не упадет?

— Птица же летает... Закон один. Птица, опираясь на воздушную струю, может планировать. Наблюдал орлов? На много верст поднимаются ввысь. Используют воздушные потоки. А что птицу тянет? Взмах крыла. А что способствует так легко и скоро летать? Форма тела. Обтекаемая, гладкая.

Николая раздирали сомнения: выходит, человек может оторваться от земли, полететь? Такое только в сказ-

ках, с помощью волшебной силы возможно. А по правде — вранье, выдумки. Никакой волшебной силы на земле нет... Хотя нет, он ведь летал!.. Правда, во сне. Давно, еще когда была жива мама. С кручи, высокой-высокой, расставил руки и полетел. Через реку, над лесом. До сих пор явственно сохранилось ощущение полета...

— А во сне я летал... Я серьезно, дядя Казя, не смейся.

— Наука еще не может объяснить сны. Но полет во сне... Бабка тебе пояснит. Летают дети. Летал и я. Довольно часто. По народному поверью — это значит, что ты растешь. Что-то тут есть...

Окутываясь дымом сигареты, Казимир глядел куда-то сквозь племянника.

— Пока не до снов... Явь! Сколько препятствий у человека! У каждого поколения они есть. И каждое ответственно за их преодоление. Есть они и у моего поколения. И их мы обязаны преодолеть, чтобы они не стали непомерным грузом для твоего поколения. А перед вами встанут свои препоны. Так и движется жизнь из поколения к поколению. Летательные аппараты — одна из последних идей девятнадцатого столетия, так сказать, идея моего поколения. Нам ее и воплощать...

— Я тоже скоро вырасту.

— И на твой век хватит дел. К примеру... Революция! Уже не одно поколение пытается решить эту проблему, бьется за нее. Будут еще биться и твои внуки, а может быть и правнуки. Кое-где она брала верх. Во Франции, например. Народ отрубил голову своему королю, и даже провозгласил республику, но правят страной почему-то не рабочие и крестьяне, а богачи, капиталисты. Я считаю, что у власти в государстве должен встать народ. Это будет справедливо. Управлять должен тот, кто трудится... Но, видимо, не такое простое это дело — революция. Возьми, например, у нас... Хотел народ... Не вышло...

— Я хотел бы что-нибудь сделать хорошего для нашего народа... Для таких как мой дед и отец. В школе учат, что надо уважать власть, любить царя. За что? Мне кажется, что царь и все его окружение — это как изношенная

одежда, которая давно перестала защищать от холода, болезней, смерти...

— Рановато тебе, Николай, об этом думать.

— Не рановато... Можно ведь еще раз попробовать революцию устроить.

— Гм, тоже мне храбрый отыскался. Гнев народа десятилетиями копится... Повторит ли твое поколение эту попытку, не уверен. Мое — точно нет...

Всегда так дядька Казя озадачивает. Наговорит, наговорит интересных слов, много непонятных. Нынче, кажись, уловил их смысл. Позапрошлогодние события на деповском дворе не что иное, как революция была. Слепсари, котельщики, кое-кто из инженеров встали против царя. Думал, только у них в Сновске. Ого! По всей России. В крупных городах — Питере, Москве, Киеве, Харькове, народ вышел с красными флагами, с оружием. Строили на улицах баррикады, как в той же Франции. Но победил царь. У него казаки, жандармы...

Вскоре в шумной семье Щорсов прибавился еще бас. Мачеха родила мальчика. Новорожденного нарекли Григорием. Года через полтора родилась Зинаида. Мешалась семья, постепенно сживалась...

Детство пролетело мигом. В тринадцать лет Коля-атаман окончил железнодорожную школу с похвальной грамотой. Надо было думать, что делать дальше — работать или учиться. Большая семья с трудом перебивалась на тридцатирублевое жалованье отца.

Конечно, теперь Александр Николаевич в свою очередь желал своему первенцу лучшей доли, нежели у самого. Слишком долог и труден его путь до машиниста. В самом деле, куда податься парню? О гимназиях думать не приходится. Сосед, Новицкий, тоже машинист, увозит дочку в Городню, в частную гимназию. Какие нужны средства!.. В реальное училище? Тоже не бесплатно. Одна дорога — на поклон к Грузову, начальнику депо. Не в слесарные мастерские, то к себе на паровоз, в кочегары. Придавленный вечной заботой о куске хлеба он решил сходить

посоветоваться с начальником депо, но, войдя в кабинет, растерялся, забыл снять шапку, и начальник депо с бранью выгнал его вон.

«Куда нам, черномазым, соваться», — мысленно произнес Александр выходя из кабинета, безнадежно махнув рукой.

В разговоре с сыном его поразило, что тринадцатилетний Николай говорит о своем желании учиться дальше, причем с такой твердостью, как будто это действительно можно осуществить.

Вечером в саду возле самовара состоялся серьезный разговор о будущем Николая. Надо решать, не терпит время.

— Как же теперь, сынок? Грамотой овладел. У нас и в роду таких, почитай, свидетельств не имелось. Как ты сам думаешь?

— Думаю... Хочу учиться дальше...

— Думать можно, — сказал отец, — это нам не возбраняется. А куда же, к примеру, ты думаешь определиться для учения?

Отец горько усмехнулся:

— В кузницу в ученики?

— Куда примут, — твердо сказал Николай, — выбирать не приходится.

У Николая недовольно сошлись брови. Наклонившись, часто тянул чай из блюдца. Знал, каков будет разговор. Отец не в состоянии, как у Глашки Новицкой, отдать его не только в частную гимназию, но и в реальное училище. Митьку Плюща отправляют родители в музыкальную школу, как бы не в самый губернский город. Едва не с пеленок Митька помирает за скрипкой. Конечно, он завидует Глашке и Митьке. Хочется и ему учиться. Но где? Техник-путеец, мостостроитель, как дядя Казя? Можно на учителя, в семинарию. Но на все это требуются деньги, которых нет. Он давно стал догадываться, что мир расколот на два лагеря: богачей и бедняков. Первые — бездельничают и живут в роскоши, вторые — вечно в труде, как его отец, гнет спину за гроши. Разговаривая с дядей, он узнал от него, что есть военно-фельдшерская школа, в ко-

торой обучают на казенный счет, полный пансионат, с обмундированием и котлом. Ему, полусироте, сыну отставного солдата, положены льготы. Такие школы имеются в Киеве и Николаеве. В Николаеве — морская. Эта ему была особенно по душе: на кораблях, в море...

Поразила униженная усмешка отца, неловко за него перед мачехой. Говорил бы напрямик! Желая помочь ему, сказал:

— Депо, слесарный верстак не уйдут... И паровоз. Поеду в Николаев. Там школа, военно-фельдшерская... Денег не потребуется, там обучают за казенный счет. Не поступлю, вернусь.

— Я, сынок, не против грамоты. Сам видишь, семья... Я не против...

Лучше бы промолчал.

Николай вышел на улицу, постоял за калиткой... Не хотелось никого видеть. Побрел к школе. Солнце пропало за соснами, над поселком скапливались сумерки. Школьный двор, непривычно пустой, казался чужим. Обогнул кругом забора. Окна хранили еще теплые отблески вечерней зари, сквозь них смутно белели стены в классах. Крайние два — их класса, у углового — его парта.

За спиной шаги. Глашка! Кралась на цыпочках: хотела испугать. В белом платье, с газовыми бантами в светлых косах.

— Чего ты?.. — смущенно спросил Николай.

— Из депо я... От папы.

Оттягивая, она кусала мелкими зубами край банта. Светло-карие при дневном свете, глаза ее сейчас были темными, подсиненные закатным небом.

— Ты так смотришь... Сроду не видел?..

Глаша, выпустив бант, потупилась, худые голые руки опирали складки платья.

Да, такую он ее не видал. Она показалась ему почему-то чужой, незнакомой. Это не та беловолосая вертявая девчонка, какую он знает едва ли не с той поры, как впервые вышел сам за калитку. Играли, росли вместе, дрались меж собой и против гвоздиковских. Глашка прини-

мала участие чуть ли не во всех битвах. Бегала за ней вся их улица. Многие, от Митьки Плюща и до Глущенко Сережки, подметывали в школе ей записочки. Он не писал. Не нравилось, как другие делились своими сердечными тайнами, хвастались, а иные, еще хуже, насмеялись над девчонками.

Однажды в пасхальные каникулы возле них, как и всегда, собралась компания. Сашка Мороз, чубатый верзил, с трудом одолевавший в два захода последние классы, сплунул в сторону двора Глашки и выругался. Он, Николай, вклеил ему со всей мочи оплеуху. Быть ему битому — Сашка отпетый босяк, но рядом встал Костя.

Глашке, видать, передали. С той поры она дольше обычного задерживала на нем взгляд, по любому пустяку обращалась в школе, бегала к ним домой. Так просто, ни за чем: потаскает Гришку, понянькается с младенцем, Борькой, а сама вскользь косится на трюмо в горнице. К нему, Николаю, и слова не уронит, будто его и нет. Тем же отвечал ей и он...

Не поверил, что идет она со станции. От отца. Увидела его... От догадки такой у Николая похолодели щеки, он вдруг ощутил какую-то зябкую прохладу, будто пахнуло из леса.

— Не из депо я вовсе... — шепотом созналась она.

Николаю показалось, будто они на базарной площади в воскресное утро. Люду кругом! Все на них смотрят. К яви вернула Глашка, она, ухватив его за руку, потащила.

— Пойдем лесом, кругом... Вернемся домой проулками...

Странно, меж желтыми стволами сосен виднее, чем у школы. Шли, касаясь локтями. Не говорили. Просто так шли и шли. У Николая как-то по-особому стучало сердце. Одновременно хотелось и плакать, и смеяться. Он сам себе удивлялся, удивлялся этому новому для себя состоянию, не понимая до конца, что с ним... Вспомнились ему и чудные сны, которые почему-то приходили к нему в последнее время.

— Завтра уезжаю с папой в Городню. После вступительных экзаменов вернусь на немного... Сходим еще в школу? Лесом, а? — нарушила молчание Глаша.

— Я тоже уезжаю.

— Куда?

— В Николаев. В морскую школу... Военно-фельдшерскую.

— Фи! Скатертью дорога! — она крутнула бантами и хотела бежать к своей калитке.

Она всегда так делала во время учебы, когда сердилась на Николая...

— Подожди... Когда еще увидимся... Я хочу рассказать тебе...

Николай в нерешительности замолчал.

— Что ты хотел мне рассказать? — С явной заинтересованностью спросила Глаша. — Рассказывай!

Поколебавшись несколько секунд, Николай начал изменившимся от волнения голосом:

— Недавно ночью приснился мне странный сон... Представляешь, стою как будто я на острове среди моря. За морем, в синем тумане виднелась земля. Мне казалось, что остров оторвался от земли и уплыл в мир творить собственную жизнь, собственную красоту. Море было таким гладким и синим, как туго натянутый экран, на котором показывали небо. Столько было лазури! Целое море в небе и целое небо в море. От лазурных просторов на душе у меня была тоже лазурь, было тепло и свободно. Я был как будто пьяным от запаха дикой полыни, наполнивший скалы и воздух своим дыханием. Серебряная седина его нежно светилась, как днем, даже при лунном сиянии...

Тихим морем растелились белесые дорожки. Я смотрел и думал: «Для кого они? Кто ими поедет?» Я весь был как песня, как аккорд грусти, что слился с песней моря, солнца и скал.

Вдруг сзади я услышал твой голос, чистый и звонкий, как будто родившийся с тепла лазури.

Я оглянулся.

Ты стояла на скале с бледным лицом в золотом ореоле волос. Ты протягивала руку к морю, а в другой красным огнем горели маки.

— Что ты видишь на море? — спросила ты.

— Я вижу дороги счастья.

— Возможно. Но повеет ветерок и сотрет эти дороги...

Мы сели на теплую скалу. Я не смотрел на тебя, но видел, как в легком дыхании воздуха дрожали над твоим челом тонкие волоски, как язычки пламени, а в озера глаз стекало тепло лазури.

Мы молча смотрели на море. Теперь на море налетели белые паруса, как рой бабочек. Бог знает откуда появилась лодка, перебирая лапками весел, как муравей на скатерти, и неожиданно расцвела белым парусом, как цветок. Ложилась на бок и дрожала на голубом поле.

В лицо нам теплом дыхнул воздух. Раз, второй. Это пробудился ветер, и дороги счастья постепенно исчезали...

Не знаю, разговаривали ли мы или молчали, но плыли в широком просторе рядом, плечо в плечо, и вся масса морского воздуха, весь запах соли, полыни, солнца — проходил сквозь нас. Мы видели остров от моря и до вершин. Волны разбивались об скалы. Остров шипел, как раскаленный камень, брошенный в воду, и вокруг него кипела вода.

Наконец я спросил:

— О чем ты сейчас думаешь?

Ты обняла меня глазами — а в них я увидел все море и целое небо — и тихо ответила:

— Смотрю на юг, на бесконечное море. Ветер приносит ко мне с Африки жару и ароматы Египта, а я мечтаю о краях белых песков и черных людей, о кактусах, пальмах и пирамидах...

Удивительно, мы говорили даже тогда, когда молчали... Наши мысли звучали в ответ, как другие струны, когда зацепишь одну. Когда я смотрел на тучи над морем, ты в это время видела, как их тени купались в синей воде. Или на тучку на скале — я знал ответ: «Это поцелуй неба». А еще удивительнее, когда так разговаривали, царила вол-

шебная тишина, как будто кроме нас никого не было на свете. И тут я увидел, что у тебя красные губы...

— Ты меня целовал? — тихо спросила Глаша.

Прервав свой рассказ от неожиданного вопроса, Николай стоял молча, опустив голову.

— Ты меня целовал? — повторила Глаша свой вопрос.

Глаша пыталась заглянуть в опущенные глаза Николая, руки ее опустились ему на плечи.

Превозмогая свою робость, Николай дрожащим голосом, почти шепотом, ответил:

— Да, целовал... Я целовал губы, которые говорили с моим сердцем, знали язык моей души... Я целовал...

Они замолчали.

— Какой удивительный и красивый сон, — прервала молчание Глаша. — кажется, я бы слушала его всю жизнь... Если станешь моряком, не забывай меня.

Николай посмотрел на Глашу, уловив восторженный взгляд ее глаз, который мягко проникал в его сердце... Стало тепло, как-то боязно ему в эту минуту тишины, когда было слышно даже их дыханье...

— Я не забуду, и ты не забывай...

— Давай, прощаться...

Они еще по-детски обнялись, и Глаша скрылась за каменной стеной своего дома.

Отец, узнав, что в военно-фельдшерской школе ученики содержатся на казенный счет, не возражал против поездки сына в Николаев. Выделил долю из месячного заработка, упробил знакомых машинистов, чтобы те в Бахмаче пересадили его на кременчугский поезд.

— А там рукой подать, — напутствовал Александр Николаевич сына, усаживая на товарняк. — Язык до Киева доведет.

Обговорили, коль примут, он приедет домой на денек.

Через неделю Николай вернулся. Недобрал балл. Нужно девять, даже восемь с половиной. У него — восемь. Вспоминал о своих мытарствах, дорожных и вступительных, без сожаления, даже с захлебом, что несвой-

ственно ему. Повидал мир! Сроду нигде не бывал. А главное — море! Вот воды! Не то что в Снове. Солнце заходит прямо в море, а не в лес, как здесь.

В первый же день сказал отцу:

— Веди в депо.

— Успеется, — неопределенно ответил Александр Николаевич.

Улучив момент, Кулюша, старшая из сестер, глазастая, как и все Щорсы, отвела за дальнюю яблоню, к дровяному сараю.

— Глашка прибежала, — делилась она, вытягиваясь на цыпочки.

— Говорила про что? — Николай отвел взгляд.

— Вошла в сарай вот, посидела на твоём топчане, полистала книжку...

Его вдруг потянуло за калитку. Но сестра сказала вслед:

— Не выходи на улицу... Она вчера уехала.

Опустел вдруг для Николая поселок. А ведь рвался, думал, застанет. Так и уехала... Непременно приходила проститься. Занавески на ее окнах те и не те. Знал, там теперь для него совсем пусто.

Потянуло к школе, как тогда. Постоял у забора, где она хотела его испугать, прошелся сосновой опушкой. Все выглядело другим. Пусто. Почувствовал себя совсем одиноким...

Осень. Холодные осенние туманы смешиваются где-то в небе и спускают на землю мокрые косы. Плывет в серой неизвестности скука, плывет безнадежда, и тихо всхлипывает грусть. Плачут голые деревья, плачут соломенные крыши, умывается слезами убогая земля и не знает, когда улыбнется. Серые дни сменяют темные ночи. Где небо? Где солнце? Мириады мелких капель, словно умершие надежды, что поднялись слишком высоко, падают вниз и плывут, смешанные с землей, грязными потоками. Нет простора, нет утешения. Черные думы, горе сердца крутятся в душе, в голове, висят тучами, катятся туманом, и чувствуешь в себе тихое рыданье, как над умершим...

До заморозков Николай ночевал в своем «кабинете», в дровяном сарае. Давно, еще со второго класса, отгородил уголок у окна: сколотил топчан, стол, вместо табуретки пристроил сосновый пенёк. На полочке, у изголовья, разместил все свое хозяйство — книжки, кое-что из слесарных и столярных инструментов, выделенных дедом Табельчуком. Тут же и крохотный глобус, подаренный отцом еще при жизни матери. Строгал, пилил, обтачивал железки в тисочках. По привычке уединялся и сейчас. Уроков не готовить — просто читал. Таскал книги от дядьки Кази. По утрам пробирало под ватным одеялом. Раскопал в чулане старый отцов кожух.

Мачеха дулась. Что скажут соседки? Мол, в дом папы не пускает... Отец пробовал усостыдить. Ни в какому. Николай отвечал, что ему надо закаляться.

Однолеток, самых близких, нет в поселке — Митьки Плюща, Сережки Глущенко, Васи Науменко, — разъехались кто куда. Прибежали Костины дружки — братья Павловы — Сергей и Семен, Николай Ковальков, Степан Ермоленко, Федька Ильин. Заглядывал Сашка Мороз. Частыми гостями были двоюродные братья, Иван да Тимка Колбаско...

Отец так и не отвел Николая в депо. Своего решения не объяснил сыну. Делился с женой: неудобно, мол, от людей, мал, четырнадцатый только. Ничего доброго в том, что сам он зарабатывал себе на прокорм с восьми лет. Пока сила в руках, не последний кусок доедают, пусть немножко отдохнет, наберется сил. Намыкается еще с грабаркой на паровозе, погнет горб и за слесарным верстаком. Собственный кусок не уйдет от него.

Была еще одна причина: в голове Александра Николаевича засела думка, чтобы после окончания через зиму Константином школы, отвезти обоих в Киев в фельдшерское училище. Стороной узнал, что в самом деле ему, отставному солдату, причитаются для его детей льготы. Военный фельдшер вовсе не зазорное дело в руках. А чем его дети хуже других? Заговорило чувство собственного достоинства. Он и сам-то не последний машинист на дороге...

Снега выпали большие. Дома засыпало наполовину и стояли они под синим куполом неба, как будто бабы в платочках стояли на коленях в церкви. За околицей по полю око бежало снегами аж до горизонта и не могло ни на чем остановиться. На рождественские каникулы приехала Глаша. Как ни странно, новость эту сообщил отец. Вернулся он со смены вчера, а сказал нынче за завтраком.

— Сосед Новицкий дочку встретил из Городни. Вечерним, за моим поездом шел сразу...

Николай увидел Глашу, когда совсем уже отчаялся. Мачеха засветила лампу. Кулюша, зная свою обязанность, схватилась было закрыть ставни. Николай, чего раньше не делал, опередил сестру. Выскочил в чем был, в рубахе и расхожих латаных штанах, без шапки. Зыркнул на калитку соседей. Всовывая прогон, крикнул громко, хотя Кулюша уже вдела оттуда железный штырек. Услыхал за спиной хруст снега.

Глаша подошла, поздоровалась, как всегда это делала... Будто и не прошло полгода.

— Вот только-только приехала, еще и в дом не входила. Мама с папой поднялись... Я случайно задержалась в калитке.

— Ты же вчера еще!..

— Мы сразу к бабушке...

Не знал Николай, куда девать руки. Сболтнул сдуру то, о чем отец говорил. Добро, не видать глаз. Сгорел бы со стыда.

— Озябнешь. Беги в тепло. А хочешь, пройдемся...

Ветром слетал в дом, одел фуфайку, шапку. Не сговариваясь, пошли в сторону школы. Глаша, щебеча без умолку, все вырывалась вперед. На ней был белый пуховый пла-ток, мохростые концы которого спускались до шубейки. Шубейка давняя, заячья. Но сама она стала другой. Пожалуй, голос еще остался от нее, той, прежней. То, о чем она рассказывала, делало ее какой-то недоступной. Жила она теперь своими интересами, далекими и непонятными для него, Николая. Меж девичьих имен попадают и ребячьи. Танцы, вечерние прогулки гурьбой. В нем копилось что-то

похожее на обиду — больно примелькалось имя Анатолий. Через каждые пять слов Анатолий, Анатолий...

Обойдя школьный двор, засыпанный под самый час-токол снегом, Глаша подошла и тихо спросила:

— Приходил еще сюда?.. Вот на это самое место... Со-всем-совсем один, а? Приходил, сознайся?

Николай, смущенный, потупился...

— Приходил... — сознался он. — А ты там вспомина-ла школу?..

Он хотел сказать «и меня», но вовремя остановился.

— Ты еще, кажется, что-то хотел спросить? — лукаво взглянув из-под бровей спросила Глаша.

— Может быть и хотел...

— Я часто вспоминала и школу, и тебя... Вспоминала нашу прогулку по лесу... Пройдемся?

— Не боишься, поздно?

— С тобой нет.

Они снова шли рядом, держась за руки.

Вернувшись к дому, Глаша сказала:

— Спасибо тебе, Коля. Мне надо домой, родители бу-дут волноваться...

Потом, наклонившись к нему, почти шепотом:

— Поцелуй меня...

Николай, робко прикоснулся губами к ее щеке.

— Коля, ты еще совсем ребенок...

Она обняла его за шею, крепко поцеловала в губы и убежала к своему дому, крикнув уже из-за калитки:

— Спокойной ночи! До завтра!..

Николай стоят еще несколько минут, как оглушенный. Он чувствовал на своих губах губы Глаши, их тепло... Не сон ли это?.. Нет!

Потом уже, в постели, он еще долго не мог уснуть... Он думал, строил какие-то планы... Завтра он ее снова увидит...

У Константина совсем неожиданно окончил школу с хорошими оценками. На выпуске заведующий школы в числе других отметил и его успехи. Польщенный Алек-

сандр Николаевич в тот же день при всей семье объявил свою волю: повезет обоих в Киев, в военно-фельдшерскую школу. Не откладывая в долгий ящик, отправил почтой прошение на имя начальника. Вскоре собрались в путь.

Больше других Киев поразил Николая. Зеленая гора посреди города, повитая сиреновой дымкой, как в сказке, горели в лучах солнца золотые купола церквей. Небо, казалось, насквозь пропитано колокольным звоном.

— Никак праздник нонче? — удивился Костя колокольному звону, взваливая свой баул на плечо.

— Так Спас сегодня, — отец неодобрительно покосился: сроду не в ладах с законом божьим сорванец.

От вокзальной площади ехали конным трамваем — конкой. Долго петляли на бричке по тесным улочкам, обсаженным акациями и тополями. Неожиданно очутились на горе, самой маковке, той, какая виднелась от вокзала. Киев был как на ладони!

— Доихалы, — сообщил седовласый возница, не вынимая трубку изо рта. — Оцэ тута ж фершала.

У привратника расспросили, где можно найти ночлег. Недалеко, в Михайловском монастыре, сняли келью. Тесно, грязно, зато дешево. Больше тратились на покупку свечек.

В тот же день Александр Николаевич побывал у начальника школы Калашникова. Важный, благообразный полковник, с роскошной раздвоенной бородой, выбеленной годами, в очках с круглыми стеклами, в золотой оправе, утешил: прошение, мол, принято, под льготы подходят, дело за самими сыновьями. Надо пройти медосмотр и сдать вступительные экзамены...

Киевская военно-фельдшерская школа была открыта в 1864 году царским указом. Готовила фельдшеров для армии. Обучение четырехгодичное. Частые войны требовали лекарского персонала. В те годы было основано несколько таких школ по крупным городам.

Под школу в Киеве отвели старинную крепость казематного типа с толстыми, полутораметровыми стенами, со сводчатыми потолками. Здание двухэтажное, стояло оно едва не на самом высоком месте в городе.

В старой крепостной части размещались спальни, столовая с кухней и продуктовыми кладовками, цейхгауз, раздевалки, церковь. Все дневное время воспитанники проводили в пристрое. Застоявшуюся сырость из казематов вывели, переоборудовав их в теплые и сухие помещения.

Напротив располагался в таком же старом здании окружной военный госпиталь. Вокруг еще сохранились крепостная стена и высокий земляной вал. Школу и госпиталь разделял просторный плац, обсаженный деревьями, внутри выращен фруктовый сад.

От плац-парка спускалась Госпитальная улица. Упиралась она в полутора верстах в Бессарабку, Бессарабский базар. Примечательностью Бессарабки являлся ночлежный дом Терещенко для босяков. С горы базар заслоняли деревья. Трудно найти в Киеве красивее, здоровее и удобнее место для школы. В садах, ни городского шума, ни пыли. И всего полчаса ходьбы от Крещатика.

С раннего утра толчется народ на переднем дворе. Возле каждого отпрыска один, а то и двое взрослых. Преимущественно в крестьянском. Встречались и городские. Сутолока, волнения.

Медосмотр шел быстро. К вечеру того же дня вывесили списки допущенных к экзаменам. Оставили 300 человек. Среди них оказались и братья Щорсы.

С неделю жил Александр Николаевич как в жаровне. В дни экзаменов места себе не находил ни в холодной, даже в жару, келье, ни во дворе. Арифметику, русский сдали. Тревожился за закон божий: отмочит что-нибудь младший. Нет, сошло. Слава богу!

У входа, на крашеной фанере, прикололи списки. Оба брата приняты. На радостях Александр Николаевич сходил в собор, поставил Николаю-угоднику свечку. Отдав последние наставления, оделив по целковому, он простился с сыновьями...

У сыновей началась новая жизнь. Николай легко вживался в казарменный военный режим, жадно слушал на уроках, часами сидел за книгами.

В школе братья были неразлучны. Тянулся к старшему Костя. Мало-помалу к ним прибивались слабые в учебе, хилые телом. Одним словом, большинство. Под защиту, а равно и за помощью — списать, получить подсказку. Костя, подглядывая у брата, щедро делился с остальными. Другая группа в классе, меньшая, которая прозывалась «монахами» — великовозрастные оболтусы с крепкими руками, обломав о щорсовские кулаки свои бока, тоже признавала их, лезли с дружбой и в приятели...

Как-то незаметно окончился первый учебный год. Братья приехали на каникулы в Сновск. Вся семья нашла, что братья выросли, изменились. Особенно Николай. Летом, вернувшись на каникулы домой в форме с погонями, Николай поразил своих сверстников. Казарменный режим военно-фельдшерской школы наложил на него свою печать. В шестнадцать лет он был уже совсем взрослым парнем. Над верхней, резко очерченной губой чуть-чуть пробивались темные усики. Видно было, что в школе он научился сдерживать себя. Движения у него были резкие, энергичные. Говорил осторожно, обдумывая каждое слово. Сестры ахали, любуясь новенькой шерстяной формой, чистыми белыми лицами братьев. Григорий, заметно вытянувшийся, принялся перед зеркалом примерять зеленые их фуражки.

Мария Константиновна прихворнула — не выходила из спальни.

Ей братья представились отдельно. Она удовлетворенно кивнула.

Хозяйничала в доме Кулюша, хлопотала у плиты. Помогала бабка Табельчук, явившись на этот случай.

Стол накрыли в саду. Пришла семья Колбаско, тетка Зося с мужем и ребятами, Иваном и Тимкой, дед Михайло и дядя Казя. Александр Николаевич, в новой спецовке, свежесвыбритый, восседал именинником — по обе руки сыновья.

Дядя Казя соскучился по племяннику. Выспрашивал о Киеве, о школе, о преподавателях. Что читает, отпускают ли на выходной в город, где бывает. Застольный

шум мешал им, отошли к калитке. Николай, отвечая, нет-нет взглядывал через улицу на знакомые окна с зелеными ставнями. От Кулюши знал — Глаша уже дня три, как дома. Успела обрисовать ее — нарядная, в модном клетчатом платье и шляпке. К ним, Щорсам, заходит. Нынче что-то не прибежала. Это Николая и беспокоило: не уехала ли опять к бабке? Переписка у них была: за год обменялись пачками писем. Получал и писал едва ли не ежедневно. Во дворе у них никакого движения. Вырвался из-за стола и Костя. Подхватив двоюродных братьев, убежал на реку.

— Стаскивай робу — и айда, — соблазнял он. — Неужели не надоела?

Николай мялся — купаться хотелось, и форму жалко снимать: хотелось сперва показаться в ней Глаше...

— Потом прибежит, — выручил дядя Казя. — Неудобно, собрались ради вас...

Костя отмахнулся и исчез за калиткой.

Вскоре и Николай примкнул к ребятам. Забылся Николай с ребятами. Для удобства бегать по траве — переделся в расхожее, домашнее: простенькие бумажные штаны, латанные на коленях, рубашку в полоску... Как замечательно быть дома, вдыхать всей грудью напоенный целебными травами воздух, улыбаться солнцу...

На таинственные знаки сестры Кулюши не сразу отошелся, она кивками показывала на калитку соседей.

— Глашка, — шепнула, досадуя на его несообразительность.

Издали еще догадался, что Глаша прибежала с реки. Белая матроска с синим полосатым воротом и синяя короткая юбка открывали шею, руки, ноги выше колен. Загар свежий: вздернутый нос выделялся красным пятном, вот-вот запузирится. Желтые богатые косы наверхены на маковке. Видно, что берегла от воды, не окуналась, завитушки мокрыми сосульками свисали на уши и шею.

— Здравствуй, Коля! Костю увидела, — сказала она, смущенно топчась у раскрытой калитки, и в то же время пытливо оглядывая его светло-кариими глазами. — А ты... не в форме?

— Здравствуй, Глаша!.. Осточертела форма. Тянись перед каждым мундиром, отдавай честь... То ли дело в гражданке... сам себе командир.

— В письмах так гордился, — Глаша опешила. — И на фотокарточке... Она идет тебе.

Николай готов был сгореть дотла, но взял себя в руки.

— Вечером встретимся? — спросил Николай, заглядывая ей в глаза.

— Почему вечером? Давай, сейчас, а потом и вечером, — ответила Глаша, прикрываясь ладошкой от солнца. — Только ты одень форму, я так хочу увидеть тебя в ней...

— Хорошо, ты подожди меня, я только переоденусь...

Это был самый счастливый день в жизни Николая, наполненный счастьем видеть Глашу, касаться ее руки, видеть ее счастливые глаза, слушать ее заразительный смех... Она напоминала ему их детские забавы, купание в реке, детские страхи. Все те милые подробности, которые грели им сердце. А потом и о горячих объятьях, и о муках разлуки...

В каникулы Николай дома тоже бывал редко. Часто он бродил на озерах уже с настоящим ружьем. Скрываясь от стражи, охранявшей помещичьи угодья, он иной раз часами просиживал в зарослях камыша, по пояс в тине. Но ни разу сторожам не удалось поймать его. Он ухитрялся под самым носом у них ловить бреднем рыбу.

Рыбалка опять сблизила Николая с Митей Хвощем. Однако, и теперь, хотя давно уже не играли в войну, ссорились они частенько. Скрипач Хвощ успел уже пристраститься к водочке. Иногда он приносил ее на рыбалку.

— Эх ты, пьяница горький, — говорил Николай, выражая крайнее презрение.

— Красная девица, — с таким же презрением отвечал Хвощ.

Больше общего оказалось у Николая с есаулами бывшего его отряда — Ваней и Тимой Кваско. Они без конца могли сидеть, затаив дыхание, и слушать декламацию Николая. Пораженные его памятью, они спрашивали:

— Сколько часов ты можешь говорить стихами?

— Хоть весь вечер.

— Врешь! — в восторге кричали они.

И Николай читал наизусть «Евгения Онегина».

— Давай теперь «Гайдамаков», — требовали бывшие есаулы.

И Николай уже охрипшим голосом, но с горящими глазами читал «Гайдамаков» Т. Шевченка. Это была его любимая поэма...

Такого лета у Николая не было еще. Дома в нем не нуждались, просто отвыкли. Все его обязанности разделили между собой сестры, Кулюша и Катерина.

Праздное одиночество не такое уж пустое занятие. Шестнадцатилетний парень очутился вдруг один на один с собой. Вспомнилось давнее: как бы со стороны видел себя мальцом у матери на руках, школьником среди братьев, на реке, в дубраве. Поначалу были видения сумбурные, что взбредет в голову. Не отдавал отчета, зачем воскрешает в памяти прошлое. Вспомнились погашенные топки паровозов, непривычно бездымная ржавая труба котельной, черная толпа деповских, оставившая верстаки в рабочие часы... Все это представлялось нынче в ином свете. Стали более понятными недавние высказывания и дяди Казы. Вспомнился отчетливо и тот вечер в горнице... Явственно видит материны глаза, вопрошающие, испуганные. Теперь понимает тогдашнее состояние дяди: боялся он не казаков, ему было стыдно перед теми, кого угнали казаки. До сих пор слышит свой голос: «А почему казаки не хватают тебя?»

Не может вспомнить, что заставило его задать такой вопрос. Восстанавливая в памяти по черточкам выражение лица дяди и слыша ответные слова, ему становилось неловко перед самим собой. Сегодня он понимает, будь дядя не в отъезде в те дни, даже толкайся среди бастовавших, ничего не изменилось бы. Понимать происходящее вокруг тебя, объяснять его не значит бороться, отстаивать. Дядя не был связан с руководителями забастовщиков, он слишком занят собой, жил в своем мире. Вот те-

перь вынашивает мечту о создании летательного аппарата, не жалеет сил, времени и заработков, чтобы воплотить ее. Остального для него просто не существует.

И все же в нынешний приезд Николай почувствовал, что в дяде произошли перемены. Что-то сдвинулось и в их взаимоотношениях. Если раньше дядя учил, объяснял, а Николай слушал, мучительно силясь вникнуть в суть его слов, всегда сложную и непонятную, то теперь они будто поменялись местами: дядя хотел слушать. Теперь вопросы сыпались непрерывно от дяди, порой такие, что диву давался Николай: чем кормят в школе воспитанников, как часто водят их в баню, какие постели... Пробовал отшучиваться — дядя хмурился. Удивительное находил в том, что самого-то дядю сроду не занимали такие «пустяки», как еда, одежда, да и весь прочий домашний быт.

На днях дядя Казя поставил и вовсе его в тупик. Шли они мимо депо по путям. Указывая взглядом на поворотный круг, где стоял паровоз, он с нескрываемой завистью и грустью сказал:

— Паровоз чего... Задал человек ему направление и двигайся по рельсам, не собьешься. Ты тоже, кажется, видишь, куда идешь.

Ломает Николай голову: что в тех словах дяди? Явно сожалеет, что не знает, куда идти. Но как понимать о себе? Что значит — видишь, куда идешь?..

Однажды дядя Казя предложил Николаю пойти вечером к немцу Шульцу. Это был булочник и колбасник, славившийся в Сновске своими изделиями. В детстве Николай не раз лакомился у него горячими розанчиками.

Около заведения Шульца всегда стоял какой-нибудь карапуз.

— Дядя Шульц, дай розанчик, — пищал он до тех пор, пока в окне не появлялась маленькая фигурка немца в белом колпаке.

Угрожающе размахивая скалкой, Шульц кричал:

— Пшел вон! Я вот буду сейчас розанчик вам давать, молодой человек!

Но сердце у Шульца было мягкое, оно разоряло его. Пошумит, пошумит, а розанчик или рогальку все-таки даст. Вообще Шульц слыл чудаком большой руки. Он устраивал, например, у себя в пекарне, которая была одновременно и колбасной, литературные вечера. На один из таких вечеров и позвал Казя Николая. С тех пор Николай стал их постоянным посетителем.

В тесном помещении, загроможденном большой, всегда жарко пылающей печью, дымящимся котлом для варки колбас, столами, на которых приготавливалось мясо для набивки кишок, ящиками с разными сортами теста и муки, собиралась передовая сновская молодежь, рабочие-железнодорожники. Все рассаживались по углам, чтобы не мешать работать хозяину и его двум подручным. Кто-нибудь начинал читать.

Читали на этих своеобразных вечерах и рассказы Горького, Чехова, Толстого, и поэмы Пушкина, Некрасова, Шевченко, но часто читали, предварительно закрыв двери на крючок, и тоненькие брошюры, напечатанные на дешевой бумаге, вызывавшие всегда оживленные споры на политические темы.

Все присутствующие называли себя социалистами, хотя, кажется, никто из них не принадлежал ни к какой партии. Ожесточеннейшим спорщиком был сам хозяин, менявший свои политические убеждения после каждой прослушанной брошюры. Сегодня он называл себя социал-революционером, завтра — меньшевиком, а послезавтра кричал, что он большевик.

Активнейшее участие в спорах принимали и подручные Шульца, несколько не стеснявшиеся своего хозяина. В результате спора на столе обыкновенно появлялась груда подгоревшего товара, который тут же с аппетитом поедали все присутствующие.

Николай в споры не вступал. Он сидел молча, внимательно слушая. Вначале Николай был единственным подrostком среди собравшихся, но вскоре он привел с собою Ваню Кваско, а потом на литературных вечерах в колбас-

но-булочном заведении стали появляться и остальные его бывшие есаулы...

Лето пролетело незаметно. Вот и конец каникулам. Пора возвращаться в Киев продолжать учебу. С Глашей Николай встречался почти каждый день. Они подолгу гуляли по своим с детства родным местам, говорили об учебе, о будущем... О Глаше он думал постоянно, где бы ни находился, что бы ни делал: дома, на улице и, само собой, на охоте. Тут никто не мешал. Видел ее всегда красивой, нарядной...

Поезд уходил вечером. Глаша предупредила, что на вокзал не придет провожать: совестно, мол. Николая это неприятно удивило, еле сдержался, чтобы не вспылить, но промолчал. На прощанье прогуливались по хоженной своей тропке — обошли школу, дальние улочки. Она держала его за руку выше локтя...

— Не сердись, Коля... Пиши мне чаще...

Он обнял ее и поцеловал.

— Конечно, буду писать каждый день... Не забывай... Мне пора...

Холодный ветер расправил крылья и бьет ими под пальто. Хочется обернуться к нему спиной. Пусть бьет... Тонко звучит в ушах, как муха в паутине, скулит появившаяся боль и плачет одинокая грусть...

Уже в вагоне мысленно Николай составлял письмо, в котором объяснит, что не сумел высказать в последний вечер...

Годы учебы в военно-фельдшерской школе не давали глубоких знаний. Общеобразовательные предметы преподавались поверхностно, обзорно. Упор делали на изучение и практическое освоение специальных дисциплин: анатомии, физиологии, патологии, гигиене, хирургии, фармакологии, рецептуре, уходу за больными. Предметы эти вели врачи окружного военного госпиталя, в его палатах воспитанники проходили практические занятия. Среди врачей немало было прогрессивных, высокообразованных людей, учеников и последователей Н.И. Пирогова. Они

делились с будущими военными фельдшерами знаниями, прививали им высокое понимание врачебного долга и чувства любви к человеку.

Воспитанникам втолковывали уставы внутренней и гарнизонной службы, частично строевой. Быт, весь школьный уклад держались на них. Едва не с первого дня, надев форму и услышав команду «становись», Николай проникся к строю. Строгий казарменный режим не тяготил его, наказания сносил терпимо, тем более если понимал свою провинность. И все-таки главной школой для него оставался родной Сновск. Месяц-полтора в году проводил Николай в Сновске...

Вот и последние каникулы. Едва ступив в калитку, он почувствовал: что-то случилось. На что мачеха, Мария Константиновна, скупа с ним на ласковые слова, строга лицом, а тут суетилась с виноватым видом, будто ухаживала за больным. Отвлекала вопросами пустяковыми, как дорога, то да се, похоже, не давала спросить ему. На Костю ноль внимания, будто и не было его рядом. А ведь у брата прямая нужда в участии: остался повторно в группе среднего возраста. Доконал его все-таки поп со своими проповедями.

Что же стряслось? С отцом виделся на перроне, детвора вся здорова, мало того, очередная прибавка — Раиса. Знал о ней из писем. Девочке уже восьмой месяц. Вон какая глазастая, общительная — тянется пухлыми ручонками. Взял ее у Кулюши.

Ощущение тревоги не проходило. Может, у Табельчуков что, с дедом, бабкой, у Колбаско? В письмах не сообщали. Отец на перроне ничего не сказал, спокоен. Огорчил отца, правда, Костя...

Расстегнув свой баул, Николай оделил детвору городскими гостинцами: дешевыми игрушками, лентами, конфетами в цветастых бумажных обертках. Старшей, Кулюше, подарок особый — нарядную косынку и костяной гребень, такую же и Марии Константиновне. Поблагодарив, она тут же накинула на кудрявую голову косынку, вертелась, как девчонка, возле трюмо.

А где же Кулюша? Николай выскочил в сад. Надежда на сестру: она все разъяснит. Нашел в сарае, в своем «кабинете». Как всегда, она убирала после зимы этот уголок, готовила к его приезду.

— Кулюша! — окликнул от порога, осваиваясь с сарайными сумерками. — Гостинцы тебе из Киева... Что тут у вас произошло? Со школой что-нибудь у тебя?

— А чего с ней? Закончила. Свидетельство выдали.

— А у деда?

По взгляду сестры понял, что спрашивает совсем не то. Сел на кровать, откинулся, опершись на руки. «Глаша!» — пронеслось в голове. Как был в наглаженной суконной форме, в начищенных ботинках, завалился поверх одеяла, лицом вниз. Сцепил зубы. Вот они, недомолвки, загадки, какие появлялись в ее последних письмах. Зимой на каникулы она уезжала из Городни в какой-то город. Не назвала, отписалась: с подругой, мол. Жаловалась на настроение, на «боль души». Ни воспоминаний о Сновске, ни упреков, что редко пишет, чем были забиты ее письма все эти годы...

— На пасху обвенчались... Не в Сновске, там, у него... Вроде в Нежине. Он инженер-путеец. Приезжали на днях. Красивая стала, разодетая, будто пава... — тихо проговорила Кулюша.

Одиночество, как зубная боль, начала сосать его сердце. Что-то большое, враждебное душит его, хватая за горло. Захотелось солнца, веселого шума реки, тепла домашнего очага. Жалость прокралась в душу, тоска. Воспоминания нахлынули волнами... Он как будто бы снова увидел Глашу, ее милое лицо, ее ласковость... Он слышал ее смех, ее девичье щебетанье, которое делало его тогда счастливым... И вот теперь ничего этого нет. Нет и не вернется уже...

И вдруг он услышал, что кто-то его зовет: «Николай!..»

В дверном светлом проеме вдруг появилась длинная несуразная фигура. Митька Плющ!

Николай был рад оставить дом. Соболезнующие взгляды мачехи и сестры травмировали душу. Предупредив, что-

бы не ждали к обеду, дырками в заборах, как это они делали пацанами, пробрались в сад к Плющам.

Прошрое лето они не видались. Как Митька изменился! Обозначились скулы, расползся у ноздрей нос, потерялся под широким ртом подбородок. Глаза те же. Знал, что он окончил музыкальную школу, теперь вечерами играет в ресторане. По виду — несладко ему в гуще веселой губернской жизни. Безвольный среди мальчишек, на диво незлобивый и добрый, такого засосет в тину...

Рана затягивалась медленно. Как ни тяжело на душе, как ни занят был самим собой, тем не менее Николай с первой же встречи почувствовал, что и в дяде Казе произошли очередные перемены. Не внешне. Как всегда, на нем чистые белые рубахи, опрятно подстриженные, промытые волосы, усики, щеки выбритые. Пожалуй, новое появилось в выражении лица, глаз, в жестах.

— Да, знаешь, аппарат-то мой... Распался. На земле еще... Куски в сарай стащил... — сообщил он каким-то тусклым голосом. — Такова человеческая жизнь, Николай, с ее честолюбивыми стремлениями, борьбой и конечным результатом: метишь во дворец, а оказываешься в собачей конуре.

Дерганый, нервический смех, потирание рук, будто отмывал их от мазута, больно задела Николая. Тут же выразил ему сожаление.

— Что ты! — вскричал дядя. — Столько лет потратил попусту! В науке воздухоплавания уйма темных мест. Мою идею разрешать внукам, правнукам...

Он явно куда-то собирался на ночь глядя. В брюках от праздничной тройки, в шевровых ботинках, скрипя по крашеному полу подошвами, подбирал к свежей батистовой рубахе у зеркала галстуки. Николай, наблюдая за ним, вдруг вспомнил давний разговор в этой же горнице. Не утерпел, подколот:

— Что-то много оставляешь ты, Казимир Михайлович, внукам да правнукам. А сам что сделаешь для них?

Переняв в зеркале взгляд племянша, обернулся. Помнил, по имени-отчеству тот начал его величать с прошлых

каникул, сам дал к тому повод. Не обижался. Насмешка в его голосе была кажущаяся. На самом деле она уравнивала их в возрасте, сближала, делала единомышленниками, друзьями. Ему давно хотелось видеть Николая взрослым. Сейчас та пора настала.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, выигрывая время, чтобы собраться с ответом.

— Революцию, помнится, давно оставил ты внукам и правнукам. Теперь и летательные аппараты...

— Злопамятный, однако, ты, Николай Александрович. Казимир поворочал шеей, затягивая галстук, спохватился: племянник может воспринять ответное величание как в отместку. Удостоверившись, смуглое глазастое лицо его не утратило иронического выражения, успокоилось. Мысли сами собой пришли в голову: «Надо же, подковырнул в самое больное. Словами тут не отделаешься. Ладно, так тому и быть. Пускай увидит воочию, послушает речи умных людей. Пора. Чего доброго, царь еще сделает из него своего верного хранителя престола. Форма ему, сукину сыну, идет. Перемахнет в строевую службу, посыплются чины... Голова есть, характер».

Не по себе сделалось Казимиру от нарисованной картины будущего. Застегнув жилетку, поправив пробор на голове, резко сорвал с плечиков пиджак.

— Пойдем, племяш, кутнем у Малька! Правда, не киевские рестораны, трактир всего-навсего. Ну, ну, не морщись. Пойдем к людям почтенным. Чашку чаю из тульского самовара я тебе обещаю.

По дороге дядя молчал. Николай, заинтригованный, ни о чем не допытывался. На переходном горбатом мостике через пути им встретился городской в белом летнем мундире, при шашке, нагане и свистке на малиновом шну-ре вокруг шеи. Почтительно снял он фуражку, улыбаясь в толстые, выгоревшие на солнце усы. Ему, Николаю, отдал честь.

— Знакомый? — спросил Николай.

— Как же... Все жандармы мои друзья в наилучшем виде, — с непонятной усмешкой ответил дядя. — Богда

фамилия его... Незаметно понаблюдай, он в поселок не пойдет, вернется на перрон.

В вокзальном буфете Казимир Михайлович заказал стопку горькой. Выпил у стойки. Лукаво улыбаясь, проговорил:

— Тебе, думаю, ни к чему.

На перроне, среди пассажиров, ожидавших вечерний поезд на Гомель, едва не столкнулись опять с Богдой. Жан-дарм, обдувая важно усы, сделал вид, что не заметил их...

Солнце скрылось за лесом. Голубые сумерки кутали поселок. В небесной лазури еще горел, отражая заходящие лучи, ажурный крест на церкви. Лай собак, рев вернувшейся из лугов скотины, крик гусей, белесая пыль над крышами. Казимир Михайлович все это окидывал очарованным взглядом.

— Наделяет же бог даром людей... На дешевой мешковине, щетинной кистью, может, надранной из самой паршивой свиньи. И такое сотворит!.. Цвет, трепетный свет, эти звуки! Вообрази! Даже звуки можно, оказывается, передавать на холсте красками. Непостижимо. Таинство...

— Ты же увлекался живописью. Почему бросил?

— Как-то сразу понял, что великим художником мне не стать... А «великих» маляров и без меня хватает. Чтобы быть настоящим художником, надо обладать поэтической душой... Не каждому это дано...

Спускаясь по деревянным ступеням, окованным железом, допытывался:

— Бываешь в Киеве на смотрах живописных полотен?

— Не положено нам появляться в общественных местах.

— Да, да, понимаю... Солдат должен быть солдатом. Это выгодно кое-кому... Не дай бог солдат начнет думать.

— Какой я солдат, дядя Казя! Фельдшер. Могу потом работать в любой больнице.

— Ладно, ладно, я к слову ... А в картинную галерею ходи. Пускают же в увольнительные. Переодеться можно. А читаешь что?

— Больше историю. Походы киевских и московских князей. Великие битвы со всякими завоевателями...

— Тоже полезно. А эту зиму что читал?

— Ну вот весной... «Леду», «Четверо», Каменского... Еще «Санин», «У последней черты».

— Ага, Арцыбашев... А что-нибудь из госпожи Чарской? Нет, не читал. Не хватает для полного букета. Лидией Чарской зачитывается молодежь. Эх-ха! Забивают вам башку требухой.

Из темноты вывернулась телега. Возчик, пьяный, сек кнутом лошадь, орал благам матом.

— А Горький?

— Ну, Горького брал у тебя... Прошлым летом.

Шли глухими закоулками. Николай не угадывал в потемках дворов. Дядя, оборвав расспросы, сделал знак молчать. Таинственность вызвала любопытство. Стороной обогнули базарную площадь. Остановились у высокой дощатой ограды. Вглядевшись, Николай узнал дом колбасника и пекаря Шульца, где они с дядей уже раньше бывали. Выдавали запахи жареного мяса и теста.

На легонький стук в ставню, калитку открыла женщина. В пристрое — пекарне и колбасной — горел свет, в стеклах маячили тени. Их провели в дом. В просторной горнице, освещенной лампой-«молнией», сидели люди. Одеты в праздничное. Молодые и пожилые. На первых порах Николай никого не узнал. Круглый стол под полотняной скатертью заставлен чашками. Посередине высится начищенный пузатый самовар, как видно, внесли его только — пышет паром.

За фикусом пустовал стул. Николай присел, фуражку надел на колено. Дядю тут ждали, кивали ему, иные протягивали руки. Ага, узнал: щуплый, со сморщенным бритым лицом старикан — Михайловский, машинист. Одно время они сменялись с отцом на паровозе. Еще знакомец, тоже в летах, с вислыми усами, широколицый, с угрюмым навесом бровей, Коленченко. Из-за буфета дяде дружески мигал в мундире путеец. Да ведь это родич Васьки Науменко, дружка, звать его Кузьма.

Вошел хозяин. Невысокий, моложавый, с непотухающим румянцем на щеках, редкие белые волосы разложены аккуратно, пробором.

— Пришель, Казимир Михайлович, — приветливо протянул руки дяде. — Прошу к столу.

К столу никто не придвигался. Чашки, наполненные хозяином, передавали по цепочке. Подошли еще, среди них дядя Колбаско, муж тетки Зои. Прихлебывая, Николай вслушивался. Пока разговор ни о чем.

Дядя сидел у стола, рядом с немцем. Головы его за самоваром не видать. Удивил голос: какой-то чужой, глуше, отчего казался внушительным. Николай поерзал — мешал фикус, терялся смысл и без того непонятного разговора. Он раньше никогда не слышал от дяди такого обилия слов: «буржуазные националисты», «октябристы», «оппортунизм», «черносотенцы», «великодержавный шовинизм». Затем из кармана вынул газету «Правда». Давно знал о такой. Знал, что ее привозят из Петербурга. О ней упоминал даже врач из окружного госпиталя. Знал, что ее редакцию часто ее закрывают жандармы.

Вслушиваясь в чтение, Николай понял: речь шла о некоем Петровском. Обсуждалось его выступление на заседании Думы, в котором он громил «национал-либералов» за поддержку царской политики, разоблачал лицемерие местных, украинских, буржуазных националистов.

Чтение неоднократно прерывалось. Иные вскакивали. Вскakiвал и Шулец, испуганно тыча оттопыренным пальцем на окна. Горячо и страстно заседал на дядю незнакомец с бледным выпуклым лбом, с темной бородкой и длинными взлохмаченными волосами. Вьющиеся пряди лезли ему в глаза, он нервно отбрасывал их пятерней, поправлял галстук, ворочал шеи.

— Господин Петровский известно куда гнет! Громит великодержавный шовинизм, а сам замахивается на молодые прогрессивные силы Украины. Вы только вслушайтесь в его слова... А мы знаем, кто за его спиной, с чьего голоса он поет. Знаем!

— Карашо скажешь Остапенко, — поддержал Шульц. — Петровский и вашим, и нашим...

— Александр Антонович, — укоризненно сказал дядя. — Насколько помню, вы бурно приветствовали избрание Петровского в Думу. А линию гнет он куда надо...

Пекарь, виновато моргая красными веками, покорно сложил руки на груди.

После резких слов машиниста Михайловского поостыл и бородатый. Опустившись на стул, демонстративно устался в угол, на этажерку с книгами.

Возвращались за полночь. Шли, не таясь, по базарной площади. Николай ясно отдавал себе отчет, где он сейчас был, что слышал. Такое ощущение — приобщился к чему-то запретному. Пожалуй, карцером бы не отделался, узнай об этом кто из преподавателей.

— Кто такой Петровский? — спросил дядю, благодарный, что тот не лезет с расспросами.

— Петровский — депутат четвертой Думы, избран рабочими Екатеринославской губернии.

— А почему на него навалился тот, бородатый? Он сновский?

— Остапенко? Нет. Из управления дороги. А навалился на Петровского... Гм, удивительно было бы, поддержи он его.

— Но этот ведь тоже революционер.

— Разумеется.

Усмешка дяди задела: играет с ним как с мальчишкой. Сунул руки в карманы в нарушение устава, дав себе слово ни о чем больше не спрашивать. У ворот Табельчуков остановились.

— Спать к нам, — предложил дядя, открывая калитку, — незачем тревожить своих.

Посидели на перилах крыльца. Дядя, прикуриив, шепотом заговорил:

— Революционер революционеру рознь. Григорий Иванович Петровский — старый социал-демократ, большевик. Единомышленник Ульянова-Ленина. О нем я говорил тебе. Петровский представляет в Государственной

думе, теперешней, совместно с несколькими депутатами социал-демократическую партию, РСДРП. От имени этой партии выступают и депутаты-меньшевики. У них иная программа, нежели у большевиков.

— А Остапенко?

— Чего? — дядя уже забыл о нем. — А! Вот, вот. Слышал же, цепным кобелем набросился на Петровского. Большевиком считает себя... А, по-моему... махровый эсер-националист.

Погасив о стояк папиросу, зевнул сладко.

— Ладно, спать айда.

Зарываясь под одеяло, Николай понял, чем дядя изменился. Ожил, окреп изнутри, спустился с небес на землю. Обрел тут недругов и единомышленников...

Снова надо ехать в Киев. Впереди выпускные экзамены. На вокзал Николай пришел один. Костя каждые каникулы накликал на себя беду, а нынче мольба его дошла до бога: на рыбалке простыл. Поселковый доктор выписал ему освобождение на неделю.

Протолкавшись к кассе, купил билет. До поезда еще четверть часа. Решил прогуляться по перрону. Застегивая карман гимнастерки, увидел, как баул его кто-то поднял. У самого уха — голос:

— Пройдемте-кась...

Жандарм! Бога.

В дежурке, куда он частенько забегал за отцом, еще двое. Из дорожных никого нет. Толстощекий, бритый наголо, с желтыми лычками на малиновых погонах, сидел на стуле дежурного жандарм. Бога, поставив перед ним баул, отрекомендовал:

— Щорс, воспитанник Киевской военно-фельдшерской школы. Возвращается с каникул, так сказать-с...

Бритый откашлялся в кулак.

— Щорса, машиниста, сын?

— Его-с.

Николая обожгла догадка. Обыск! Ждали его. Замешательство тут же сменилось холодным расчетом. Того, что

надеются найти, у него нет. Следят за дядей Казей. Предупредить бы его...

— Чем обязан, господа? — спросил, поправляя складки под ремнем.

Бритоголовый не моргая выдержал его взгляд, буднично сказал, указывая пальцем на баул:

— Желательно взглянуть... Отоприте, пожалуйста.

— Замка нет.

Вытряхнул баул Богда. Пересмотрел все вещи, перелистал книжки, тетрадки, выворачивал даже шерстяные носки, вывязанные накануне бабкой. Начальник, отвалившись, потряс с благоговением устав строевой службы, затрепанную книжонку.

— Интересуетесь строевой службой? Похвально, господин фельдшер.

— Не имею чести еще быть таковым, — ответил Николай, не поддаваясь на его миролюбивую усмешку.

— Еще год учебы им-с, — подсказал Богда, передавая застегнутый на ремни баул. — Не смеем задерживать-с. Через минуту ваш поезд.

На перроне, бегая взглядом по толпе, Николай мучительно искал, кого бы послать к дяде...

Июль 1914 года. В день выпуска с утра в спальнях, коридорах суета. Сразу после молебствия в просторном вестибюле выстроилась шеренга воспитанников. Ни одной лишней складки под ремнями, ни одного шевеления в застывших свежих мальчишеских лицах. Напротив — стол под голубым сукном, преподаватели, начальство в парадных мундирах. Свидетельства выдает сам начальник школы, генерал Калашников.

— ...Андрей Петруня!

Четкий шаг. Вручение, рукопожатие. Тем же строевым Петруня возвращается, но уже не воспитанником старшего возраста, а военным фельдшером, вольноопределяющимся.

— ...Дмитрий Мазур!

— ...Николай Пиккуль!

— ...Николай Щорс!

После выпускного вечера Николай сел в утренний поезд. Надо было денька два пображничать с однокашниками на радостях согласно заведенному порядку. От сестры получил тревожное письмо: что-то с дядей Казей. Пишет намеками. Если бы заболел. То так и сообщила.

Проезжая мост, высунулся в окно. Полный солнца и небесной голубизны, Днепр слепил. Сразу припомнились шевченковские строки: «Дніпро геть-геть собі розкинувся! Сієе батько, та горить!..» Николай щурился, ловил открытым ртом свежий ветер, а из головы не выходил дядя. Нет, не болезнь. Нет, нет. Обыск? Арест? Зимой они видались, по казенным делам дядя приезжал в Киев. Поделился с ним, что произошло тогда на вокзале в Сновске при отъезде. На диво он к этому отнесся с усмешкой.

Костя укатил недели полторы назад. Повторным заходом попал в выпускную группу. Наверно, снова река и рыбалка затянули его совсем — мог бы черкануть пояснее, нежели Кулюша. Незаботливый он, равнодушный и к чужим, и к близким. Горазд на всякие прихоти.

Под стук колес Николай одолевают мысли о будущем. С весны отчетливо ощутил, что школа позади и через месяц-другой надо делать самостоятельный шаг. На душе безрадостно. Должность младшего фельдшера в околотке одного из окраинных военных округов необъятной Российской империи страшила и приводила в уныние. За каждый год учебы воспитанник школы должен отработать в армии полтора года. За четыре — шесть лет! При поступлении тогда такая цифра казалась пустым звуком. А сейчас встала перед стеной. Угнетало еще и то, что роль твоя мизерна — ставить градусники, грелки, клизмы, выписывать с чужих слов молодым, по сути, здоровым ребятам твоего же возраста рецепты. Переживания не были бы столь болезненны, не знай он, Николай, что делается вокруг. Мало кого из выпускников тревожит завтрашний день. У иных ретиво действуют родители. Папаша состоятельный — может сунуть кому следует. Трое из выпуска таким образом отвертелись и поступают в университет, на медицинский факультет, кое-кто надеется попасть в

офицерские училища. Словом, ловчат всяк по-своему, используя толстый карман и связи.

Понимал Николай — ни того, ни другого у него нет. Отец изо всех сил один тащит огромный воз. Те замусоленные трешки, которые он с кровью отрывал от семьи дважды-трижды в году, жгут до боли ладони. Ждет не дожидется, когда начнет обрабатывать их, помогать отцу.

И снова он возвращался к своему щемящему. В университет, на медицинский бы... С мечтой этой он сжился. Но беда в том, что фельдшерское свидетельство не дает права для поступления в университет, нужна гимназия. Согласен, школьные знания по общеобразовательным не идут в сравнение с гимназическими. Возмущало другое: для него, продолжателя крестьянского сословия, сына малограмотного машиниста маневрового паровоза, страшно узка дверь храма высших наук. Это даже не дверь, а щель. Однако некоторые протискиваются. Но опять же — плата...

Опять дядя! Что там стряслось? Был обыск? А что могли найти? «Правду»? Запрещенные брошюры? Бывают у него. Доставляют машинисты, кондуктора. Случается, ездит и сам. Вот в Киев приезжал... Наверняка порожним не вернулся домой. Сновские жандармы во все глаза следят за ним. Богда днюет и ночует возле депо...

За окном бежала степь, зеленые островки сел. И только небо — безоблачное, мирно-голубое — оставалось неподвижным.

Сельским фельдшером век оставаться?.. А может махнуть в Америку? Он слышал где-то, что там все по-другому — свобода, каждый может выбирать, где ему учиться и что делать... Нет, нет. Поработает околоточным два-три года... Даже все шесть! За это время одолеет предметы, необходимые для вступительных экзаменов в университет, скопит денег, чтобы не тянуть с отца. Исполнилось девятнадцать. И шесть. Двадцать пять. Годы немалые для поступающего...

Страшно подумать, как долго пробиваться в люди. Быть свободным, независимым. Для этого нужны знания... Знать, знать и знать. Хотя бы с дядино.

Прошедший год был мучительным для Николая. На каждом шагу обнаруживались провалы: этого не знает, того не знает. Сколько требовалось изворотливости, чтобы отлучаться из школы. Пропадал в библиотеках. Заглатывал все подряд, без системы, и чем больше читал, тем явственнее ощущал свое бессилие перед огромным миром книг. Как говорил кто-то из древних философов: «Я знаю, что я ничего не знаю». Глядеть на книги по медицине — дух захватывает...

В Бахмаче, на пересадке, ожидая поезда, Николай слонялся в пристанционном садике. Удивило многолюдье. Сперва, занятый собой, не понял, в чем дело. Приводили кого-то строем, с клунками за плечами, за ними, всхлипывая, тащились бабы с ребятами. У товарных теплушек распоряжались подтянутые офицеры. В армию? Есть и немолдые. Едут на заработки...

— Николай! Щорс!

Обернулся. Дядька Михайловский. С железным сундучком, в форменке. С ним оба помощника.

— На побывку? — издали еще он протянул мазутную, с искривленными пальцами руку. — Может, подвезти? Видишь, что делается?

Мирный, нарядный вид его, наверно, удивил машиниста. Сводя настороженные брови, спросил:

— А в Киеве как? Ничего не слышать? Нет еще мобилизации?

Мобилизация? Вспомнилась на Киевском вокзале суета, случайные обрывки разговоров... Убийство в Сараево...

— Людно, — ответил Николай, чувствуя, как к щекам приливает кровь. — А, газетные сообщения об убийстве в Сербии... Из-за того, думаете, и мобилизация?

— А иначе с чего бы?

Проталкиваясь за машинистами, Николай, улучив момент, спросил у Михайловского о том, что его больше всего волновало:

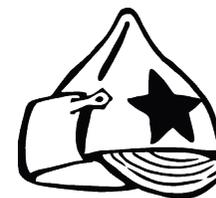
— С дядей что там?

— А ты не знаешь? Ну как же... Арестован Казимир Михайлович. Ссылка в Сибирь. Дело известное...

В паровозе узнал подробности. Дёповские, как и всегда, устроили в лесу маевку. Пошли обыски. У Табельчуков ничего не нашли, но дядю арестовали...

Отпуск Николая оборвали. Не успел он домой приехать, как вслед из школы пришло почтой предписание: явиться незамедлительно. Наскоро собрав баул, Николай отбыл в Киев. Там не задержали. К удостоверению о звании медицинского фельдшера с правами вольноопределяющегося второго разряда получил и назначение — Виленский военный округ.

В тот же день с несколькими однокашниками Николай сел в набитый поезд. В Вильно, в окружном отделе по распределению, его приписали к третьему отдельному мортирному артдивизиону. В часть добрался уже один на случайных подводах с вещмешком и защитной сумкой с крестом, набитой лекарским снаряжением. Застал дивизион в казармах. В ночь выступили к реке Неман, ближе к границе с Восточной Пруссией.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Буржуазия всех государств, начавших империалистическую войну, разглагольствовала о «защите отечества», о «национальной войне», стремясь скрыть ее грабительский характер и тем самым обмануть народ.

Русская буржуазия, маскируясь подобными фразами, стремилась завоевать новые рынки, увеличить свои прибыли на военных поставках и заодно подавить растущее революционное движение рабочих и крестьян.

Отмобилизованная русская армия выдвинулась к своим западным границам.

Война для военфельдшера Николая Щорса началась зимой 1915-го года. Почти все лето и осень их мортирный дивизион простоял, по сути, без дела на правом берегу Немана. Хвойный и березовый лес глухой стеной подступал к самой воде. На сухих, глинистых взгорках, меж деревьев, глубоко вкопались пушкари. На крышах землянок до снегопадов и морозов, под обильные дожди, успела прорасти густая зеленка. Мортиры в круглых орудийных окопах обкладывали хвоей, маскируя от немецких аэропланов-разведчиков.

С наступлением осени жизнь протекала нудная и скучная, как слякотная погода. Безделье и неизвестность томили, выхолащивали мозги, угнетали.

А где-то неподалеку бушевала война. По утрам, до восхода солнца, отчетливо прослушивался гул. По свин-

цово-серой, взлохмаченной непогодой воде он накатывался откуда-то снизу. Там смерть, увечье...

Армейские тыловые лазареты были забиты ранеными до отказа. Многие размещались тут же, за рекой, по деревням, а то и просто в лесу, в палатках. За излучиной, в двух верстах повыше — понтонная переправа, день и ночь скрипят по ней брички, фургоны, крестьянские возы с ранеными. В Вильно не оставляют, отправляют далее железнодорожными составами на Минск, Смоленск. Еще гуще встречный поток. Запружены все полустанки вплоть до Немана. Здесь и пехота, и конница, и пушки, и бесконечные обозы. От переправы все движется уже своим ходом. Уходят как в прорву. Молодые и в возрасте, с песнями, под духовую музыку. На коротких привалах усердствуют полковые священники — окуривают, окропляют коленопреклоненное воинство. За веру Христову, за царя-батюшку и отечество! Те же самые священники отпевают и усопших, которых закапывают в братские могилы. Немало хлопот у дьяков — вписывают в поминальник убиенных. Не по дням, а по часам пухнут те книжицы.

Землянка дивизионного лазарета пока еще пустует. Не распаковывали и палатки, в тюках валяются под нарами. Николай, внешне спокойный, нудился от безделья. Перечитал всю походную библиотечку своего начальника, военврача поручика Ивлева. Еще молодой, лет под сорок человек, холостяцкая, загульная жизнь с обильной выпивкой состарила его до времени — погрузнел, красное, всегда распаренное лицо иссечено глубокими морщинами, будто порезанное ножом. Чуткая, добрая его душа тянула к себе всех, кто оказывался от него в радиусе верст до двух-трех.

С самого начала, как только Николай, переступив порог, доложил, Ивлев буднично произнес, протянув руку:

— Без церемоний прошу. Просто называй по имени-отчеству, Петр Свиридович. Дело-то у нас не строевое, а вовсе наоборот...

— А меня еще проще — зовите Николаем, — ответил Щорс

Узнав, что Николай из киевской фельдшерской школы, Петр Свиридович совсем размяк, поскольку некогда сам служил в окружном госпитале, даже вел практику у воспитанников школы по уходу за больными. Давно, десятка полтора лет назад, была еще у него жена, было тщеславие, были розовые мечты. Всего лишился, начальство не жаловало, обходило, зато не обходили дружки, зачастую собутыльники. Казалось бы, где тут, в лесных дебрях, болотах их найти? Находились! Редкий вечер обходился без гостей, без громких разговоров, без пьяных песен.

В землянке Ивлева и стал жить Николай. Можно было поселиться и к санитарам, по соседству, но Петр Свиридович распорядился по-своему. Увидев, что юный фельдшер тянется к книжкам, дозволил ему копаться в своем походном сундуке. Иногда Петр Свиридович сам подсовывал книгу. По утрам, после похмелки, когда оставались одни, выспрашивал о прочитанном. Обнаружив зрелые суждения помощника, загорался сам, пускался в объяснения. Как-то вынул из кармана шинели крохотную книжечку.

— Почитай вот... — перелистывая, хмурил клочковатые брови. — Стихи. Анна Ахматова, поэтесса...

Наутро сам затеял разговор.

— Слушал ее, поэтессу... Весной этой, в Питере. Девчонка, хрупкая, как рюмочка. К знакомым офицерам попал, на вечеринку. Скажу, Николай, красоты неземной! Не телом — голосом своим. В отличие от других, коих довелось мне слушать живые, читать, из нынешних, молодых, эта ближе душе, всему земному... Вчитайся, вслушайся, что она описывает. Речь не только о предметах, но и духовном, так сказать... О чувствах, переживаниях, ощущениях. О состоянии человека. Особенно ей удастся поймать миг состояния. Вот где это... Она стоит у окна... Рядом он... После близости, самого интимного в человеке... Э-э, да ты, Николай, совсем еще зеленый.

С темнотой, после вечерней поверки, на пороге землянки появлялись батарея, младшие и средние офи-

церы — собутельники Ивлева. Все из знатных фамилий, из семей военных... Простого звания не было. Николай давно пригляделся к ним. Как хозяин землянки он должен был всегда оставаться на месте. Порядок такой завел опять же Петр Свиридович:

— Не исчезай. Дом это твой, ты хозяин. Место за столом у тебя свое. Выпивка вовсе не обязательна. Не принуждаю. А кому не по душе... чином, мол, не вышел, наплевать.

Так Николай и делал. С приходом гостей не оставлял землянку. Садился вместе со всеми за стол, в разговоры не встречал — слушал. Все будто шло без косых взглядов, ни резких слов. Если и не принимали за равного, то и не помыкали. А разговоры особым разнообразием тематики не отличались — война, женщины. Вкрапчивалась и политика. В открытую крыли командование, особо какие были из немцев. Крепко доставалось генералу Ренненкампфу, командующему 1-й армией, чьи тылы они сейчас подпирают. Потрясла гибель 2-й армии. Много толков вызвало самоубийство генерала Самсонова. На диво единодушным среди офицеров считалось, что такой исход для офицера — это сохранение чести русского мундира, чести дворянина.

— Вы, вольноопределяющийся, как расцениваете поступок генерала Самсонова? — вдруг спросил подпоручик Сидякин, вылощенный, с русой шевелюрой, светлыми усиками, командир огневого взвода. — Одобряете, осуждаете?

Серые, потемневшие от света свечек глаза подпоручика смеялись. Николай не однажды перенимал на себе его взгляд. Теперь он демонстрировал явный вызов. Умолк застольный гомон, некоторые поворачивали головы — ждали ответа.

— Ну, ну? Так что же? — понукал офицер, придвигаясь со своим табуретом.

Знал Николай, какой ответ их устроил бы, но он не совсем был уверен, что подпоручик ждет именно его. Ищет, за что прицепиться. Повод не даст ему, не потрафит и желанию всех.

— Расценивать поступок генерала Самсонова я лично не берусь, ваше благородие, — сказал, не отводя взгляда. — Надо быть на его месте... В тех условиях и обстоятельствах. Окажись мы с вами в Мазурских болотах, возможно, нашли бы какое-то другое решение.

— Браво, вольноопределяющийся! — вскричал Петр Свиридович, разряжая обстановку.

Но этим все-таки не кончилось. Буря разразилась в аккурат под рождество. Так же сидели, при этой компании. Много пили, пели. Подпоручик Сидякин, воспользовавшись разногласиями, придвинулся вместе с табуретом, как и в тот раз. Навеселе крепко, шурясь, дергая шеей, сияясь согнать хмель, сказал в самое лицо:

— Недолюбиваю трезвых, вольноопределяющийся... И молчунов. В них таится этакое... Хочется дать в морду. Но вы не... Ренненкампф. К сожалению...

— Вы тоже, подпоручик... не Самсонов.

Эти слова пришли как-то сами собой, мгновенно. Не успев еще произнести их до конца, Николай со злой радостью обнаружил, что ответ более чем кстати. Именно Сидякин смаковал тот давний конфликт между генералами Самсоновым и Реннепкампфом из времен японской. Самсонов дал немцу оглушительную пощечину якобы за почти такую же ситуацию, которая разыгралась нынче в Восточной Пруссии у Мазурских озер. Опять Ренненкампф не пошел на вырубку. Останься Самсонов жив, немец пощечиной бы не отделался.

Взгляд подпоручика трезвел, а руки начали ощупывали бока. Дыша водочно-луковым перегаром, зло прошипел:

— Ты, быдло!.. Только это тебя и спасает. Как куропатку бы... с десяти шагов. Слово офицера, дворянина!

Ночью Николай взял под мышку полосатый матрац, набитый сухими листьями, взял свой замызганный баул и перетасился в соседнюю землянку, к санитарам. На угоры Петра Свиридовича отрезал:

— Пойду к своим, «быдлу»...

На крещение с утра поп Амвросий вывел свою серошинельную паству на Неман. Двое суток перед этим, не

разгибая спин, трудился взвод пушкарей-умельцев, они вырубали на середине реки огромный крест, подняли его веревками и тут же, у проруби, вморозили стоймя. Едва батюшка успел освятить вскрывшуюся воду, как в нее бультыхнулись раздетые донага солдаты. Желаящих принять иорданскую купель набралось немало. Гогот, крики, сутолока. С верующими лезли и озорства ради, молодые, здоровые: некуда девать дурную застоявшуюся силу.

Дорого обошлось иорданское купание. В самый разгар из-за макушек вековых сосен вынырнул черный аэроплан, секанул из пулемета, развернувшись, прошел еще чуть ли не по головам бегущих, обезумевших людей. Сверху, на белом, ясно видать. К вечеру с дюжину свежих холмиков насыпали. Тут же, рядом с землянками. Тесали гробы, выбирали лучшие березки для крестов. Среди них оказалась и могила подпоручика Сидякина. Ни хуже, ни лучше других: сравняла его, дворянина, земля с «быдлом». Не помня обиды, Николай постоял с обнаженной головой и возле нее. Штабной писарь на гладком затесе вывел, как и всем, чернильным карандашом его звание, фамилию и инициалы.

Сразу нашлось дело и лазарету. До десятка уложили на нары, столько же двигалось своим ходом на перевязку — отделались легкими ранениями...

Через неделю дивизион снялся с насиженного места. Так вдруг, среди ночи. Не было никаких толков перед этим. Самому полковнику доставили в постель срочную депешу из штаба фронта. Выступили за Неман, углубляясь в Августовские леса...

Второй год войны для России выпал тяжким. Царская ставка во главе с великим князем Николаем Николаевичем готовила широкое наступление обоими фронтами — из Варшавы на Берлин и вторжение через Карпаты в Венгрию. Германское командование, осведомленное своей разведслужбой, перенесло главный удар с Западного на Восточный фронт. Не добившись успеха в Северной Франции, Германия обрушилась на Россию. Зная, что

французская и английская армии, потрепанные прошлогодними боями на Марне, не помышляют о крупных наступательных операциях, Вильгельм основные силы перебросил на восток. Кайзер задался целью поставить Россию на колени, вывести ее из войны.

В февральскую стужу развернулись встречные бои. В Галиции русским удалось в упорных сражениях перевалить Карпаты. В марте 11-я армия принудила австрийскую крепость Перемышль выкинуть белый флаг. Из Восточной Пруссии немцы повели наступление на Августов — Осовец — Гродно. Генерал Гинденбург, желая повторить мазурскую удачу, двумя армиями сдавил в Августовских лесах 10-ю русскую армию. Русские войска стойко оборонялись. Ценою одного из армейских корпусов они вышли из окружения и отступили к крепости Осовец. Эта победа немцев была сведена на нет поражением их севернее Варшавы в районе Пресныша. Но план царской ставки был сорван.

К лету немцы еще больше перебросили войск с запада. Не связанные активными действиями французов и англичан, они в начале июля предприняли грандиозное наступление.

23 июля пала Варшава, за нею — крепость Новогеоргиевская. Основной удар немцы направили на Двинск и Вильно. Завязались кровопролитные бои на Немане, под крепостью Ковно...

Мортирный отдельный артдивизион лето не выходил из боев. Отступая, артиллеристы в конце августа опять заняли старые позиции по правому берегу Немана. Каждый орудийный расчет обосновался в своем заросшем травой дворике. Лазарет тоже вселился в свою землянку. Николай первым переступил порог. Ногой стронул застоявшуюся дверь — в нос шибануло нежилым духом, плесенью. Сбросив потрепанную изрядно сумку с крестом, блаженно растянулся на нарах. Веки свинцовые, не помнит, когда за последние сутки смыкал их. Не дадут уснуть и теперь: с минуты на минуту подойдет от переправы обоз. В землянку не поместишь всех раненых. Нет и нужды: сухо пока и на

воле. Палатки разобьют. А долго ли удержатся на этих позициях? Немцы прут конницей именно на их участке. Без сомнения, рвутся на Вильно.

Последнее время дивизион потерь не имел. Оторвавшись от противника, перемещался за Неман. Тяжелораненых от переправы везли в Вильно. Остались выздоравливающие да с легкими ранениями, контузиями.

На закате дня вернулся Петр Свиридович. Присутствие его с утра не требовалось, и он со спокойной совестью провел время в штабе. Издали Николай определил: Петр Свиридович навеселе. За весну и лето, в боевой обстановке, в рот не брал спиртного. Отвел, значит, душу. По выражению лица не скажешь, что принес хорошие вести.

Ужинали вдвоем, при свечах. Петр Свиридович раскупорил казенную бутылку со спиртом, наполнил два стакана.

— Пей.

Николай удивленно посмотрел на врача, пытаясь задать вопрос.

— Пей! Никто до нас не придет больше из тех... — опередил его Петр Свиридович. — Никто. Всех растеряли в Августовских лесах. Никого не осталось. Все новые, сопливки зеленые, без роду, без племени. Ни поговорить, ни выпить...

Отхлебнув, он отставил стакан.

— Проиграли мы, Николай, и эту войну, как с японцами. Попомнишь мои слова. Не удержимся тут, на Немане. А с новым командованием и вообще...

— Опять заменен командующий фронтом другим родственником царя? — спросил Николай.

— Бери выше, верховный! Сам царь возглавил армию. А ведь великий князь куда-а-а в военных делах...

— А что с князем?

— Слухи, на Кавказ отравили. К туркам. Я лично об том весьма сожалею...

Задув свечи, легли спать. Кряхтя, укладывая удобнее свои мощные телеса, Петр Свиридович заговорил:

— А по совести, Николай, сожалею я о другом нынче... Парень ты дельный. Словом лишний раз не пожалуешь, но зато руки твои... Да и вообще, душой прикипел к тебе.

— Вас переводят? — Николай по-своему понял его слова.

— Ты отбываешь.

— Куда?

После долгой возни Петр Свиридович отозвался:

— Боюсь, придется тебе расстаться с фельдшерской сумкой. А жаль, врач из тебя вышел бы.

— После войны поступаю в университет.

— Надежды юношей питают...

Утром, на трезвую голову, Петр Свиридович продолжил ночной разговор:

— У меня вчера еще родилась мыслишка... Коль в строй тебе, идти надобно в школу прапорщиков. В нашу, Виленскую. Нужда преогромная в младших офицерах. Сам видишь, потери...

— Не получится. Я обращался уже к штабс-капитану Мернову, — сознался Николай. — По крайней мере, надо было в двенадцатом получить свидетельство. Года три хотя бы отработать. Я-то окончил в четырнадцатом.

— Тэк-с, тэк-с, — озабоченно насутился Петр Свиридович. — Это дело усложняет.

Мысль о строевой службе полностью захватила Николая Щорса. Запала еще весной. Последнюю каплю добавил знакомый врач, самый близкий из всего фронтового окружения...

Война эта, с колоссальным истреблением людей, скоро взломала многовековую кастовость в царской армии. Потребовалось множество офицеров, особенно младших чинов, кто ведет в бой. Кадровый офицерский корпус, преимущественно из дворян, понес внушительные потери. Действующая армия ощутила нехватку уже осенью 14-го в командном составе. Военные привилегированные училища спешно переводились на ускоренный срок обучения. Двери их были открыты широко, брали со средним

образованием, с сословием не считались, а боевых парней, фронтовиков, так и вовсе мало-мальски грамотных.

Не составляло труда поступить и Николаю. Заминка произошла формальная: потребовался трехгодичный фельдшерский стаж. После недолгих колебаний он собственноручно устранил эту формальность: в свидетельстве Киевской военно-фельдшерской школы год окончания «14» исправил на «12».

К зиме 1915 года русские оставили Галицию, Польшу, Литву, часть Латвии и Белоруссии. Фронт распрямылся по линии от Риги до Черновцов, тянулся через Двинск, озеро Нарочь, Пинск, Тернополь. Противники выдохлись. Из активной, наступательной война обернулась в позиционную. Войска врылись глубоко в землю, в блиндажи, землянки, опутавшись вдоль траншей колючей проволокой. Со снегопадами почти умолкли и пушки с обеих сторон.

В конце октября закончилась фельдшерская жизнь Николая Щорса: он вступил в действительную службу. Простившись с батарейными санитарями, с которыми сжился за пятнадцать месяцев, отбыл в 277-й пехотный запасной батальон. Батальон стоял в Вильно, но вскоре передвинулся к Минску.

В Минск Николай добрался санитарным поездом. На вокзале этапный комендант указал месторасположение его части, которая на то время располагалась в пригороде. Притопал туда только к вечеру. Штаб располагался в имении какого-то высланного вместе с семьей немца. Здание двухэтажное, кирпичное, с острой черепичной крышей. Все дворовые службы тоже из кирпича, под такой же кровлей. Двор обнесен дощатой оградой, обсаженной то полями. Доложился прапорщику. Просмотрев документы, тот равнодушно заметил:

— Кстати, вы уже не вольноопределяющийся. Вы теперь рядовой маршевой роты запасного 277-го батальона. Найдите во дворе фельдфебеля, он распорядится о вашем размещении.

Во флигеле, приспособленном под столовую, Николай столкнулся с однокашником — фельдшером Степа-

ном Грицаем. При ламповом свете не разглядел сразу среди десятка старавшихся над алюминиевыми мисками.

— Колька! Щорс! Какими молитвами, а?

Проговорили до полуночи. Степан, оказывается, хлебнул лиха по ноздри: ранение, попробовал и газов. Фельдшерством не занимался. Попал в один из корпусов генерала Самсонова, чудом выбрался из Мазурских болот. Через год, тоже в августе, влип в ковенской крепости. Опять удалось унести ноги. О начальстве крепости отзывался сочувственно.

— Так генерал Григорьев, комендант крепости, осужден к каторге, — вспомнил Николай. — Кажется, читал об этом в газетах. Вот, с месяц назад...

— Нашли козла отпущения, Григорьева. — Прикурив, Грицай пониженным голосом продолжал, — Коль судить, так надо брать повыше... Довели, сволочи, Россию до ручки. Куда ни кинь, все клин. А кровь-то льется мужицкая...

Вроде бы ничего нового в словах однокашника не прозвучало, все солдаты склоняют командование, связывая это с напрасными жертвами и с изменами. Но в тоне Грицай Николай ощутил. Пожалуй, впервые такой жесткий акцент о происходящем... Уж он-то крови поповидал. А ведь и в самом деле кровь льется мужицкая. До пяти-сот в дивизионе солдат, а за полгода боев дважды, считай, обновлялась орудийная прислуга. Не без того, убывали и офицеры, но то капля в реке.

— А кому, скажи, она нужна, война? Мужики? — допытывался Степан, пыхая сигаркой. — Может Михееву, кучеру нашего полковника? Или тебе? Мне? А может, прапору, какой принимал нынче тебя? Тоже сомневаюсь. Один он у матери-кухарки...

Слушать этакое от едва знакомых батарейцев или санитаров — куда ни шло. Но Степан — сверстник, двадцать лет от роду, родители его живут исправно — владеют где-то на Харьковщине паровой мельницей и крупорушкой. У самого Георгий, не за красивые глаза на шинель повесили...

Днем Николай внимательно разглядел однокашника. Изумило лицо. Помнит на выпуске Степана: мальчишка, как и все, со свежим румянцем, золотистым пушком на мягком подбородке, с озорным блеском в глазах. От всего этого и следа не осталось. Землистый цвет ввалившихся щек, глубокая морщина на лбу с открывшимися пролысинами, скуден вихорок, вместо некогда пышного чуба, сводившего с ума девчат-посудниц в школьной столовой. Да, вот во что превращают человека окопы, ранения и газы. Перемена коснулась и глаз. Взгляд потерял мальчишеское озорство, зато обрел зоркость — пытливую, беспокойную. Николай тотчас испытал этот взгляд на себе.

— А ты все тот же, Колька, не изменился...

Не в словах и не в голосе осуждение — во взгляде. Долго потом, ловя свое отражение в зеркале, Николай переживал чувство стыда и какой-то вины.

Унтеровские лычки Степана, солдатский крестик на шинели вызывали к нему почтение всех обитателей имения. Покуда таких как он мало, в основном младший командный состав. Со дня на день ждали маршевиков — мобилизованных, из лазаретов, ополченцев. Не было еще и командир батальона. Его обязанности исполнял прапорщик Исаев. С прапорщиком Степан вел себя на «ты». Подолгу засиживались за бутылкой, курили из одного портсигара.

На правах однокашника Степана проводил вечера с ними и Николай. К славе приятеля относился он с доброй ребячьей завистью. Но не это все-таки тянуло к нему. Тянуло его возмужание, независимость в поведении, суждениях. Манила какая-то загадочность в нем. Хотелось раскусить, заглянуть о внутрь. Из долгих споров с прапорщиком нелегко что-нибудь уяснить. Николай и раньше знал о существовании политических партий, названия их, но ему всегда казалось, что все революционные партии на одно лицо. Ведь цель у них одна — свергнуть царский режим. И все они опираются на народ, выступают от его имени, борются за его лучшую долю. О чем тогда спор? Оба социал-революционеры, эсеры, как они себя не без гордости именуют, а эсеровскую правду свою доказы-

вают друг дружке до хрипа. Так же спорили, помнит, и у пекаря Шульца...

Жгучий интерес Николай испытывал некогда и к дяде Казе. Кто же он — социал-демократ или эсер? За какие взгляды арестован и отправлен в ссылку? Дядя обращал его в свою революционную веру исподволь, не гнул через колено. А Степан сразу быка за рога:

— Не то время, Щорс, — внушал он. — Определяйся в своих политических взглядах.

Николая задел его тон.

— Откуда тебе известно, что у меня их нет, взглядов?

— Вижу...

Чем бы окончились их совместная служба и вновь складывающиеся взаимоотношения, неизвестно. После рождества пришла депеша, по которой вольноопределяющемуся Николаю Щорсу следовало прибыть в город Полтаву для прохождения курса подготовки младших офицеров в Виленском военном училище. Степану первому попала в руки та депеша. Ввалился в казарму, отряхивая шапкой снег с полушубка, сообщил новость.

— Ты ждал ее, депешу? — спросил он, щурясь.

— Ждал.

Потоптавшись, Степан взялся за дверную скобу.

— Жаль, не довелось вместе повоевать... А может еще и повоюем? Рад был свидеться. Желаю удачи...

Ночью Николай трясся в набитом вагоне, обхватив, как подушку, свой неразлучный баул...

Четыре месяца пролетели, как одно мгновение. 21 мая, за полторы недели до выпуска, юнкер Николай Щорс был произведен в войсковые унтер-офицеры. Старая просоленная солдатская гимнастерка вместе с погонями отправились в каптерку. Взамен каптенармус выдал отрез тонкой шерсти цвета хаки, поверх фуражки с кокардой положил пару золотых погон. На малиновом просвете — крохотная звездочка.

В первый летний день на просторном дворе училища состоялось производство. Николаю это напомнило киев-

скую церемонию: зачитали приказ, вызвали из строя, пожали руку. Теперь он прапорщик, младший офицер русской армии. Тут же вручили и назначение в 142-й пехотный запасной полк.

Учеба не особенно обременяла Николая. Четырехлетняя киевская шагистика, строй, зубрежка уставов, даже наказания, пришлось кстати. С успехом одолевал стрельбу, фортификацию, на душу легла топография. Озадачивала тактика. Умение делать перебежки, выставлять заставы, караулы, владеть штыком и прикладом, чему усердно учили бывалые унтера в часы, отведенные той науке, не удовлетворяли Николая. Он чувствовал пробелы в знаниях. После ужина, забиваясь в душную библиотеку, листал в спешке книги и журналы, пытаясь нагрузить себя дополнительными знаниями...

Прикинув дорогу до части, срок явки в часть, Николай двинул на Бахмач. На денек можно заскочить домой. В Сновск добрался товарняком, на тормозной площадке. Ехал как бы налегке. Не хотелось прикрывать засаленной, вытертой старой юнкерской шинелью мундир, с иголочки, без морщин, незахватанные погоны. Офицерскую сшить не успел, вез отрез, в полку надо будет заказать...

Вот сейчас пройдет навесной мост и встанет у собственного порога во всем блеске. Два года не был дома. Из писем знал новости. Кулюшу выдали замуж, живет отдельно. Зять из деповских, работает на электростанции, Бондарович Петро. По описаниям сестры не мог припомнить его, наверное, он постарше. Другая новость — Костя тоже, как и он, учится «на офицера» ...

Собравшиеся с полуночи над поселком тучи утром хлынули ливнем. С молниями, громом. Дождь застал Николая на мосту, через пути. Бегом припустил, с чемоданом, набитым вещмешком и скаткой. Баул свой забросил: все же офицер. Покуда добежал до своей калитки, фуражка, плечи и колени потемнели от влаги. С вещами, отдуваясь, вскочил в прихожую.

Удивили безлюдность и тишина. Никто не отзывался. Заглянув в горницу, в обе спальни, прошел на кухню.

Сзади кто-то повис. Екатерина! Теперь старшая в семье, домохозяйка, заменившая Кулюшу. Совсем взрослая, невеста уже. Чем-то похожа она на сестру в лице.

На голос старшей появились девчата. Испуганные мордочки. Не узнавал, кто из них Зинаида, Раиса, Лида.

— Гришку и Бориса увела Ольга к Табельчукам. От дядьки Кази письмо из Сибири пришло. А мама к завтра не пошла. Сегодня ведь воскресенье.

— Отец на линии?

— В ночь укатил.

Узнав, что он ненадолго, Екатерина засокрушалась:

— Не увидит тятя... По трое суток теперь пропадает. Жалеть будет — страх. Все вспоминает тебя...

Вечер Николай провел в семье. Собрались свои, Кулюша с мужем, все Табельчуки и Колбаско. Зять Петро вынул из потайного кармана бутылку настоящей водки с царской этикеткой и сургучной запайкой. В разгар веселья Кулюша потянула за рукав, как бывало, коснулась губами уха:

— Не видал Глашу? Тут она, у отца...

Откуда-то со дна поднялось давнее. Ничего не забылось, вроде то было вчера. До полуночи прошагал возле своего забора, втаптывая в сырой песок окурки... Вглядывался в окна соседей, но подойти так и не смог... Да и от туда никто не показался...

Вошел в дом, разделся и лег в постель. Чувство одиночества снова закралось в его душу. Он накрылся одеялом и лежал, прислушиваясь к начавшемуся дождю и ветру, к слабому постукиванию ставней, пока они его не убаюкали...

Наутро Николай покинул Сновск.

Казалось все, Россия повержена. На третье военное лето она не способна будет к крупным наступательным действиям. Вильгельм уже потирал руки. Штаб его, и он сам, не видели необходимости продвижения в неоглядные просторы русских. Осталось разделаться с французами и англичанами.

В феврале немецкие войска, опережая планируемое противником на лето наступление, двинулись на крепость Верден. Месяц шли кровопролитные бои.

Но совсем неожиданно для немцев ожила русская армия. Царская ставка, желая облегчить положение французов, в мартовскую распутицу предприняла наступление на Ковно. Крепость свою, оставленную более полугода назад, не отбили, и с огромными потерями отошли на исходные позиции. Немцы прекратили атаки под Верденом.

На том царская ставка не успокоилась. В апреле Николай Второй подписал приказ о подготовке к летнему наступлению на всех трех фронтах. Западный наносит главный удар, два других — вспомогательные.

В первые дни мая австрийцы набросились на Италию, недавнего союзника Антанты. Итальянские войска в недельный срок потерпели жестокое поражение под Трентино. Итальянцы попросили у царя Николая помощи.

Полетели опять планы русского главного командования. 21 мая Юго-Западный фронт пришел в движение. После двухсуточной артиллерийской бомбардировки пехота кинулась на штурм сильно укрепленных вражеских позиций. Генерал Брусилов, новый командующий фронтом, ввел в прорыв отборные полки гренадер и казачьи дивизии. Успешно продвигались фланговые армии: 8-я заняла Луцк, 9-я, отбросив врага за реку Прут, подошла к Черновцам. За несколько дней были разгромлены две австро-венгерские армии.

Прорыв русских ошеломил австро-германское командование. Спешно перебрасывались немецкие дивизии из Франции и с северных участков Восточного фронта. Контратаки немцы повели из Ковеля. Брусиловцы отбили их. Возобновив наступление, 8-я армия вновь опрокинула противника и вышла на реку Стоход. Сосед, генерал Эверт, командующий Западным фронтом, не поддержал вовремя решительными действиями, потерпев неудачу севернее Барановичей, он прекратил бой.

К осени армии генерала Брусилова утратили наступательный порыв. Войска выдохлись под Ковелем, на болотистых берегах реки Стоход...

Прапорщика Щорса швыряло в тех событиях, как щепку в взбунтовавшемся море. Все лето и осень кочевал в тылах Юго-Западного фронта, передвигаемый кем-то по запасным частям. Из 142-го пехотного запасного полка в середине сентября отозван с группой офицеров в действующую армию. Попал он в распоряжение начальника 3-й пехотной запасной бригады. Не дав распаковаться, перекинули в соседнюю, 21-ю бригаду. Двух недель не прошло — приказ: отбыть в штаб 45-го армейского корпуса 9-й армии. Очутившись в 335-м Анапском пехотном полку, он по каким-то признакам понял, что здесь наконец-то его пристанище. Весь ноябрь стоял «прикомандированным» к штабу. 28-го ноября получил назначение на должность младшего офицера роты.

Анапский полк занимал позиции по берегу Прута. Траншеи и землянки 2-й роты располагались у самой кромки камышей. Желтым полосой уходили камыши к воде. Противоположный берег виднелся серой узкой полоской. Там — враг. Оттуда, бывает, бьют пушки, шалят пулеметчики и снайперы.

— Вы, ваше благородие, не дуже вытуляйтесь в лакированной фуражке, — предупредил в первый же день Николай бородатый постовой в траншее. — Шалят оттель... Ненароком клюнет.

Разговорчивый бородач в благодарность за папиросу тут же поделился недавним:

— Нады вот тах-то... вашего благородия, тож вьюноша зеленый, вытулил головку, а козыречек и блесни... Приголубила пуля. Дура дурой, сказывают, пуля-то. Хоша по нашим, солдатским, соображениям она понятие имеет...

— О ком имеет понятие? — спросил Николай, уже догадавшись, что речь идет о его предшественнике, прапорщике Светличном.

— В аккурат на их место вас дослали...

С самого начала войны, считай, на фронте. Более двух лет. А вот так, на боевых позициях, впервые. В затылок все глядел войне. По локти возился в чужой дымящейся крови, своей покуда ни капли не пролил. Нынче загля-

нул войне прямо в глаза, не успел рассмотреть, но ощущения вызвала сложные, противоречивые. Весь день ходил по землянкам, траншеям — присматривался. Было как-то беспокойно на душе. Больше всего волновало, как сложатся отношения с подчиненными солдатами. Приглядывался и к офицерам — теперь ровням, с которыми воевать и жить вместе. Чувствовал, что с солдатами будет легче найти общий язык, чем с офицерами.

Вживание в окопный солдатский быт, в офицерскую среду оказалось для Николая мучительным. На Немане жилось просто и ясно, санитары и батарейцы принимали за своего, каков есть. Нынче все усложнилось.

Солдаты вскакивали перед ним, тянулись, «ели глазами». Понимал, обычное проявление воинской дисциплины, солдатского долга. В словах своих, во взглядах, даже во внешних движениях они всячески старались выпятить напоказ разницу меж собой и им, офицером, «белой костью». Первый урок преподавал тот же бородач, Хомин, как он себя называл. Пуля-то дура, а «понятие имеет»: выбирает, мол, кого бить, офицеров. С папиросами тоже получилось... В одной из землянок раскрыл портсигар, брали нехотя, делая одолжение. Веснушчатый немолодой солдат с густыми бровями, прокашлявшись надрывно, вместо спасибо сказал:

— Не, вашбродь... папирос этот курить только вам. Не по нашему, солдатскому, нутру. Пахучий табак, да бездушный. Душу, стало быть, не забирает.

Вечером в своей, офицерской, землянке ощутил открытую неприязнь. Не в пример солдатским, где набито людей как селедок в бочке, а по чавкающей глине просто кинуты связки камыша, у них — хоромы. Стены, перекрытие из тесаного кругляка, полы дощатые. Прямо настоящая срубленная изба. Не общие нары, а походные кровати с белыми простынями и подушками. Освещение ламповое, не жировые площадки и гильзы. Жильцов двое, он третий. С одним уже встречался. Подпоручик Хлебников, из 1-й роты. Представляли их наскоро в землянке командира батальона.

— Георгиев, — назвалса незнакомый, не подавая руки.

Фамилия соответствовала как гвардейской выправке поручика, пушистым черным усам и бакенбардам, так и густому засеву серебра и цветной эмали наград на мундире, небрежно брошенном на кровать. Он, в иссиня белой нижней сорочке, со спущенной помочью с одного плеча, умывался тут же в углу под медным рукомойником.

— Поручик Георгиев, Павел Леонтьевич, — живо добавил Хлебников, сгребая со стола свои бумаги.

Хлебников, как старожил, взял на себя обязанности хозяина, демонстрируя общительный нрав. На столе появилась бутылка коньяку и консервы, сам заварил черный кофе. Рассказывал о недавних боях, о малом и большом начальстве, вплоть до генерала Бруилова. Георгиев мрачно помалкивал, пил и ел. Оказалось, он случайный человек среди анапцев, гусар, за какую-то провинность из кавалерии сослан в пехоту. Наград не лишили, заменили мундир и звание.

Знакомство состоялось. Казалось, сошло все гладко, по русскому обычаю — со стопкой. Укладывались спать. Гусар, не произнеся за весь вечер десятка слов, ни с того ни с сего подал голос:

— Вы, прапорщик, под солдата, вижу, рядитесь, — напрыгаясь от натуги, стаскивая сапог, сказал Георгиев. — Шинелька на вас солдатская... Дешевый прием, скажу я. И вредный.

— Павел Леонтьевич, он и сшить-то, поди, ее не успел, вступился Хлебников, принаравливаясь задуть лампу.

— Так и есть, подпоручик, — сказал Николай, делая упор на слове подпоручик. — Отрез до сих пор таскаю в чемодане.

— Не вздумайте, прапорщик, головы солдатам мутить о своем крестьянском происхождении, а то и рабочем... — не унимался гусар. — Вас слишком выдает физиономия.

— В самом деле, господин поручик, я из крестьян... Если не верите, можете в метриках посмотреть, там так и записано... — Николай с трудом осиливал подкатившее злое удушье.

Напряженно ждал схватки с гусаром. Тщательно готовился, обдумывая каждое слово. Не даст он себя в обиду...

Георгиев и полусловом не обмолвился о ночном, вел себя так, будто его, Щорса, вообще нет в землянке. Днями пропадал где-то в тылах полка, являлся поздно и заваливался в постель. А вскоре вообще исчез из расположения роты с вещами.

И все же неприятность случилась. Пришла с той стороны, откуда и не ждал, а именно от подпоручика Хлебникова. Неожиданный и коварный.

Как-то вечером в траншее под бревенчатым навесом Николай готовил наряд. Секреты таились в камышах, за проволочным ограждением, у самой воды. Зона та считалась нейтральной, следили за рекой ночью. Дело обычное, секреты уходили до рассвета. Двое суток были в дозоре, потом солдаты отсыпались, отгуливали в землянках. Шли с охотой. Ему, офицеру, не обязательно выводить наряд за проволоку, с ними унтер. Нынче, как на грех, сам вместо унтера хотел полежать в камышах с солдатами. Надел теплое белье, шерстяные домашние носки, выгреб из чемодана все запасы папирос.

Тут-то и случилось. Один из караульных, молчаливый, добродушный солдат лет за тридцать, вологодец, Георгиевский крестик получил недавно тут, в Южной Буковине, взбунтовался, отказываясь идти в наряд.

— Почему? — опешил Николай, пытаясь заглянуть тому в глаза. — Я ведь иду сам... с вами. А мне и не положено.

— Идите, ваше благородие... Как вам в новинку. А мне не из чего... Третью осень брюхом землю колупаю. А там, можа...

— Ты болен? Не здоровится тебе? — допытывался Николай, чувствуя собственное бессилие что-либо изменить, оказавшись в дурацком положении. Слова его были наивны, понимал сам, оттого терялся еще больше, — Ступай к фельдшеру... Другого вместо тебя назначу.

Вдруг кто-то с силой оттолкнул его. Подпоручик Хлебников. Не размахиваясь, поддел в челюсть — солдат,

вскинув руки, без стопа повалился снопом на дно траншеи. Подхватив за ворот, поставив на ноги, Хлебников долбил его затылком о камышовую стену траншеи, задышался гневом:

— Скотина серая! Офице-еррру?.. Приказа не выполнить... Да ты знае-еш-шь?! Сгною, сволочь!..

Выпустив обалдевшего вологодца, он вдруг тихо, без рыка, и будто не произошло сию минуту безобразной сцены, или, во всяком случае, сам в ней не участвовал, проговорил, качая с укором головой:

— Георгиевский кавалер... Дожилия. А не будь крестика... Их благородие прапорщик с превеликим удовольствием всадил бы тебе пулю в лоб. В другой раз он это непременно сделает...

Николай был потрясен. Поступок подпоручика был мерзкий, гнусный...

В секрете Николай все же побывал. И хотя Хлебников тащил в землянку, настоял на своем: не мог оставаться с ним с глазу на глаз.

Среди наряда оказался бородач Фомин, он-то и взял на себя нелегкий труд объясниться. Лежали с ним в паре в логове, свитом искусно из камыша. После мучительного молчания, накурившись в рукав досыта, он заговорил:

— Не измывайтесь, ваше благородие, над собой. Нема у вас вины никакой перед нами...

— А кто обвиняет меня и в чем?

— Ну с какого края глянуть... Я самолично ни в жисть не поверю, что вы могли бы вынуть наган на солдата. Клянусь богом. Вот уж неделю зрю вас, поблизу, не абы как... Хоша, сказать, благородных вы кровей человек.

— Каких еще благородных?.. Отец мой машинист, — раздраженно отозвался Николай. — Паровоз водит, товарняк.

— Во, во, — невозмутимо соглашался солдат. — Машинисты, они в белых перчатках...

— Ну, Фомин!.. У него десять душ детворы... Один работает. До белых перчаток ли...

Выкурив очередную папиросу, солдат завздыхал:

— Эхе... Десять... А у вологодца вон их семеро. Баба чижало слегла. Письмо из деревни прописали. Вот оно и вышло нынче так-то...

На другой день с подпоручиком Хлебниковым определились взаимоотношения. Тот заварил кофе, достал из тумбочки начатую бутылку. Был оживлен, внимателен, вчерашнее выдавал за поступок, который избавил его, прапорщика, от великих бед как перед начальством, так и солдатами. Николай, повертев стопку, демонстративно отставил ее.

— За науку, Хлебников, спасибо... Узнал, с кем пил, кому протягивал руку.

— Изволь яснее, прапорщик.

— Куда уж яснее. Негодяй вы, Хлебников, отменный. И можете достичь в этом со временем успехов поразительных.

— Благодарствую, Щорс... Сам пришел к такому выводу или подсказали?

— Подсказали.

Менялся в лице подпоручик. Сходило наигранное, издевательски-потаенное, взгляд серых глаз хищно обострялся, скулы бледнели. Отставив тоже стопку, долго прикуривал от трофейной зажигалки.

— А ты знаешь, Щорс... Я могу потребовать удовлетворения.

Николай уже полностью овладел собой. Пересел на койку, насмешливо наблюдал, следя за каждым движением подпоручика.

— Не так давно тоже страстно желали вызвать меня. Вроде вас... Претила честь дворянина — с быдлом-то! Если не унизит, Хлебников, то я... к вашим услугам.

С неделю пребывали вдвоем в землянке, не замечая друг друга. Под новый, 17-й год Хлебников прикрепил на погоны еще по звездочке. Вслед за этим он получил и повышение — назначен ротным в другой батальон.

Обе опустевшие койки заняли вскоре молодые, как и сам Николай. К удивлению и радости, прапорщики ока-

зались выпускниками Виленского училища, прибыли из Полтавы.

Теперь, как старожил, ужин давал Николай. Лицом в грязь падать не хотел. Днем отлучился на ротном мерине Распуте (имелся в виду царедворец Распутин) в полковые тылы, в офицерскую лавочку. Стол получился богатый: сладости, консервы. Посередке выставил бутылку коньяку. Разливая в крохотные рюмки, демонстрировал осведомленность, опыт:

— Черного кофейку бы... Но, чего нет, того нет. Не обессудьте, господа. Тут не Полтава, — хитро подмигнув, предложил, — разве что полтавских галушек... Мигом сварганю.

Фитилек в семилинейной лампе, повешенной на гвозде в стенке, вздрогнул от молодого крепкого смеха...

После рождественских празднеств потекла будничная окопная жизнь. Крещенские морозы сдавили тихую, но каверзную топкими берегами реку. За одну ночь лед стал держать человека. Усилили караульную службу. Понимали, войну сковала зима, с весной начнется...

Началось раньше. На фронте стояло затишье. Оба берега Прута угрюмо следили друг за другом, выжидая. Стряслось куда важнее событие, чем ожившие позиции. И стряслось оно за спиной, в глубоком тылу. Сперва, как водится, загуляли по траншеям слухи: в окопы являлась богородица, велела втыкать штыки в землю и по домам. У других соседей фельдфебель, снятый австрийским снайпером наповал, повадился в полночь в свою роту, да не абы как, а в обличии козла. Козел тот вещал фельдфебельским голосом: так, мол, раз этак, выведу всех на чистую воду — супротив царя замышляете? Вроде бы под зад пнул солдат того козла штыком, а наутро на том месте нашли новенький целковый серебром. Полковой поп вынужден был в проповеди опровергать слухи. Богородица, мол, являться являлась, но слов тех мерзких не могла произнести, то все происки «смутьянов», «большевиков». Про козла начисто опроверг, дескать, невежество тому вина.

Вскоре густо повалили слухи другого свойства. Опять же у соседей сбежало в одну ночь до взвода солдат, подались в дезертиры, у других за мордобой офицера подняли солдаты на штыки. А где-то, неподалеку, взбунтовался целый полк. Слухи подтвердились: восстал Одоевский полк, выступив против войны и против царя.

А нынче — бах! — как гром среди ясного неба! Весть поразила всех — царь Николай отрекся от престола! В Питере революция! Вести эти принес рано утром один из прапорщиков, Митин. Он дежурил, первый принял по телефону сообщение. Щорс, глядя на ликующего Митина, не мог справиться с портянкой. Не сознавая еще до конца важности происходящих событий, он испытывал во всем теле какую-то волнующую дрожь. Не судьба царя его взволновала, а весть о революции. О неизбежном приходе ее думал давно. Что-то такое даже в воздухе носилось в последнее время. Если вспомнить, что Казя говорил, то явилась она до срока.

Притопывая ненатянутым сапогом, Николай сдернул с вешалки парадный мундир. Хмурился, сиясь не поддаваться настроению прапорщика, который прыгал как мальчишка.

— Солдаты знают уже?

— Наверно, — улыбаясь, ответил Митин. — Ты, Николай Александрович, вижу, не взволнован...

— А зачем волноваться? Надо думать, чем на этот раз революция может закончиться и что дальше делать...

Несколько суток жили вестями. Начальство растерянно молчало. Газеты не доставлялись. Николай отметил некоторые странности в происходящем вокруг. Ликовали офицеры, особенно из молодых, вроде Митина. Нацепив поверх шинелей пышные банты из красных лент, они страстно размахивали руками, выкрикивали горячие слова. Старшие чин в основном держались в сторонке. Среди них попадались и вовсе пришибленные. Один штабс-капитан, князь, даже пустил себе пулю в висок. Выстрел в таком бурлящем, ликующем водовороте не прозвучал. Сочувствующих князь обрел, но последователей не нашлось.

С бантом оказался и Хлебников. Столкнулись в штабе полка. Не помня зла, поручик тряс Николая за плечи, заглядывая в глаза, говорил проникновенным голосом:

— Не держи, Щорс, камень за пазухой... Я уж забыл о том маленьком инциденте. Ради революции, а? А ты, гляжу, без банта! Непорядок. Нечего скрывать свои чувства... От кого? От народа? Так для него все это и делается.

Николай не стал ничего отвечать, а про себя подумал: «Для народа! А для кого же еще? Впрочем, посмотрим для какого народа. Время покажет...»

Уставший после многоверстной тряски в седле, он пробирался по траншее к себе в землянку. Хотелось горячего чая да вынуть из сапог гудевшие ноги. Не покидала тревога — как бы за бурными событиями не проглядеть чужого берега. По слухам, ни в Австрии, ни в Германии революция еще не случилась. Могут воспользоваться ситуацией. Дожди поделали промоины, но кое-где на их участке пройти по льду еще можно. Достаточно взвода головорезов, чтобы натворить беды...

Кто-то отшатнулся в нишу, припал к стенке. В густеющих сумерках угадал.

— Ты, Фомин? На посту? А почему без оружия?

— Не в наряде я вовсе, ваше благородие. Подымить вышел на волю... Закурите моего табачку, ваше благородие. А то всё вы да вы свои папироски... А по-настоящему все теперь равные, что офицер, что солдат.

Странно суетился Фомин, и голос необычный: такое, будто он от чего-то отвлекает, не дает спросить. Картежничают? Пьянствуют? Или дрыхнут все, не выставив секреты? В наряде должен быть взводный Стрепетов, старший унтер-офицер.

— Взводный Стрепетов в наряде у нас? — перебил Фомина, желая унять острое чувство тревоги.

— С секретами у нас все в аккурате...

Ночь спал дурно. Извертелся весь, в голову лезло всякое. Слышал, как вошел не скоро после него Митин, не зажигая лампу, разделся, улегся бесшумно. Теперь мирно посапывает, наверно, видит розовые сны. Поймал себя на

том, что завидует Митину — сразу взял быка за рога. Курит из одного кисета солдатского, душевно относиться к солдату, не попирает его человеческое достоинство — немало для офицера. Кто же он все-таки? В первый день, после телефонограммы, выказал себя мальчишкой, легкомысленным семинаристом, как назвал его командир батальона, потом заметно утих, пропал с мундира и бант. Но Николай не придавал тому значения. По сути, Митин честный и волевой парень, портят его несколько наивность да застенчивость в офицерском застолье. Но, кажись, все то наиграно, не такой уж он и простак. Не кадет, не эсер: приверженцы тех партий и не скрывались. Возможно социал-демократ или большевик. Наверное, Митин был тогда в землянке с солдатами. А Фомин отвлекал.

А нынче... Фомин намекал емуна штаб-ротмистра, хрупкого белоусого человека в пенсне, серой каракулевой ушанке, появившегося в расположении их батальона. Траншейные «провода» донесли, что он якобы из военной полиции. Должность такая при штабе полка введена недавно. Значит, Митин опасается не только штаб-ротмистра, но, оказывается, и его, Николая...

Фомин, Фомин... В голосе матерого мужика, хлебороба, не слышалось особой радости ни по поводу новшеств, какие ввела в армию революция, ни по приходу самой революции. А ведь она и пришла ради него, Фомина, чтобы облегчить мужицкую долю. Тут же до мельчайших подробностей вдруг всплыло в памяти одухотворенное, торжественное лицо поручика Хлебникова. Так вот кому пришла революция по сердцу! Наследнику крупного сахарного завода где-то под Екатеринославом, на Днепре...

Такая неожиданная мысль поразила Николая. Ежели Хлебников приветствует революцию, совершенную третьего дня в Петрограде, а Фомин к ней равнодушен, то... Что же выходит? Непонятно. А ведь Митин знает! Знают и солдаты, подчиненные ему, Щорсу. Чувство, похожее на сожаление овладело им. Сколько прочитано книг, медицинских, исторических, военных, но как мало «запрещенных». Именно в них ответы на эти проклятые вопросы...

Нет, надо дожидаться подъема. Как говорится, утро вечера мудренее. Утром поговорю с Митиным. Успокоившись, Николай задремал. Открыл глаза от топота и мигающего луча фонарика. В землянке тесно от посторонних людей, кто-то возится с лампой. При свете угадал штаб-ротмистра в серой ушанке. У дверей — солдаты с винтовками. Митин, разбуженный, щурясь от огня, надевал мундир.

— Извините, господа, — развел штаб-ротмистр руками, поглядывая сквозь пенсне на поднявших головы офицеров. — Служба. «Товарища» Митина уведем от вас.

Митин, запахивая офицерскую новенькую шинель, от порога подмигнул: не поминайте, мол, лихом.

Наутро оказалось, арестован в роте не один Митин, еще двое солдат. Аресты прошли по всему полку, взято до полутора десятка из нижних чинов и рядовых, офицерское собрание лишилось троих.

Эти сведения Николаю шепнул «по секрету» Хлебников. Опять столкнулись они во дворе штаба полка. На этот раз вызывал начальник штаба. Группе младших офицеров, в том числе и ему, Щорсу, надлежит явиться в штаб 9-й армии на траншейные курсы.

В беседе выяснилось, что перемены в стране ничего не вносят нового в жизнь армии, кроме как некоторых «демократических свобод» в обращении офицеров с солдатами. Войска присягнули Временному правительству. Война остается войной. Мало того, «революционное правительство», подтвердив союзнический долг Антанте, требует от армии решительных боевых действий. С установлением сухой погоды разворачиваются широкие наступательные операции. Тылы уже ожили: подвозятся людские резервы, вооружение, боепитание.

Учеба на траншейных курсах — тоже подготовка: полк получает бомбометы и минометы. Их будут обслуживать траншейные команды на переднем крае, в окопах.

Весь апрель 1917 года Николай провел под Черновцами. Курсы планировались на полтора месяца, но начальству пришлось сроки ужать. Целыми днями лазили в болотистых низинах, рыли окопы, проводили практические

занятия по бомбометанию. Сдавали офицерские зачеты. Назначение Николай получил в свой Анапский полк. 3 мая, в день отъезда, в штабе армии его поздравляли с повышением — приказом по армии и флоту от 30 апреля 1917 года он произведен в подпоручики. Радость для молодого офицера понятна, но для подпоручика Щорса она была омрачена большой неприятностью. В армейском лазарете у него обнаружили туберкулез. Как медик, он понимал, чем это ему грозит. Цветущий возраст — 25 мая ему сровняется 22 года. Еще, по сути, не жил, а смерть решила заглянуть в глаза...

Вместо фронта Николай попал на госпитальную койку. Из армейского лазарета его эвакуировали в Симферополь, в 61-й отряд Красного Креста. Валялся восемь месяцев на больничной койке. Охватило отчаяние. Раздражали первое время белые стены палаты, покрытые марлей тумбочки, люди в идеально чистых халатах, на молодых здоровых лицах которых не сходила печать безразличия и сожаления. Редко кому удавалось скрыть их. Ночами наваливается страх.

Усугубило болезнь письмо из Сновска. Кинул отцу коротенькую писульку, лишь бы не тревожить, увел от страшной правды: ранен, мол, в ногу. Среди писем сестер оказалось одно и от дяди Кази. Вернулся из Сибири. Все в общем-то хорошо, не будь беды: привез из каторги хворобу. Не назвал, но Николай сразу подумал о чахотке. И тут-то пришла на память мать... Рок какой-то.

Человек привыкает ко всему, даже к смерти. Начал свыкаться. Блеснула короткая надежда: процесс в легких за два месяца лечения замедлился, не вошел в скоротечное русло...

В жаркие июльские дни с утра до вечера пропадал на воле. Палата угнетала, а еще больше разговоры соседей. Болезни, болезни...

Нет, далеко не все о болезнях. О давней мирной жизни, о семьях, о войне, а больше о политике, текущих событиях. У каждого на тумбочке ворох газет, журналов. Чи-

тают вслух, спорят до хрипоты. Их пятеро в палате. Старшему за сорок, казачий есаул, по фамилии Голощеков, откуда-то из кубанских краев. Койка его рядом, у изголовья. Противоположную стену занимают тоже двое — оба поручики и оба однополчане, — молодые, лет по двадцать четыре. У окна особняком лежит штаб-ротмистр Рычков. Чин не самый высокий, но власть в палате у него неограниченная — понукает всеми. Какого он полка — помалкивает, делает из того тайну. Воевал где-то в Карпатах. Когда Николай представился, Рычков обрадованно сообщил, что Анапский полк знает — прорывались вместе прошлым летом под Черновцами. Тотчас приставил Николаю кличку «Сосед» и взял под свою опеку.

Желчный, высокомерный, Рычков навязывает свои оценки событиям, которыми так щедро снабжают газеты. Защищает каждый шаг Временного правительства, Керенского, хотя ему, собственно, никто не перечит. Николай, оглядевшись, понял, что именно терпимость остальных позволяет распоясываться штаб-ротмистру. Особенно досаждает он есаулу, доходит до оскорблений.

— Господин Рычков, — как-то не выдержал Николай, — несправедливо и некрасиво с вашей стороны... Есаул Голощеков старше вас. Уважайте хотя бы возраст.

— Сосед! Кого вы защищаете? — повышенным голосом отозвался Рычков из постели. — Если большевики возьмут в Питере верх, попомните... Все из-за казаков! Пятый год случился из-за вас, Голощеков. Ваши нагайки взбеленили до бешенства народ, заставили его хвататься за булыжник.

— Это совсем неумно, штаб-ротмистр, — отозвался кто-то из молодых офицеров.

Рычков, как охотничья собака, повел туда носом, его оттопыренный ус начал нервно подергиваться.

Почувствовав поддержку, обрел голос и голос кубанец.

— Вы, Рычков, дозволейте полюбопытствовать, — спросил он ехидно, — где пребывали в ту пору?

— Не старайтесь, есаул, не среди тех, с красными флагами, кого вы пороли.

— И не подумая.

— Юнкером я был зеленым в пятом году.

— Во, во, — усмехнулся Голощеков. — Юнкера, само собой, и палили из винтовок...

С того дня тирания Рычкова была свергнута. В палате, как и во всей России, водворился «революционный порядок — свобода слова, равенство». Так пошутил один из молодых поручиков, Свириин, курносый, веснушчатый парень с кудрявой рыжей челкой.

— Но не братство, — уточняя, добавил его однополчанин Демьянов.

Внешне Демьянов выгодно отличался от своего неказистого приятеля — высок, темноволос и кареглаз. Дружба их тянется с совместного пребывания в каком-то из московских пехотных училищ. Германские осколки и пули обоим миловали, но за горло взяли Пинские болота.

Между тем события в стране развивались стремительно. В газетах преобладала военная тема — наступление, наступление. И вдруг сквозь этот бравурный гомон пришла весть: на улицах Петрограда пролилась кровь. Расстреляна демонстрация...

Страсти в палате еще больше накалились. По-прежнему громче всех радовался голос Рычкова. Он свою линию гнул упорно. Демонстрация в столице, считал он, — выступление сбитой с толку большевиками уличной толпы.

— И надо стрелять? — отозвался из своего угла поручик Свириин.

Штаб-ротмистр только опалил его взглядом. Не умолчал и Демьянов. Ткнув подушку кулаком, приподнялся на локте, чтобы видеть всех.

— Временному правительству, как видно, управлять молодой республикой нелегко. Тому доказательство — расстрел демонстрации.

— А какое вам надобно правительство? — огрызнулся зло Рычков.

— Ну, во всяком случае... лучше постоянное.

Нечасто слышали стены палаты такой дружный смех. В дверь просунула голову сестра Валя. Она удивленно повела крупными карими глазами, строго обронила:

— Между прочим, господа офицеры, у вас послеобеденный отдых...

Долгое время Валя кого-то напоминала Николаю. Не мог понять. Как-то она заглянула в дверь без косынки. Белые пушистые локоны по плечам. Ахнул: Глаша! Карие глаза и светлые волосы... До мельчайших черточек представил близкое лицо — свою радость и свою беду. С тех пор не мог без боли смотреть на сестру. При ее появлении отводил взгляд, отворачивался к стене, начинал взбивать подушку.

Как нарочно, Валя дольше всех задерживалась у его кровати. Прикладывала пальцы ко лбу, вертела температурную карточку или вызванивала на тумбочке стеклянной посудой. Придумывала и еще хлестче иезуитскую пытку: подтаскивала стул, садилась и начинала обрезать крохотными ножницами ему ногти на руках. Ловя его убегающий взгляд, сердито обещала добраться и до бороды. С весны, как заболел, не вынул из полевой сумки трофейную бритву. Борода выросла на диво буйная, густящая, пальцы не затолкаешь. Она отличается от темно-русых волос чернотой с теплым отливом. Усами тоже давно не занимался — запышнели, слились с бородой...

И все же молодость взяла свое. Мало-помалу они все чаще стали встречаться на воздухе, сначала днем, а потом и вечерами. Валя рассказывала о своей семье, которая жила под Киевом. Мама ее фельдшер. Работает тоже в госпитале. Ее после фельдшерских курсов отправили в Крым. И вот она здесь...

Николаю нравилась эта девушка. Он любил слушать ее приятный мягкий голос, видеть красивый, слегка детский профиль... Ему хотелось поцеловать ее по-детски пухлые губы, но каждый раз останавливал себя, памятуя о своей болезни. Валя прижималась к нему, гладила его волосы... В это время глаза ее светились счастьем. Но Нико-

лай понимал, что счастьем этому не бывать. Время очень беспокойное, и как оно дальше будет никто не знает...

Валя, обойдя все койки, бегло рассматривая карточки, остановилась возле него. Роясь в просторном кармане белоснежного халата, взглядом искала единственный в палате стул. Но в этот миг прозвучал голос штаб-ротмистра.

— Подпоручик Щорс, — теперь Рычков обращался к нему не иначе как официально, — вас мы еще не слышали... Господин есаула, к примеру, вполне удовлетворяла монархия. Не прочь он и восстановить ее. На худой конец, видеть Кубань свою автономией. Вас какая власть устраивает? Что вы имеете к нынешней, Временному правительству?

Николай с готовностью выпростал ноги из-под простыни, намереваясь подняться.

— Видите, господин штаб-ротмистр, ответить на ваш вопрос трудно. Я знал одну власть. Ушла сама. Что касается этой... Сидеть на штыках невозможно. Убежден. Временное правительство пока как-то еще умудряется сидеть. Но оно ведь временное, вы сами об этом говорите.

Поручики поддержали громким смехом. Валя, так и не вынув из кармана ножниц, угрожающе потрясла кулаками, чтобы не шумели на весь лазарет.

— Я, подпоручик, человек военный, — привстав на колени, потянулся сухожилой шеей Рычков, — и требую определенности.

— Пожалуйста. Я тоже военный. Кровавое побоище в Петрограде вы подаете как выступление сбитой с толку кем-то уличной толпы. Глубоко ошибаетесь. Расстреливали из пулеметов солдат и матросов...

— Расстреливали анархию! Всякую сволочь, дезертиров. Газеты скверно читаете, Щорс.

Николай как ни в чем не бывало продолжал:

— Господин Рычков желал определенности. Доскажу. Из официальной прессы не уловишь истинного положения, одни угрозы в адрес германцев да бравурные призывы к наступлению. А солдатские комитеты требуют мира, отказываются наступать и вообще... против войны.

— Ага! — обрадовался зло Рычков. — Власти добиваются.

— Да. Момент острый... Временное правительство или Советы. Исход зависит от армии. Чью сторону она примет...

— Вот именно!

— Не радуйтесь, штаб-ротмистр. Анапский полк вы знаете. Временному правительству дал один из первых присягу. А нынче отказался идти в наступление. Выводы откуда?

— Слухи, Щорс... Вредные слухи. Можете за них, знаете... поплатиться.

— Не пугайте! И вовсе это не слухи. Вчера встретил сослуживца, анапца. Он в соседнем госпитале. Призывал один офицер в наступление. Солдаты пытались поднять его на штыки... Штаб-ротмистр, вроде вас. Кстати, он знает вас... по Одоевскому полку.

Рычков на глазах изменился в лице.

— Погодите! — вспомнил есаул. — Одоевский. Где-то в Карпатах... Восстание там подымалось на рождество!

— Да, — кивнул Николай. — Так господин Рычков прямой участник в нем...

Пощадил, не досказал — удовлетворился жалким, растерянным видом штаб-ротмистра. Понимал, спесь с него сбита окончательно. Сознаться в таком деле по нынешним временам опасно. Январские события в Одоевском полку всколыхнули весь фронт, и деспот офицер первым поплатился своими боками за воинственные призывы. На штыки не брали, как того анапца, — разделали прикладами при ясном дне. Оттого и зачах...

К осени фронт уже потерял интерес и значение — разложился совсем. Солдаты не стреляли с той и другой стороны — обнимались. В печати и в народе загуляло необычное для войны слово «братание». Внимание всех приковано к Петрограду. Кто кого? Временное правительство или Советы? Никогда так не ждали газет. И весть пришла: Временное правительство низложено...

Жизнь в палате успокоилась, а вскоре почти заглохла. Первым исчез Рычков, не прощаясь, ночью. За ним — есаул. Этот поклонился всем от порога, приглашал к себе на Кубань, в теплые, благодатные края.

В конце декабря откомиссовали по чистой с военной службы и Николая. Старую юнкерскую шинель его и холщовую солдатскую сумку доставила из вещевого склада Валя. Прощались они за чугунными воротами госпиталя.

— Возвращайся, если что... Тебе нужен крымский воздух.

Он ответил, обняв ее на прощанье:

— Время покажет... Не обещаю...

Поезд увозил его на север, в родные места...

Сновск встретил Николая неприветливо, хмуро. Людей на вокзале необычно много. Больше серой, окопной братии: едут ватагами, сбиваясь уже в дороге в землячества. Винтовки без малого у всех. Домой, по хатам тащат, видать, привыкли на фронте, винтовки стали роднее и ближе жен.

Вдоль вагонов прохаживались моряки, опутанные накрест пулеметными лентами. Шагают вразвалку, будто по палубе. У самых лодыжек, едва не касаясь затоптанного снега, болтаются на ремнях маузеры в деревянных кобурах. Кого-то высматривают. Николай спиной почувствовал на себе их взгляды, цепкие, ощупывающие.

— Коля Щорс! Ты?

— Он самый, — ответил человек в грязной, поношенной шинели.

Лицо у Щорса было худое, истощенное, давно не бритое. Большие серые глаза лихорадочно блестели.

— Я думал, меня не узнают.

— Ну, ты приметный. Однако, здорово свернула тебя война.

— Бациллы Коха от десяти до двадцати в поле зрения микроскопа, — улыбнувшись, сказал Щорс.

— Чахотка?

— Да, на почве истощения и ранения, как свидетельствуют мои документы.

Подошло еще несколько железнодорожников. Они сообщали друг другу:

— Колька Щорс с фронта вернулся.

— Колька? Фельдшер?

— Тот самый. Только, сказывали, фельдшером он не долго был, потом в офицеры вышел.

— Слух был. Не ранен?

— Чахоточный, говорят. Лица на нем нет.

Щорс шел со станции домой, опираясь на толстую палку, часто останавливался, хватался за бок и кашлял. По обе стороны улицы стояли одноэтажные деревянные дома с маленькими окнами, залепленными снегом.

Вот и родной дом. Стряхнув на крыльце мокрый снег, прилипший к шинели, Щорс постучался. Мачеха, открывшая дверь, вскрикнула от испуга.

— Не бойся. Это я, Николай, — сказал Щорс и закашлялся.

Удручающей оказалась встреча дома. Старик-машинист, обнимая сына, с трудом сдерживал слезы. Куча полуголых детишек потянулась к солдатскому мешку старшего брата.

Испуг, оторопь, жалость вызвал своим появлением у близких. Николай понял, что причина в его внешности. Присмотрелся к себе, вроде ничего особенно не изменилось, привык, но домашние знают и помнят его другим. Пожалел, что не послушался Валю и не предоставил ее ножницам свободу. Можно было бы сменить и шинель на более приличную. Сняв свою грязную, поношенную солдатскую шинель, он попросил дать ему умыться.

Дома оказался и брат, Константин. Не виделись с лета 14-го. Возмужал, гладко выбритые щеки источали здоровье, свежесть. В душе позавидовал. Брат тоже офицер, но рубаха на нем простая, солдатская и шаровары тоже. Все порывался расспросить брата о его службе, но мешала детвора, липла — не оттолкнешь. Всячески отстранял от

себя, не брал на руки, чтобы не заразить. Мачеха заметила, промолвила:

— Соскучились ребятишки, не обижайся на них.

Причину своего поведения во всеуслышание открыть не хватало сил Николаю.

Отца тоже не видел с начала войны. Поразил вид: совсем стариком стал! Ссохся, сморщился, оскудели волосы и усы, ростом убавил. Сердце сжалось от жалости, видя, как он суетится возле него. Николаю духу не хватало открыть и ему свою беду — вконец добьет отца.

После бани, устроенной, как в детстве, на кухне, в свежем белье, в горнице у зеркала развернул бритву. Все свободные в доме приняли участие в судьбе его бороды. Младшие шумели хором и вразной, высказывались, чтобы сбрить. Константин был против, но оказался в меньшинстве. С добродушной усмешкой, пожимая крепкими плечами, сам же взялся за ножницы. Подстригая, говорил:

— Нынче модно голосовать. Демократия... Все решает голос. Большевики так и власть взяли. Большинством.

— Сам-то не большевик? — переняв в зеркале его взгляд, спросил Николай.

— Как же! Первый — штык в землю, и айда. Поперед тебя дома очутился.

Брат все тот же, балагур, весельчак. Куда ветер, туда и он. Легко, наверно, таким жить на свете, в любых условиях, в любом месте приживется.

— Ножницами, гляжу, орудуешь ловко, — сказал, чувствуя прилив тепла к брату.

— Жизнь, она всему научит...

В тот же день Щорс встретил своих старых товарищей. Первым пришел Дмитрий Хвощ.

Щорс с трудом узнал его. На пороге стоял высокий, худой человек в потертом драповом пальто, которое висело на нем, как на вешалке, и все было в каких-то пушинках, мелких перышках. Из-под сбитой на затылок, невероятно измятой шляпы торчали всклокоченные волосы.

Небрежно поздоровавшись со Щорсом, как будто он не видел его всего несколько дней, Хвощ с первых же слов ни с того ни с сего заявил:

— На работу в Сновске, Николай, не рассчитывай. Безработица.

Голос у него был хриплый, глаза злые.

Щорс засмеялся.

— Ну, какое-нибудь дело найдется. Я все-таки имею диплом фельдшера.

Хвощ вдруг схватил Щорса за руку и прохрипел на ухо:

— В Сновске все знают, что ты был офицером. Лучше сматывайся отсюда поскорее.

— Глупости, — спокойно сказал Щорс, — скажи лучше, что ты сам делаешь.

— Безработный. Скрипач-недоучка. Прогоревший мечтатель. В общем, мы с тобой два сапога пара. Ты ведь, Колька, тоже мечтатель, а с сегодняшнего дня считай себя безработным.

Хвощ махнул рукой и стал жаловаться на товарищей, которые, кроме политики, ничем не интересуются.

— Живешь один, как сыч. Тебя это, Колька, тоже ждет. Твои бывшие есаулы, пожалуй, и разговаривать с тобой не захотят. Ведь они все большевиками стали.

— Кто? — быстро спросил Щорс.

Хвощ, загибая пальцы на руке, начал перечислять школьных товарищей Щорса.

Щорс перебил его:

— Список длинный. Не забудь включить в него Николая Щорса, — он тоже большевик.

Хвощ взял свою измятую шляпу, повертел ее в руках и зло засмеялся.

— Ты что? — спросил Щорс.

— Сам над собой смеюсь, — сказал Хвощ и, не надев шляпы, вышел на улицу.

На крыльце он чуть не столкнулся с Казимиром Табельчуком, который шел, видимо, прямо с работы, в засаленном ватном пиджаке.

Щорс, заметя в окно Казимира, выбежал на крыльцо. Друзья обнялись, поцеловались и, оба сразу закашляв, отвернулись друг от друга.

— Погода сегодня сырая, — сказал Казимир.

Он почему-то скрывал, что болен туберкулезом, и кашель объяснял всегда погодой. Щорс, в свою очередь, сказал, улыбаясь:

— Да, я вот тоже немного простудился.

Встретившись глазами, друзья громко рассмеялись.

— Ничего, Коля, на наш век здоровья хватит.

Щорс рассказал Казимиру о своем разговоре с Хвощем. Казимир перебил его:

— Конечно, курица не птица, прапорщик не совсем офицер, но, по правде сказать, Коля, у некоторых хлопцев сомнения есть. Думают, дорожку ты себе протоптал к «их благородию», — и теперь не по пути с ними.

— А ты что думаешь? — перебил Щорс.

— Я думаю, Коля, что твоя военная подготовка очень пригодится партии. Хорошо сделал, что поступил в школу прапорщиков. Военные люди сейчас ой как нужны большевикам.

Вечером у дяди Кваско Щорс встретился со своими бывшими есаулами. Сомнения, которые были кое у кого из них относительно политических убеждений их бывшего атамана, быстро рассеялись.

— А что, хлопцы, не придется ли нам опять собираться в отряд? А? Как смекаете на этот счет? — спросил Щорс, едва успев со всеми поздороваться.

— Пожалуй, что и придется.

— Видимо, дело к этому клонится.

Уже почти к ночи, снова пришел к Николаю дядя Казя. Уединились на кухне. В доме уже все спали. Посмотрев друг на друга, снова заговорили о здоровье. Чахотка у обоих.

— Привез из Сибири, с царской каторги, — несколько обреченным голосом промолвил дядя, окидывая взглядом племянника. — А ты, вижу, свою из окопов. По пись-

мам твоим догадался, не ранением тут пахнет... Полгода небось лежал?

— Восемь месяцев.

— Открытая форма?

— Затянуло.

Кто-то из малых скребся в дверь. Николай подпер спиной, не пустил.

— К вам пойду ночевать. Сам видишь, дети... Лезут. Мачеха обиделась. Вроде чужой, мол. Не придумаю, отцу как сознаться или Косте...

— Отец знает.

— Откуда?

— Такое трудно скрыть. Прибегал днем до нас отец. Плакал... Сдал совсем старик...

Дома у Табельчуков, в постелях, без лампы, дядя с племянником наговорились досыта. Утомонились, когда побелели щелки ставен...

— Давай спать, свет вон в ставнях, — сказал сквозь зевоту Казимир.

Сотой доли, оказывается, не проникало в газеты из того, что происходило на Украине. Родная сторона бурлила. С весны еще, после свержения царя, подняла она норовистую голову. В апреле на съезде националистов было сформировано правительство — Центральная рада. В Раду вошли представители буржуазии и националистически настроенной интеллигенции. При помощи украинских социал-демократов и эсеров правители пытались возглавить национально-освободительное движение на Украине. Но это оказалось им не по силам. Между революционным пролетариатом и украинской национальной буржуазией вспыхнула жестокая борьба за политическое руководство крестьянскими массами. В первом же универсале Рада провозглашала, что земельный вопрос решит учредительное собрание, осудила захват крестьянами помещичьих земель.

После октябрьского переворота в Петрограде Рада объявила независимость Украинской народной республи-

ки. Военные дела в генеральном секретариате — исполнительном органе Рады — поручили Симону Петлюре...

— Ох, раздует кадило этот Петруля, чую, — мрачно шутил дядя Казя. — В народе так величают его. Круто взяла Рада. Связалась с французами. До двухсот миллионов франков гребанула заем. А что взамен? А взамен пообещали не прекращать военных действий против австрийцев и немцев. В пику Советской России.

— Какими ж такими силами собрались воевать? — спрашивал Николай.

— Как какими? Старые части еще стоят на линии. Штыки в землю воткнули не все, как наш Костя. Но что она делает, Рада? Пропускает контрреволюционные казачьи полки на Дон. Атаман Каледин собирает против Советов силу. Спелась с Петлюрой. Зато революционные отряды красногвардейцев, рабочих Питера и Москвы, направляющихся через Украину на Каледина, Рада задерживает. Ох и столкнут нынешние правители нас с Советской Россией в братоубийственную бойню. Как пить дать столкнут.

— Не пойму, чья власть в Сновске сейчас? — спросил Николай, растревоженный новостями. — Матросы какие-то вышагивают на вокзале.

— Да разве только матросы? Здесь полно всякого сброда, которое ни вашим. Ни нашим... Сами по себе. Но польза есть: зато синежупанники Петлюры носа не кажут. А власть есть — Совет рабочих депутатов. Председательствует Михайловский, Михаил Иванович. Связь с Гомелем давняя, ты должен помнить. Там Советская власть прочная... Не протянет долго Рада...

Слова дяди оказались пророческими.

После рождества нагрянули в поселок гайдамаки. Явились со стороны Бахмача железной дорогой. Засинели их жупаны по ближним от вокзала улицам, засыпанным свежим снегом. На диво мирно вели себя, держались кучно, возле теплушек. На площадке в конце состава угадывалось под брезентом оружие.

Необычное поведение синежупанников насторожило и обеспокоило местный ревком. К концу дня их тай-

ные намерения полностью раскрылись. Из Гомеля по своим каналам Михайловский получил сообщение, что оттуда выходит вооруженный отряд. Составы проследуют на Бахмач. Их, путейцев, предупреждают, чтобы глаз не спускали с железного моста через Снов. А вскоре в депо вбежал один из членов Совета, Пепик, с новостью: гайдамаки намереваются взорвать мост.

Всю ночь бодрствовали деповские. У стрелок, у моста держали усиленный караул. Не теряли из виду и пыхтевший паровоз гайдамаков, занявший с утра главную ветку. К рассвету в самом деле паровоз прибавил пару, ожили и теплушки.

Состав из станции не выпустили. К дружной стрельбе деповских подключились фронтовики с ближних улиц, у кого имелась винтовка. Отчаянно палили из маузеров и матросы, сбежавшиеся на шум. Обнаружив огненный заслон, гайдамаки, отстреливаясь, так задом и выкатились, оружие даже не расчехлили. Помогли ко времени пущенные кем-то слухи: из Гомеля, мол, прибыл бронепоезд красных, остановился перед мостом. Потом у Табельчуков об этом бое со смехом рассказывал Костя, тоже побывавший там.

К вечеру следующего дня из Гомеля подошел первый эшелон, набитый вооруженными солдатами, без погон и кокард на смушковых папахах. Революционный отряд вел бородатый латыш Рейнгольд Берзин. В него входили два пехотных полка и рабочие-красногвардейцы из Минска. Берзин — член Военно-революционного комитета 2-й армии Западного фронта. Незадолго до того они заняли в Могилеве ставку. Вместо генерала Духонина, временщика, Советское правительство на пост верховного командующего назначило прапорщика Крыленко. Теперь Берзин спешил на подмогу революционным украинским войскам в борьбе с петлюровцами.

Вскоре провода доставили радостную весть — в Киеве взвился красный флаг. Рада бежала в Житомир. К концу января почти на всей Украине была установлена Советская власть. Кровь не пролилась меж украинским и рус-

ским народами, как того жаждали местные буржуазные националисты...

Сновский Совет, выйдя из подполья, размахнулся широко. Возни и хлопот требовали школа, больница, пекарни. Нашлось дело и вновь введенной милиции. Николай одним из первых ощутил на себе ее присутствие в поселке.

Среди ночи вбежал к Табельчукам Константин. Без шапки, без шинели, с ремнем в руках, раскрасневшийся на морозе, не отдышавшись, выпалил с порога:

— За тобой, Николай... Из милиции! Трое с винтовками. Как царского офицера... Сказал им, ты где-то у дружков задержался. Детвора там просыпается, могут указать...

— Что за чертовщина! — возмутился Казимир Михайлович, сбрасывая ногами на пол одеяло. — К Михайловскому пойду. Как офицера, говоришь? Идиотство! Гм, офицера нашли... Тебя-то почему не взяли?

— Черт их знает, — растерянно пожал плечами Константин.

— Ну да, ты же бегал с ними в ту ночь... Пугал гайдамаков. А Николаю, может...

— Успокойся, дядя Казя, — спокойно сказал Николай. — Явное недоразумение. Сейчас выясним... Костя что-то путает.

Константин, мотая головой, так и вцепился в дверные косяки. Он понял намерения брата.

— Нет, нет. Не вздумай... Чрезвычайка! Разговор там короткий. Приезжие. Шепнул один из них... Потому я и прибежал. Уходи. До чужих, к своим нельзя...

Остаток ночи Николай провел в церкви. Отводил дед Михайло. Окоченевший, с рассветом перебрался огородами в сад к Плющам. Двое суток обитал у дружка, днем в тепле, а на ночь лез на чердак. Митька надолго не отлучался. Через него держал связь с внешним миром. Угнетала нелепость, в какую попал, но он понимал и логику этой нелепости. Офицерство в общей массе не приняло революцию, поднялось против Советов. Из России, центральных губерний, оно бежит на юг, сюда, на Украину, стекается на Дону. В Ростове и Новочеркасске собралась вся

верхушка — бывший верховный главнокомандующий генерал Корнилов, начальник штаба ставки генерал Алексеев. Словом, самый цвет. Туда и бегут, тайком, переодетые, под чужими именами...

А почему Советы должны верить ему, офицеру? Почему знать им, что он не глядит на Дон, как другие? Но он списан со службы за непригодностью, он кашляет кровью и нуждается только в теплом месте под крышей... Нет, дни горячие, времени разбираться с каждым в отдельности не отведено.

Встречаясь ночами с братом, Николай сумел убедить его, чтобы они с дядей не мотались там, не добивались ни у кого заступничества.

— Бесполезно, уверяю вас, — настаивал он. — Время решит само...

— Так говорит и чекист тот. Пускай, мол, не высовывается покуда.

— Спасибо надо сказать неизвестному покровителю моему. Уж он-то лучше нашего понимает... Подумайте о другом месте. Можем людей подвести, Плющей. Да и мерзну ночами... Кожух не спасает.

На другую ночь пришел за ним зять, Петро Бондарович. Развязывая узел, пояснял:

— Переоденься, из моих обносков, железнодорожных. Паровоз возле электростанции, в тупике. Сброшу на разъезде, у дружка.

Через сутки вернулся Петро. От порога было заметно, что доставил хорошие вести.

— Сбирайся обратно, Николай. Утряс Казимир Михайлович в Совете... Какой-то начальник высокий из чекистов побывал вчера в Сновске, разобрались.

В паровозе, в грохоте, копотной духоте, Петро вынул из кармана сложенную газетку: почитай, мол. Заголовок насторожил. Новость! Австро-германские войска движутся на Украину. Как? Почему? С какой целью?..

18 февраля 1918 года почти полумиллионная австро-германская армия начала оккупацию Украины. На же-

лезные дороги страны врываются немецкие бронепоезда. Под их прикрытием идут серые колонны солдат в металлических касках. В хвосте немецких колонн двигаются пестрые гайдамацкие отряды контрреволюционной Рады, заключившей договор с правительством империалистической Германии.

Украинская буржуазия надеялась немецкими пушками разгромить пролетарскую революцию. Хозяева империалистической Германии надеялись превратить Украину в свою колонию.

«Украинское правительство... в своих действиях должно зависеть от германского и австро-венгерского главнокомандующего» — заявил германский посол на Украине генерал Мумм.

«Украинское правительство обязывается до 31 июля 1918 года обеспечить центральным державам 60 миллионов пудов зерна и 2 750 тысяч пудов живого рогатого скота» — гласит договор Центральной рады с правительствами Германии и Австрии.

Богатая страна кажется империалистам легкой добычей. Плохо вооруженные, наскоро собранные красногвардейские отряды не могут противостоять вымуштрованным, снабженным новейшим вооружением регулярным полкам немецких оккупантов. Но чем глубже продвигаются оккупанты в страну, тем большее сопротивление встречают на своем пути. Под руководством большевиков украинские рабочие и крестьяне объявляют оккупантам народную войну.

Слесарь Клим Ворошилов, стоящий во главе большевистской организации Луганска, обращается с призывом к рабочим:

«Грозный час настал... Нашей революции, нашим завоеваниям грозит смертельная опасность. Немецкая буржуазия идет спасать буржуазию российскую... Товарищи! В нас самих решение своей судьбы... Все, кому дороги идеалы пролетариата, все... все до единого — к оружию!»

Спустя несколько дней под командой Ворошилова отряд луганских рабочих выступает навстречу оккупантам.

Моряки Одессы принимают резолюцию: «Защищать город до последней капли крови. Сдаваться только мертвыми».

В Херсоне рабочее население так встречает немцев и гайдамаков, что им приходится бежать назад без оглядки тридцать километров. На каждой улице их провожает пулеметный огонь. Из окон летят ручные гранаты, кирпичи. В рабочих кварталах выступают жены рабочих, вооруженные ухватами, кочергами, топорами. Даже дети ввязываются в уличную схватку. Школьникам удается утащить у немцев пулемет. Прошло несколько дней, прежде чем оккупанты, получив подкрепление, осмелились вновь приблизиться к городу.

В Николаеве на второй же день после оккупации начинается восстание. На улицы выходят вооруженные рабочие и солдаты. Бой продолжается два дня. Немецкая артиллерия бьет по рабочим кварталам. Вспыхивают пожары. Десятки домов превращаются в развалины.

В Кременце начальник немецкой дивизии, вступившей в город, опубликовал 28 февраля приказ, один из пунктов которого гласил:

«За каждого убитого или раненого германского солдата будут немедленно расстреляны первые попавшиеся десять жителей».

В Екатеринославе несколько сот рабочих, защищавших город, немцы расстреляли пулеметным огнем на вокзальной площади. Раздетые трупы расстрелянных возили на грузовиках по городу для устрашения населения.

Но никакая жестокость не может потушить повстанческое движение. Вслед за пролетарскими городами подымаются на борьбу и украинские села. Целые батальоны немцев уничтожаются пулеметами крестьянских засад, немецкие разъезды, заночевавшие в деревне, к утру бесследно исчезают, а крестьяне, вооруженные немецкими винтовками, уходят партизанить. Вступив в село после ожесточенного боя, немцы, в поисках красных, обыскивают все подвалы, клуны, погреба, сеновалы. Но красные неуловимы...

Николай понимал, что несет с собой вторжение немцев на Советскую Украину. Быть крови... Какой еще! Забыв о своей личной беде, болезни, в мучительных раздумьях, он отчетливо увидел свое место в надвигающихся кровавых событиях. До времени сам себя вывел из строя, уложив в постель умирать... Нет! Собственно, ничего еще им не достигнуто, палец о палец не стукнул, чтобы быть нужным людям. Одни ищут применения своим молодым силам в науке, другие — в революции, в борьбе. Жить этим только в мыслях... Нет, нет. Хватит! Пришла пора и его. Завтра может быть поздно. В двадцать два года помереть в постели?..

Клокотало все внутри. Не мог он сидеть за закрытой дверью сложа руки. Подступал к дяде Казе с ножом к горлу. Тот, дивясь перемене в племяннике, радовался и в то же время терялся.

— Советская Россия подписала соглашение о временном перемирии с Германией... — взволновано говорил Николай. — В этом большой здравый смысл. Большевикам нужен как воздух мир. По миру соскучилась армия. Пять-шесть миллионов мужиков в серых шинелях! Но Рада эта, недобитая, прости господи... Ей ничего не стоит лечь в постель к любому. Вчера валялась с французами, а нынче плюхнулась к немцам. Кто больше заплатит. Она все делает, чтобы оторвать Украину от России.

— Не кипятись, — протестовал Казимир Михайлович. — Декабрьское перемирие нарушили сами немцы, а не Россия... Но мы не знаем до тонкости другого. Именно советская делегация тогда во время мирных переговоров в Брест-Литовске признала назначенную Радой делегацию Украины правомочной. В чем здесь тонкость? Или это какая-то ошибка, просчет?

— Не нам с тобой, дядя, гадать о тех тонкостях. Разберутся потом, может, и без нас... Сейчас решается... Быть народу Украины свободным, или попасть в рабство, под немецкий сапог. Рада так и сделала. Пятьсот тысяч голодных австрийцев и пруссаков посадила на шею селянину. Цель-то видна как на ладони — убрать Советы. А это зна-

чит залить республику кровью. Кровью народа. И крови той быть!..

Вот он, какой племянник! Именно таким Казимир Михайлович хотел его видеть задолго до нынешнего дня. Смаду чувствовал в нем скрытую силу, оттого так тянулся к нему душой, редко проявляла она себя, сила та. Кажись, теперь то самое время.

— Смотришь как-то так... По-твоему, несучушь? — переняв его взгляд, спросил Николай.

— Не обращай внимания, племяш. Это я так... Ты прав.

Кроме них, в горнице Костя с Митькой Плющом. Еще раньше пришел к дяде его давний приятель, Кузьма Науменко. Они с ним вот уже зиму в кровь бьются со всяким эсеровско-меньшевистским сбродом, окружившим тесным кольцом председателя, старика Михайловского. Их два голоса тонут в крике этой шушеры. Дядя жалуется, а сделать ничего не может. Советовали ему плюнуть на ту горластую компанию. Нынче в Совете тоже обсуждался вопрос о вторжении немцев. Большинство признало это не вторжением, а спасением Украины. Наконец, Михайловский не выдержал, прислушался к совету — плюнул.

— Откуда взяться силе, — с жаром спросил Кузьма Науменко, потрясая газеткой, — какая бы преградила дорогу немцам? Пятьсот тысяч! Отборнейшие войска, оснащенные техникой. Вот читайте.

Николай, прячу улыбку под усами, ответил:

— А мы с тобой на что? Смотри, нас уже пятеро. Так в каждой хате. А по всей Украине, посчитай, сколько хат?

— Кто же ее поднимет, ту силу? — вмешался Костя. — Они будут скоро и в Сновске.

— Будут.

Не давая разгораться спору, Казимир Михайлович с серьезным видом посмотрел на Николая:

— Регулярных войск у нас на Украине нет. Да и откуда? Неделя всего Советам... А что сделают красногвардейские отряды, неорганизованные, плохо вооруженные? Фронт вот он, от Гомеля до Черного моря. И если Россия

не поможет — все, хана! За немцами вслед потянутся гайдамаки, а за теми — помещики, капиталисты и всякая буржуйская сволочь...

— России не до нас самой, — буркнул Кузьма.

— Мы есть! Мы! — Николай выставил ладони. — У нас руки, которые умеют держать оружие. Уйдем в Елинские леса. Будем партизанить, бить оккупантов. Тогда придет и помощь. Именно из России. Ну, не сидеть же и ждать...

Ждать долго не пришлось. Поглядывали всё в сторону Бахмача, а немцы вот, из Гомеля. Весть доставил Табельчукам Кузьма Науменко. Чуть свет поднял весь дом на ноги.

— Бронепоезд!.. В Городне... Немцы! Телеграф перехватил. Бегу со станции, — выпалил он, едва перешагнув порог.

Свесив босые ноги на вязаный коврик, Казимир Михайлович с недоумением уставился на племянника, уже обутого, застегивавшего мундир.

— Не теряй времени, дядя, — возбужденно-весело посоветовал Николай. — Через пару часов, самое большое, бронепоезд пожалует в Сновск. Немцев страсть интересуется наш мост. Как военный, говорю тебе.

— Что ты предлагаешь?

— Из Бахмача может отступить какой-нибудь красногвардейский отряд. Проще простого влиться к нему. Можно уйти в Елинские леса. По слухам, в одном из крупных сел, Семеновке, действуют красные партизаны.

Пока набивали сумки, Костя бегал по друзьям, кто ближе живет. Загодя обговаривали: встреча за Носовкой, в зарослях речушки Турейки.

У шаткого мостка раньше всех оказались Николай с дядей. Вслед за ними вынырнул и Кузьма Науменко. Путевскую одежду он успел сбросить, влез в старенький полубухоб, заячий малахай и рыжие катанки. Мешок за плечами, винтовка в руках. Опирается на нее, как на посох.

— Это я понимаю! — обрадовался Николай. — Партизан всамделишный. Лесной житель. Маскировка абсолютная. А ты, дядя? Побоялся расстаться со своей черной

форменкой. Немцы заметят на белом сквозь Елинский лес. Говорил же тебе...

— Сойдет, — отмахивался Казимир Михайлович, а в душе пожалел, что послушался племянника. У отца в сарае висит на гвозде еще добрый кожушок. Шерстяных носков, белья про запас насовал в сумку. под шинель поддел овчинную душегрейку. — Ничего, стерпится, весна не за горами.

— Что-то весной не очень пахнет. Ишь лепит, в пяти шагах ни черта не разберешь.

Николай обеспокоенно вглядывался в белую шелестящую стену. Пора бы догнать Косте. Кто еще с ним прибудет? Ребята намечались, фронтовики. Недавно вернулись Никита Воробьев, Мороз Сашка, Степка Ермоленко... Зачернело. Угадал по походке Костю и двоюродного брата, Ивана Колбаско. Третий тоже в шинели и смушковой папахе, с винтовкой и вещмешком. Шагает твердо, по-пехотному. Здороваясь за руку, узнал в нем Степку Ермоленко.

— Залепило, Степан, едва признал.

— Богатый буду, — прогудел простуженно тот, сбрасывая варежкой с бровей хлопья снега.

Прождали немало. Курцы не по одной сигарке сдымили. От напряжения ломило глаза. Под ремень вползает знобкий холод. Николай, ежась, подумал, что дальше топтаться и ждать нет смысла. Сашке Морозу успел сказать Костя, не отказался сразу, ушел вроде собираться. Черт его знает, могли и домашние навалиться. Еще Митька Плющ. Лучше бы не увязывался:хватишь с ним лиха, а пуще возни.

— Двигать пора, — произнес он, избегая взглядов. — Догонят, если что...

Шли проселочной дорогой, заваленной снегом. Дневали в Луках. Выбрались из поселка в ночь. При входе в елинские сосняки, на опушке, к ним прибилась еще трое, из Боровичей. Топают, как и они, в Семеновку.

— Во, уже войско! — пошутил Степан.

В Орляковке подвалило сразу шестеро — местные и из ближних сел. Без малого взвод. Николаю так хотелось

шутки ради подать команду, но вовремя спохватился: по-думают, напрашивается в командиры...

Село Семеновка раскинулось на облысевших от сон-няка песчаных склонах, полого сбегавших к реке Снов. Облик его отдаленно напоминает Сновск — базар возле церкви, река, лес. Железнодорожная ветка своя — Ново-зыбково — Кролевец.

Издавна Семеновка слывет своими ремеслами. Через двор — гончар, сапожник, шорник, кожевник, кузнец, портной, бондарь, каретник. Кустари-ремесленники на-род ухватистый, корявые, дубленые руки сноровисто вла-деют шилом, молотком, ножницами. Не в пример селяни-ну, им виднее, кто больше всего на них наживается. Пото-му, наверно, каждое правдивое слово так легко западает им в душу, будоражит, заставляет думать, а руки сами со-бой хватаются за топор или оглоблю. В пятом году многие семеновцы брели, гремя кандалами, по бескрайним си-бирским трактам.

Едва в Петрограде взяли верх Советы, семеновцы вы-кинули над правлением красный флаг. При волисполкоме был собран красногвардейский отряд. К солдатам-мастеро-вым прибывались селяне из ближних поселков и хуторов.

Веское слово в отряде имели политкаторжане — братья Лугинцы, Петро и Константин, Казимир Квятек и Григорий Бабченко, учитель, ныне председатель волисполкома.

Отряд жил и воевал на колесах — в эшелоне. Всю зиму раскатывал по рельсам, уводившим в глубь Украины, в сторону Харькова и Киева, вытеснял вместе с революци-онными войсками Раду.

В феврале кинулся на зов Полесского комитета РСДРП(б) и Гомельского Совета. Под Калинковичами се-меновцы столкнулись с частями корпуса генерала Дов-бор-Мусницкого. Сформированный Временным прави-тельством из поляков, пленных и состоявших на службе в русской армии, корпус поднял в середине января мя-теж. Легионеры захватили ряд городов и железнодорож-ных узлов по гомельской ветке Бобруйск — Рогачев. Со-

ветская власть в Белоруссии переживала тревожные дни. Революционные войска Западного фронта и отряды крас-ногвардейцев одолели мятежников, остатки корпуса увел Довбор-Мусницкий к немцам.

Многие семеновцев вернулась из-под Калинковичей...

В этот тяжкий для отряда час и прибыли сновцы в Се-меновку. На станции попали на Константина Лугинца. Ра-дости тот не проявил. Изможденное, уставшее донельзя лицо его с серыми обвислыми усами, казалось, ничем уже не оживишь. Маленькие глаза, в морщинистых веках, по-жалуй, сохраняли еще какой-то интерес к окружающему. А кругом кутерьма. Перрон кишит серым людом. Штур-муют все составы, в какую бы сторону они не двигались.

— Очумел чисто народ, — качает скорбно Лугинец стриженной головой, стоя у откинутой двери теплушки. — Солдат — понятно. Но те, с клунками, с детворой... Куда? Зачем? Бросают живое, едут на мертвое.

На ночлег отвели сновцев в большой каменный дом на площади, против церкви.хлопоты те взял на себя дру-гой Лугинец, Петро, старший. В просторной натопленной гостиной вместились все. Уходя, Петро распорядился и об ужине.

— Не обеднеют, — усмехнулся он на замечание Казимира Михайловича. — Мясики. А свои клунки вы поберегите. Неизвестно еще, когда отряд соберется с духом да встанет на колеса.

К ужину подвалили хозяева. Самая верхушка отряда. Человек пять, возглавляли братья Лугинцы. Среди них ко-мандир — Зубов Яков, из прапорщиков, стройный парень с румяным лицом и живыми серыми глазами. Пожимая Николаю руку, он доверительно кивнул, указывая взгля-дом на мундир: тоже, мол, из «бывших». Учитель Бабчен-ко, худой, высокий человек в очках, со впалыми щеками и выпуклым лбом, назвался сам. Третьего, в ватном пид-жаке, в солдатской смушковой шапке, представил млад-ший Лугинец. Варшавский поляк, Казимир Квятек, из се-мьи железнодорожника, лета тоже немалые, за тридцать.

Третью своей жизни он прогремел царскими кандалами по всей ближней и дальней Сибири, испробовав Александровский централ, Нерчинские рудники и амурские каторжные стройки. Там-то и свела их одна дорога с Константином Лугинцом. Бунтарь по духу, террорист, избежавший из-за малолетства смертного приговора за покушение на жизнь варшавского губернатора, на каторге Квятек проникся к программе большевиков. За Константином увязался в Семеновку, тут с головой окунулся в организацию красногвардейского отряда.

Ужинали шумно, в разговорах и спорах.

От громких разговоров младший Лугинец утащил в другую комнату своего постоянного напарника, Квятека, и Табельчука. Казимир Михайлович тянуло к своим однокашникам по сибирским этапам. Случалось, топтали одни и те же дороги, даже пролеживали те же нары по тюрьмам, только не сходилось время.

— Угодили вы... в самый момент, — засокрушался Константин, сворачивая козью ножку. — Повешают носы, боюсь, твои хлопцы, познав обо всем... И надо ж... Ах ты! Да, вложил нам, дьяволов поляк, так вложил. Генерал тот, Мусницкий.

— Регулярная армия, что ты хочешь! — Квятек, усаживаясь на кушетку, жестом приглашал и гостя. — А у нас толпа. Ни строя, ни дисциплины, ни порядка. И командиры тоже...

— Не расходись, Казимир Францевич, — взмолился Лугинец. — Не затем мы оторвали от стола человека... Обсудим, взвесим со всех сторон, прежде чем на люди выходить.

У Квятека лицо смуглое, не по летам молодое, есть в нем что-то татарское: скулы, разрез глаз и жидкая растительность на губе и подбородке. Лугинец явно унаследовал внешние черты от предков своих, запорожцев: нос бульбой, усы. Оселедца не хватает — стригся наголо. Они с Квятеком ровесники, но выглядят по-разному. Каторга боком вышла Константину — ссутулила, цинга попортила рот. Поляк держится хоть и бедово, но не поддался.

— Казимир Михайлович, ты видишь нашу беду в упор, — заговорил Лугинец, с трудом подбываясь к главному. — Отряда, собственно, уже нету... А был! До сотни оставили за Гомелем, в болотах... да больше разбежалось. Попросту бросили нас, разошлись по хатам. Ищи виноватых.

— А они есть! — резко вставил Квятек, готовый вступить в перепалку.

— Есть, знамо, — согласился терпимо Лугинец. — Мы с тобой, организаторы. Собрать собрали людей, подняли на великое дело, а воевать... Ну ни черта мы в командирском деле не смыслим. Плохонький урядник и тот на голову выше нас. Людей вести же надо, командовать. Вон поляки! Втрое меньше нашего. Бери голыми руками. Нет, с первого же выстрела они мигом попадали... Пропали, как ящерицы... И местность-то вроде чистая. Команды только с их стороны доносятся. В один миг нас выковырнули из засады. Бегли без оглядки... Вон Казимир не даст сбрехать. Словом, товарищ Табельчук, нету у нас командира. Без головы отряд.

— И отряда нет, — уколол Квятек.

— Соберем людей. А вот командира, боевого, крепкого...

— А Зубов? — Казимир Михайлович не понял, к чему клонят семеновцы.

— Зубов, правда, из офицеров, знающий.

— Пружины в нем нет, вот беда, — добавил Квятек.

— Во, во, пружины, — согласился Лугинец. — Парень славный, честный. Но теперь, после случившегося, с ним выходить... Братва не избрет его в командиры. Веру потеряли... Приглядываемся мы, Казимир Михайлович, к твоим сновцам. Ты, бывает, не подскажешь сам?

— Кто такие братья Щорсы? — опередил Квятек.

Разговор для Казимира Михайловича обрел крутой поворот, он скорее почувствовал, чем понял, что к нему просто не готов. Кто такие братья Щорсы... Семеновцы ждут его ответа: кто из братьев более подходит на должность командира отряда? Даже нет. Определенно метят в Николая. А что сказать?

— Они не из Сновска? — Лугинец по-своему понял его заминку.

— Не об том я. Сновские. Белорусы. Как не знать мне их... Вынянчил, можно сказать. Племяши родные, сестрины. Речь-то, о чем? Отряд!..

— Про то и спрос! — обрадовался Лугинец. — А что племянники... Иной рекомендации и не понадобится. Старший нас занимает, с бородой. Напрямки уж тебе кажем.

— погоди, погоди, Константин Потапович, — не на шутку встревожился Табельчук. Он машинально искал по карманам дорожного мундира носовой платок. — Негоже так подходить. Дядя, мол, у него! В деле повидать надо человека. И потом... Постарше бы кого, поопытнее. Мальчишка ведь!

— Да не о Косте речь. Сами зрячие... Николай! Бородатый.

— Хо, нашли зацепу! Да ежели по бородам судить... Сами вы в Черном Деремуре разве не носили бород, в двадцать-то лет? Нет у Николая ни годов, ни чинов. Как нет и опыта политической борьбы.

После неловкого молчания Казимир продолжил:

— Хотя что я... Благодаря Николаю мы очутились в Семеновке. Слух-то далеко! А не будь вас, обосновался бы в Елинских лесах. Конным отрядом бредит. Словом, послушайте самого. Но характер, скажу вам... Смотрите сами. Я пойду немного отлежусь, что-то худо мне...

Собрание затянулось до полуночи. Кроме отрядников, в большую комнату в волисполкоме до отказа набилось баб и детворы. Со всего села сбежались, кто-то пустил слух: ярмарочные клоуны явились с ученым медведем. Табачный дым — дыхнуть нечем, семечки, галдеж. Не пробиться к столику у дальней стены, покрытому кумачом, оставшимся от прежних хозяев. Председателя волисполкома Бабченко нет, за него Константин Лугинец. Не одолевает голос политкаторжанина, теряется где-то в первых рядах, захваченных горластой детворой.

Николай припозднился. Дядя Казя слег, хвороба его известная — наглотался метельного воздуха, вспотел за

долгую дорогу... Пока напоил горячим молоком, заставил принять таблетки. Хотел вовсе не идти, но он выпроводил: тебе, мол, надобно. У калитки волисполкома встретились с Яковом Zubовым.

— Бабченко захворал, Табельчук вот... И некому в президиуме. Айда, — тянул он Николая.

— Не пойду.

Молодняк, убедившись, что их крепко надули с медведем и клоунами, стайками покидали помещение, за ними исчезали и бабы. Дожидались самые стойкие, терпеливые, каких не брала зевота от хриплого голоса «Лугинца-каторжника».

Отчетливо услышал Николай, как выкликнули его, и знаками потребовали к столу. За шумом не разобрал слов младшего Лугинца, зато понял, что обозначают поднятые руки отрядников. Наверно, дядя Казя знал, иначе бы не посылал его сюда.

Глубокой ночью волисполком опустел совсем. Остались возле красного столика несколько человек и Николай, который и наполовину еще не успел осознать случившееся. «Командир, командир, командир...» — стучало в висках. В армии была рота — до двух сотен крепких, подтянутых солдат. Одного слова достаточно, чтобы поставить их в строй. Все предельно ясно и просто. С сего часа — отряд... Что это такое? Силился уяснить для себя. Вот, как и сегодня на собрании, видел только орущую, безликую, пеструю массу...

Перенял взгляд Zubова. Ошарашен он: видать, и с ним предварительно не обговаривали. Обиды во взгляде нет — неловкость, может, чуточку сожаления. Его выбрали в помощники командира. Человек военный, он понимает, что это значит. На стуле сидит, но чувствуется, готов вскочить в любой миг. Об остальных того не скажешь — заседлали лавки прочно, разговоры, конечно, об отряде. Не находят общего языка, спорят, доказывают друг дружке. У каждого свое мнение — его, командира, и не спрашивают.

— Не вешай нос, командир, — успокаивая, хлопал по плечу Константин Лугинец. — Завтра все село набатом созовем! Митинг устроим. Видал нонче? Маху дали, народ весь не поместился...

— Так он чего сбежался? — оскалился весело старший Лугинец, Петро. — На циркачей глядеть с медведем.

— Не нужен пока митинг, — запротестовал горячо Квятек. — Бабченко выздоровеет, тогда уж... По селам надо клич бросить.

— И по селам... — согласился Константин, но, спохватившись, бурно запротестовал, — Нет и нет! Митинг соберем на площади. Что это... Народ истосковался по свободе, по революционному слову... Ты, например, тоже скажешь. Люди пускай увидят, услышат твой голос. А то вон как нонче... Тебя выбирают, а ты где-то в толпе застрял.

— О чем... сказать? — спросил Николай, отрываясь от своих нелегких дум.

— Как о чем? — удивился Лугинец. — О революции! Об отряде... Как будем воевать.

— Воевать?

Николай поднялся. За ним вскочил Зубов, поправляя на себе ремни. Это была, наверно, последняя капля, которая привела Николая в трезвость. Вытягивая шею из ворота шинели, Николай переспросил, обводя сидевших ожесточившимся взглядом:

— Вы собираетесь воевать? Непохоже...

Внезапная перемена в командире даже такого завязатого говоруна, как Константин Лугинец, заставила сомкнуть рот. В маленьких глазах — удивление и оторопь.

— Воевать некому. Нет отряда, — жестко, отрывисто говорил Николай, будто рубил проволоку. — Солдаты нужны... чтобы воевать. Таковых пока нет. Есть кучка людей с винтовками. Уверен, приказов они не понимают. Митинговать — да-а... Идут с удовольствием. Голосуют. Не удивлюсь, если каждую маломальскую операцию боевую солдаты будут принимать или отвергать голосовани-

ем. Командиру при таком войске делать нечего. Я лично на таких условиях... работать не стану.

— Ну, это уж слишком, — развел руками Квятек, с усилием подбирая слова, чтобы не обидеть. — Вы еще без году час, как в должности...

— Потому и говорю, ставлю условие... Завтра буду приказывать.

— Нам?

— А кому еще? И вам, если вы считаете себя, товарищ Квятек, солдатом отряда.

Бледнели смуглые скулы у поляка. Грозу отвел Константин Лугинец. Застегнув полушубок, он с мальчишеским озорством шмякнул бараньей шапкой об стол.

— Так приказуй! Для того тебя и избрали...

Выгорела лампа дотла. Крутили фитиль, чертыхались, чихали от вонючей гари. А на улице, оказывается, давно уже светло. Окна, взятые морозцем, ало пламенели от взошедшего где-то за Десной солнца. На диво быстро сошлись все на одном: формировать отряд. Сколачивать немедленно, не теряя ни часа. Оккупанты уже курсируют через станцию Сновск — Гомель — Бахмач, не сегодня-завтра немецкие бронепоезда будут утюжить их ветку: Новозыбково — Новгород-Северский. В лесах, без железной дороги, без жилья, без всякого снабжения, создавать отряд будет трудно. Константин Лугинец внес предложение сочинить обращение к населению. Подхватили единодушно. За стол усадили Зубова, диктовали все сразу, обсуждали, видоизменяли. К утру подневольный писарь, запарившись, поставил последнюю точку.

«Обращение Семеновского революционного отряда к рабочим и крестьянам о порядке приема в отряд 23 марта 1918 г.

Борьба за народную власть Советов на Украине продолжается. Всякий революционер должен взять винтовку, чтобы бороться за завоевания народа с Центральной радой, продавшей украинский народ германским империалистам.

В Семеновке формируется революционный партизанский отряд, ставящий своей целью борьбу за Советскую власть на Украине.

Сознавая, что только революционная дисциплина ведет к победе, организационная группа отряда выработала известные положения, и в отряд принимаются только лица, принявшие эти положения.

Каждый солдат отряда должен:

- 1. Безусловно повиноваться выборному начальнику.*
- 2. Безропотно нести наряды и службы.*
- 3. Не предъявлять никаких требований, потому что все, что возможно сделать, будет сделано.*
- 4. Не употреблять спиртных напитков. За пьянство виновные исключаются из отряда с отобранием обмундирования и оружия.*
- 5. За грабежи, мародерство и насилия — расстреляние. Материальные условия — обычные для Красной Армии. Запись производится на ст. Семеновка.*

Организационная группа Семеновского крестьянского революционного партизанского отряда».

Воззвание возымело действие. Его слова дошли до сознания многих крестьян. И в результате Щорс вошел в Семеновку с тридцатью бойцами, а ушел отсюда с тремя ротами пехотинцев, конным эскадроном, с тремя пулеметами и одной пушкой, — большинство вчерашних «бандитов» пошло со Щорсом добывать «волю и счастливую долю» ...

То, о чем Николай смутно догадывался, наблюдая со стороны в последние трое суток, нынче встало перед ним во весь рост. Оказалось, приказывать не так просто. Проводив исполкомовцев с обращением в ближние поселки, сам нагрязнул на вокзал. Эшелонов за ночь скопилось достаточно. Пестрела толпа. Среди которой было много черного — моряков. Конечно, анархия — мать порядка. Прибыли из Новозыбова. Это насторожило: до вчерашнего вечера все катили из Новгорода-Северского.

Пробрался под вагонами в тупик, где стоял свой эшелон.

Пожалел, что не оставил при себе Зубова: его-то уж угадали бы в лицо. Семеновцы живут по домам, в теплушках — дальние, приезжие. В штабной обычно сидит дежурный от вербовочной комиссии. Сейчас замок. Во всем составе из трех-четырёх труб схватывается дымок, пахнет варевом. Значит, есть живые. Свернул за цистерну на стук. Белобрысый обросший верзила, в шинели, старательно выколупывал ломом доски из стены вполне еще годного вагона, загнанного в тупик по нерадению.

— Бог в помощь.

— Спасибо на добром слове, мил человек, — отозвался он, смахивая рукавом со лба пот.

— Трудимся?

— Дровишка вот вышли...

— На дрова можно старые шпалы. Во-он валяются.

— Не, у нас «буржуйка». Модница, стерва, не всякие дрова потребляет. Шпала, она вонь разводит, деготью курится.

— Придется, братец, потерпеть вонь... А доски эти укрепи обратно. Вагон еще послужит нам.

Из теплушки раздался добродушный голос:

— Митрий, а Митрий? Угости его по котелку... Чи не видишь кто?

Не внял белобрысый совету, свирепея из-под насупленных бровей глазами, пустился в словесную перепалку.

— Как же так? Оно ить революция нонче...

— От ее имени я и приказываю.

— Не-е, топай, господин хороший, и знать ты не знаю. Тут, может, и расположение воинское какое... И быть не следует постороннему.

— Не посторонний я... Этой ночью избран командиром Семеновского отряда.

Видать, доводы собственные у белобрысого исчерпались, кося взглядом на открытую дверь вагона, он шумнул:

— Э, Тимоха, прыгуй! Не чуешь, что ль?

— Тут я...

Из-за спины появился низкорослый солдат в засаленном ватнике и в валенках. Ступал мягко, вкрадчиво, вертел в руке топор. Худое голощекое лицо, хрящеватый вислый нос и особенно округлые белесые глаза делали схожим его с какой-то степной хищной птицей. «А нет ли у него крыльев? — подумал Николай, совершенно уверенный в том, что из вагона никто не прыгивал, — держал дверь в поле зрения. — Может, на той стороне дыра?»

— Слышь, Тимоха, о чем балажки гнет этот?..

— Брешет. Я такую гниду наскрозь вижу. Попосрывал погон всяких...

А может не брешет, — засомневался белобрысый. — Чул, братва болтала утром, нашего Зуба поперли с отрядных...

«Так ведь это же Тимофей Крутин! Зубов-то и хватался им: разведчик, мол, в его роте был в Карпатах. Увязался за ним с фронта...» — догадался Николай.

— Чего лыбишься, ваше благородие? — Птичьи глаза солдата утратили вдруг жесткость, распрямились в локтях и руки.

— Ты — Тимофей Крутин. Если в вагоне, на том боку, нет дыры, то я поверю, что ты настоящий разведчик.

Ощущая затылком напряженное дыхание людей, готовых применить все, Николай заглянул в откинутую дверь. Не торопился оборачиваться, боясь дать им повод подумывать: испугался, мол. В самом деле, сердце его тоскливо сжалось, когда увидел топор.

— Дыры нет, — мирно стряхивал с перчаток снег, промолвил Щорс — но я не вспомнил об оконце... А разведчик ты все-таки хорош. Отряду ой как понадобится.

Николай поправил пуховый шарф у горла. Оба солдата стояли мирно, понуро. Белобрысый оказался не таким уж верзилой, просто крепкопечий крестьянский парень, не старше его возрастом, широкоскулый, с добрыми серыми глазами. Напомнил он ему внешностью анапца Фомина. И тотчас подумал: «А не взять ли его в ординарцы?.. Отпадает. Специальность редкостная, разведчик. Для ординарца слишком роскошно».

— Вид твой... без ремня, и вообще... — Николай скрипел. — Величают-то как?

— Димитрием.

— Вот и познакомились. А я Николай Щорс.

Возле штабной теплушки нагнал Крутин.

— Товарищ командир, ключ от штабу, вот. Но там холод собачий. Лучше до ребят идите. Вон дымок, в самый хвост.

Шагали вдоль вагонов. Разведчик поспевал легко.

— Вы не таите камень за пазухой, товарищ Щорс. Думали, с проходящих поездов кто... Мало их, зараз всяких болтается...

— Забыл уже. Да ничего и не было.

— Могло быть...

— Ты вот что, вертайся и затопи свою «буржуйку». Только шпалами. Народ может подходить. А я один тут справлюсь...

— Нет, — запротестовал он. — Буду сопровождать. Мало что случится... Не обознают вот так... Анархии этой развелось — жуть.

— Приказы, Крутин, солдаты исполняют.

Во всем составе нашел едва ли десяток человек, остальные махнули на раздобытки — на перроне, на базаре, по дворам. Кроме возросшей тревоги, ничего не дал обход. Порядка, напоминающего подобие какой-либо дисциплины, подчинения старшему, и в помине нет. Партизанщина в худшем смысле этого слова. Не красногвардейцы, добровольно вставшие на защиту революции, а черт знает что.

В крайней теплушке едва не сорвался. Не хотели даже впускать. Заняв лесенку, у входа расселся чубатый парень в шинели и домашнем заячьем треухе, строгал, как видно, ложку из вербовой чурки. На просьбу посторониться лениво ответил:

— Спать.

— Кто же спит среди бела дня?

— Митинговали до рассвету...

— Меня избрали командиром отряда.

— Угадую. А что с того? Я тебя избирал, я и скопырну. Как Зуба вон... В горячем деле еще должен показать себя. Так-то.

Солдат сплюнул через губу, выказывая этим полнейшее равнодушие к настырному собеседнику.

К горлу Николая подкатило удушье. Будь в лице, в голосе парня хоть капля злобы, издевательства, тряхнул бы его за грудки...

К вечеру Яков Зубов привел очередное пополнение — десятка четыре. Больше фронтовики. Местные, собранные за день в волисполкоме вербовочной комиссией.

Все ждали возвращения посланцев, снабженных обращением. в ближние поселки и хутора. А главное — с чем они вернутся?..

Дней за десять в отряд вступило около трехсот человек. В первый же день утром выстроился отряд на лесной поляне. Крестьяне были в свитках, в валенках, а горожане — кто в пальто, кто в шубе.

— Товарищ командир, отряд построен для инспекторского смотра! — доложил Зубов.

Щорс молча прошелся по рядам, всматривался в лица, переводил взгляд на ноги.

— Смотра не будет. Отправляйтесь обратно в землянки, побейтесь, почиститесь, пуговицы пришейте. А кто в валенках явился, пусть домой сбегает, переобуется. На дворе весна, неудобно в валенках топтать, а своих складов у нас пока нет: нарядов на обмундирование еще не получили. — Эти слова Щорс произнес спокойным голосом. Но вдруг посуровел его голос: — Вы солдаты революции! Когда наш отряд войдет в какую-нибудь деревню, крестьяне должны по нашему внешнему виду сразу узнать: пришли солдаты Красной Армии...

Сразу было покончено с «партизанской вольницей». Люди поняли, что одного желания изгнать немцев недостаточно, что, кроме желания, нужна прежде всего революционная дисциплина, которая поможет командиру проявить свое умение.

А что Щорс обладает этим умением, они убедились в первую же неделю. Щорс провел с ними несколько строевых занятий, а потом приказал погрузить имущество отряда в эшелон. Принято решение выдвигаться в сторону Новозыбково.

Перед отправлением вагоны облепили женщины. Пришли проститься с бойцами их жены, невесты, матери, сестры. Щорс вызвал гармонистов и велел им играть веселые песни и танцы. На платформе, сырой еще от только что сошедшего снега, бойцы лихо отплясывали украинского гопака, чечетку, московскую «барыню», камаринского. Заплаканные женщины, вытирая слезы, одна за другой тоже пускались в пляс. В разгар общего веселья был дан сигнал к отправке.

Бойцы разместились в теплушках. Винтовки у всех, три исправных пулемета и одна пушка на открытой площадке. Люди подходили до последнего часа. Успели с Зубовым разбить их по ротам, взводам и отделениям, назначили командиров. Гордостью и своей заслугой Николай считал конную группу человек в тридцать. Лошадей конфисковали по богатым дворам. На нее, разведку, ударную силу, возлагал большие надежды.

Пока бегал, метался между вокзалом и зданием волисполкома, забыл о дяде. Перед вечером, усадив и разместив всех и вся по вагонам, вырвался на малое время. Хвороба свернула дядю нещадно. Все хорохорился, не подавал виду, собирался перебраться в теплушку. Сейчас, трясаясь на стыках, Николай сам испытывал недомогание, боль под левой ключицей, при огне в «буржуйке» украдкой все оглядывал носовой платок. Боялся мокроты с сукровицей. Невольно думалось о дяде Казе. Напрасно сорвался он из дому. Ему не одолеть походной жизни. Идет весна, сырость, талый ветер. Беречься да беречься. К сердцу подкрадывалась тоска.

Заботы не давали ему надолго отвлекаться. Наваливались, вытесняли все посторонние мысли. Что ждет их в Новозыбково? Из сумбурных телеграфных разговоров знал, что туда отступили от Гомеля и Чернигова воинские

силы. Какие силы, сколько? Где линия обороны, кто объединяет все отряды красногвардейцев? Ясно одно — немецкие и австро-венгерские корпуса по сговору с Радой, вдруг ожившей, оккупируют Украину. Это значит, сюда они непременно дойдут. Кровопролитные бои были в районе Бахмач — Конотоп. Стало известно, что революционные войска, теснимые немцами и гайдамаками Петлюры, отодвинуты к Харькову. Из газет явствует, мирный договор с Советской Россией все еще не подписан, и немцы прут по Прибалтике и Белоруссии. Захвачены Минск, Могилев, Гомель. Известия становились тягостными...

Надолго устанавливается в раскачивающейся теплушке молчание. Стучат колеса на стыках, скрипят на разные голоса все доски и железки вагона, гудит огонь в «буржуйке». Их пятеро, командный состав. Всем не спалось. Ординарец, пятнадцатилетний семеновский паренек Матвейка, Ребенок, как всего стали звать, давно уснул на тюках сена, едва под ним застучали рельсы. Зубов Яков принял на себя отрядный штаб, пока не разбудят знающего офицера-штабиста. Квятек напросился в строй, дали роту. Знаний военных нет, но обещал овладеть ими в боях. На братьях Лугинцах оставались вербовка и снабжение. Тоже камушки не из легких. Ощутили нехватку учителя Бабченко и Табельчука — комиссары какие! Оба слегли, придавленные чахоткой.

Как ни странно, Николая в эту минуту тяготят не тревожные события, даже не предстоящие бои, а снабжение. Люди наполовину разуты и раздеты. Фронтвики так-сяк, донашивают окопное. Жалкое зрелище вызывают рабочие, батраки из хуторов. Продовольствием и фуражом запасались за счет семеновских богатеев, с них же волисполком сгрел в пользу кассы отряда и денежную контрибуцию в 200 тысяч рублей. Так что на первое время есть, люди будут сыты. Беда с боепитанием. Лавочники не торгуют патронами да снарядами. Помощники, особенно Зубов, тешат себя надеждой: в Новозыбкове разживутся, полк там запасной. Знает он, Николай, какие припасы имеют те запасные полки, побывал сам в них — винтовка на десяте-

рых, пулемет на роту да одна захудалая пушка старого образца, деда и бабку знает, вроде той, какая болтается у них в хвосте...

Чего боялся, на то и вышло. Никакого повстанческого центра, никаких мало-мальски серьезных воинских частей в Новозыбкове нет и в помине. Впереди, в сторону Гомеля, раскатывают по рельсам два крохотных состава черниговцев. В самом Новозыбкове дружина самообороны в сотню штыков да длинный эшелон анархистов. Паровоз их, украшенный черным знаменем и цветными полотнищами с призывами «Долой государство!», тяжело отдувался, распираемый парами. Как видно, не знали, куда свернуть: влево — на Унечу, в Совдепию, стало быть; вправо — через Семеновку, на Кролевец, в аккурат к немцам угодишь. Для них — хрен редьки не слаще. Большевики идейные споры ведут страстно, но и к стенке поставить могут. Немцы неохочи до всяких споров, зато в момент сажают на мушку. Так что не след пороть горячку...

Все запасные пути станции Новозыбково были забиты товарными составами с имуществом, эвакуированным из Украины. Немцы заняли уже Гомель и двигались вдоль железной дороги на Новозыбков. Станция та узловая на ветке Гомель — Брянск. Новозыбковский уезд, куда входит и Семеновская волость, занимает северо-восточную окраину Черниговской губернии. Клин просторный, распоротый верховьем реки Снов, опутанный железными колеями. Сосновые леса, изрядно заболоченные, смыкаются с синевыми глухими дебрями Брянщины. Встречу семеновцам новозыбковские уездные власти устроили пышную. Гармошки, митинг тут же на привокзальной площади, обед. Напуганные таким соседством — анархистами и немцами, — исполкомовцы открыли перед комиссарами, братьями Лугинцами, все свои тайники. Оружия и боеприпасов — кот наплакал. Пригодились комплекты обмундирования, белья, шинелей и особенно обуви. Не отказались и от продовольствия, прицепили пару вагонов с мукой, крупами и растительным маслом, фуражом — овсом.

За обеденным столом в здании городского исполкома среди командиров сидел главный анархист. Анархист лихопил из граненого стакана, с аппетитом ел и, не пьянея, согласно встряхивал роскошным светлым чубом. Предложение красногвардейцев-большевиков — всыпать немцам на ближнем полустанке, возле местечка Злынка — ему нравится, он поддерживает его. Жажнет из обеих мортир, полосонет из «максимов». Сам лично поведет своих парней в штыковую. Обещая, анархист выпытывал о пути за станцией Семеновка. Страшно удивлялся, что, минуя Крелевец, можно попасть на Глухов.

— Из Глухова и Харьков рукой подать! — продемонстрировал свою осведомленность по простоте душевной захмелевший Петро Лугинец.

Среди ночи эшелон анархистов без прощальных гудков тронулся в сторону Семеновки. В этот же самый час Семеновский отряд выходил на Злынку.

— Сволочи! Вот так с ними дела иметь... Жеребцы сытые! — костерил анархию Петро Лугинец. — А я еще чокался с тем кудрявым. Думал, взаправду локоть с локтем двинем...

Эшелон остановился на разъезде. Николай отдал команду выгружаться, выводить лошадей, скатить пушку. Такая команда даже для ближних была неожиданностью. Братья Лугинцы, а вслед и Квятек дружно запротестовали: отряд всю зиму воюет, но вагонов не покидал.

— Теперь покинет, — подтвердил свое решение Николай. — Драться с немцами, не выходя из теплушек... Абсурд. Вы научены уже горьким опытом. Удирать — да, удобно. Но воевать... Немцы забили своими эшелонами все дороги. Впереди идут бронепоезда. Остановить их нам нечем. Одно, думаю, средство... Выманить солдат из вагонов в села, в лес. Выйти из-под удара их артиллерии. Врагу надо навязать партизанскую войну, какая выгоднее нам.

— А состав? — спросил Зубов, понявший замысел командира.

— А куда он денется? Это наша подвижная база. Отведем в Новозыбково. Понадобится — подкатим.

Тесно обступив ящик, на котором с картой-десятиверсткой сидел начальник штаба, обсудили действия отряда. По сообщению телеграфистов, из ближних станций Добруша и Речицы малочисленные группы немцев на подводах движутся лесом к поселку Злынка. Бронепоезда их из Гомеля не видать. План напрашивался сам собой: занять в лесу оборону, желательнее у болота или у речки, конную разведку выслать в поселок. Выманить немцев, а удасться — изрубить, захватить оружие.

— Немцы продвигаются по железнодорожным магистралям и продвигаются большими массами. Какова наша задача? Мы должны отвлекать их от железных дорог. Мы должны заставлять их углубляться в леса, мы должны дробить их силу, бить их по частям, — рассуждал Николай. — Ты, Квятек, хлопцев разбитных, из местных, пошли на поиски черниговцев, — не тоном приказа сказал Николай.

— Чего их шукать, катаются за лесом на своих «кушках».

Оборону заняли у лесной речки, вздувшейся от снеговой воды, по обе стороны проезжей дороги, связывающей Злынку с хутором Скачки. Конная разведка ушла с рассветом, повел ее Божора, драгун. Рвался Зубов с конниками, Николай не пустил — поручил ему левую группу от дороги. Пока вставало солнце, они втроем, с Квятеком и Зубовым, обошли линию обороны, если можно так сказать. Бойцы не окапывались (нечем копать). Каждый выбрал себе место посуше да повыше, наместил сушняку, соновых веток.

— Во вороны! — посмеивался Зубов.

Николай не разделял его веселья.

— Людей учить надо вкапываться. Хорошая половина понятия не имеет о том.

— Свистнет над ухом пуля, враз смекнут...

— Боюсь, поздно будет.

В придорожном кустарнике возился с орудием пушкарь Никитенко. До вчерашнего он был в отряде единственным артиллеристом. В последней партии доброволь-

цев обнаружили еще двое: крепыши, плечистые парни, как и сам командир несуществующей батареи.

— Неудобная позиция, — оправдывался Никитенко. — Мостка не видать, а то бы при нужде прямой... На взгорок тот вкатить бы.

— А за чем дело? — удивился Николай.

— Лошадей не впряжешь... Деревья. Нас-то трое.

— Поможем.

Облепили пушченку муравьями. Взгорок в самом деле оказался удачным во всех отношениях: с седловиной на маковке, опушен орешником, а главное — господствует над покатою плечиной у речки. От мостка проглядывается далеко песчаная дорога, до опушки сосняка, за которым скрывается где-то Злынка.

Николай долго ощупывал в бинокль местность. Чем-то она его не устраивала, не поймет чем. Мосток расшвырнуть можно первым снарядом, но сама речка — не велика преграда, вброд по грудь, не глубже. Топкие берега. Это дело. Не сунешься с артиллерией, с тяжелыми пулеметами. Но у немцев есть легкие ручные пулеметы. Неизвестно, что за болота слева. Найдут в Злынке проводника?.. Заныло под сердцем. Знает с детства за собой — тягостно переживает неизвестность.

Тревожил участок Квятека — по правую руку от мостка. Места посуше, лес реже, доступнее не только пехоте, но и коннице. Усиливала опасность и железная дорога, проходившая неподалеку; не удержат черниговцы, откажутся... Из бронепоезда могут польхнуться, могут высадить и в тыл штурмовиков.

За весь день Николай не присел. Костров разводил не разрешил — обнаружат аэропланы. Обошлись галетами и консервами. Сам тоже всухомятку, на бегу.

До захода солнца облазили весь берег и лесные чащобы, где укрепились рота Квятека. Ему выделили два «максима». Подыскивал им места, намечал на глаз ориентиры. Тут и застал его конный с сообщением: Божора привез «языка».

Штаб отряда разместился в рубленой избе мельника. Зубов уже допросил пленного. Не шибко языкастый попался, но кое-что из чудовищной смеси немецко-польско-белорусских слов его сумели сложить. Слушая Зубова, Николай разглядывал немца. Одетый, обутый, ухоженный, юношеский румянец во всю щеку говорил о крепком здоровье и аппетите. Вон как уплетает из котелка.

— В общем-то, можно предположить, Николай Александрович, — подытоживал Зубов, — в Гомеле сосредоточивается группа войск генерала Гофмана. Называет 41-й армейский корпус. Это по меньшей мере четыре-пять дивизий...

— Что заставляет их топтаться в Гомеле, не наступать? — перебил Николай, расстегивая планшет. — Ведь еще Украина...

Добивался ответа у «языка». Не «язык», а олух царя небесного.

Немец, перестав жевать, осмысленно прислушивался.

— Брянск, Брянск, — закивал он. — Нах Москвау.

— Именно на Москву! Странно... Договор с Советской Россией подписали... Но войска сосредоточивают на кратчайшем пути. Правительство России переехало в Москву. Иначе зачем собирать тут такой кулак? Наверняка не для того, чтобы раздавить нас, горстку партизанских отрядов, возле Новозыбкова. Ждут момента удобного, провокацию готовят, чтобы двинуться на Москву.

— Скажешь такое... — Зубов, меняясь в лице, медленно приподымался на ноги. — Гони его в шею! Расселся тут, понимаешь, жрет... В сарай вон, не замерзнет.

Ординарец Ребенок, тем временем собрал на стол. Запах разогретой тушенки вызвал у Николая приступ голода, давно не испытывал такого аппетита. С остервенением откусывал шершавую житную горбушку, поддевал из банки вилкой, но мысль работала. Немцы определенно не ведают об их присутствии, разъезжают по ближним к железной дороге селам, собирают дань, какую посулила им Рада. Сам мужик не потащит из хлевка последнего кабан-

чика, из закрома мешок зерна. Все это немцу надо брать силой. Оттого фургоны порожние, набить их еще надо...

Слушая краем уха помощника, рассказывавшего, как Тимофей вынул из фургона «языка», Николаю пришло вдруг на ум — налететь на спящих немцев в Злынке. Послать всех конников. Божора справится, нагонят страху, захватят обоз. Не забывались бы, куда пришли: встречать их тут будут не хлебом-солью... А что, если самому повести разведчиков? Нет, мальчишество. Утром Зубова не пустил, обозвав подобные действия командира таким же словом.

— Ребенок, Божору, — сказал он, не отрываясь от банки.

Зубов догадался, зачем понадобился драгун.

— На Злынку?

— Да.

— Божора полдня болтался в седле... И люди его утомились, — попробовал он подсунуть свою задумку. — Не лучше ли мне все-таки? Охотников кликну, свежих... Кто лошадей может управлять.

Не вышло и на этот раз у Зубова.

В избу ввалился драгун. Лохматая бурка забита сеном — в скирде нашел его ординарец. Щурясь заспанными глазами на кособокий огонь в лампе, выжидательно встал копной у порога.

— Долго не задержу, Божора, — Николай подошел, сбивая за спину складки под офицерским ремнем. — Обойди своих казаков, кто не спит — уложи. Лошадям задать овса. В три часа побудка. На Злынку... Места теперь знакомы. Крепки сны светом, знаешь. Задание ясно?

— Так точно, ваше... товарищ командир! — драгун сконфузился. — Спросонку это я, Николай Александрович.

— В каждом из нас немало старого. Новое еще приобретаем. Я бы и сам не прочь... с вами, — Николай хитро глянул на Зубова. — Начальник штаба не одобряет. Считает, командир должен всегда находиться на своем месте. Казаковать, говорит, не его дело.

— Верно кажет Зубов. Дозвольте идти?

— Иди.

Разговорились. Собственно, начал Зубов. Вышли из избы вслед за драгуном проверить посты, подышать весенним ночным воздухом.

— Николай Александрович, ты дурно обо мне думаешь.

— С чего взял?

— Представил себя на твоем месте. Я бы думал плохо...

— За откровенность спасибо. Сам-то я давно уже ставлю себя на твое место.

— Нашел в чем копаться... По шапке дали из отрядных справедливо. Да и отряд-то... размолотили в пух и в прах.

— Для меня все опыт.

— Не прибежняйся. Вижу.

— Плохо видишь. Слишком собой ты, Яков, занят. Обидой своей. Из кожи лезешь, чтобы доказать кому-то что-то... Люди не обвиняют тебя. В худшем случае сочувствуют. А я вот... учусь. Да, да. И казнишь ты сам себя. Вот с разведкой... Весь день на горло наступаешь.

Из потемок вывернулся караульный, молча засматривал в самые лица.

— Ага, командиры... Шли б, оно лучше, дрыхнуть. Кой тут в глухомани явится. Нешто нечистый.

И так же, как возник, так и исчез.

— Вот они, богом клятые партизанские порядочки.

Не произнеси Зубов этих слов, Николай завернул бы караульного — втолковал бы обязанности постового. В следующий миг он ощутил щемящее чувство стыда, как бы извиняясь перед Зубовым, продолжил оборванный караульным разговор.

— Черт его знает... Может, для тебя это то единственное, что подымет самого себя в собственных глазах. Тогда поезжай. Чем скорее избавишься... тем легче будет потом твоим подчиненным.

На участок Квятека Николай пошел один. Увязывался Ребенок, не взял. Откровение Зубова принесло облегчение — лопнул неприятный нарыв. Не обращал на него внимания, всячески старался не думать. И все-таки малейший повод — случайно перехваченный взгляд Зубова, сло-

во — заставлял излишне напрягать нервы. Надо бы сразу начистоту с Зубовым... Неловко как-то. А может, не счит нужным? Пожалуй. Чего таиться перед собой. Вот и теперешний разговор... Человек распахнул душу. Не нашел подходящих слов. Одно успокаивало: понял его.

— Кто идет? Пароль?

Узнал голос брата. Вспомнил, с отъезда из Семеновки не видалось. Назначал взводным, отказался. Квятек докладывал. Не вызывал, не потребовал почему-то исполнения своего приказа. Не хочешь — иди в строй, рядовым. Тему о том не поднимал и сейчас. Стояли молча. Покуда Константин выкурил папиросу, он следил ухом за тоскливым переключением лебедей, затерявшихся где-то в звездной аспидно-синей выси. Подумал, птицы еще днем могли пролетать над Крымом. Все реже вспоминался солнечный двор госпиталя, невероятно белая палата, начали стираться из памяти даже какие-то черточки в лице Вали... Кажется, не Валя, а Глаша была там в крестастой косынке и обжигаете чистом халатике.

— Про дядю Казю я. Бросили у чужих людей...

Слышал Николай, а в толк сразу взять не мог. Выпущая из-под ворота шинели шарф, утепляя горло, отозвался недовольно:

— Полегчает, Петро Лугинец доставит его в эшелон.

— Не полегчает уже... Кровь горлом пошла.

Не сознался ведь! Травить не хотел. Вот он, дядя, весь. Николай почувствовал, как не хватает ему в эту минуту именно его. Что-что, а человека он понимает, умеет проникать в душу, располагать к себе, вызывать на откровение. По-нынешнему эти качества в командире важнее всего. Все, что связано со старой армией, полетело в преисподнюю: окрики, зуботычины, слепое, бездумное подчинение. Солдат начал думать, обретать свою личность. Процесс невероятно сложный, болезненный. Оттого ответственность командира нынче возрастает не по дням, а по часам. В то же время армия их, революционная, не может, как и любая, существовать без древних своих устоев — подчинения младшего старшему и исполнения приказа. Обсуж-

дать приказ на митинге — крен неверный и опасный. Путь в никуда. Прямая тропка к анархии, партизанщине. Живой пример — Зубов. Партизанщина его одолела. По каждому пустяку сбегались всем эшелоном. Случались и курьезы — стрелять по гайдамакам или не стрелять? Добро, что спохватились сами — отряду нужен командир. В яблочко попал Николай тогда на собрании, сцепившись с Квятеком, пригрозив приказывать.

— Может, съездить нам с Иваном Колбаско? — напомнил о себе Константин, перебрасывая винтовку с плеча на плечо. — В Семеновку, а?

— Поедете, конечно... Не сейчас же! Утром неизвестно, что будет...

Выкурил Константин папиросу до гильзы, затапывая окурок, заговорил приглушенно:

— Дохлое дело ты, Николай, затеваешь... Ей-богу. Кругом мир, а мы... за винты ухватились. Ну оглядись! Россия откололась... Сама по себе. Помирилась с швабами. Рада наша и вовсе... рука об руку. Изю всей Украины Советы выперли. Харьков уже накрылся...

— Знаешь, Костя... — Николай приблизился вплотную. — Речи твои не красногвардейца...

Покорность в опущенных плечах, в голосе брата удержала от тех страшных слов, какие распирала его. Уйдет от греха. Расхотелось вдруг искать в потемках и еловый шалаш Квятека. «Спит человек, чего будоражить. До утра, видно, никто их в этом лесу не потревожит. Насолит уж Божора, вот тогда немцы ошестинятся. Ждать надо к полудню...» — подумалось Николаю.

Позади, в стороне Новозыбкова, уже рассасывалась над лесом апрельская ночь.

Побудку отряду устроила стрельба. Бойцы спросонок вертели головами, в недоумении пялясь за речку. Заваруха там, за синевшим леском, куда вьется по песчаному голему косогору дорога от мостка. По цепи прошел слух: «Конники Божоры озоруют в Злынке». Подтвердил и пробежавший командир, Казимир Квятек.

Застегивая шинель, Николай вслушивался: не заговорят пушки? Сомнения не было: Божора. Настораживал обильный огонь. Может, за ночь немцев еще подвалило?

Пальба не утихала. Напротив, она передвигается за лесом. Пожалел Николай, что вчера сам не проскакал в Злынку, не прикинул глазом местность. Судя по карте, поселок от железной дороги в нескольких верстах. Вроде туда и распространяется бой. Если отзовутся орудия, тогда худо. Значит, подкатил бронепоезд.

Квятек видел беспокойство командира. Чувствовал себя в том прямом виновником: две партии отправил вдоль насыпи на Добруш, Речицу. Ни звука, как в болото. Сутки помалкивают.

— Еще, может, выделить людей, а? Мало что могло случиться...

— Потерпим. Моли бога, чтобы дольше не появлялись...

Успокаивал Николай других, а у самого тревога нарастала. «Выдавит немецкий бронепоезд черниговские эшелоны партизан на Новозыбково, отойдет и их состав. Тогда топать по болотам... Обговаривали и такой вариант с Лугинцами: они укатят в Клинцы, ближе к Унече, городку на территории Советской России. Будут принимать их там. Но прежде хотелось все-таки набить морду пруссакам». Вестей от конников из Злынки ожидал с большим нетерпением, нежели связных Квятека.

Стрельба вспыхнула совсем близко. В березняке, с правой руки. Не отрываясь от бинокля, сказал с нервной усмешкой:

— Квятек, тебе повезло... Каждые полчаса сообщай! Горячку не пори. Встречайте огнем на речке. Помни, у тебя может выдвинуться кавалерия. Я буду...

Квятек сорвался бегом. Сутуловатая спина его в пиджаке из шинели пропала за желтыми стволами сосен. Прятал в кожаную сумку бинокль и Зубов, готовый бежать на свой участок.

— Ты погоди, Яков. Картина неясная. Хорошо бы, попер дорогой... Но немец, знаешь, воевать умеет. Болот твоих боюсь. Они непроходимы для нас с тобой...

— Не расходуй резерв. На случай...

Из леса вырвалась подвода. Приблизил стеклами. Немецкий фургон. Возница, стоя на передке, хлестал нещадно лошадей. Гнал бездорожно, напрямую к мостку. Выскочили и всадники; они отстреливались, вертясь в седлах. Угадал буланого коня и бурку Божоры. Явно маловато. Лихорадочно обводил опушку — не появятся еще?

— Подзалетели... — пугнул матюком Зубов, тоже вскинув к глазам бинокль. — Ай, нет! Еще вон... Правее, правее...

Не утерпели, сбежали со своего наблюдательного пункта — песчаного обрывчика — к мосту. По широкому оскалу, шалым глазам Божоры можно догадаться, что у кавалерии полный порядок.

— Ноги унесли? — спросил издали Зубов, хотя успел уже пересчитать всадников.

Божора, не спрыгивая с седла, развязал у горла ремешок, неимоверно усталым движением плеч освободился от бурки. Бурка повисла на взмыленном крупе; кто-то из конников сдернул ее.

— Тимофей, хвались трофеем.

Только теперь заметил Николай, что возницей на фургоне был знакомец, разведчик. Он все еще стоял на барках, растирал шапкой распаренное лицо. Из задка фургона, изпод брезента, выволокли немецкого офицера со связанными за спиной руками. Кивнул: в избу, мол, пленного.

Остановились перекурить у сарайчика. Божора, закручивая все еще дрожавшими пальцами сигарку, докладывал и не докладывал — хвалился:

— Как по писаному, Николай Александрович... Навалились зорькой. Голыми руками брали, теплых, из постелей. Оружие в фургон, а самих в сарай. Думаем, строем потом, с песнями... Ай выкуси! Это вчерашних-то. А за ночь, оказывается, еще привалило. Те разместились на другом краю. И спать не успели улечься. Кто-то из моих нос к носу с часовым. Первым полыхнул из винта. И началось... Мать моя! Дай бог ноги. Тимошка успел выхватить из сарая одного офицера...

— А тех... бросили? — спросил Зубов с придыханием.

— Ну куда ж... — Божора добродушно усмехнулся. Успокаивал: — Да вы этого не слышали. Мировой фриц. Кроет по-нашему матюком, а! Хлеще моего анархиста-морячка, ей-право.

«Язык» попался из разговорчивых. На вопросы военного характера отвечать категорически отказался, так как не считает себя пленным. Он офицер германской армии-победительницы. Россия потерпела в войне поражение, запросила мира. Его страна, великая Германия, мир приняла и оставила за собой все занятые ею земли. На Украине они, немцы, не воюют. Пришли как друзья, по приглашению украинского правительства. Совместно с армией господина Петлюры они очищают Украину от банд. Он, оберлейтенант Хельмут Геймбух, требует отпустить его немедленно, иначе немецкое высшее командование предъявит ультиматум Советской России.

— Ультиматум Советской России? — не утерпел Николай. — Вы ничего не перепутали? Она ни при чем. Вы в плену одной из частей украинской Красной гвардии.

— Нет такой гвардии. Есть банда. Банды те оставили после себя русские большевики.

Зубов потянулся к кобуре. Николай пресек взглядом его намерение. Уставившись в водянистые глаза немца, осипшим вдру голосом сказал:

— Господин обер-лейтенант, как офицер украинской Красной гвардии, могу принять за личное оскорбление...

— Вы офицеры?..

— Почему 41-й корпус генерала Гофмана остановился в Гомеле?

— Нет приказа о наступлении.

— Куда наступать?

Пленный, поняв, что ответа и на этот вопрос не избежать, начал с деланным усилием разбавлять русские слова своими.

Вот отчего они не торопятся захватить Новозыбково. Похоже на правду. Appetit у них! Затишье использо-

уют по назначению — собирают кулак. Нет, не будет им затишья...

В сенцах загремело сваленное порожнее ведро. Дверь рывком распахнул начальник караула.

— Немцы!

Мигом заняли свой обрывчик. Хорошо видать и без бинокля. Из сосняка на дорогу выходили фургоны. Шли шагом, освещенные полуденным солнцем. Удивляла и возмущала такая беспечность и откровенная наглость. Как видно, налет конников не воспринят всерьез. Банда и банда, налетела и рассыпалась. Исчезновение солдата и офицера, наверно, не вывело их из себя.

— А не уловка, Николай Александрович? — посомневался Зубов. — Так открыто...

— На всякий случай выдвинь «максимку» к мосту. Фургоны не порожние... Кони напрягаются.

Первая же очередь из пулемета, установленного на сарайчике, подтвердила догадку. Из фургонов сыпанули солдаты. Враз попадали, извиваясь, ящерицами поползли по голому склону к речке. За теплую ночь серый склон зазеленел. Лохматые кочки смотрелись отсюда удобным прикрытием.

— На батарею! — прокричал Николай в ухо Зубову. — Не пропустил бы Никитенко. По мосту... Дуром не палите.

Едва взбежал на взгорок, к пушке, стрельба вспыхнула и на правом фланге. На слух силился определить, что у Квятека. Бьют из винтовок кучно, умеючи вплетаются в разнбойную пальбу короткими оба пулемета. Вспомнил, Костя за одним, дальше, у колена речки... Стиснуло на миг сердце.

— Кинем парочку, Николай Александрович?

Никитенко без шинели, в распысанной гимнастерке с закатанными рукавами. Волосатые руки любовно гладили снарядный стакан.

— Куда? В пустой след? Расползлись вон по лугу...

— Для остратки. Нехай думают, что и мы не лыком шиты.

— Дорогое удовольствие. Мост не пропусти... На са- рае взмахнут белой тряпкой.

— А броневик ежели?

Николай пожал плечами: какой разговор, мол...

Хитростью не захватив мост, немцы навалились на участок Квятека. Березняком выходили к самой речке. По намерениям пехота готова сунуться в ледяную воду. Топ- кий открытый берег, простреливаемый насквозь, не да- вал им ходу. Вытыкалась на опушку и кавалерия в странно знакомой форме, на белых гладких лошадях.

— Польские уланы! — вскричал зло Квятек, посылая из ручного пулемета длинную очередь.

— Старые знакомцы, — пояснил он погодя, когда бе- лые всадники исчезли в березняке и стрельба утихла. — Уланы Довбор-Мусницкого... Под Калинковичами встре- чались.

Тут и застал Николая вестовой от Зубова. Развернув донесение, вскочил как ошпаренный. Болота! Чужало серд- це. Пехота до батальона, пишет Зубов. Пятьсот штыков... Очумел он! Квятек тоже прочел записку. Молча выпря- мился.

— Пулемет, брата моего... и взвод выдели. Случится что со мной, Зубовым... примешь командование. Проби- вайтесь на Унечу.

Подоспел кстати. Зубов встретил у сваленной сосны. Мокрый весь, в болотной тине, но довольный. Набивая круглый диск ручного пулемета медными патрончиками, клокотал от восторга:

— Вон они, ландверы... залегли на перекур. Чесанули мы их! Спасибо Божоре, подмогнул с конниками... Две ата- ки отбили. Минут через десять-пятнадцать жди опять...

Точность поразительная. Большая черная стрел- ка трофейных часов, сохранившихся с времен Анапско- го полка, обошла три деления — немцы поднялись. Уст- раивая «льюис» на стволе дерева, Николай до рези вгля- дывался в сосновую чащу, мешали заросли орешника. Видал какие-то тени в сгущавшихся лесных сумерках.

Позади, на поляне, светло. «Солнце еще не село», — по- думал он.

— Приготовиться!

Зубов обернулся: ничего, мол, что подменяет его? «Ни- чего», — ответил взглядом Николай. С каким-то легким чувством нажимал на спусковой крючок. Впервые вот так близко он целится в человека. Стрелял некогда через Прут, наобум — река широкая, камыши. Днем, у Квятека, стреля- лось тяжелее — видна цель. С уверенностью не может ска- зать, что попадал. После его выстрелов люди двигались, вставали, ползли, даже бежали. Тут человека не видеть...

Дважды подымались ландверы. Не раз Николай ме- нял опорожненные диски. Помогал Ребенок, будто прики- певший к локтю. Наполнив очередной диск, он брался за свою винтовку.

Немцы прекратили атаки, отошли. Стреляли издали вяло. Такое впечатление, будто давали знать о себе.

— Ага, поджали хвосты! — ликовал Зубов. — Перено- чуете в болотах...

Николай не разделял уверенности своего помощни- ка. Неспроста умолкли. Затаились, покуда стемнеет, бро- сятся в штыковую. Может, подкрепления ждут? Глядя на потемневшее небо с обозначившимися звездами, на слух старался угадать, что делается на мосту и у Квятека. Тоже постреливают слабо.

Позади, у моста, вдруг раздался взрыв. Снаряд! Пер- вое мгновение подумали на Никитенко.

— Это еще что? — с удивлением обернулся Зубов. — Хохол наш по мосту шарахнул? За каким?..

— Не-е, — протянул разведчик. — Швыряют издали.

Трижды кряду трянуло землю. Шпартят тяжелыми.

Не бронепоезд?..

К полуночи ввалились в избу. Ландверы не кидались, как видно, остыли до утра. Свели потери — семь убитых, до десятка раненых.

— Может, у Квятека прибавилось? — отодвигая тет- радь, с горечью сказал Зубов. — Подождем... А, легок на помине.

Одного вида достаточно, чтобы определить, с какими вестями явился Квятек. От остановившегося взгляда его делалось не по себе.

— Стрелял бронепоезд... — сообщил он от порога. — Черниговцы откатились в Новозыбково...

Этого ожидали.

— И что? — Зубов ядовито усмехнулся. — Медвежья болезнь скрутила? Такое, будто всю роту уложил...

В глазах поляка растерянность. На смуглом лице застыла не к месту странная улыбка. Николай почуял недоброе.

— Уходят... Исчезают тайком.

— И ты?! Ты же сам подписывал... Расстрел, кто покинет бой!

Страшный смысл коснулся сознания Зубова. В чем был, без шапки, без шинели, выскочил в дверь.

Николай опустил на лавку. Рука машинально, восстановив забытую привычку, потянулась к оставленному Зубовым портсигару, мял папиросу, тупо уставившись на вывоженные в болоте сапоги. Квятек взял себя в руки, сделав пару глубоких затяжек.

— До света останется ли половина... Какая-то гайдамацкая сволочь поработала. Зачем зачисляли всякий сброд на вокзалах? Боюсь, и наши, семеновцы, дрогнут... Зубов вот прибежит... У него еще больше анархии всякой. Что делать, Николай Александрович?

Знал бы сам... Спросить легко. А ответить? Первой мыслью было собрать людей к мосту, напомнить их клятву, выявить зачинщиков... Но зачинщиков как таковых уже нет. Выход один. Да, да, уходить. Бесшумно снимать людей и уводить. До света оторваться от немцев. Затемно до Новозыбкова не поспеть. Вцепиться в удобный рубеж у попутных хуторов: Скачки, Деменки. Сохранить боевое ядро отряда...

На пороге встал Зубов. Его можно не спрашивать. Николай швырнул к печке размочаленную папироску.

— Снимайте бойцов... Без шума. Лесной дорогой, на Скачки. Я с конниками прикрою.

Квятек и Зубов молча покинули избу.

Семеновский отряд отходил с боями. Пулеметными заслонами встречали немцев у хуторов Скачки и Деменки. Роты таяли. Оставались наиболее стойкие да кому возвращаться по домам опасно. Немцы в тревоге за безопасность железнодорожной магистрали погнались за ними. Два полка шло по следу партизан. Между станциями Гомель — Новозыбков — Злынка кружили бронепоезда. Щорс петлял по лесу, то приближаясь к Новозыбкову, то удаляясь от него, он все глубже и глубже затягивал врага в лес, наносил внезапные удары и исчезал, отсекал мелкие подразделения от основных сил и уничтожал их, громя врага на марше и на отдыхе — появлялся всегда там, где его меньше всего ждали. И эта лесная охота продолжалась до конца апреля.

После боев в отряде Щорса осталась горсточка измученных бойцов. Вернувшись к своему эшелону, стоявшему на станции Новозыбков, он снова с помощью городской партийной организации взялся за формирование отряда. Теперь большинство приходивших к нему добровольцев были рабочие местных фабрик. Объявив себя мобилизованными, явились к Щорсу и депутаты городского совета. В числе их была девушка-коммунистка. Щорс уже видел ее как-то мельком в исполкоме. Ему запомнились ее большие внимательные карие глаза, смуглое строгое лицо с несколькими преждевременными морщинками. Ее звали товарищ Фрума.

Явившись в штаб отряда, она держала себя свободно, не обращая внимания на любопытные взгляды, говорила коротко, сухо, не улыбаясь.

— Стрелять умеете? — спросил Щорс.

— Да. Упражнялась на стрельбище, — ответила Фрума.

— Будете разведчицей.

— Хорошо.

Щорс дал девушке кавалерийский карабин, две ручные гранаты.

— Знаете, с чем их кушают? — чуть улыбаясь, спросил он.

— Имею представление, — ответила Фрума, пряча гранаты в глубокие карманы шинели.

На ней была шинель, сапоги, но женский платок на голове нарушал ее воинский вид.

— Платок вы снимите. Он не идет к вашему лицу, — сказал Щорс, — я дам вам сейчас папаху.

Он принес несколько папах и сам примерил их девушке.

Весть о зачислении в отряд разведчицы быстро разнеслась по эшелону.

Партизаны окружили Фруму. Среди них был и сгоравший от любопытства Живоног, бывший рядовой девятой роты. Он первый поздоровался с ней, назвав себя по фамилии. На вопросы партизан девушка отвечала охотно, но в подробности не вдавалась. Она сказала, что воевать ей еще не приходилось, если не считать разоружения царских офицеров, в котором она принимала участие. Больше ей приходилось делать доклады. Среди членов городского совета она была единственной женщиной. Стреляет она, по словам товарищей фронтовиков, довольно метко, но испытывала себя только на стрельбище. Она училась стрелять всю зиму.

— А пулеметному делу не обучались, товарищ барышня? — спросил Живоног.

— Нет, — улыбнулась Фрума.

— Ну, ничего. Я могу вас очень быстро обучить. Я — пулеметчик.

Однако, обучать разведчицу пулеметному делу ему не пришлось.

Немцы подходили к Новозыбкову. Отряд Щорса занял позицию в шести километрах от города, по обе стороны железной дороги. Немцы время от времени постреливали из пулеметов, но в наступление не переходили.

Слева темнел густой лес. Опасаясь обходного движения врага, который, получив от партизан ряд сильных уда-

ров, действовал теперь по всем правилам тактики, Щорс решил послать в лес пешую разведку. Он передал об этом по цепи, вызывая охотников. Их собралось человек десять. Явился и Живоног. Щорс, коротко объяснив задачу, сказал:

— Начальником разведки будет товарищ Фрума.

Пробираться к лесу пришлось под пулеметным огнем.

На открытой местности немцы сразу заметили разведку. Бойцы двигались перебежками и ползком. Впереди — девушка в папаче. Живоног старался не отставать от нее. Он все время кричал ей:

— Ниже голову!

Наконец, девушка обрезала его:

— Обойдусь без няньки, товарищ!

Живоног обиделся и замолчал.

В лесу разведчики пошли цепью, на расстоянии друг от друга. Живоног, искоса поглядывая на Фруму, пробирающуюся между деревьями с карабином в руке, что-то бурчал себе под нос. Вдруг раздался выстрел. Фрума остановилась и, щелкнув затвором, легла. Рукой она дала знак — лечь всем. Живоног нехотя, не торопясь, лег в нескольких шагах от нее. Послышалась команда на немецком языке, впереди замелькали стальные каски, серые шинели, затрещал пулемет.

Живоног стрелял, после каждого выстрела поглядывая на Фруму. Она целилась старательно и спокойно.

Немцы обходили разведчиков. Надо было отступать. Живоног окликнул Фруму, но она не отозвалась. Голова ее лежала на карабине. Неподвижное солнечное пятно блесело на папаче...

Вечером отряд Щорса медленно двигался в своем эшелоне по железной дороге Новозыбков — Клинцы — Унеча.

Оставшийся сзади бронепоезд обстреливал немцев, которые уже заняли Новозыбков. Щорс стоял в дверях вагона, следя за взрывами снарядов. Кто-то указал ему на человека, шагавшего по болоту. Щорс посмотрел в би-

нокль и узнал Живонога. Выпрыгнув из вагона, он побежал к нему навстречу.

Живоног был весь в грязи. Казалось, он выкупался в болоте.

— Где товарищ Фрума? — спросил Щорс.

Живоног посмотрел на Щорса растерянно.

— Пала в бою, — прошептал он чуть слышно.

Вернувшись в вагон, Щорс сказал:

— Товарищи, почтим вставанием память девушки-бойца, отдавшей свою жизнь революции. Фрума Хайкина, наша разведчица, погибла...

Конец апреля. Под натиском оккупантов украинские партизанские и красногвардейские отряды отходят на территорию Советской России. Двигались в сплошном потоке составов через Клинцы на Унечу. Прикрывал их отход петроградский бронепоезд...

Вся Украина — во власти немецких войск.

«Немецкие войска самовольно врываются в дома селян и забирают съестные припасы, хлеб, фураж, а также личные вещи, причем угрожают оружием», — доносила Белгородская волостная управа.

Министры Центральной рады, получая сотни таких донесений, складывали их в архив. Однако, покорность буржуазных министров-«социалистов», предавших народ, не помогла им удержать власть.

29 апреля Рада, по приказанию немецкого командования, послушно уступает власть черниговскому помещику генералу Скоропадскому, новоявленному гетману, бывшему флигель-адъютанту царя Николая. Кайзер Вильгельм больше не нуждался в мелкобуржуазной демократии — украинских эсерах и меньшевиках. Прикрываясь обольстительными речами о «демократии», «свободах», те привели на Украину германских оккупантов, а потом устелили коврами дорогу гетманшине. Гетманская власть — открытая диктатура помещиков и капиталистов. Первым делом, с чего начал гетман, он занялся созданием жандармерии, «державной варты» — для охраны буржуазно-помещичь-

его строя. Гетман Скоропадский публикует грамоту, возвещающую о том, что «права частной собственности восстанавливаются в полном объеме».

Помещики возвращаются в свои владения и восстанавливают право собственности в «полном объеме» при помощи немецких карательных отрядов.

В село Ровное, Елисаветградского уезда, является с отрядом немецких солдат помещик Седлецкий. Отряд окружает село и, дав несколько пушечных выстрелов, стоняет крестьян на кладбище. Начинается порка. Беспощадно избивают членов земельных комитетов: «Это вам за то, что делили землю». А потом по очереди всех крестьян: «Это вам за то, что сеяли на барской земле».

Начинается «возмещение убытков». Вот что рассказывают об этом крестьяне села Ташино:

«Германский отряд в 50–60 человек при трех офицерах и многих немцах-колонистах прибыл в Ташино, оцепил село, и один из офицеров отдал приказание, чтобы все мужчины от 15 до 70 лет немедленно вышли за деревню на выгон. Приказание это было исполнено, и все, как один человек, явились в указанное место. Их окружили пулеметами и начали вызывать по списку... После того как разделались с мужчинами, вызвали человек 15 женщин и потребовали от них сведения, кто был зачинщик разборки экономии Габриеля... На выгоне было положено три мешка с овсом, и на эти мешки клали людей и били беспощадно... Затем поставили им ультиматум, что если через два дня не будет возвращено Габриелю все то, что было взято, и 133 000 рублей штрафа и Цветовке 5 285 рублей за сенокос, то с ними будет еще не то... Население, не желая подвергаться зверскому обращению, начало за бесценок продавать весь свой живой и мертвый инвентарь и к моменту составления протокола внесло Габриелю деньгами около 100 000 рублей».

За малейшее сопротивление немецкие коменданты угрожают населению расстрелами и виселицей...

В это время Щорс прибыл со своим отрядом в Унечу — пограничную станцию Советской России.

После того как раненные были отправлены в лазарет, в отряде осталось всего тридцать человек. Щорс созвал собрание своих бойцов. Кое-кому казалось, что дальнейшая борьба с оккупантами уже невозможна. Щорс как будто не замечал этого настроения. Он говорил, как всегда, тщательно подбирая слова, открыто и строго глядя в глаза своих слушателей.

Щорс ничего не сказал специально для того, чтобы поднять настроение, но он говорил так, что людям, впадшим в уныние, становилось стыдно за себя. Он говорил, что отряд находится уже на территории Советской России, которая пока еще не может открыто выступить на помощь украинцам. Он говорил, что нельзя воевать, если не имеешь регулярной армии, а Советская республика только еще создает ее.

— Конец это? — спросил Щорс бойцов, собравшихся на прощальный митинг. — Нет, товарищи, это только начало. В Советской России формируется Рабоче-Крестьянская Красная Армия, и эта армия поможет нам очистить Украину от захватчиков. Русские большевики помогут нам, украинским рабочим и крестьянам, освободить свою родину, прогнать захватчиков. В этом можно не сомневаться. Обязательно помогут!

Он повторил это несколько раз и закончил свою речь так:

— Сейчас мы разойдемся. Одиночками возвращайтесь на Украину, на заводы, в села, раскачивайте народ, готовьте его к восстанию. Будите народ, зовите его в бой! За большевистскую правду, за вольный труд, за счастье наших детей! Отряд распускается, но каждый из вас получает боевое задание: сформировать у себя на родине повстанческую роту. В лесах, в глухих оврагах обучайте людей владеть оружием, приучайте их к революционной дисциплине. Потом пусть они расходятся по домам, твердо зная, кто в каком взводе и отделении числится, кто его командир. Придет время, и ваши роты будут сведены в батальоны, полки, дивизии. Они сметут врага с лица своей земли. Не пановать панам на Украине!

Щорс говорил тихо, не повышая голоса, но в его словах чувствовалась такая искренняя убежденность, что все, казалось, видели перед глазами эти уже сформированные, стоящие под ружьем, готовые к бою роты, батальоны, полки, дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии.

Щорс простился с бойцами, пожал каждому руку. Отряд был распущен. Лесными тропами, обходя немецкие посты, партизаны пробирались назад на Украину, в родные села и хутора северной Черниговщины. Раненый Иван Кваско и еще несколько оставшихся в живых друзей Щорса вернулись в Сновск. Они рассказывали всем, что ездили искать работу. Им поверили, так как на Украине после оккупации началась безработица.

Среди них был и Константин Щорс. Николай проводил брата за околицу поселка.

— Ты-то сам теперь как? В Красную Армию? Не возьмут по здоровью...

— Россия велика. Может, удастся в университет... Хотя бы на какое-то время...

Расстались братья холодно...

В Советской России Щорс оставил только несколько коммунистов, которых решено было послать на созданные в Москве курсы красных командиров.

Вместе с ними Щорс выехал из Унечи в Москву. В пути, беседуя со своими соратниками, он развивал планы формирования из разрозненных отрядов украинских партизан частей регулярной Красной армии.

Часть третья. За Советскую власть!

Мартовские метели резко сменились теплыми ветрами, редкими в такую пору на Брянщине. Днями грело солнце, нещадно съедая слежавшиеся потемневшие пласты снега в лесных чащобах, буераках. Шумела талая вода на склонах, затопляя низкие места. На опушках, в затишке, зеленела молодая травка, отходили после зимы, наливаясь бражной силой, деревья, набухали почки.

Подступавшая весна разрывала истосковавшееся сердце солдата-хлебороба. Революция даровала ему мир и землю. Чего еще мужику? Шел он с фронта, шел, полный светлых надежд. Но надеждам тем не суждено так скоро сбыться...

Весной 1918 года молодую республику огонь охватил со всех краев. Занималось на востоке, на Волге, повсюду полыхали южные окраины — Дон, Кубань, Ставрополье. Сбежавшие туда генералы подымали белое казачество против Советов. Разрозненные отряды красногвардейцев только-только сводились в регулярные полки Красной Армии. Ненадежное затишье устанавливалось на западе. Глотком свежего воздуха явилось перемирие с Германией в Брест-Литовске. Предсовнаркома Ленин ценой невероятных усилий согнул маловеров, убедил в необходимости хотя позорного, грабительского, но мира.

Между Советской Россией и оккупированной Украиной пролегла нейтральная полоса. Немцы и гайдамаки заботливо отгородились колючей проволокой. Советская

охрана разместилась вдоль своей линии. На железных дорогах действовали контрольно-пропускные пункты. Бойкими и людными пунктами на советской стороне на Брянщине слыли станции Унеча и Зерново. Валом валил туда и сюда люд самый разный: бродячие солдаты, мешочники. Под их видом попадались чекистам важные птицы — царские офицеры, бывшие жандармы, надеявшиеся найти у гетмана Скоропадского для себя применение. Но еще больше шли ночами, глухими проселками, скапливаясь в нейтральной зоне. Одолевали спекулянты. На север они везли сахар, муку, а на юг — мануфактуру, галантерею.

Своя обособленная жизнь протекала на ничейной земле. Полоса шириною до 15 верст. Враждующие соседи по мирному договору сапогом не ступали туда. Постепенно ею завладели украинские большевики. В селах создавались ревкомы, хотя кое-где оставались и старосты. Из Украины беспрерывно пробивались малые и крупные группы повстанцев, преследуемые карателями...

Стон, плач стоял по всей Украине. Загуляла по мужицким спинам вартовская нагайка. Немецкая военщина не получала обещанного радовцами хлеба, угля, металла. Надеялась, гетман выколочит плетью и свинцом давние недоимки...

Лопалось терпение народное. В ответ на насилия в селах и хуторах стихийно возникали партизанские отряды. В ход пошло дедовское оружие — топоры, вилы, косы. К лету уезды, губернии были охвачены повстанческим движением. Распространялось больше в лесистой местности, на Черниговщине. Отряды сходились в лесах, они совершали набеги на немецкие и гайдамацкие гарнизоны, разместившиеся по крупным селам, у железных дорог, поблизости от демаркационной линии. Подопрут каратели — повстанцы пробиваются через проволочные ограждения на советскую территорию. На глазах у немецких офицеров они складывали оружие — интернировались...

Украинские партийные и советские работники собирались в Москве, расселялись по гостиным дворам. Иные не видались с зимы: мыкались с отступающими войска-

ми, эвакуировали людей, вывозили хлеб, уголь, станки. Из Донбасса прибыли Федор Сергеев (Артем), Андрей Бубнов, Николай Скрипник, Сергей Косиор, Эммануил Квинтинг, Владимир Затонский, Юрий Коцюбинский. Через Воронеж, Курск добирались братья Межлауки Валерий и Иван, Владимир Ауссем, Сергей Петренко. Все они испытывали вину перед своим народом, оставленным под сапогом интервента. Что далось кровью зимой, отдали с большими жертвами. Во весь рост встала задача создать свои регулярные части, но для этого нужны кадры, средства. Ни того, ни другого. Надежда одна — на Советскую Россию...

Переживаниями делу не поможешь. Понимали, надо собраться с духом, сплотить воедино волю всех, выработать план действий. Партийные большевистские организации на местах понесли большие потери. В условиях гетманщины и оккупации они ушли в глубокое подполье. Назрел вопрос о создании Коммунистической партии большевиков Украины. Организационно оформить ее может только съезд. В апреле в Таганроге — туда перебиралось украинское Советское правительство из Екатеринослава — состоялось совещание, на нем избрали оргбюро по созыву съезда. Местом проведения съезда после недолгих споров была определена Москва.

В середине мая Председатель ВЦИКа Свердлов организовал членам оргбюро встречу с Лениным. Беседа продолжалась около полутора часов. Вышли они окрыленные, с полной верой в победу своего дела. Владимир Ильич обещал всемерную поддержку и помощь украинским рабочим и крестьянам в их борьбе.

Москва — голодная, притихшая. Окна магазинов наглухо заколочены деревянными щитами. Среди редких пешеходов чаще всего попадаются солдаты с винтовками и пулеметными лентами на груди. Прибыв в Москву Щорс попытался осуществить свою мечту — получить высшее образование, продолжить учебу в университете. Побывав в приемной университета, он узнал, что набор студентов

будет производиться с середины лета. Выйдя из здания университета, в задумчивости о дальнейшей судьбе и действиях он дошел до Красной площади. Здесь перед воротами Кремля у него возникла неожиданная мысль: «А что, если попытаться увидеться с Лениным? Ведь он здесь, за этой стеной! Но как?.. А что, если попробовать?..»

О такой встрече он думал еще там, на Украине, а потом и по пути в Москву.

У ворот, ведущих в Кремль, дежурная комнатуха. В ней сидит дежурный, который по предъявлении документов, выдает ордер и пропускает в Кремль. Здесь же рядом прохаживается часовой-красноармеец из латышского стрелкового полка.

Николай вошел в дежурную, показал свои документы, сказал, что он командир партизанского отряда и хотел бы увидеть Ленина.

— Дорогой товарищ, Ленин очень занят, но вы обратитесь к товарищу Свердлову. Пройдите во двор и там спросите, где найти Председателя ВЦИК.

Николай прошел во двор Кремля, по ходу осматривая разнокалиберные пушки и ядра к ним допетровских и петровских времен, царь-пушку и царь-колокол, о которых он только слышал.

Войдя в здание, на втором этаже он нашел дверь, на которой было написано «ЦК партии». Он решил постучаться. Раздался голос: «Войдите». Войдя в комнату, Николай увидел троих человек. Обратившись к ним, попросил подсказать ему, как найти ВЦИК Советов. Один из них, как оказалось, Бухарин, вскочил и, взяв под мышку портфель, сказал:

— Я сейчас ухажу и этому товарищу покажу, где ВЦИК.

И в ту же минуту направился к двери. Николай поблагодарил и вышел вместе с Бухариным в коридор.

Проводник спросил его, откуда он приехал. Николай ответ: из Украины. Тот очень заинтересовался террором на Украине и как Николай пробрался в Москву... Затем проводник указал Николаю на дверь, за которой можно узнать все, что касается ВЦИКа.

Щорс подошел к указанной двери. Постучал. Вошел. Его встретила девушка, которая спросила, что ему нужно.

— Я хочу видеть Председателя ВЦИКа товарища Свердлова, — ответил Николай.

Девушка, ничего не говоря, взяла его документы и пропуск в Кремль, выписала карточку и указала номер другой двери, куда следует зайти.

Там, куда его направила девушка, помещался секретарь ВЦИКа — крупный мужчина с изнуренным лицом. Он спросил, что нужно. Николай пояснил. Тогда он попросил бумаги, удостоверения. Бумаги его заинтересовали.

— Так вы, товарищ, с Юга России?

— Да, я с Украины.

— Какие связи имеете или имели с большевиками?

— Я командир партизанского отряда. У меня были личные связи с несколькими большевиками...

Секретарь замолк на минуту, а затем принялся расспрашивать о настроении людей на Украине, как они отнеслись к немецкой армии и войскам Центральной Рады, каково отношение к Советской власти...

Бегло Николай ответил, рассказал немного о своем отряде, о последних боях и о вынужденном роспуске отряда.

Секретарь был доволен ответами Щорса. Он позвонил по телефону и тут же предложил пройти в кабинет Председателя ВЦИКа товарища Свердлова.

Такой поворот развеял распускаемые слухи, что до этих, своего рода земных богов, добраться невозможно.

Николай свободно подошел к дверям кабинета Свердлова. Хозяин кабинета сам открыл дверь и с мягкой товарищеской улыбкой подал руку и провел к креслу.

С самого начала Свердлов стал проявлять искренний интерес к делам на Украине.

— Товарищ, вы с самого центра событий на Украине. Чем вы там занимались?

— Тем, чем занимались многие. Воевал с немцами, петлюровцами, командовал партизанским отрядом... Лишь теперь, в силу поражения, очутился здесь...

— Так что же, вас народ не поддерживает?.. Что, там, действительно, все сторонники Центральной Рады, Петлюры и Скоропадского?

Николай улыбнулся и начал рассказывать о борьбе рабочих и крестьян как против немецких оккупантов, так и против своих угнетателей.

Тем не менее, Свердлов продолжал твердить:

— Почему же они не поддержали вас, красногвардейские отряды? У нас есть сведения, что на Украине сильны националистические и шовинистические настроения, население встречает немцев и гайдамак как своих освободителей.

Николай занервничал, горячо осуждая ложные сведения о настроениях в основной массе народа, как непосредственный участник и организатор борьбы в рядах повстанцев. Крестьяне и рабочие Украины могли выделить из себя могущественную армию, но оно не видело боевого фронта революции. А красногвардейские отряды, которые вели борьбу по линиям железных дорог, всегда держались своих эшелонов, и при первой же неудаче не всегда даже возвращались к ним, а отступали, не видя противника. В такие отряды народ не верил.

Свердлов слушал Щорса с неослабным вниманием, время от времени произнося:

— Да неужели же это так?

Николай рассказал и о последних боях своего отряда, и о тех трудностях и потерях, с которыми он столкнулся...

— Да, да, насчет красногвардейских отрядов вы, пожалуй, правы... Но мы их уже реорганизовали в Красную Армию. Теперь у нас растет могучая Красная Армия, и если на Украине народ так революционно настроен, как вы мне представили, то мы имеем большие шансы на то, что немцы будут разбиты, гетман низвергнут в самом недалеком будущем и власть Советов восторжествует на Украине, — сказал Свердлов.

Во время разговора Свердлов делал какие-то пометки в своем блокноте.

— Вашу точку зрения на события на Украине я целиком разделяю. Но скажите мне, кто вы такой, коммунист или левый эсер? О том, что вы украинец, видно из вашего разговора, а к какой из этих двух партий принадлежите, нельзя понять.

Этот вопрос несколько смутил Николая, что было замечено Свердловым. После некоторого раздумья, Щорс сказал Свердлову:

— На самом деле, корни мои в Белоруссии, оттуда мои предки. А сам я родился и вырос на Черниговщине... Почему вас так интересует моя партийная принадлежность? Разве недостаточно моих документов, удостоверяющих, кто я, откуда и какую роль играл в организации и руководстве боевого отряда против контрреволюции?

Свердлов извинился перед Николаем, просил не подзревать его в неревOLUTIONности и недоверии. Извинения показались настолько искренними, что Щорс почувствовал себя уверенным и без всяких дальнейших колебаний заявил ему, что он — беспартийный, но в душе давно большевик.

— Да какой вы беспартийный, когда вы возглавили борьбу народа за его власть?! Для меня это совсем непонятно! — воскликнул Свердлов, товарищески улыбаясь. — Знаете, что, товарищ, вы очень многое знаете о положении дел на Украине и особенно о действительном настроении населения. Ильич, товарищ Ленин, выслушал бы вас с особым вниманием и был бы доволен этим. Хотите, я позволю ему?

— Разве можно? Я только ради этого и пришел сюда, чтобы увидеть товарища Ленина, — с нескрываемой радостью проговорил Щорс.

— Можно, конечно, можно, — ответил Свердлов, беря в руки телефонную трубку, по которой он сообщил Ленину, что у него есть товарищ с очень интересными сведениями с Украины.

Через минуту Свердлов положил трубку и быстро написал за своей подписью пропуск к себе. Вручая его Щорсу, он сказал:

— Товарищ, завтра в час дня зайдите прямо сюда, ко мне, и мы пройдем к товарищу Ленину... Смотрите, непременно зайдите.

— Я зайду... Но можно ли попросить... временно предоставить мне бесплатное жилье на несколько дней, чтобы не ночевать где-нибудь в сквере на лавке, — смущенно спросил Николай.

— Вопрос важный, — сказал, улыбаясь Свердлов. — Вот вам записка к коменданту общежития на Малой Дмитровке, это здесь рядом, с просьбой устроить вашу проблему с ночевкой...

Распроставшись, Щорс вышел из царских палат во двор Кремля, снова обошел круг лежавших под стенами ядер и пушек, бросил взор на Царь-пушку и покинул Кремль... Завтра он увидит Ленина...

Николай быстро нашел общежитие, нашел коменданта, который, прочитав записку Свердлова, простуженным голосом сказал:

— Повезло вам, товарищ, сегодня как раз освободилось одно место. Пойдемте, я покажу вашу койку.

В комнате на третьем этаже стояло четыре кровати, три из них были заняты смятым постельным бельем. Четвертое стояло аккуратно застеленным. В комнате сидело два человека, кутившие у приоткрытого окна.

— Вот ваше место, располагайтесь, — сказал комендант, указав на аккуратно застеленную кровать. — Умывальник и туалет в коридоре.

Николай, бросив свой вещмешок под кровать, пошел умылся и, несмотря на голодный желудок, бросился на кровать, уснув мертвецким сном после нескольких бессонных дней и ночей...

На следующий день, ровно в час дня, Щорс снова был у Свердлова.

— Как ночевало, — спросил Свердлов, поздоровавшись.

— Спасибо, как в раю. После нескольких дней бессонницы лучше ничего нельзя придумать, как мягкая кровать...

Свердлов провел Николая к Ленину, который встретил его по-отцовски, одной рукой взял за руку, а другой, слегка касаясь плеча, усадил в кресло.

Ленин сел напротив Щорса и начал расспрашивать из каких он мест, как рабочие и крестьяне восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах!», как они реагировали на врагов этого лозунга. Бунтовал ли народ против нашествия немецких войск и войск украинских националистов и почему бунты не слились с красногвардейскими отрядами?

На все эти вопросы Николай отвечал кратко, но Ленин старался так формулировать вопросы, чтобы Щорс на них как можно подробнее останавливался.

Особенно подробно Ленин просил осветить вопрос о «красногвардейских отрядах и их революционном мужестве, с которым они защищали наши общие революционные достижения». Этот вопрос, видимо, сильно беспокоил Ленина. Пришлось снова повторить то, что вчера он говорил Свердлову. Ленин с особым душевным беспокойством, которое может быть только у человека, живущего страстью борьбы с ненавистным ему строем и жадой победы над ним, тревожился, слушая Щорса.

— Да, товарищ Ленин, были и революционность, и мужество в красногвардейцах. Но не такое уж великое, как вы себе представляете. Были и обидные поражения, а иногда и откровенная трусость. Во многом это объясняется тем, что красногвардейские формирования производились наспех и придерживались методов борьбы с противником, не похожих ни на партизанские, ни на фронтовые. Вам должно быть известно, что красногвардейские отряды производили свои военные действия по линиям железных дорог. Расстояние в 10-15 верст от железных дорог оставалось свободным. В нем могли находиться сторонники либо революции, либо контрреволюции. При таком ведении боевых действий красногвардейские части не успевали выпустить свое воззвание ко всему району, как контрреволюционные силы уже переходили в контрнаступление и зачастую заставляли красногвардейцев бежать десятки

верст, бежать опять-таки по путям железных дорог, в эшелонах. Таким образом, народ их и не видел. И только по этому он не мог их поддержать...

— Что же революционные пропагандисты делают? Разве они не успевают подготовить пролетариев к тому времени, чтобы пополнить их свежими борцами или создать самостоятельные красногвардейские части? — с тревогой в голосе спросил Ленин.

— Во-первых, пропагандистов мало, а, во-вторых, антипропагандисты, тайные и явные враги революции, присутствуют в населенных пунктах, и в селах, и в городах, сотнями и постоянно... Так что время требует решительных действий, объединив усилия. Не учитывать этого — значит дать возможность контрреволюции гетманщины свободно развиваться и укреплять свою власть.

Свердлов, глядя то на Щорса, то на Ленина, с нескрываемым восторгом улыбался. Ленин же, сложивши пальцы двух рук и нагнувши голову, о чем-то думал. Затем выпрямился и сказал:

— Обо всем, что вы мне сейчас рассказали, приходится сожалеть.

А далее, повернув голову к Свердлову, добавил:

— Реорганизовав красногвардейские отряды в Красную Армию, мы идем по верному пути, к окончательной победе пролетариата над буржуазией.

— Да, да, — быстро ответил Свердлов.

Помолчав некоторое время, Ленин снова стал задавать Николаю вопросы.

— Скажите, кажется, ваша фамилия Щорс, у вас есть военное образование, которое я почувствовал по вашим ответам?

— Я окончил фельдшерскую школу, товарищ Ленин, а во время войны еще и четырехмесячные офицерские курсы. Воинское звание — подпоручик.

— Это хорошо! У нас страшный дефицит военспецов... Чем вы думаете заняться в Москве?

— Хотел продолжить учебу в Московском университете. Но набор только осенью, да и время, наверное, еще

не для учебы. Думаю, вернуться в нейтральную зону, собрать бойцов своего отряда и продолжить борьбу с контрреволюцией...

— Учиться обязательно надо, и вы будете учиться... Вы молоды... Но, думаю, вы совершенно правы, когда говорите о борьбе. Освободить нашу землю от внешних и внутренних врагов, установить крепкую Советскую власть повсеместно — наша с вами главнейшая задача. Ее, батенька, надо во что бы то не стало решить...

— Я с вами полностью согласен, товарищ Ленин. Завтра, думаю, выехать на место.

— Не надо торопиться. Сейчас украинские товарищи готовятся к своему съезду. Вам надо обязательно присутствовать на этом съезде, ближе познакомиться с руководителями украинских большевиков. Если вы согласны, я выпишу вам мандат с тем, чтобы они смогли вас грамотно использовать при формировании частей украинской Красной Армии? — чуть прищурясь, обратился Ленин к Щорсу.

— Сочту за честь, товарищ Ленин, и постараюсь не посрамить вас в нашей общей борьбе.

— Прекрасно! Вот и договорились.

И уже к Сверлову:

— Яков Михайлович, распорядитесь подать нам чаю и выписать товарищу Щорсу мандат за моей подписью.

Свердлов вышел. В кабинет вошла секретарь с двумя чашками чая.

— Угощайтесь, товарищ Щорс. — пригласил Ленин, пододвигая к Николаю чашку с чаем. — Как ваша семья, как родители, где работают?..

Ленин внимательно слушал Николая, который рассказывал об отце, дяде, братьях, сестрах, об их нелегкой судьбе, временами качая головой... Потом заговорил о том, что революция переживает один из наиболее опасных периодов, что империалисты собираются охватить Советскую Россию железным кольцом, что они хотят задушить первое пролетарское государство голодом и тифом. Но пролетариат, взявший власть в свои руки, непобедим. Он выстоит. Рабочие и трудовое крестьянство верят сво-

ей большевистской партии. Они уверены, что большевистская партия приведет их к победе. На фронт идут рабочие из Москвы и Петрограда, Иванова и Нижнего, идут отовсюду, куда дошел призыв партии: «Революция в опасности!» Идут на фронт донбасские шахтеры и волжские грузчики, лесорубы Севера и приморские рыбаки, сибирские охотники и уральские сталевары, — на фронт идут все, кому дорога советская власть. Создается армия, сильная, могучая Красная Армия. И такую же армию надо создать на Украине. Русский народ поможет, он поделится со своими братьями последним куском, он поддержит украинских трудящихся в их справедливой борьбе за светлое будущее.

Вошел Свердлов с мандатом. Ленин его подписал и вручил Щорсу.

— Ну, дорогой товарищ Щорс, рад был познакомиться и желаю удачи. Скоро вернется из Царицына товарищ Сталин, — сказал, прощаясь, Ленин, — мы договорились, он вам поможет...

Николай вышел из Кремля в приподнятом настроении. Он вспоминал каждый момент встречи с Лениным и все больше чувствовал какую-то волшебную силу, которая захватившая его от впечатления, которое произвел на него этот простой с виду человек. Да простой... Но какой у него пронизательный взгляд, с каким вниманием он слушал каждое слово собеседника, какая удивительная уверенность в правоте дела, за которое он борется... «Нет, не время еще для учебы... Буду драться... Вместе с большевиками... За ними и Лениным правда...», — роились в голове Щорса мысли...

Оргбюро развернуло бурную предсъездовскую деятельность. Штаб работал круглосуточно. Тогда же через Брянский участок, по черниговским лесам, проходили Коцюбинский Юрко и Андрей Бубнов. В конце мая они провели в Киеве, в подполье, широкое партийное совещание, на котором был избран Временный всеукраинский центр по организации и руководству восстанием. Тайными, ма-

лохожеными дорогами проезжали транспорты с оружием, литературой. Теми же путями с Украины пробирались делегаты съезда.

5 июля 1918 года в Москве открылся съезд украинских коммунистов. На нем присутствовал и Щорс. Попасть на съезд ему, конечно, помог ленинский мандат. В историю съезд вошел как Первый съезд КП(б)У. На съезде разгорелись споры по важнейшему вопросу — сроку вооруженного восстания. Бубнов, Пятаков, Косиор страстно звали к немедленному выступлению. Более холодные головы под руководством Квиринага остужали их пыл, доказывая, что условия для всеобщего восстания на Украине еще не созрели и всякое выступление поставит под угрозу срыва Брестский мир.

Съезд объединил большевистские силы Украины, оформил создание КП(б)У и определил задачи в борьбе с германо-гетманским режимом. Отныне Коммунистическая партия Украины вошла составной частью в единую Российскую Коммунистическую партию большевиков. В ЦК были избраны Артем (Сергеев), А. Бубнов, С. Косиор, В. Затонский, Э. Квиринаг, Г. Пятаков, Л. Лаврентий (Квартвелишвили). Для руководства освободительной борьбой и подготовкой восстания был образован Центральный Всеукраинский военно-революционный комитет, ЦВРК. Возглавил комитет Андрей Бубнов.

Началась упорная работа. В местечке Середина Вуда, на станции Зерново, образовался своего рода штаб ЦВРК — главная база. Здесь подолгу жили и работали Бубнов, Ауссем, Затонский. Местом формирования и объединения партизанских отрядов, кроме Брянска, вскоре определились районы Зернова, Унечи и Почепа, у самой нейтральной зоны.

Андрей Бубнов с головой окунулся в близкую своей душе стихию. Жил только восстанием. Дни и ночи проводил в приграничных ревкомах. Люди, оружие... И снова оружие, люди... Приглядывался, ощупывал цепким взглядом каждого, мало-мальски заметного, питал слабость к военным. Бесперывно слал своих людей за немецкий кор-

дон — будоражить, поднимать по хуторам и селам селян. В свои тридцать пять лет этот человек уже оставил позади себя немало боевых дорог. Половину из прожитого — в партии. В пятом году еще ухватился впервые за булыжник. С той поры — аресты, ссылки. Пылкий, легко воспламеняющийся нрав не угасал с годами — напротив, душа рвалась к горячему делу, на передний край. В октябрьские дни в Питере он входил в состав Военно-революционного комитета, был членом Политбюро и Военно-революционного центра по руководству восстанием. Участвовал в борьбе с Калединым. Теперь вот — немцы, гетман Скоропадский...

Силы с каждым часом прибывало. Подбирался славный народ. В июне в местечке Середина Вуда появилась сотня червонных казаков с Виталием Примаковым. Сотня, правда, без лошадей. Она привезла седла и велосипеды, взятые на складах «союзников» в Архангельске. Красные казаки своим появлением навели быстро порядок в нейтральной полосе, усмирив разнузданную партизанскую вольницу, анархию. Возле Примакова сколотилась крепкая группа: политработник Довнар-Запольский, Брагинский, киевский рабочий, начальник штаба сотни, адъютант Боря Кузьмичев, Туровский, помощник командира.

Виталию Примакову едва перевалило за двадцать. В октябре он вел на Зимний отряд красногвардейцев. Сын сельского учителя, окончил гимназию. В Чернигове участвовал в революционных кружках. В 1914 году вступил в РСДРП и работал под кличкой «Артем». В пятнадцатом в Киеве за агитацию среди солдат военно-окружным судом был приговорен к ссылке на поселение (отбывал в Красноярской губернии). Полгода назад юный полит-ссылный, страстный большевик, гнал со своими «червонцами» си-нежупанников Петлюры далеко за Киев, а совсем недавно, отбиваясь клинком, оставил Харьков солдатам кайзера.

В Вуде Андрей Бубнов опирался на червонных казаков и на молодого их вожака. Дороги у них скрестились еще на площадях Питера, слились в одну на Украине — всю весну бедовали вместе под Харьковом и в Донбассе. Немало приложил он усилий, чтобы Примаков со своими

казаками оказался ныне под Брянском. Заседая, встречаясь с партизанами, споря до хрипа с соратниками, Бубнов всеми помыслами был на оккупированной территории. Там решалась в эти дни судьба Украины. Добрая половина из их руководящего украинского ядра до сих пор не поддерживает идеи немедленного всеобщего восстания против немцев и гетмана. Вопреки маловерам он гнул упорно свою линию. Восстание, только восстание!..

В мае в Киевской губернии восстали крестьяне. Вооружившись кто чем, из своих сел они двинулись на Таращу, уездный город, освободили тюрьму. Так стихийно возник Таращанский отряд. В течение двух месяцев отряд напал, отбивался, поражал неуловимостью, дрался дерзко, зло. Вооружались повстанцы за счет немцев и гайдамаков.

Крупный бой у Стеблева заставил таращанцев покинуть Киевскую губернию. Бесперывные бои, преследования карателей не были помехой для роста отряда. До села Антоновки повстанцев насчитывалось более 4 тысяч. После боя в Снежках, понеся большие потери, таращанцы круто повернули к Днепру. Переправились между Кайловом и Рудяковом, южнее Киева. Остатки отряда с боями прошли Полтавщину, Харьковщину. По предположениям, они нынче где-то на подходе к Курской губернии, там должны выйти на советскую территорию.

С напряжением следил Андрей Бубнов за таращанцами. Сведения доставлялись с опозданием, случайными оказаниями. Тяготило бессилие, невозможность помочь им, оказать поддержку оружием, людьми. Повстанцами долго командовал некий прапорщик Гребенко, не то украинский эсер, не то социал-демократ. По донесению теперешнего командира Баляса, прапорщик где-то на Харьковщине бросил отряд и увел часть людей в Советскую Россию. Сам Баляс со слов связных — из рабочих, большевик.

Таращанское восстание не явилось той искрой, какая могла бы взорвать бочку с порохом. Бубнов это понимал и всячески искал иных путей, более действенных. Вскоре волна недовольства охватила Черниговщину. Подпольный губком, создавая в селах партизанские отряды,

запросил помощи. Вот он — центр восстания! Наиболее близкий район — легче держать связь, обеспечивать доставку оружия, литературы. Под руками и люди, кто мог бы возглавить повстанческий подпольный штаб. Выбор остановили на Николае Крапивянском — черниговец, боевой офицер, большевик. Вот уже полтора месяца, как он под кличкой «Полковник» орудует в Нежинском уезде, формируя отряды партизан, налаживая повстанческий аппарат. С середины июля повстанцы начали уже давать о себе знать — участились налеты на немецкие гарнизоны, на карательные отряды — варты.

В первом же приказе Полковник выступил с призывом: *«Предлагаю всем военно-революционным организациям, стоящим на платформе Советской власти на Украине, войти в тесный контакт со мной»*. Далее дается ряд практических организационных указаний. За месяц с небольшим штаб выпустил еще четыре приказа. Все они направлены на усиление военно-организационной работы — формирование отрядов, обучение их. Штаб требовал установления строгой дисциплины, «товарищеской спайки», готовил командный состав, проводил мобилизацию. Из приказа в приказ переходило: «строгая дисциплина», «поддержание дисциплины», «поднятие дисциплины». Чувствовалась хватка Николая Крапивянского. Четверо его помощников тоже были из офицеров.

Военный повстанческий штаб работал рука об руку с Нежинским подпольным уездревкомом. Совместными усилиями — штаба и партийных организаций удалось в короткое время взять на учет в уезде более 5 тысяч крестьян и рабочих. До 1000 повстанцев свели в отряды, вооружили. Пушек не имелось, были винтовки, три пулемета и гранаты.

Революционные события на Черниговщине нарастали. Ждали всеобщего выступления...

В эти дни, полные мучительного ожидания, Андрей Бубнов попал в село Юриновку. В каменном купеческом доме, где размещался повстанческий штаб, его разыскали. Человек в гимнастерке, офицерские защитные брид-

жи, сапоги, ремень, в руках мятая черная шляпа. Пуговицы стоячего ворота застегнуты наглухо. По выправке, без сомнения, из офицеров. На худом, бледном, без загара, лице с аккуратно подстриженными усами и бородкой выделялись серо-голубые глаза. Не представляясь, он вынул из нагрудного кармана документы и мандат, подписанный Лениным...

Едва скользнув взглядом по документам, Бубнов ожил.

— Товарищ Щорс, я имел о вас разговор... С семеновцами, вашими. Слухи, будто сменили винтовку на студенческую скамью.

— Нет, не слухи. Хотел. Но менять винтовку... рано. Так и товарищ Ленин считает...

— Верно, — Бубнов тряхнул мандатом. — Но тут... вам разрешен обратный въезд в Москву.

— Не понадобится.

— Тогда подключайтесь к Петренко. Центральный штаб задыхается без военспецов.

— Я из строевых офицеров, Андрей Сергеевич.

— Что ж... Командиры тоже нужны. Вот, позарез. И земляки, кстати, обрадуются...

За обедом Николай поделился тем, что привело его в Юриновку.

— В Зернове семеновцев... раз, два. Я знаю, где их гораздо больше. Потому и разыскал вас.

— Хотите кликнуть людей из-за кордона?

— Сам туда пойду. Подыму Городнянский и Новозыбковский уезды. Базу устроим в Елинских лесах.

— Пока не вижу смысла раздуть огонь в Елинах. Рукой подать. А трудности останутся те же, что с тарашанцами, нежинцами... Снабжение, связь. Скликайте людей сюда, в нейтральную. Открыто восстанавливайте отряд. Тут и помощь наша...

Бубнов все больше испытывал теплое чувство к этому человеку, которого видит в глаза впервые, ничего, по сути, о нем не знает. Не скрывая, поделился назревающими событиями в Нежинском уезде. Прощаясь, спросил:

— Вы член партии? Большевиков имею в виду.

— Не оформлен.

Взгляды их встретились.

— Не беда, это дело поправимо... Жду вас в Зернове.

Май, июнь 1918 года. Наступает пора уборки. Но крестьяне всюду отказываются убирать помещичьи поля. Помещики при помощи оккупантов пытаются ввести барщину. Управляющий тальниковским имением княгини Ольги Долгоруковой сообщает в звенигородскую немецкую комендатуру:

«На работу крестьяне с. Рассоховатки совсем не вышли, а в с. Новосельцы вышло небольшое число людей... Покорнейше просим принять меры к побуждению указанных сел выйти на работу и приступить к уборке хлебов, так как они уже созрели и начали осыпаться. Также просим вашего содействия к наряду поденных людей и рабочих из этих сел на обработку пара и разные работы в экономике, объяснив старостам, что они обязаны это делать согласно приказов уездных старост».

То тут, то там вспыхивают крестьянские восстания. Крестьяне откапывают зарытые на огородах и в лесах винтовки, пулеметы, вооружаются.

Горят помещичьи усадьбы и посева. У железнодорожных станций под охраной солдат лежат горы хлеба, бродят табуны лошадей, стада волов и свиней, реквизированные для отправки в Германию. Оккупанты не могут их вывезти, потому что забастовали все железнодорожники. Уходящие в Германию товарные составы с хлебом, сахаром, скотом летят под откос. Подпольные большевистские организации создают по всей Украине революционные комитеты. Немецкое командование посылает в Берлин телеграммы с просьбой увеличить оккупационную армию.

В конце июля восстание охватывает все южные уезды Черниговщины. Центр восстания — лесисто-болотистый район села Веркеевки, Нежинского уезда. Здесь находится штаб повстанческих отрядов Черниговщины. Он рассылает по всем селам Нежинского, Козелецкого, Остер-

ского, Черниговского, Конотопского, Борзенского уездов приказ:

«Каждый уезд губернии должен иметь свою военно-революционную организацию... Каждая организация волости, мобилизовав свои силы, должна дать роту военного времени, а уезд — полк. Название — по месту существования».

Помещики, гетманские и немецкие власти бегут из сел в города, под защиту оккупационных гарнизонов. Крестьяне Нежинского уезда уже свободно убирают хлеб с помещичьих земель. Из Киева, Чернигова, Бахмача немецкое командование стягивает к Нежину около десяти тысяч штыков. Со стороны Гомеля перебрасывается кавалерийская дивизия. Войска оккупантов оцепляют уезд, и начинается облава по лесам.

У большей части повстанцев нет ни винтовок, ни патронов. Многие вооружены только самодельными пиками.

Восстание подавлено. Расстреляно около трех тысяч повстанцев. Те, кому удалось пробиться сквозь окружение, уходят в леса северной Черниговщины. Оккупанты жестоко расправляются с мирными жителями.

29 августа по распоряжению немецких военных властей в с. Пятовске, Стародубского уезда, сожжено 94 двора и в деревне Янькове — 63 двора местных жителей за то, что в селе Пятовске и деревне Янькове имеется более 30 человек, которые находятся в большевистских отрядах... Кроме того, немцами в виде контрибуции забран скот, хлеб и разное имущество, расстреляны брат большевика Савелий Суслов и житель села Осколкова Мендель Рыклин, у коего имели приют большевики.

По лесным дорогам северной Черниговщины, пересеченной рекой Десной и ее притоками Сновью и Судостью, день и ночь двигались пешие и конные патрули оккупантов. Стоило ветру или пробежавшему зайцу шевельнуть придорожный куст, как его сейчас же осыпал град пуль из автоматических ружей и револьверов. За каждым кустом оккупантам чудился большевик, а большевиками они называли весь трудовой украинский народ, поднявшийся на борьбу с паразитами.

Съезжать с дороги, углубляться в лес боялись даже сильные немецкие разъезды. Лес кишел повстанцами.

Глухими лесными тропами, ярами и болотами, заросшими кустарником, к повстанцам одиночками и группами пробирались люди, одетые в крестьянские свитки, шинели, пиджаки. Кое-кто бережно нес под полами одежды оружие.

Люди шли молча, вспугивая только птиц. Неожиданно из зарослей кустарника высывалось сразу несколько охотничьих двустолок или берданок, и тихий голос спрашивал:

— Кто идет?

Люди называли села и деревни ближайших уездов Черниговщины — Новгород-Северского, Стародубского, Новозыбковского, Клинцовского. Большинство партизан было из этих мест. Они узнавали своих товарищей, родных, нередко — братьев и отцов. Но иногда, отвечая на оклик заставы, люди называли незнакомые села. К повстанцам приходили издалека, из южных уездов Черниговщины, нежинские, конотопские, с Полтавщины, даже с правого берега Днепра — таращанцы, звенигородцы, киевские рабочие. Все они пробирались в нейтральную зону, которая отделяла оккупированную немцами Украину от Советской России. В нейтральной зоне формировались первые красные повстанческие полки украинской Советской армии. Приближался день общего восстания.

Каждую ночь у партизанских костров встречали новых людей. Их засыпали вопросами. Многие крестьяне северной Черниговщины, приходя к партизанам, прежде всего спрашивали:

— Не слышали, где дядько Мыкола?

Дядькой Мыколой они называли Николая Щорса. Это имя уже было известно по всей северной Черниговщине. Одни говорили, что Щорс был у Ленина и Владимир Ильич поручил ему объединить украинских партизан для освобождения своей родины. Другие утверждали, что недавно он был у себя на родине, в Сновске, скрываясь там у друзей-железнодорожников, а потом, когда немцы про-

нюхали о нем, куда-то исчез. Некоторые уверяли, что на днях видели его в одном из ближайших сел, одетого по-крестьянски. Он будто бы раздавал листовки и звал всех способных носить оружие в нейтральную полосу, где формируется повстанческий полк.

По селам было расклеено объявление немецкого командования, обещающего сто тысяч марок награды тому, кто доставит Щорса или его голову.

Читая это объявление, крестьяне смеялись:

— Повремените маленько. Дядька Мыкола и сам придет.

И они рассказывали о человеке в рваном крестьянском зипуне и лаптях, который ходит по всем городам и селам, занятым германскими войсками или гетманскими гайдамаками.

— Это сам дядько Мыкола, — говорили они шепотом. — Вот он, значит, все высмотрит, какие где штабы стоят, сколько войск и генералов при них, а потом нет его — исчез. А ночью, смотришь, в городе уже наша братва — партизаны. Впереди на белом коне сам дядько Мыкола. Весь бомбами увешан.

Подобных легенд о Щорсе ходило много.

Темной августовской ночью к станции Сновск медленно подходил товарный поезд. Когда он поравнялся с семафором, с паровоза прыгнул крестьянин в лаптях, с мешком за плечами. Машинист, высунувшись из окошечка, кивнул ему головой и посмотрел в сторону станции, по платформе которой расхаживал немецкий часовой. Оглянувшись по сторонам, крестьянин скрылся в одной из темных, узких улиц поселка.

На рассвете Дмитрий Хвощ увидел в своей садовой беседке незнакомого человека в крестьянской одежде, крепко спавшего, подложив под голову мешок. Скрипач только что вернулся домой с позеленевшим от водки лицом. Пошатываясь, он подошел к спавшему и потянул его за лапти.

— Эй, любезный! Ты что, с неба свалился? Откуда тебя бог послал?

Крестьянин спал, как убитый. Хвощ посмотрел на него осоловелыми глазами, присел рядом, вынул из футляра скрипку и заиграл. Крестьянин поднял голову. Несколько минут он молча слушал скрипача, потом ударил его по плечу.

— Брось, Митька, надоело.

Хвощ встал. Покачиваясь, он смотрел на Щорса, но не узнавал его. Щорс отрастил бороду, и теперь на вид ему можно было дать лет тридцать.

— Что, не узнаешь? — спросил он, усмехнувшись. — Посмотри в глаза.

Глаза Щорса можно было узнать из тысячи.

— Колька-атаман! — радостно закричал Хвощ. Он распахнул для объятий руки и бросился к другу, но Щорс резко оттолкнул его.

— Пьянствуешь, гад? Уйди с моих глаз. Видеть тебя тошно...

Хвощ пожал плечами и отошел в сторону.

— Слушай, гад, — сказал Щорс, подойдя к нему, — за тобой немцы следить не станут. Потому только я и пришел к тебе. Понял?

Хвощ утвердительно кивнул головой.

— А сейчас — шагом марш! Позови сюда Казимира и Ваню. Но смотри, если немцы узнают, что я здесь, — убью!

Хвощ ушел, ничего не ответив, но через полчаса в беседке сидели Казимир Табельчук и Иван Кваско. Они прежде всего спросили:

— Слыхать, ты у Ленина был, Николай?

— Да, я был у Ленина. Если бы только знали, какой это человечище!.. Владимир Ильич следит за каждым нашим шагом. Он долго со мной беседовал, расспрашивал о делах на Украине, о настроениях людей... Дал установку: Скоро вернется из Царицына товарищ Сталин, — сказал Ленин, — мы договорились, он вам поможет. Ленин велел передать, что надеется на нас, украинцев... Начинается подготовка общего восстания. Повстанческие отряды уже сводятся в полки. Есть приказ Всеукраинского ревко-

ма. Вся работа проводится в нейтральной зоне. Туда собираются все силы. Оружия достаточно. Соседний полк формирует Боженко, в Серединой Буде. Туда недавно прорвались тарашанские отряды Правобережья. Черниговцы пусть пробираются ко мне. Передайте всем хлопцам...

В последние дни августа на станцию Зерново съехали из разных мест давние семеновцы. Из Унечи прибыли братья Лугинцы, Константин и Петро, вслед за ними прикатили пушкарь Никитенко и драгун Божора. Квятек и Зубов, окончив в Москве кратковременные курсы красных командиров, явились сперва в Орел, в распоряжение украинского повстанческого центра, оттуда напрямиком в нейтральную зону. У Николая Щорса дорога извилистее — не раз за лето под чужими именами топтал лесные елинские тропы. Не давала ему покоя мысль — разбить в Елинских лесах партизанский лагерь...

Встреча была радостной. Поселились в вагоне, раздобытом Лугинцами в тупике. Держались спайкой. Не желая привлекать внимания разного «нейтрального» люда, забившего до отказа приграничный поселок, одевались кто во что — напяливали шляпы, пиджаки, куртки с чужого плеча. Зубов выражал вслух неудовольствие: хотелось ему при дневном свете покрасоваться перед будовскими девчатами в своем роскошном командирском одеянии — гимнастерке, обшитой со всех сторон, кроме спины, малиновыми клиньями. Костерил почем зря «конспирацию» и «мирные договора», какие мешают ему в открытую брать на мушку всякую сволочь.

Ночами до вторых петухов просиживали в вагоне возле лампы. Мало едено из одного котла, не длинный путь пройден совместно, да и крови пролито не так уж много, а прикипел Николай сердцем к каждому из них. Чувствовал, и они тянутся к нему. Оказалось, не так уж и мало их связывает — две-три ночи потратили на воспоминания из житья-бытья в Семеновском отряде. Всех вспомнили, кого добрым, кого худым словом.

— Казимир Михайлович как? — спросил Константин Лугинец в первый же вечер.

— Совсем плохой ...

— А в Сновске своем бывал?

— Доводилось.

— А Костя? — поинтересовался тут же Зубов.

На этот вопрос Николаю не хотелось отвечать. Загодя зная, что таковой вопрос последует, ощутил горячий прилив стыда. Да, видался с братом, произошел меж ними и разговор. Но лучше бы того не случилось: Костя наотрез отказался покидать Сновск, выразил сожаление, что некогда уже совершал подобную глупость. Махнул на все: на Советы, на немцев, на гайдамаков. Днями пропадает на реке с удочками.

— Боюсь, можем ненароком столкнуться. На середине, меж берегов, долго не продержись, куда-то выплывешь...

— Не бойся, я стрелять не стану...

Отводя взгляд от лампы, Николай неопределенно ответил:

— Рыбачит...

При встрече с Бубновым и Ауссемом пошел сразу разговор о создании партизанского отряда. Николай думал, от него требуют восстановления бывшего, Семеновского. Пробовал доказывать, наученный горьким опытом, что партизанщина не годится для борьбы не только с регулярными войсками немцев, но и частями гайдамаков. Нужна армейская организация — батальоны, полки.

Ауссем, устало сдавливая худыми длинными пальцами переносицу, вяло возразил:

— Товарищ Щорс, не смейте вслух выражаться такими словами, как «батальон», «полк».

— Владимир Христианович, — перебил резко Бубнов, не отрываясь от писанины, — не морочь ему голову. Напрямую выкладывай.

— А что из того получится? Народ молодой, горячий. Наломают дров. Вон возьми, червонный казак наш, Виталий...

— Дров!.. — Бубнов, отбросив ручку, встал из-за стола, на сухощавом носастом лице его, в глубоких прова-

лах, вспыхнули стальные глаза. — Кострище распалим! Не тлеть же... сырыми полешками. А мы с тобой начинали... Кстати, сколько вам, Щорс?

— Двадцать третий.

— А что?! — Ауссем оживился, победно лояв взгляд своего соратника, метавшегося у дальней стенки. — Примакову тоже... давай коней, давай форму. А завтра, помни, потребует медные трубы! Вот они, двадцатилетние нынешние...

— Да, трубы. А какая же она, воинская часть, без оркестра. И форму, наша с тобой задача, выбить во что бы то ни стало. Не вечно же гнуться... в подполье.

Скурив до пальцев сигарку, Бубнов заметно остыл, уселся опять за стол.

— Вы, Щорс, не обращайтесь внимания... — извинялся он. — У нас с Владимиром Христиановичем давние болячки. Партизанский отряд, если хотите... ширма. Нам нужны регулярные части — роты, батальоны, полки. Да, да. Полки! С железной революционной дисциплиной. Вы военспец, знания у вас, опыт. Приступайте немедленно. В Унечу двигайте. В Юриновке есть народ, сами видите. Подчиняйте все отряды, малые и великие, в том районе, включая Почеп и Брянск.

— В качестве кого предстану?

Бубнов, переняв взгляд Ауссема, ответил:

— Уполномоченный ЦВРК. Кроме того, у вас ведь есть и мандат Ленина!.. А вы спрашиваете, кем предстать...

В открытое окно из палисадника запыхавшийся молодой голос потребовал Бубнова на вокзал, к аппарату. Взмахнув кепкой — увидимся, мол, — тотчас исчез за дверью.

— Уяснили свою роль? — спросил Ауссем, прислушиваясь к топоту по скрипучим порожкам крылечка.

— Не вполне, Владимир Христианович.

— Конечно же, формировать воинскую часть, а не табор, — болезненно скривился он. — Но со стороны это должно выглядеть партизанщиной. Наше ведь положение, в нейтральной зоне... Не можем мы ставить под удар гостеприимство Советской России. Украинские части, по до-

говору, она обязана разоружить. А тут — в открытую формирует!

Ауссем положил на язык пилюлю, запил из кружки, стоявшей тут же под рукой. По знакомым признакам на его изможденном лице Николай определил болезнь. Хотелось дознаться, какие принимает лекарства.

— Сколько такое может тянуться... не скажем, — навалившись локтями на стол, продолжал Ауссем. — Думаем, недолго. События не стоят на месте. Вы сами бывали там, видели... А приказ сочинить, объявить полками — пара пустяков. Главное, иметь их, полки. Один из них вам и поручаем сформировать. В районе Унечи — Почепа — Брянска как раз и набирается партизанских отрядов батальона на три. Полк!

— Оружие, Владимир Христианович, — напомнил Николай. — Да и вообще снабжение...

— Обещаю твердо пушки. В скором времени. Две, не больше. А остальное... Проявите инициативу. На станции, в вагонах, кое-что имеется. Там сейчас копается один наш товарищ. Помогите ему. Кстати, подходящий адъютант штаба. Коцар Никита.

Никиту Коцара Щорс нашел в одном из дальних вагонов, в тупике, за водокачкой. Им оказался светловолосый коренастый парень с мальчишеским золотистым пушком на мягком подбородке. Явно видал уже где-то эти грустные тихие глаза. Представившись, без обиняков, желая отделаться от навязчивой мысли, спросил:

— Где я встречал вас?

— Я знаю Зубова и Квятека из вашей компании... По Орлу. Может, там?

— Нет. В другом месте. Глаза эти, родинка на губе...

Заливаясь краской, Коцар смущенно потупился.

— Будет время, товарищ Щорс, еще вспомнить... Принимаю предложение быть адъютантом штаба. Только, чур, братву вашу сюда... Одному вовеки не переверочать тут. Видите, что? Их до полсотни вагонов.

— После обеда нагрянут. А куда я с удовольствием...

В четыре руки пошло веселее. Николай, не остыв от возбуждения после встречи с начальством, с наслаждением запускал пальцы в ящик с патронами, как в песок. Ощупывал любовно винтовки, подкидывал их, будто ребенка. Винтовки американские, марки «ремингтон», новехонькие, в заводской смазке, тяжести ощутимой — приклад из темного дуба.

— Изготовлены в Америке по заказу царского правительства, — пояснил Коцар. — Сделаны на совесть.

— Да, совесть... Вот страна, Америка! Полмира залило по колено человеческой кровью, а она на этой самой крови жиреет, вздувается от золота. Где бы какой пожар ни случился — тут как тут. Тянет уже руки...

К ночи вместе с подоспевшими братьями Лугинцами, Никитенко и Божорой переверочали все вагоны. Винтовки, патроны, пулеметы, взрывчатка, ручные гранаты, седла... Не было совершенно обмундирования. Раздосадованные, уставшие, ввалились уже в темноте в свой вагон.

— Ты, Никита, насовсем до нас перекочевывай, — предложил Петро Лугинец, выкручивая фитиль в лампе. — Тащи вещи.

— Какие у меня вещи... Шинель да сумка, вот они.

— Да, шинели... — вздохнул Петро. — Без обмундировки дохлые дела будут с вербовкой. Котел худой можно еще перетерпеть. А без шинелей, без обуви... Стужа не за горами. Ты, Николай Александрович, трясина за душу начальство. Коль такое они вынашивают, регулярную часть, расчет на то имеют. В Брянск, Орел надобно ехать. В Курск.

Коцар прикуривал от лампы. Николай вдруг вспомнил, где видал его. Вот так же он тянулся к лампе с сигаркой. С ним был кто-то, худощавый, бритый, с высоким умным лбом.

— Видал ведь тебя, Никита, говорю... — за день не заметил, как перешел на «ты». — В Брянске, на вокзале. В начале августа...

— Могло, — согласился Коцар, выпуская дым в опущенное окно. Заметил, как бережно относились к боль-

ному Щорсу его побратимы — заядлые курильщики. — С Исаковичем мы добирались в Орел в ту пору, сворачивали на Брянск. Да, Николай Александрович... Вот кто нам бы пригодился, Исакович. Вы незнакомы с ним? Военком для полка. Если по типу Красной Армии, комиссар обязательно потребуется. Белорус, из рабочих. Бубнов, боюсь, его направит к таращанцам, в Юриновку.

— В Юриновке Петренко, — высказал сомнение Константин Лугинец.

Вернулись Квятек и Зубов. Они, как краскомы, по распоряжению повстанческого центра объезжают дальние села.

Какой уже день выходят таращанцы и нежинцы. Таращанцы, собственно, прошли, в Юриновке их собралось около четырехсот человек. Нежинцы начали появляться по одному, малыми группками. Ждут с ночи на ночь самого жоака, Николая Крапивянского. На нежинцев надежды возлагал Бубнов. Нынче всем стало очевидно, что нежинское восстание, как и таращанское, было преждевременным.

Никита Коцар, с легким сердцем переступивший порог их крохотной, но спаянной уже семьи, вполне разбирается в происходящих событиях. Оказалось, мальчишка, но давно имеет партийный билет. Это повергло в явное замешательство политкаторжан Константина Лугинца и Квятека: они-то уж половину прожитого борются за светлые идеалы партии, а билетов не имеют. Николай тоже почувствовал неловкость, вспомнился разговор с Бубновым в Юриновке, заданный вопрос Лениным...

— А что, Никита, билет такой непременно нужен в кармане? — по простоте душевной полюбопытствовал Петро, не подозревая о возникшем напряжении, скрытом от его глаз.

— Это дело совести каждого. Главное не в ином... веришь ли? Главное — готов ли отдать всего себя без остатка общему делу?

— Петро, ерунду задаешь человеку, — укорял младший Лугинец брата, довольный ответом Коцара. — А ты,

Никита, скажи лучше вот про что... коль заговорили о партийности. А что нынче наша украинская партия, как она глядит на будущее?..

В разговор Николай не вмешивался. Наевшись сала со свежим пшеничным хлебом, устало отвалился к дощатой перегородке купе. Обхватив ладонями кружку, сдувая пар, прихлебывал мелкими глотками. За Коцаром наблюдал исподволь. Не так прост адъютант штаба будущего полка. Обманчив его совестливый вид. Легко и охотно смущается по всякому пустяку. Слова выдают: кроет напрямик, без околичностей. В том и странность. Ловко посадил Лугинца. У Квятека сузились недоверчиво и без того узкие глаза, а под степными скулами заходили желваки. Конечно, главное, на чьей ты стороне. И все-таки иметь в кармане билет или не иметь... К нему, Щорсу, уже подступают открыто. Бубнов не зря спросил. Теперь председатель ЦВРК умышленно обходит тот разговор, видит в нем только военспеца...

Нет, сам Николай не видит в себе военного специалиста, признаться, и чин никакой, и опыта, по сути, никакого. Страстное желание выволить свою землю от завоевателей-чужеземцев, установить на ней справедливую народную власть — Советы, ради такой цели он борется. Выходит, другие со стороны не видят в нем ничего подобного. Для них он военспец, ни больше ни меньше. Вкрадось подозрение: неспроста Коцар очутился среди них. Не случайно предлагал его Ауссем. Восстанавливая в памяти встречу в вагоне, убеждался, что Никита ждал его.

Николай ощутил подступившую обиду: ведь никто вот так не подошел к нему из партийных работников и не сказал прямо в глаза: «Вступай». Нет, нет, что-то не то. Никита прав — дело это совести каждого. Оттого Бубнов только осведомился...

Шевельнувшаяся обида угасала. Не обида, скорее всего безотчетная вспышка, вызванная кратковременной неприязнью. Неприязнь зряшная — Никита парень дельный.

С каждым днем наваливались заботы. С боем выбивали пустые вагоны, с боем выколачивали лишнюю винтов-

ку, ящик патронов, гранат. Тут же загружали, пломбировали их, сами становились в караул. Обмундирование все не подвозили. С нетерпением ждали и обещанных Ауссемом пушек.

Как-то в полдень в дверях вагона встал возбужденный Щорс.

— Никита, есть обмундирование!

— Где же оно!

— Здесь, на станции, в железнодорожном складе. Сейчас же создать комиссию и по акту принять. Железнодорожники согласны.

Со времен войны завалилась малая партия ботинок, гимнастерок, брюк, белья и котелков. Шинелей не было. Без помощи посторонних перетаскали со склада в вагон подвалившее богатство.

Вечер провели шумно. Разговоры, естественно, вокруг полка. Кому-то пришло в голову, коль будет полк, надобно загодя обзавестись полковой печатью и штампом.

— Нужно еще придумать название полку, — подсказал Зубов.

Посыпались предложения:

— Первый Украинский революционный.

— Первый Украинский.

— Украинский революционный.

Чувствовали все какую-то неудовлетворенность.

— А не связать с каким-нибудь именем? — подумал вслух Никита Коцар. — Взять из истории. К примеру, из сподвижников Богдана Хмельницкого... Вот Иван Богун! Отважный казак, славно рубился с татарами и польской шляхтой. И нам от него есть что взять — отвагу, военную сметку, хитрость в борьбе с захватчиками. В украинском народе крепко сидит память о Богуне, о его подвигах. Да и сам он плоть от плоти простолюдин. Считаю, имя удачное. Повалит народ до нас...

Так родилось название полка.

Наутро Петро Лугинец укатил случайной дрезиной в Брянск — заказать печать и штамп. Решено по кругу печати вывести название «Украинский революционный полк

им. т-ща Богуна», а в середине, где обыкновенно изображается государственный герб, написать: «Именем революции — за власть Советов».

Местом формирования полка назначалась Унеча. Станция Унеча лежала в нейтральной полосе. Эта полоса, тянувшаяся вдоль всей границы оккупированной Украины и Советской России, по расчетам немецкого командования должна была служить барьером, предохраняющим солдат оккупационной армии от заражения большевистскими идеями. На деле получилось иначе. Хотя Советская Россия и не нарушала договора, нейтральная полоса очень скоро превратилась в советскую полосу. Сюда из восставших уездов Украины прорывались сквозь окружение немецких войск пешие и конные отряды повстанцев. Население снабжало их продовольствием и фуражом. К осени нейтральная полоса стала революционным центром восставшей против оккупантов и гетмана Украины...

Настал час, когда к вагонам подогнали паровоз. С имуществом отбыли Квятек, Зубов, братья Лугинцы, Никитенко и Божора. Щорс и Коцар задержались на пару дней в центральном штабе.

В Унечу прибыли к вечеру. Состав свой нашли на запасном пути. Вербовочная комиссия работала полным ходом. В штабном вагоне людно, дым коромыслом. Толклись у столиков братьев Лугинцов.

Николай задержался возле них. Братия сырая в большинстве, безусая, из ближних сел. Трое, не то четверо в шинелях, смушковых папах. Особняком, у дальнего оконца чадил трубкой моряк. Что-то заставило повнимательнее всмотреться в его широкую спину. Без скрещенных пулеметных лент, черный бушлат расстегнут, бескозырка накинута на лоб. Если бы не деревянная кобура, свесившаяся до пола, вид у него был бы оригинальный для нынешних моряков, запрудивших все мало-мальски крупные железнодорожные вокзалы в приграничной полосе.

У стола сидел курносый, стриженный парень в красноармейской, мало ношенной одежде. Отвечал на вопросы

бойко. По выговору — из здешних мест, черниговский, а со слов — явился с Волги. Служил в Красной Армии, пороха понюхал под городом Симбирском. Полк их наступал по железной дороге от Поклонной горы, выбив чехов из Симбирска, переправились по мосту на тот берег Волги и заняли Нижнюю и Верхнюю Часовни...

— Каким способом очутился обратно в Унече? — допытывался Константин Лугинец, переворачивая его потертые бумаги.

— Наш батальонный писарь тоже украинец... Рассказал, тут формируются части, какие пойдут высвобождать Украину от германцев. Предложил возвратиться. Выдали проездной документ до Брянска — «по важным военным делам». Ота бумажка, вот она, голубенькая...

— Обмундировку не потребовали назад?

— А зачем? Каждый месяц жалованье еще получал по двести пятьдесят рублей.

— Здесь жалованья не будет, — вмешался Зубов. — Зато за пьянство, картежную игру, грабеж и вообще за неподчинение — расстрел на месте, без суда.

Парень потерянно повел взглядом: куда, мол, попал?

— Откуда сам? — спросил Николай.

— Село Хоробичи. Там и батька с матерью.

— Земляк, выходит. Дом свой в тяжелую годину не кидаешь. Что ж, будем воевать.

Младший Лугинец, переняв его взгляд, протянул парню заготовленный листок с клятвой-присягой.

— Читай и подписывай. Обмундировка тебе не требуется. Оружие получишь... Да, ты грамотей! В пятую роту писарем.

— Поимей сердце, Константин Потапович. С таким-то ростом писарем. Правофланговый!

Николай спиной ощущал матроса у дальнего окна. Знал и о Приднепровском отряде, какой следует подчинить, и о самом вожаке-моряке, Михалдыке. Не дольше как утром в Брянске сталкивались с матросней — стихия, вконец разболтавшаяся на земных волнах. Там их не так

много, а горланят за полную команду крейсера, бузотерят, грабят. Не кто иной, как Михалдыка, выдворил их на днях из Унечи. Анархией той тоже не побрезговали — матросу Андрею Матвеевко с эскадренного миноносца «Свобода» поручили с Коцаром организовать команду из анархистов, кои изъявят согласие сражаться в рядах украинских войск. Надеждой, право, не тешились.

Как поведет себя Михалдыка сейчас? Не анархист — большевик, партиец. Чувствовал, не готов к разговору с ним. Горлом не возьмешь. В самом деле, дурацкое положение его, уполномоченного. Краем глаза увидал: Михалдыка, гася большим пальцем трубку, неторопливо подходил. Не здесь же, при народе, объясняться?

В последний миг нашелся — протягивая руку, назвал себя. Тот уводил взгляд, сказал притворно-бесшабашно:

— Черт с тобой, Щорс, забирай отряд, пользуйся готовым.

— Так и готовым? — сощурился насмешливо Зубов.

— Доделаете, что не по-вашему.

Мирный тон у матроса. Видны на использование его в полку они с Коцаром обговаривали у Ауссема. Человек военный — на командирскую должность, доверить батальон. Ауссем склонялся больше к парработе.

— А зачем забирать? — удивился Николай, упорно лоя его взгляд. — Засучивай рукава и... с божьей помощью. Формируй батальон.

Вот он, взгляд. Закатное солнце вызолотило выпуклые чистые белки. Не поймешь, какие у него глаза, зеленые, голубые? По всему, предложение его не обидело. Оголив в кривой усмешке крупные зубы, мотнул головой.

— Вам, пехтуре, чего? Каждую кочку от самой Варшавы пузом ощупали. А я?!

— Ощупаешь и ты, — поддел Зубов. — Обратный путь — от Унечи до Варшавы.

В этот же вечер вскрылась причина такого легкого приручения матроса. Пододвинувшись, Михалдыка вполголоса сознался:

— С начальством по прямому трепался... Да, приказ готовится о сведении отрядов. Иначе, Щорс, ваш классный я прицепил бы к хвосту брянского.

— Вот видишь, — хитро подмигнул Николай. — Иногда необходимо повисеть на прямых проводах с высоким начальством.

Широкая рука Михалдыки, избитая татуировкой, крепко сдавила его колено.

Знакомство завершилось согласным смехом.

22 сентября 1918 года Всеукраинский Центральный военно-революционный комитет издал приказ о сведении украинских повстанческих отрядов, расположенных в нейтральной зоне и вблизи демаркационной линии, в две дивизии. С этого дня серая кишачья масса партизан, сбившаяся в узкой полоске ничейной земли, начала постепенно обретать строй, упругость.

Приказ тщательно скрывался. Формирования продолжались под видом партизанских отрядов. На самом деле всю осень шла ожесточенная борьба с партизанщиной. В строй брошены лучшие партийные силы. Давала знать нехватка военных специалистов. Советская Россия, сама охваченная на востоке и на юге фронтами, делилась из своих скудных запасов оружием, одеждой, провиантом. Не густо, всех дыр не заткнешь. Перебивались с оружием, боепитанием, даже нищенским пайком, с обмундированием беда — не сводили концы с концами. Надвигались холода, а с ними простуды, начал косить тиф — враг не менее страшный, чем немцы и гайдамаки.

Командиром первого полка первой дивизии был назначен Щорс. Для Николая смешались дни и ночи. Забыл свою болезнь, самого себя. Получив среди ночи пакет из Зернова, к утру 24 сентября издал первый приказ по Богунскому полку. Утверждался командный состав, зачислялись в роты бойцы, роты распределялись по батальонам. Михалдыка назначен командиром первого батальона, Зубов — второго, третьим батальоном в полк вливался отряд Барабаша, сформированный в Брянске.

Горький опыт Семеновского отряда укорял на каждом шагу. Только строй может выдать из рыхлой массы богом клятую партизанщину. Первым делом навалился на теплушки, с ними отрядники год уже не могут расстаться. Показал пример — из классного бронированного вагона штаб перебрался в купеческий дом, недалеко от станции, предоставленный Унечским ревкомом. Напротив, в деревянном флигеле разместились политический аппарат и вербовочная комиссия — удел Константина Лугинца. Там же прижился и ревтрибунал под председательством Петра Лугинца. Помимо него и помощника-писаря, на общем собрании в трибунал были выбраны Квятек, Зубов и двое из отрядников.

Немало хлопот доставило жилье бойцов. На время приспособили под казарму одноэтажное каменное здание, выкрашенное в желтый цвет. Недели через две переселились в дощатые бараки за железной дорогой...

В Николае теперь уже совсем не было заметно той юношеской порывистости, которая еще сказывалась, когда он носился во главе конной разведки по лесным дорогам у Злынки. Движения его стали менее резки, в словах было больше твердой уверенности в себе. Командиры повстанческих отрядов, влившихся по приказу Ревкома в полк, сразу почувствовали, что Щорс заставит их подтянуться. Многие, привыкшим к вольготной партизанской жизни, не по душе пришелся строгий порядок регулярной воинской части, который устанавливался в полку, но высказывать свое неудовольствие громко никто не решался. Открытый, смелый взгляд Щорса смущал их. Однако, отойдя от Щорса, кое-кто пожимал плечами, ворчал себе под нос.

Один командир пришел в штаб грязный, небритый. Пока он что-то докладывал, Щорс внимательно разглядывал его и вдруг сказал:

— Да вы, товарищ командир, обовшивели.

Щорс снял с воротника его шинели вошь.

Командир нисколько не смутился.

— Может быть, какому-нибудь их благородию это диво, а мы привыкли.

Это было сказано развязно, с явным намеком на бывший офицерский чин Щорса. Но Щорс как будто не обратил внимания на намек.

— Да, товарищ командир, пора в баньку сходить, пора.

— Это мое личное дело.

— Да? — спросил Щорс и, вызвав дежурного по штабу, приказал: — Отвести товарища командира под конвоем в баню, вымыть, побрить и доложить, что он принял человеческий вид... Вшивых в штаб больше не пускать.

Подобные же приказания Щорс нередко отдавал при посещениях барачков.

Как-то вечером, осматривая койки солдат одной из рот, Щорс приказал красноармейцу:

— А ну-ка, молодой человек, прилягте на свою койку.

Красноармеец выполнил приказание.

— Удобно? — спросил Щорс.

— Так точно, удобно, товарищ командир.

— А по-моему, нет. Встань!

Щорс вытащил из-под матраца грязное белье.

— Это что? — спросил он, держа белье кончиками пальцев.

— Белье.

— Какое?

— Грязное.

— Совершенно верно. Угадал. Теперь читай, — сказал Щорс, указывая на плакат, висевший на стене.

— «Грязное белье в постели...»

— «...верная вошь на теле», — прочел смущенно красноармеец.

— Правильная поговорка, герой? — допрашивал Щорс.

— Так точно. Совершенно правильная.

— Значит, ты пришел в полк вшей плодить? Так, что ли?

— Простите, товарищ командир.

— На первый раз только. А теперь вот расскажи, герой, что ты сегодня в газетах читал.

— А я, товарищ командир, сегодня не успел еще прочитать.

— Так-так, не успел... Расскажи тогда, что вчера читал.

Красноармеец, покраснев, сознался, что и вчера не читал газет.

— Недосуг было, товарищ командир.

— Так-так, недосуг... Ну, а третьего дня?

Вокруг Щорса уже стояла толпа улыбающихся, подталкивающих друг друга красноармейцев.

— Третьего дня тоже не читал?

— Нет, товарищ командир.

— А завтра будешь читать, герой?

— Так точно. Буду всенепременно.

— Так-так. Конечно, будешь. Я уже побеспокоюсь о тебе. Понятно?

— Понятно, товарищ командир.

Ближайшими помощниками Щорса были его старые соратники по семеновскому отряду. Их нельзя было узнать. Зубов, командовавший теперь 2-м батальоном, стал похож на Щорса. Он во всем подражал ему. Завел такую же бородку и усы, говорил так же сдержанно, отрывисто, отдавая приказание, смотрел красноармейцам в глаза пристально, строго.

Один за другим возвращались в Унечу и рядовые бойцы бывшего щорсовского отряда, распущенные по домам несколько месяцев назад. Большинство приводило с собой своих односельчан. Щорс распределял их по разным ротам, как людей, наиболее надежных, привыкших к его строгим требованиям.

Пришел и Живоног.

Взяв под козырек, он отрапортовал Щорсу:

— Ваше приказание, товарищ командир, выполнил.

Живоног показал на стоявших поодаль крестьянских парней:

— Вот мой взвод. Односельчане.

Просияв, он добавил:

— Все в сапогах, товарищ командир. Я на этот счет дал им строгий приказ. Разве, говорю, товарищ Щорс напасется сапог, если народ валом валит к нему?

Щорс подошел к вновь прибывшему отряду. Правобланговым стоял семидесятилетний крестьянин.

— Почему, дед, воюешь? — спросил Щорс.

— Сына и дочку гады замучили.

— Крепко решил воевать за советскую власть?

— Коли пришел до тебя, значит крепко. Вот и внука с собой захватил.

Рядом стоял паренек лет шестнадцати со штыком, закнутом за пояс.

— А тебе, молодой человек, не рано ли еще воевать? — спросил Щорс.

— Зачем рано? В самый раз.

— А где же винтовка твоя?

— У немцев добуду, — с уверенностью ответил паренек.

Щорс пожал Живоногу руку и сказал, лукаво улыбаясь:

— А с товарищем Хайкиной мы тогда все-таки прощались зря.

— Жива?! — вскрикнул Живоног.

— Жива, и сейчас в Унече.

Живоног стоял сияющий, с полуоткрытым от удивления и радости ртом.

Фруму Хайкину Щорс встретил в ревкоме, в первые же дни по возвращении в Унечу. Он говорил о нуждах формируемого полка. Когда зашла речь о сапогах, Щорс услышал за своей спиной знакомый женский голос:

— Этот вопрос, товарищ Щорс, мы с вами быстро уладим.

Щорс вскочил и повернулся, как по команде.

Перед ним стояла Фрума Хайкин. Она была в кожаной фуражке, кожаной куртке, сбоку на ремне висел маленький браунинг. Большие внимательные глаза ее смотрели на Щорса из-под черных дуг бровей не улыбаясь.

Щорс схватил ее за обе руки.

Редко он бывал таким возбужденным, взволнованным.

— А ведь знаешь, мы твою память уже почтили вставанием.

— Слыхала.

— Поторопились мы, товарищ Фрума.
— Да, я осталась жива, как видишь. Но это простая случайность.

Щорс все еще тряс ее руки.

— Ну, рассказывай скорее, рассказывай!

— О чем? — спросила Фрума.

Щорс как будто не понял вопроса. Не отрывая от Фрумы сияющих глаз, он машинально повторял:

— Ну, рассказывай же, рассказывай.

— Скучно и надоело. Приходилось уже много раз об этом говорить.

Все-таки она рассказала ему о случившемся. Коротко, сухо, как будто рассказывала с чужих слов. Да, она была ранена, в бессознательном состоянии попала в плен. Когда она пришла в сознание, немецкий офицер вежливо предупредил ее, что она будет расстреляна, так как был приказ немецкого командования о расстреле всех, захваченных с оружием в руках. Однако, выяснилось, что приказ этот был подписан уже после того, как Фрума попала в плен. Только эта формальность ее и спасла. Ну, а потом ее обменяли на пленного немца. Сейчас она работает председателем ЧК.

— Вот и вся история. Можно вернуться к вопросу о сапогах.

Фрума улыбнулась. Улыбка у нее была сдержанная, чуть игравшая на полных бледных губах. Она быстро потухла.

— Пойдем, — тихо сказала Фрума.

Щорс вышел за ней в соседнюю комнату. Там никого не было.

— Я должна вас предупредить, товарищ Щорс...

Щорс нахмурил брови, но глаза его по-прежнему сияли.

— В отрядах, которые вливаются в ваш полк, есть несколько подозрительных типов, — продолжала Фрума. — Есть основание предполагать, что немецкое командование готовит провокацию. Партизанская стихия легко воспламеняется.

Щорс, сразу изменившись, перебил:

— Фамилии назвать можешь?

— Нет, — сказала Фрума. — Я хочу, чтобы ты присмотрелся к людям сам. Прямых улик у меня еще нет. Нужно проверить все подозрения.

— Хорошо, спасибо. Держи меня в курсе.

Вопрос о сапогах они обсуждали недолго. Совместно составили следующий приказ:

«Именем революции приказываем всему нетрудящемуся населению г. Унечи в трехдневный срок сдать 500 пар сапог в распоряжение командира 1-го Украинского полка».

Щорс с головой ушел в хозяйственные дела. Он хотел, чтобы полк был обмундирован по форме, а в то время это была нелегкая задача. Часть обмундирования удалось найти в застрявших на станции товарных составах с имуществом, эвакуированным из Украины. Кое-что нашли на заброшенных складах. Каждая находка вызывала у него радостное восклицание:

— Да это же целый клад! Взять на учет.

Щорс ходил по складам и записывал в блокнот каждую мелочь, которая могла пригодиться в полку.

Иной раз ему говорили:

— Здесь ничего нет. Хлам, тряпье.

— А может быть, найдем что-нибудь годное на портянки, — говорил Щорс и сам рылся в хламе.

Вооружение полка было окружено тайной. Немецкие шпионы, шнырявшие в нейтральной полосе, не могли понять, откуда Щорс берет оружие. С севера в Унечу прибывали товарные составы, груженные картошкой.

Обыватели Унечи смеялись:

— Щорс думает вместо снарядов картошкой забросать немцев!

Но ночью роты, приходившие на станцию для разгрузки вагонов, вместе с картошкой выгружали винтовки, пулеметы, ящики с патронами.

Во время выгрузки Щорс не отходил от вагонов. Он сам проверял и пересчитывал оружие.

День и ночь занятый формированием полка, Щорс спал только урывками. Иногда, сидя за работой в своей маленькой комнатке при штабе, охваченный усталостью, он опускал голову на стол и засыпал на несколько минут. Рядом стояла всегда аккуратно заправленная койка. По утрам на строевые занятия Щорс выходил всегда подтянутый, собранный, бодрый. Строевые и тактические занятия проводились аккуратно каждый день и в определенные часы.

Однажды к Щорсу пришла сестра из полкового околотка.

— Что делать, Николай Александрович? Каждое утро околоток переполнен, и большинство приходящих совершенно здоровы.

— Симуляция?

— Да, и притом массовая.

Щорс задумался. Он знал, что регулярные строевые занятия вызывали среди части партизански настроенных красноармейцев недовольство. По разговорам, ходившим в полку, чувствовалось, что недовольство кто-то сознательно разжигает. Массовая симуляция еще раз подтверждала это.

— Хорошо, — сказал Щорс, — завтра всех этих больных направляйте на прием ко мне. Надо будет познакомиться с ними поближе.

На следующий день около штаба выстроилась длинная очередь «больных». Получив направление к Щорсу, большинство чувствовало себя неловко.

Щорс принимал их по одному.

Первым робко вошел молодой красноармеец. Он выглядел очень сконфуженным.

— Что болит? — спросил Щорс.

— В грудях что-то колет, — ответил красноармеец, отворачиваясь от взгляда Щорса.

— А ну-ка, сними рубашку.

— Да мне, товарищ командир, только порошочек бы какой-нибудь.

— Сейчас вот посмотрим, что тебе прописать.

Вооружившись медицинской трубкой. Щорс внимательно выслушал «больного» и, покачав головой, сказал:

— Да, тебе надо серьезно лечиться. Побольше на свежем воздухе, как можно больше. Самый лучший рецепт — строевые занятия... Следующий!

На ходу натягивая гимнастерку, парень выскочил от Щорса, как ошпаренный.

— Вертай, ребята, назад! — крикнул он стоявшим в очереди, — не иначе, наш командир — дохтур, такой тебе рецепт пропишет...

Стоявшие у двери замялись. Никто не решался войти. Тогда из очереди выступил детина саженого роста, в лихо заломленной казацкой фуражке и с огромным черным чубом, закрывавшим пол-лица. Выпятив грудь, он ударил по ней кулаком:

— То есть, что это такое значит? Дохтур! Темная твоя голова. Что это, старый режим? Не моги, значит, и болеть!

Растолкав красноармейцев, он вошел к Щорсу, хлопнув за собой дверью.

— Чуб срезать, — приказал Щорс, едва взглянув на вошедшего.

Чубатый от неожиданности растерялся, но быстро оправился.

— То есть, я вас не понимаю. Кем это такой декрет даден, чтоб революционному народу чубы, значит, срезать? А может, к примеру сказать, без чуба я воевать не могу! Мне, может, без чуба скучно будет! Я казак...

Щорс перебил его:

— Что болит?

— Я до дохтура. У меня сурьезная болесь.

— Ну, говори. Я доктор.

— Не может быть. Прав таких вам не дадено.

Щорс спокойно разъяснил ему, что он имеет диплом фельдшера.

Чубатый, немного помолчав, сказал:

— В кишке дух спирает. Ходить невозможно.

— Понятно. Ложись на скамейку.

Чубатый лег. Щорс начал мять его живот.
— Болит? А здесь?
Чубатый стонал, выл, охал.
— Покажи язык.
Чубатый высунул язык.
— Замечательный язык. Редчайший экземпляр, — сказал Щорс.
Чубатый спрятал язык.
— Болтается ничего? — спросил Щорс.
— Это про што?
— Язык как болтается, спрашиваю.
Чубатый рассвирепел:
— Што ето за издевательство над революционным ка-
заком! Што ето, старый режим?
Щорс пристально посмотрел на него и сказал:
— Вот что, довольно ломаться. Скажи прямо: кто научил тебя подбивать людей на симуляцию?
Чубатый сразу притих.
— Очень извиняемся, — сказал он, — сами по несознательности своей. Больше, заверяем вас, етого не будет.
Подняв упавшую на пол фуражку, чубатый пятился к двери.
— Следующий! — крикнул Щорс.
Никто больше не вошел.
В тот же день Щорс сообщил о случившемся Фруме Хайкиной.
— Знаю, — сказала она. — Я понимаю твою тактику, но ты играешь с огнем.
— Другого выхода нет. Арестуй я чубатого, нарыв был бы загнан еще глубже, а я должен его вскрыть как можно скорее. Для меня совершенно ясно, что чубатый — это подставное лицо. Правда, он не так прост, как притворяется. Возможно, кое-какие нити от него и удалось бы получить. Но есть ли гарантия, что они не оборвутся раньше, чем мы распутаем весь клубок? Очистить полк от врагов революции, от немецких провокаторов — это для меня еще не все. Я должен очистить его и от мусора, от швалей, с которой я не могу идти в бой.

— Ты хочешь ускорить взрыв, — так я понимаю тебя? — тихо спросила Фрума.
Щорс не сразу ответил.
— Я не боюсь взрыва, — подумав, сказал он. — Я знаю, что основная масса людей пойдет за мной.
— Ты в этом твердо уверен?
— Я это знаю.
— Сколько в полку коммунистов?
— Пятнадцать человек. Но арифметика здесь ни при чем. Сила партии измеряется не количеством единиц.
— Да, между прочим, — сказала Фрума, — сегодня ночью в меня стреляли.
Щорс встал.
— Фрума, дорогая! Ты не бережешь себя. Я уже хотел тебе об этом сказать. Ты не имеешь права без нужды рисковать собой.
— А ты? — спросила Хайкина и внимательно, не улыбаясь, посмотрела на Щорса.
— Будь уверена, что зря я не подставляю свою грудь под пули.
— Я просто не предполагала, что в меня могут стрелять. Другой раз удивляешься звериной тупости наших врагов.
— Фрумочка, тебе еще многому придется удивляться. Тебе ведь только двадцать лет...
Хайкина засмеялась.
— А тебе?
— О! Я уже старый. Двадцать четвертый скоро пойдет.

Уже несколько ночей Щорс не смыкал глаз. Строевые занятия он проводил сам. Он стал еще более требователен. Его голос звучал необычайно для того времени властно: «Тверже шаг!» «Выше головы!» «Взять равнение!» «Не заваливать штыки!»

Симуляция в полку прекратилась, на занятия выходили почти все. Воркотня как будто затихла. Но когда Щорс собирал коммунистов-командиров и спрашивал, какое настроение в ротах, люди отвечали: все как будто в порядке,

но иногда среди красноармейцев чувствуется затаенное недовольство, какое-то подозрительное перешептывание. Зубов, нервничая, предлагал сократить строевые занятия.

— Мне кажется, мы перегибаем палку, — говорил он.

— Успокойся, ты вот только сам не перегибай, — отвечал Щорс.

— Я чувствую, что люди не доверяют мне, — с отчаянием говорил Зубов, а Щорс отвечал:

— Это, конечно, плохо, но ты преувеличиваешь. Преувеличивать не надо и нервничать тоже.

— В полку что-то готовится.

— Смотри в оба.

— Хорошо, товарищ Щорс...

Взрыв произошел неожиданно. Как-то вечером Щорс созвал командиров на совещание в клуб. Совещание затянулось. Ждали приезда начальника дивизии. Вдруг на улице началась беспорядочная стрельба. Посыпались стекла. Кто-то крикнул:

— Зубов убит!

Щорс моментально выскочил из клуба и бросился в штаб. Схватил телефонную трубку. Станция не отвечала, телефон не работал. Щорс кинулся назад, но в это время в штаб ворвалось несколько человек с винтовками наперевес. Впереди — чубатый.

— В чем дело? — тихо спросил Щорс.

— Ладно! Откомандовался, хватит!

— Взять его под арест! — крикнул Щорс.

Красноармейцы замялись.

У двери стоял с наганом в руке пожилой красноармеец, тот самый, который называл себя при поступлении в полк фабричным рабочим. Он смотрел на Щорса, нагло улыбаясь.

— А! И ты здесь, — сказал Щорс. — Прекрасно! Прекрасно! Всех вместе и ликвидируем.

— Брось разоряться! — заорал чубатый. — Штаб окружен казаками. Сдавай оружие и идем с нами. Будем судить тебя.

Чубатый говорил уже другим языком, не ломаясь.

— Хорошо. Я только надену второй сапог, — сказал Щорс и вышел в соседнюю комнату.

Несколько дней назад на правой ноге образовалась рана из-за тесной обуви, поэтому Щорс надевал на большую ногу вместо сапога галошу.

Через несколько секунд Щорс вернулся. Глаза его горели. Одна рука была поднята — она сжимала гранату. В другой руке был маузер. Комната сразу опустела.

— Эх, гады! Ну и трусы же! А еще казаками называете себя! — крикнул Щорс вдогонку убежавшим.

С улицы доносились крики. Слышны были одиночные выстрелы. Щорс выпрыгнул через окно во двор. Около дома, где помещалась ЧК, гудела толпа. Щорс подошел поближе и прислушался. По отдельным выкрикам он понял, что Хайкина успела скрыться. Через полчаса Щорс был уже у бараков 2-го батальона. Николай подошел к красноармейцам.

— Смирно! — скомандовал командир роты Тысленко и отрапортовал: — Рота выстроена, ждет ваших приказаний, товарищ командир полка!

— Сколько отсутствует?

— Больных нет. В наряде два бойца и командир отделения.

— Вольно!

— Во-о-ольно! — передал команду Тысленко.

Перед выстроенной ротой Щорс заговорил с Тысленко громко, спокойно, как будто ничего особенного не случилось.

— Мятеж подняла конная сотня?

— Да, говорят. К ней присоединились пулеметная команда и, кажется, батарея. Решили арестовать всех командиров и судить за то, что гоняют людей на строевые занятия вместо того, чтобы идти освобождать Украину. Командиром полка выбрали Наливайко. Такой незаметный человек был, а сейчас кричит: «Братья казаки, я завтра поведу вас на немцев!»

— То есть к немцам.

— Ну, конечно.

— А как в ротях?
— Большинство держит нейтралитет.
— Что такое? Какой нейтралитет? — резко спросил Щорс.

— Надо, говорят, сначала разобраться, из-за чего заваруха вышла. Митингуют.

— Хорошо. Я сейчас им помогу разобраться.

Отдав Тысленко приказания, Щорс один пошел по казармам.

Первая рота шумно митинговала. У входа на голом топчане сидел дневальный. Это был Живоног. Увидев Щорса, он вскочил, вытянулся. Выглядел он очень растерянным. Опомнившись, Живоног крикнул не своим голосом:

— Смирно!

Галдеж прекратился. Все повернулись лицом к Щорсу. Оратор, стоявший на столе, от неожиданности присел на корточки и застыл в таком положении.

— Где командир роты?

Никто не ответил.

— Выходи на двор строиться!

Никто не шевельнулся.

— Я что-то не ясно сказал? Оглохли? — спросил Щорс.

Кто-то робко сказал:

— Тут, товарищ командир, хлопцы резолюцию голосовали.

— Голосовали? — переспросил Щорс и вдруг крикнул, — А ну-ка, подними руки, кто с Украины!

Один за другим все медленно подняли руки и стояли с поднятыми руками растерянно, не понимая, в чем дело.

Щорс улыбнулся.

— Значит, единогласно. Чего же еще голосовать? Все с Украины.

Эта шутка разрядила обстановку. Щорс вскочил на скамейку. Он еще сдерживал себя, но чувствовал, что внутри у него все клокочет. Лицо было бледно, глаза горели, губы искривились, вытянутые по швам руки чуть вздрагивали. Рота замерла, как будто кто-то бросил в помещение бомбу. Вот-вот она взорвется.

— У кого на Украине сожжена хата, — сказал Щорс, и вдруг сдавленный его голос вырвался на свободу, — у кого отняты посевы, скот, у кого расстреляны гайдаками, немцами отец или брат, у кого спина исполосована немецкими шомполами — в ружье! Именем революции приказываю — в ружье! Смерть провокаторам! Нет пощады изменникам!

Вся рота, как горох, рассыпалась по бараку. Защелкали затворы.

Щорс спрыгнул со скамейки и уже обычным, спокойным голосом приказал:

— Выходи на двор! Стройся!

К утру, когда в Унечу прибыл вызванный Хайкиной отряд чекистов, мятежники уже выдали зачинщиков. Они злобно выталкивали их из рядов. Вытолкнули и чубатого. Наливайко успел скрыться. Прикидываясь рабочим, он на самом деле оказался бывшим царским офицером, подсланным немецким командованием в полк для организации мятежа.

В тот же день приступила к работе выделенная Щорсом комиссия по проверке состава полка. В помощь ей были выбраны ротные комиссии из красноармейцев и командиров. Проверка продолжалась около недели. Через комиссию прошли все, не исключая и Щорса. Несколько человек было предано суду трибунала.

Всем желающим остаться в полку Щорс предложил дать революционную клятву. Текст клятвы он выработал сам, а потом передал для обсуждения в роты. Командиры подписывали клятву на полковом собрании. Первым подписал Щорс.

«Я, гражданин Щорс, совершенно добровольно вступаю в ряды 1-го Украинского повстанческого полка и обязуюсь, не щадя своей жизни, бороться против капиталистов, за освобождение Украины от оккупантов и контрреволюционеров, беспрекословно выполняя все приказания моего начальства. За трусость, дезертирство, мародерство и пьянство я подлежу суду революционного военного трибунала, с применением ко мне высшего наказания — рас-

стрела. Эту клятву я прочел полностью, с ней согласен, в подтверждение чего собственноручно расписываюсь».

Красноармейцы давали клятву на ротных собраниях. В торжественной обстановке они по одному подходили к столу. Щорс спрашивал каждого:

— Твердо решил остаться в полку?

— Да.

— Жизни не пожалеешь за революцию?

— Нет.

На столе лежал текст клятвы. Красноармеец читал ее вслух и подписывал. Щорс пожимал руку, поздравляя его с оставлением в полку. Многие, подходя к столу, просили разрешения подумать еще часок.

— Подумай, как следует. Дело серьезное, — говорил Щорс.

Несколько человек так и не решились дать клятву. Им предложили немедленно сдать оружие и вернуться домой.

Опять начались строевые занятия. Жизнь в полку вошла в нормальную колею. По вечерам Щорс проводил собрания, беседы.

День в казармах проходил строго по расписанию. Подъем в 6, до обеда строевые занятия, после обеда до вечера снова строевая. Только в этом видел Николай спасение. Строй, строй и строй. На глазах подтягивались бойцы, обретали военный вид. Заметно убавлялись дырявые свитки, кожушки, веревки вместо поясов. Украшали строй новенькие американские винтовки с коричневыми ремнями, со штыком. После ужина — беседы на политические темы, разучивание революционных песен. Пели «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу», «Вихри враждебные веют над нами», «Замучен тяжелой неволей», свои украинские. В каждой роте выявлялись запевалы. Пели в бараках и в строю, шагая на занятия к леску и обратно. Получалось слаженно, дружно.

Первое время не хватало Николаю дня. Разрывался между ротами и тылами. Тылы нуждаются в большем присмотре. Убедившись, что командиры отделений и взводные, подобранные из унтеров, справляются со свои-

ми обязанностями, стал дольше задерживаться в поселке. Организация служб обеспечения, команд хозяйственной части оказалась куда сложнее, нежели строя. Одно снабжение портило кровь, забирало уйму сил и времени. До двух десятков пароконных бричек выделено продотряды. Кормить людей с каждым днем становилось труднее. Все дальше и дальше забивались продотряды от Унечи: реквизировали, купали у богатеев и селян хлеб, картошку, расплачиваясь квитанцией с полковой печатью. За годы войны убавился по селам скот, не осталось по дворам излишков. Вместо мяса снабженцы умудрялись доставать рыбу. Скучный, несытный паек. На сутки выдавали кусок хлеба около фунта из овса или гречихи. Мало приходилось поесть ржаного. Варили иногда борщ с капустой и картофелем, а чаще с прелой фасолью. Николай видел, старики не так тяжело переносят недоедание, как семнадцати-восемнадцатилетние. Делал вид, что не замечает, когда взводные на обратном пути с занятий оставляют пару-тройку ребят с сумками — покопаться в собранных картофельных делянках. Вечером, до ужина, пекли ее в костре или варили в мундирах.

Одолевало курево. Махорки поступало мало. Курили все, что можно завернуть в обрывок газеты, из чего валит дым, пробовали старую вату из своих пиджаков с сухими листьями березы. У кого появлялся самосад — курили отделением, пуская табачный дым один другому в рот...

Требовательность Щорса, его строгость, подчас суровость известны были и в других, формирующихся по соседству, полках. Однако, очень многие бойцы и командиры из этих частей старались попасть именно в полк Щорса. Его молодость не смущала даже стариков. Они знали, что на Щорса можно положиться. Им нравилось и то, что среди командиров повстанческой армии Щорс выделялся своей культурностью. Он не скрывал ее, не подделывался под окружающих людей, а требовал, чтобы они равнялись по нему. Щорс требовал беспрекословного подчинения себе, и все подчинялись ему, чувствуя в двадцатитрех-

летнем командире какую-то огромную силу. Не все знали, что эта сила в организованности и дисциплине.

Даже в соседнем, Таращанском полку, во главе которого стоял известный командир — бывший столяр, старик Боженко, прозванный «батькой», авторитет Щорса признавали все. А до чего уж таращанцы любили своего батьку, державшегося, как атаман, партизанской вольницы! До чего гордились его дерзкой отвагой! Порядки у Боженко были посвободнее, чем у Щорса. Строевыми занятиями он не интересовался, хотя дисциплину поддерживал строго. Нрав у батьки был крутой, другой раз и плетку пускал в ход, но когда, гарцуя перед полком на лошади, кричал: «Умрем, дети мои, за революцию!», таращанцы отвечали восторженным криком: «Умрем, батько!»

К славе своей батьку относился ревниво, но авторитет Щорса признал после первой же встречи. Эта встреча произошла в штабе Богунского полка. Приехав в штаб, батько заявил:

— Приихав подывытысь, яки Мыкола Щорс порядки у полку заводять.

Щорс принял Боженко с большим почетом, приветствовал его от имени богунцев, а потом приказал всем выйти, заперся на ключ и беседовал с батькой часа два.

Вернувшись в Таращанский полк, Боженко сказал о Щорсе:

— О! Цэ голова, надежна, вэлыка голова!

Поздно вечером Николай с адъютантом полка Коцаром пришли к председателю Унечской организации РКП(б).

— На огонек, товарищ Иванов, — отряхивая с фуражки капли дождя, от порога отозвался Коцар.

— А, богунцы... Опять что-нибудь просить? Пробивайтесь.

Просторный кабинет забит стульями, табуретками, стащенными со всего дома. Люди только ушли. Плотный слой табачного дыма окутал у потолка электрическую

лампочку. На столе у председателя горела лампа под зеленым абажуром.

— Прози не проси, всех наших дыр не залатаешь. — Николай, разгребая ногами стулья, пробился к столу. — Но нужда привела серьезная...

Иванов оторвался от бумаг, снял очки. Серое, давно не бритое лицо, припухлые мешки под уставшими глазами говорили о том, что этот человек редко покидает помещение.

— Что там у вас?

Богунцы рассказали о попытке мятежа в полку.

Слушая, Иванов выставил хлеб и холодную говядину. Из соседней комнаты вынес эмалированный чайник, опустывая его, подмигнул: не остыл, мол.

Наполняя кружки, спросил:

— Свою партячейку не создали в полку?

Коцар переглянулся со Щорсом.

— Собственно, мы. Николай Иванович, и по этому вопросу. Принимайте нас в Унечскую организацию.

— Что ж, давайте объединимся. От такой силы, как вы, дураки одни будут отказываться. Кстати, а сам полк оформился в партию?

Николай расстегнул полевую сумку, порывшись, вынул сложенный лист — заявление.

— Добро. Рассмотрим...

Всю ночь хлестал в прикрытые ставни дождь. Николай долго не мог уснуть, ворочался, мерз. Задремал к свету. Вскочил на скрип двери. Коцар с лампой. Одетый, в шинели. Жили с ним тут же, в штабе, занимая смежные комнатки.

— Куда собрался?

— Вернулся уж, Николай Александрович. Встречал на вокзале Исаковича. С ним начдив.

Остатки сна как рукой сняло. Николай мигом влез в сапоги.

— Где они?

— Здесь, в штабной. Командиров и политотдельцев уже поднял.

— А комполка в последнюю очередь... Не дело, Никита.

— Пока соберутся... Вы не спали ночь, ворочались.

С первой встречи установились меж ними душевные отношения. Тянулись друг к другу, чаще норовили быть вместе. Отсутствие каких-либо неясностей в том, о чем шла речь, прямота мыслей и действий отличали обоих. Подобного у Николая не получалось ни с Зубовым, ни с Квятеком, ни с Лугинцами, а ведь их связывает гораздо большее. Семеновцы, хотя с ним на «ты», смотрят как на командира, по привычке, по обязанности, движимые чувством подчиненности. Никита не позволяет себе панибратства, зато внутренняя доброта, понимание и забота проявляются в каждой мелочи. Вот как сейчас.

Пальцы не ощутили железной дверной скобы. С Исаковичем знаком. Скованность вызвал в нем другой. Много наслышан, проникся к его громкому имени, популярному среди повстанцев. Попадались объявления германской комендатуры: некий майор Гот доводил до всеобщего сведения, что такого-то числа в городе Нежине по обычаям войны расстреляны в качестве бандитов такие-то крестьяне таких-то деревень или сел, а в конце неизменно стояло: «За поимку предводителя банд Крапивянского назначена награда...» За голову того «бандита» майор Гот от объявления к объявлению неизменно повышал цену, к осени довел до баснословной по тем временам цифры — 50 тысяч.

Вот она, встреча.

Крапивянский сидел у окна, закинув ногу на ногу. В солдатской шинели, узкий ремешок от полевой сумки через плечо. Серая папаха размещена на коленях. Облокотясь на подоконник, склонив тяжелую лобастую голову, рассматривал в упор. Николай, кинув ладонь к козырьку, невольно обежал пальцами складки под ремнем.

Исакович, пожимая руку, представил:

— Начальник дивизии. Крапивянский, Николай Григорьевич.

Доклад начдив выслушал сидя. Слова не уронил. Изменил позу — убрал ногу с колена да локти с подоконника. Вопросов, замечаний не последовало и за скорым завтраком. Николай, сбитый с толку его упорным молчанием, распорядился было отменить строевые занятия в поле и построить на смотр полк у барачков.

— Ни к чему ломать распорядок, — заметил Крапивянский.

— Дождь, товарищ начдив.

— Дожди будут лить всю осень... Из-за этого не стоит отменять боевую учебу.

Сторел бы со стыда. Черт дернул его, сам-то он так и делает — плюет на погоду. Не станешь же оправдываться, не будешь доказывать, что распорядился ради него, начальника, смотр провести на месте, а не таскаться в поле.

До полудня месили грязь по ельнику за поселком. Николай, строго блюдя субординацию, — на полшага позади от комдива. На редкие односложные замечания давал такие же скупые объяснения. По распаренному, чисто выбритому лицу его, по добревшим глазам видел — отходит. Отделения, взводы сносно выполняли команды — построения, приемы владения оружием.

— Займитесь немецким оружием. Скоро придется владеть им... Послеобеденные строевые занятия в поле отменяю. Бойцам надобно обсохнуть, обмять с одежды комья грязи.

Непрерывного в таких случаях совещания с комсоставом не проводил. Но на этот раз в штабной комнате в присутствии комбатов и ротных комдив сделал несколько замечаний, не поскупился десятком добрых слов для второго батальона, отметив четвертую роту Квятека. Зубов расцвел, толкая под столом ногу дружка, ликующе подмигивал.

— Первый батальон вызывает у меня опасение, — продолжал начдив, строго взглянув на опустившего чубатую голову Михалдыку. — Матросу на суше... Не его стихия.

После обеда Крапивянский отбыл в Почеп, в расположение червонного казачества, к Виталию Примакову. На перроне, взяв за локоть Щорса, сказал:

— За богунцев спокоен. Вместо матроса подберите строевика.

— Мы уже обговаривали. Смена есть.

— Не сбавляйте темп. Формируйтесь. Не исключено, скоро может поступить приказ...

— Вопрос, Николай Григорьевич. Мы готовим ночные налеты на немецкие гарнизоны... Приказа на то не имеем.

— Бейте в хвост и в гриву. Конечно, по-умному. А приказа на то не ждите. Я его не дам.

— Понятно...

Вечером во флигеле собрался партийный актив и командиры. Беседу проводил Владимир Исакович. Прибыл он наладить в полку политическую работу. Намерение богунцев объединиться с Унечской парторганизацией одобрил. Высказал мысль, что надо выделить комиссара полка. Остановились на Михалдыке. Матрос, раздосадованный нелестным отзывом начдива, без громких слов оставил батальон.

В Зернове Николай успел повидаться накоротке с Исаковичем. От Коцара знал, что у него опыт подпольщика, хотя лет немного. Слушая, проникался. Чем-то напоминал он Бубнова — худое бритое лицо, открытый лоб, даже голос, хрипловатый, глубокий. И, пожалуй, схожи страстью. Да, страстью, скрытой, без внешних проявлений. Единственный жест — то расслабляет кулак, то сжимает, надавливая на крышку стола.

— Не будем скрывать, товарищи, летние восстания показали слабые места нашей работы на Украине. Налицо недостаточный организационный охват масс. Что это значит? Мы не успевали за ростом революционных настроений селян и рабочих, отставали от политической ситуации. Переход от революционных слов к революционному действию не получился из-за различных причин. Отставание военно-технической и военно-организационной работы. Раз. Неактивная пропаганда среди войск оккупантов. Два.

Кулак дважды опустился на стол.

— Центральный Комитет КП(б)У, учитывая те ошибки, призывает рабочих и крестьян Украины к более тщательной подготовке всеобщего вооруженного восстания против оккупантов и украинской контрреволюции. Многие теряют самообладание и готовы уже сейчас, немедленно, не дожидаясь соседа, не объединившись, не сплотившись, опять биться с хорошо вооруженным коварным врагом. Но разрозненные вспышки неизбежно кончатся катастрофой. Восстающие кучки оказываются стертymi с лица земли, и уменьшаются наши силы, дезорганизуется наша подготовительная работа, расстраиваются наши ряды. Так действовать нельзя.

Буря надвигается, товарищи. Восстание грянет не сегодня-завтра. Мы должны быть готовы к этому моменту. Готовьтесь к главному удару изо всех сил.

Обе повстанческие дивизии формируются и существуют нелегально. Причина тому, думаю, вам известна. Но есть и другая сторона... Советская Россия готова хоть сейчас ввести нас в состав Красной Армии. Тогда мы сами уничтожаем идею возникновения дивизий из повстанцев Украины. Советская Украина должна иметь свои регулярные войска. Именно нам с вами предстоит сделать первый шаг в освобождении отчей земли от иностранных завоевателей.

Николай понял Зубова, вынужденного из нагрудного кармана френча массивные серебряные часы. Да, пора: за окнами стемнело. Они отправляют нынче первых разведчиков на оккупированную территорию. Знают об этом немногие даже из присутствующих. Готовились втайне, подбирали надежных, крепких парней. Набралось до взвода. Зубов сокрушался, что нет под руками Тимофея — сгинул где-то разведчик. Божора напрашивался со своими конниками, отставили — безлошадным сподручнее одолеть колючую проволоку...

Из местечка Посудичи — штаба дивизии — посыпались приказы. Открываются двухнедельные инструкторские курсы по подготовке командного состава на долж-

ности командиров отделений, взводных и полуротных командиров. Предписывается прислать в село Погар от каждого полка по 20 человек. Наблюдающим за школой назначен начальник штаба дивизии Петренко. Из червонных казаков разворачивалась 1-я пехотная бригада под командованием Примакова.

Через день спецкурьер на дрезине доставил еще пакет. Войскам дивизии надлежит усиленно готовиться к предстоящим боям. Этим приказом полки 2-й и 3-й сводились во 2-ю бригаду. Управление бригадой поручается командиру 3-го полка имени Богуна, т.е. Щорсу.

Никита Коцар поздравил Николая с назначением. Исакович, довольный, улыбаясь, сказал:

— Лег ты на душу ему, Николай Александрович. Грешным делом, когда ехали к вам, я переживал. Нрав Крапивянского уже успели испытать на себе многие...

1-я повстанческая дивизия за месяц, к концу октября, была, по существу, сформирована. 1-я бригада червонного казачества насчитывала более 2 тысяч штыков, две сотни конников и 8 орудий; Таращанский полк — 2 тысячи человек пехоты, полторы сотни и 4 орудия; Богунский — 1500 человек пехоты, одну сотню и 2 орудия. Кроме того, при штабе дивизии созданы команды для охраны числом около 700 штыков. Начдив мыслил из них сформировать пятый полк, который состоял бы у него в резерве как ударный.

Пополнение прибывает. Бегут крестьяне из Украины. Штабисты надеются через две-три недели довести состав дивизии до 12–15 тысяч. Тормозит формирование, как и прежде, вооружение и обмундирование. Острая нехватка ощущается в командирах.

Боевая изнурительная учеба днем перемежалась с ночными налетами на приграничные села. Щорс начал тревожить оккупантов неожиданными вылазками. В это время вдоль нейтральной полосы были расположены немецкие оккупационные войска. Они размещались отдельными сильными гарнизонами по крупным селам и городам. Гарнизоны были связаны между собой только разъ-

ездами и патрулями. Пользуясь этим, Щорс производил налеты в тыл немцев. Он выработал тактику: бить врага оттуда, откуда он меньше всего ожидает нападения, бить внезапно, не давая врагу возможности ориентироваться в обстановке. Ночью во главе батальона или роты Щорс уходил из Унечи как бы на тактические занятия, а утром возвращался с захваченным оружием и пленными. После одного из таких налетов в Унечу в штаб полка явился офицер, представитель немецкого командования. Он заявил через переводчика протест против нарушения мирного договора. Щорс пожал плечами и велел передать, что господин немецкий офицер, видимо, ошибся адресом: украинский народ не заключал с немецким командованием никакого договора.

— Вручите свой протест пану гетману, — сказал Щорс, — кажется, вы с ним заключили договор.

Немецкий офицер был взбешен. Переводчик спотыкался на каждом слове, стараясь смягчить его грубую ругань в адрес Щорса.

Щорс сидел за письменным столом с невозмутимым видом. Перебив переводчика, он сказал:

— Передайте господину офицеру, что командир бригады Украинской советской армии прикажет вышвырнуть его вон, если он будет разговаривать с ним, как пьяный.

Переводчик передал эти слова Щорса, видимо, достаточно точно. Немецкий офицер побагровел, но заговорил уже другим тоном.

— Офицер просит передать, — сказал переводчик, — что командование германской императорской армии поставит три своих полка против одного советского.

— Скажите ему, что все три полка будут уничтожены, — ответил Щорс.

Дальше разговор шел в таком же духе.

— Офицер выражает твердую уверенность, что этого никогда не случится.

— Конечно, если правительство кайзера немедленно уберет свои войска с Украины.

— Офицер просит не шутить. Такие шутки, он говорит, не имеют цены, потому что у большевиков очень мало вооруженных солдат.

— Скажите господину офицеру, что он не в курсе дела. Десятки большевистских полков стоят уже в тылу немецких войск. Они ждут только сигнала.

И это были не пустые слова. Немецкий офицер, должно быть, сразу понял, на что намекает Щорс. Немецкое командование чувствовало себя нетвердо. Оно знало, что стоит советским полкам, сформировавшимся в нейтральной зоне, перейти границу, как к ним сейчас же присоединятся сотни неуловимых, скрывающихся в лесах повстанческих отрядов. Наступление богунцев и тарашанцев будет сигналом к общему восстанию. Тогда оккупантам трудно будет разобраться: где тыл, где фронт. Щорс, наоборот, чувствовал себя очень твердо. Выделенная им для политработы группа коммунистов поддерживала связь со всеми повстанческими отрядами северной Черниговщины. Она снабжала их и литературой на русском, украинском и немецком языках и винтовками, пулеметами и патронами.

Делалось это так. В той местности ездили от села к селу обозы гончаров, торгующих глиняной посудой. Щорс покупал у них несколько подвод с товаром. На дно подвод складывали кипы литературы, ящики с винтовками или пулеметами, засыпали половой, а сверху обкладывали глиняными мисками, горшками, кувшинами. Надежные люди вели обоз через границу, мимо немецких постов, которые, привыкнув к кочующим по селам гончарам, не обращали на них внимания.

На ближайшей железнодорожной станции оккупированной территории литература и оружие передавались знакомым машинистам, и они везли их на тендерах паровозов дальше, в глубь Украины.

Вместе с литературой и оружием Щорс отправлял и организаторов повстанческого движения, которые в нужный час должны были свести все разрозненные отряды в батальоны и полки. Перед отправлением каждого обоза Щорс долго беседовал с отъезжающими.

— Сейчас главная задача повстанческих отрядов, — говорил он, — рвать мосты, пускать под откос поезда с немецкими войсками и продовольствием. В одном месте провал — не робей, вали в другое. Оружия я переправлю вам, сколько нужно будет... В момент общего восстания вы будете моим правым флангом.

Щорс отправлял товарищей главным образом на реку Припять, от Чернобыля до Пинска. Спустя несколько месяцев созданные в этом районе повстанческие отряды составили один из полков бригады Щорса.

— До общего восстания не увлекайтесь партизанскими выступлениями. Больше внимания уделяйте политической работе, подготовке большевистских кадров. Как грибы после дождя, должны расти сейчас на Украине большевистские ячейки. Если же какой-нибудь братишка захочет атаманствовать, не сопротивляйтесь, пусть разыгрывает из себя атамана, но смотреть за ним надо в оба и чуть что — крепко прибрать к рукам. Пожарники должны быть свои люди. Тогда пожар всегда будет залит, — говорил Щорс.

Слово «пожарники» Щорс произносил с каким-то особенным удовольствием, прищурив левый глаз и улыбаясь. «Пожарниками» он называл пулеметчиков.

В конце октября Щорс отправил на Украину с гончарным обозом последнюю группу организаторов повстанческих отрядов. Перед отъездом он, как обычно, проверил, обеспечены ли они деньгами, теплой одеждой, обувью, расспросил каждого о его личной жизни, о материальном положении семьи. Проводив обоз далеко за Унечу, он крепко пожал всем руки.

— Ну, хлопцы, скоро увидимся. Помните, девятый вал надвигается...

В октябре совместными усилиями написали воззвание к немецким солдатам:

«Октябрь, 1918 г.

Слушай, товарищ немец! Седьмой месяц ты хозяйничаешь у нас в России, но не как добрый хозяин, который думает о будущем. Твое будущее — гибель, помни, что

придет время, когда терпение русского народа истощится и он в своем справедливом гневе возьмет тебя за горло. У тебя пушки, пожары и расстрелы, а у нас — страшный народный гнев. Бойся его, товарищ! У нас нет никакой организации — все задушено, задавлено украинскими и вашими властями, но у каждого из нас есть душа, способная любить и ненавидеть, есть свободный дух, который не выдохся после революции.

Ты пришел к нам голодный, и мы кормим тебя, отдаем последнее, но зачем ты кричишь: «Найне свобода!» Зачем разгоняешь наши Советы, зачем сажаешь в тюрьмы наших депутатов, зачем топчешь каблуками все завоевания нашей Великой русской революции? Ведь свое революционное знамя мы окрасили кровью лучших сынов нашей Родины. Этого тебе никогда не простит русский народ. Уходи, товарищ, в свою землю. Мы обмануты жестоко, предательски: нам говорили — мир заключен, немец не придет в Россию, и мы оставили наш фронт, а ты пришел — и мы безоружны.

Но знаешь ли ты, как дикий тигр неслышно подкрадывается к своей добыче? Видел ли ты, как орел с вышины бросается на свою жертву? У них нет ни пуль, ни штыков. Так и мы, безоружные, будем защищать свою Родину. Мы не хотим крови, мы говорим — да здравствует интернационализм и мир всему миру. Уходи, товарищ!»

Исакович, помогая готовить агитаторов, подсказал: недурно-де обратиться через Зерново к Московскому интернациональному отряду с просьбой о присылке в полк немецких коммунистов. Отправили письмо за подписью Щорса: «*Просим прислать в Украинский революционный полк имени тов. Богуна (ст. Унеча) трех человек немец-коммунистов, которые могли бы вести агитацию на тему «Коммунисты среди немецких солдат, находящихся на прифронтовых полосах Украины».*

— Поглядим, кто больше страху нагонит пруссакам, — посмеивался Константин, глядя хитро на Щорса. — Ты своими ночными вылазками, или наши агитаторы...

— Прошлой ночью мои разведчики в Кустичах сняли с виселицы твоего агитатора, — сказал Квятек, остужая развеселившегося дружка.

— А, по-моему, всяко надобно бить, что ни попадет-ся под руку... Гнать их, сволочей, захребетников, с нашей земли, — мрачно отозвался и Петро Лугинец.

Помыслы у всех были об Украине. Во сне и наяву ждали, когда ступят на свою черниговскую землю. Набирались роты, заполнялся строй. Каждый день прибывали люди. Не мобилизованные шли сами, иные со слезами просились в полк.

Казалось, все идет по-доброму. А беда снова надвигалась. Изнутри, невидимая, вползала. Немногие в полку ощущали ее приближение. Враг использовал каждую щелку, маломальскую прореху, каждое неосторожное слово, неверный шаг. Иванов, председатель парторганизации, сдержал слово — подключил унечского чрезвычайкома Трифонова. Тот со своими чекистами перекрыл кое-какие тайные тропки из поселка в солдатские бараки. В первую же ночь попало несколько человек, «цивильных» и военных. Народ оказался пришлый. Всю осень через контрольно-пропускной пункт Клинцы — Унеча бредут пешком по шпалам военнопленные. Это немцы распускают концентрационные лагеря. В Унече пограничные власти после беглой проверки сажают их в теплушки и отправляют в Брянск. Многие остаются, напрашиваются в полк, кому некуда идти, кого не особо ждут дома. Среди них и попадают «военнопленные», кто вчера только в Новозыбкове сменил синий жупан гайдамака на измызганную серую шинель с чужого плеча.

В полку произошло событие, взбудоражившее все бараки. Двое парней из пятой роты батальона Зубова при отходе от Робчика бросили станковый пулемет «максим». Удачно на него налетел комроты Тищенко. Пулемет был благополучно доставлен в команду. Беглецов арестовали и препроводили в Чека. Пошли кривотолки, слухи: расстреляют, мол, а за что? Пулемет не достался врагу, парни мо-

лодые, глупые... Суток трое длилось нехорошее молчание. Потом по чьему-то распоряжению в один день прошли по ротам и командам собрания — избрали по выборному из рядовых в товарищеский суд.

Каждый час ставит перед Николаем проблемы. Перед командиром и человеком, долг и совесть его в постоянном напряжении. Внешне незаметно, казалось, в нем все согласно: слова, поступки. Понимание общественного долга, трезвая оценка происходящего брали верх над жалостливым сердцем. Победа давалась ему нелегко. Ночами, когда он один на один с собой, порою мучительно трудно оправдать свои поступки, жестокие слова, сказанные при холодном рассудке. Сколько мук, душевных терзаний доставили эти горе-пулеметчики! Струсил в бою, бросили оружие, бежали с пустыми руками, сея панику и страх... В бою нет тягчайшего преступления. Молодые, не нюхавшие пороха, кроме «мамы», у них нет ближе других слов... Закон войны знал одно наказание для такого проступка — расстрел. Он, командир, неся нелегкий крест обвинителя, на самочинно возникшем товарищеском суде именно этого и добивался. Дважды выступал, говорил необычно много, говорил страстно, убедительно о той жестокой схватке, какая ждет их, может быть, через час, иные из них наверняка погибнут...

— Я требую расстрела. Трусам нет никакого оправдания. Этим мы поднимем боеспособность полка. Пусть будет уроком для всех.

Поддержали командиры, ни одна рука выборных не поднялась.

Странно, ночью он не метался в постели. Привиделся Сновск, ребячье место на реке у моста и, кажись, Глаша... Лицо не помнит отчетливо, а одежда солдатская — в гимнастерке, кобура на поясе. Плескаясь под рукомойником, вдруг ощутил подступившее тепло. В гимнастерке, та, смуглолицая, с грустными глазами. Подумал, что труда не составляет увидеть ее. Смелая. Красивая. Фрума Хайкина была грозой унечской контрабанды. Последнее вре-

мя все чаще в Чека их сталкивали неотложные дела, виделись почти каждый день.

Оглядывая с осуждением себя в зеркало, с облегчением вспомнил, что ему все равно надо быть нынче в тех краях. Повеселевший, он поспешно сменил расхожую гимнастерку на шерстяную, вошел в штабную комнату. На вопросительный взгляд Никиты Коцара сказал, будто оправдывался:

— У Иванова буду... Партийное собрание он на сегодня назначил. Ты знаешь?

— Я объявление на дверях вешал.

Весь день, как обычно, Николай провел в бегах. Строевые занятия в поле, снабженцы. С полудня задержался в околотке, а к вечеру попал в ревком. До собрания заглянул в Чека, к Трифонову. Окидывая пустые столы, наигранно-беспечно спросил:

— Куда народ твой подевался?

— Самая работа для нашего брата, ночь... — посмеялся Трифонов, передвигая кипу бумаг, — А тебе кого, Хайкину? Держи с ней контакт. Недавно у нас. Молодая — не беда, глаз зато у нее нацелен верно. Напала на след, ведущий в твои бараки... Выход вижу один: разгонять из Унечи всякую нетрудовую сволочь. Они пускают корешки в полку. Спыхватимся — будет поздно. Иванов ставит нынче вопрос о разгрузке поселка. Пошли, время.

Голосованием Николай был избран председателем собрания. Секретарствовать посадили Брагинского. В повестке вопрос о разгрузке поселка стоял первым.

Некстати председательство. Думал через пару часов исчезнуть: прибывает начальник штаба дивизии, Петренко. Отпрашиваться теперь неловко посреди собрания. Остается уложиться. Вынул из кармана часы.

— К одиннадцати закончим.

— Благие намерения. До трех как минимум. Один Ольховый затянет до одиннадцати. Говорун стойкий.

Кривая усмешка Брагинского прибавила Николаю решимости. Объявив повестку, он тут же утвердил регламент.

Возник было спор по первому вопросу. Не знали, кому поручить разгрузку поселка от «непроизводительного элемента» — гражданскому комиссару или чрезвычайному. Избрали комиссию из трех: представителя парторганизации Щорса, чрезвычайкома Трифонова и председателя гражданского отдела.

Ольховый, как и предрекал Брагинский, не уложился. В руках у него еще толстая пачка листов. Добавили четверть часа.

Текущие дела тоже не застаивались. Вскрылось — коммунисты проявляют небрежность к военным занятиям. Постановили: занятия проводить с 8 до 9 с половиной. Заведующий отделом продовольствия высказал тревогу, что из-за массовых реквизиций приток хлеба с Украины совершенно прекратился и поселку угрожает голод. Обязали продотдел вступить в переговоры с представителями украинского синдиката о скорейшей доставке одного вагона муки. Временным заместителем заболевшего Ермишина на посту предревкома избрали Никитченко.

Ровно 10. Уложились в два часа.

Иванов, принимая протокол, восхищался:

— По-военному, Николай Александрович, всегда буду вводить тебя в президиум. Мне за год не удалось достичь такого успеха в проведении партсобраний. А ты за какую-нибудь неделю... Уж больно слов у нас, гражданских, много. Ей-богу.

— Открою секрет... Времени у меня в обрез. Встречаю начальство.

Прощаясь, Николай приложил руку к козырьку.

Случилось поздно вечером.

С утра Николай возился с начальством. Петренко сопровождал важного гостя с советской стороны. По виду военный, недавно ходил в больших чинах. Официально не представлялся. Петренко шепнул: консультант, мол, оперативного отдела Наркомвоена. В дивизии он уже несколько дней, побывал во всех полках. Сейчас, проездом в

Серпухов, задержался в Унече. На закате солнца Николай усадил их в поезд на Брянск.

Не удалось с глазу на глаз побыть с начальником штаба дивизии. Из коротких реплик его, намеков понял, что большие события назревают, не заставят теперь долго ждать. Конечно, речь о Советской России — не случайно здесь этот консультант. Происходят какие-то изменения и у них в дивизии. Непонятное делается с Крапивянским, будто смещают. Не от Петренко пошло — его сопроводителей. У таращанцев тоже намечаются новшества: вместо Барона в командование полком будто бы вступает Василий Боженко. О том в Унече уже слышали. Что сообщил Петренко определенно: дивизия перемещается на другой участок, южнее, ко Льгову. Предупредил: готовьтесь, ждите приказа. Посоветовал вывести третий батальон из Брянска. С комбатом Барабашом он, Щорс, еще толком и незнаком: видались как-то на бегу.

Вечером, уже когда стемнело, Николай попал к себе в штаб. Снял усталость холодной водой, умывшись до пояса. Ординарец подогрел ужин. Не елось — привык с Коцаром. Со вчерашнего опустела его комнатка, опустело и на душе у Николая. Остро ощутил одиночество. Коцара отозвал ЦВРК, с ним отбыл и Исакович. Привык к обоим, почувствовал, как их не хватает. Сейчас, сопоставляя факты, слухи, он начал догадываться, зачем они понадобились. Вероятно, в дивизии укрепляется политотдел. Подумал и о своем наболевшем: ни Константин Лугинец, ни Михалдыка явно не «тянут». Колотить себя в грудь, кичась социальным происхождением, каторгой, страшно мало, да и устарело. Нужны подготовленные, политически грамотные партработники, с большим тактом, чутким сердцем. Бойца окриком нынче не возьмешь, как, бывало, царского солдата, умеючи добираться до души, овладевая сознанием. Ни тот, ни другой такими качествами не обладают. С Исаковичем был разговор. Тот указал на Барабаша, обещал посоветоваться в политотделе дивизии. Рекомендует Барабаша и Унечский ревком — опытный партработник,

организатор. Сразу встанет вопрос о комбате: кем Барабаша заменить?

В штабной комнате, увидав пустой столик Никиты. Николай подумал, кого бы назначить адъютантом. Где-то среди дня являлась мысль: «Квятека». Ротный из него получается толковый, курсы краскомов пошли впрок. Но и адъютант полка нужен не дурак...

— Николай Александрович, подпишите.

Во взгляде Щорса было такое, что заставило Осипова разъяснить:

— В Брянск. Приказ Барабашу прибыть с батальоном... Посылаем Михалдыку. Человек он более всех свободный в полку, к тому же... с кулаком. «Братишек» там до черта. А он сможет с ними...

Не пригляделся еще к начальнику штаба. Неделя прошла, как живут под одной крышей. Срок немалый. Каждый день видят, решают, сидят за обеденным столом, а определенного сказать о нем не может. Что-то в его лице, гладко выбритом, в холодном взгляде выпуклых глаз не дается ему, ускользает. О Михалдыке сказал скверно. С трудом удержался, чтобы не сделать замечание. Поставив подпись, протянул бумажку.

— Пусть отъезжает немедленно.

— Распоряжусь.

Ворвался Божора. Без папахи, волосы разметались по мокрому лбу, гимнастерка располосована от ворота до ремня, бурку волочил по земле.

— Восс...сста-ание!.. — выдавил он, дергая шейю. Сглотнув ком, продолжал отчетливее: — Вырвался еле... Пулеметчики, ссво-оллочи!.. И мои... конники... Пулеметы выкатили...

Холодом занялось в груди. Поправляя под ремнем складки, Николай вплотную подошел к черному вестнику. Мысль работала четко, уже осознав всю беду, какую обрисовывал ему не однажды червоточком Трифонов, он усиленно искал выход. Пулеметчики, конники... А что роты? Тоже ухватились за винтовки? Оружие, патроны в бараках...

— А роты... тоже?

— Вроде и там буза... Один из моих, слышал, драл глотку... «Айда... пехоту!» Сунут сюда, на штаб, Николай Александрович. Бить «офицеры» ...

В подтверждение слов Божоры над крышей прошла пулеметная очередь. Из «льюиса», ручного пулемета. И не издали. Послышались винтовочные выстрелы. Да, уже в поселке... Николай повернулся к Квятеку. Опорожнив кобуру, он молча ждал приказа.

— В батальоны!

Шум, гортанные голоса подступили к самым воротам. Вбежал часовой с перекошенным от страха ртом. Он успел запереть чуланную дверь. Напористый залп и треск раздробленного дерева заполнил весь дом. Поняв, что чуда произойти не может, Николай сделал знак следовать за ним. Метнулся в свою комнатку. Помнит, окно выходит в сад...

Положение казалось кошмарным сном. Так и не смогли они пробиться к батальонам. Пулеметчики, конники и пушкари, окружив плотно бараки, держали под прицелом орудий и «максимов» все двери. Выпускали, кто брался за винтовку и вливался к ним. Зубов ушел каким-то чудом. Жалуясь на боль в глазу, делился виденным:

— Четвертая рота в бараке... Подперли дверь дрючком. Эти, бандюги. Два «максима» выставили... Винтовки вытащили, ворохом, тут же в грязи валяются...

Разъяренная толпа, подогретая самогонкой, всю ночь горланила в поселке, разнося в щепы еврейские лавочки, грабя богатые дома. Запылала какая-то постройка. К вечеру волна откатилась от барачников...

Так прошла еще ночь. Видя, что стрелковые роты не поддерживают, зачинщики тайком уходили в лес. За ними, бросая винтовки, покидали полк и бойцы, поддавшиеся на громкие голоса. Утром у семафора со стороны Брянска, пыхтя, остановился тяжелый бронепоезд, сзади двигался состав теплушек — прибыл рабочий отряд Барабаша, третий батальон. Ездил все-таки Михалдыка.

В действия червоточка Трифонова Николай не вмешивался. Причины «восстания» вскрылись скоро. Те же

самые «волки в овечьих шкурах». Затесались из-за кордона в обличии «добровольцев». Используя трудности, нехватку в обмундировании и довольствии, распускали слухи, поносили на чем свет большевиков, Советскую Россию. Цель их — увести полк в черниговские леса, бороться якобы с оккупантами, за вольную Украину, за народную власть — Раду. Заправилы исчезли. По всему, у них не было согласия, крепкой организации. Шли за событиями. Масла в огонь подлили горе-пулеметчики...

Сейчас, взвешивая все обстоятельно, Николай пришел к мысли: вынеси товарищеский суд суровый приговор пулеметчикам, могло бы обернуться большей бедой. Бойцы в остервенении, ослепленные провокационными речами, пошли на что угодно. Понимал и свою вину: увлекся одной стороной дела — военной. Восемь часов строевой! На политвоспитание выпадало всего ничего — вечер. После изнурительной шагистики до газет ли, разговоров?

Повинился перед Ивановым.

— Ты военный человек, Николай Александрович, как командир выполняешь свой долг. Формируешь, обучаешь... Из серой, бесформенной массы делаешь военный строй. На глазах у нас. Видим же, чем ты занимаешься. Одних песен твоих заслушаешься... Весь поселок из хат выскакивает, когда идут роты. Хотя с коммуниста Щорса следовало бы спросить...

— Это и привело меня к тебе, Николай Иванович.

Иванов, вымученно улыбнувшись, положил ему руку на колено.

— Понимаешь свою вину, значит, признаешь. По-большевистски. Но скажу тебе, не терзайся... В случившемся я больше виноват, вернее, виновна вся наша парторганизация. Не проникли в каждую душу бойца. Известно же, свято место пусто не бывает. Не мы, так они. Согласен с тобой, политотдел в полку ни к черту. Лугинец, Михалдыка... А, что говорить, не вина это их, а беда. Но где взять партийные кадры! Во всей Красной Армии сейчас самая горячка. Создаются политорганы. Тысячи, десятки тысяч требуются политработников, комиссаров.

— Есть человек.

— Барабаш? Был от Исаковича звонок. Барабаша я знаю с весны... Ревком не против. Но ты, Николай Александрович, помалкивай... В курсе, что снимается ведь полк из Унечи?

— Приказа еще нет.

— А что делать нам тут? Никакой, по сути, защиты. Жидкая цепочка пограничников. Что посоветуешь?

— Отряд самообороны, — Николай прихлопнул по планшету. — Поможем организовать. Оружие вы достанете.

— Да, хотя бы полуроту, — оживился Иванов, хватаясь за карандаш. Бегали глаза, ища, на чем бы записать для памяти.

— А еще надежнее, Николай Иванович... Партсобрание нынче! Я внесу предложение о формировании коммунистического отряда. Кликнем добровольцев. До утра произвести запись. Выделю подходящих взводных. Не совсем, конечно...

— Не знаю, как и благодарить. Членов партии наберется с полсотни, годных к строю. Сам первым запишусь. Фу, — выдохнул облегченно Иванов.

В кабинет кто-то вошел. Не оглядываясь, по глазам Иванова, странно изменившимся, догадался. С недавних пор Николай стал ловить на себе многозначительные взгляды унечских ревкомовцев и чекистов, давали те взгляды о себе знать, когда поблизости появлялась Фрума. Они уже с ней встречались — заходил к чрезвычайному Трифонову. Фрума, кладя на стол какие-то бумаги, поздоровалась...

В канун годовщины пролетарской революции пришел приказ о переброске 1-й Повстанческой дивизии на Львовское направление. За начальника дивизии подписал Петренко. А Крапивянский? Нет в дивизии? Хлынул поток кривотолков. Теряясь в догадках, испытывая неприятный осадок, Николай приструнил скорого на язык Зубова, дошедшего в громогласных предположениях черт знает

до чего: пустил, мол, пулю в какого-то высокого начальника, чуть ли не в Квирина.

— Болтают в батальоне, — пристыженный, оправдывался Зубов.

Предпраздничная суматоха добавила забот. Роты готовились к военному параду, отработывая строевой шаг. Снабженцы и фельдфебели, изворачиваясь всякими способами, одевали, обували бойцов. Прикрывали дыры как могли и чем могли. Многих просто выводили из строя — не хватало уж фантазии. Не всякую прореху заделаешь красочными нашивками.

Не меньше забот навалилось и на командование. После тщательной чистки из полка было отчислено и арестовано более сотни человек. Пятую роту Тищенко, вернее остатки ее, рассовали по другим ротам, на ее место сформировали новую. Из Брянского отряда спешно создали третий батальон — седьмую, восьмую и девятую роты. Возле Барабаша оказалось крепкое окружение. Молодые, энергичные ребята. Одного из них, Данилюка, назначили на должность оперативного адъютанта штаба полка вместо переведенного в политотдел Осипова. Барабаш возглавил партийную работу в полку.

Не отгремела на площади бравурная музыка, страстные речи еще не умолкли с трибун, не успели унечцы приглядеться к красочным транспарантам, обилию алых полотен, как радио принесло весть — в Германии революция! Один праздник перешел в другой. Народ повалил на улицу, громче ударил духовой оркестр, еще страстнее стали слова и жесты ораторов...

Из Унечи по направлению к границе медленно двигался небольшой товарный состав, увешанный красными флагами. На открытой грузовой платформе играл духовой оркестр. Щорс и красноармейцы, стоя на платформе, пели «Интернационал», держа фуражки в руках. В воздухе носились первые мелкие, похожие на белую мошкарку снежинки. Недалеко от села Робчик, расположенного уже по другую сторону границы, поезд остановился. Дальше путь был разобран. Около железнодорожной будки топ-

тались в нерешительности немецкие солдаты. Красноармейцы выскочили из вагонов и построились. Оружия ни у кого не было. У всех на груди красовались красные банты. Щорс скомандовал: «Смирно!» и, взяв под козырек, направился к немецкому посту.

— Gratuliere die lieben Genossen mit der Revolution in ihrem Vaterlande! — сказал Щорс, четко выговаривая каждое слово.

Эту фразу он выучил наизусть перед отъездом из Унечи.

Немцы стояли, ошеломленные. Они, видимо, еще ничего не слышали о революции в Германии.

Щорс обернулся.

— Богунцы! — крикнул он. — Грянем «ура» в честь революционных немецких солдат!

Богунцы не пожалели горла. Один немец был так потрясен, что бросил винтовку на землю и тоже закричал «ура». «Ура» богунцев, наверно, было слышно даже в селе Робчик, где стоял немецкий гарнизон.

В это село Щорс и направился с делегацией богунцев. Встречая немецкие посты, Щорс останавливался, брал под козырек и торжественно произносил:

— Gratuliere die lieben Genossen mit der Revolution in ihrem Vaterlande!

Щорс был в приподнятом, праздничном настроении. Видно было, что он наслаждался торжественностью момента.

В селе Робчик делегацию встретил немецкий комендант, предупрежденный Щорсом по телефону из Унечи. Это был тот самый офицер, который недавно приезжал к Щорсу с протестом. Разговор опять происходил через переводчика. Щорс попросил разрешения поздравить немецких солдат с победой революции на их родине. Комендант ответил, что никаких приказов о революции он не получал. Щорс пытался доказать ему, что для революции приказы не обязательны, но комендант упрямо повторял:

— Я офицер. Я подчиняюсь только приказам своего начальства. Революция меня не касается.

На этом разговор и закончился.

Однако, встреча с немецкими солдатами произошла в тот же день, вечером. Узнав о приезде делегации богунцев, немецкие солдаты прислали в Унечу свою делегацию. Щорс устроил им торжественный прием в полковом клубе. Богунцы и немцы уселись за стол. Щорс, с большим красным бантом на груди, церемонно угощал гостей. Угощение было скромное: твердые, как камень, пряники, бутерброды с повидлом и морковный чай. Немцы сидели, как на именинах. Богунцы без конца поздравляли их с революцией. Уезжая, немцы пригласили богунцев к себе в гарнизон.

На следующий день полк с оркестром и развернутыми знаменами направился к немцам. На границе богунцев встретили возгласы на немецком языке:

- Да здравствует Ленин!
- Да здравствует революция!
- Да здравствуют Советы!

В деревне Лыщичи богунцы во главе со Щорсом прошли перед немцами церемониальным маршем. Немцы взволнованно кричали: «Хох!» Потом они строем прошли перед богунцами, и богунцы кричали потрясающе: «Ура!»

Кто-то соорудил из ящиков трибуну, и Щорс открыл митинг. Речь его, как всегда, была короткая, отрывистая, точно переданная по телеграфу. Закончив, он предложил послать приветствие Ленину. Предложение было встречено ликующими криками на русском, украинском и немецком языках.

Потом на трибуну подымались по очереди богунцы и немцы. Каждого выступавшего, когда он сходил с трибуны, встречали объятиями. Всех ораторов-богунцев немцы наделяли сигарами. Богунцы так разохотились выступать, что митинг продолжался весь день. Выступления никто не переводил, но воздух дрожал от криков:

- Хох, большевик!

В эти дни, принимая делегации, выступая на митингах, Щорс был как наэлектризованный. Чувствовалось, что он все время сдерживает кипящее в нем радостное, празд-

ничное возбуждение. Он стал еще более скуп на жесты и слова. Он ощущал себя в центре мировых событий. Он сносился по телеграфу непосредственно с Лениным. Передавая Ленину приветствие революционных солдат Германии, Щорс докладывал:

«У немцев образован совет, налажена связь. Был церемониал. Немецкие солдаты проходили церемониальным маршем перед нашими бойцами. Над немецкой казармой красный флаг. Некоторые из немцев остались у нас в полку. Богунский полк перешел демаркационную линию».

Ленин ответил:

«Благодарю за приветствие. Особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленное действенное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, — арестовать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, посылать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа. Телеграфируйте тотчас, принимают ли это предложение революционные солдаты Германии».

Председатель Совнаркома Ленин».

Щорс докладывал:

«Мы соединились с немецкими солдатами. Довольствуемся из одной кухни. Немцы и наши поют „Интернационал“».

Разговаривая по прямому проводу со штабом Украинской армии, Щорс сообщал:

«В немецкой казарме было заседание с нашими представителями. Приняты общие платформы. Приняты дальнейшие инструкции. Трое наших остались у немцев, трое немцев — у нас. Телефонная связь восстановлена. О происшедшем широко оповещено вокруг. Немцы стягивают все силы сто шестого полка в Клинцы, где будет избран обций полковой совет. Делегации прибывают ежедневно. Завтра будет видно, что делать, а пока в Лыщи-

чах и Кустичах избраны комитеты бедноты. Полномочия мы получили по прямому проводу от товарища Ленина».

«Но борьба еще не кончена, победа еще не обеспечена. Настоящая борьба на Украине только началась», — пишет в это время Сталин в статье «Украина освобождается».

11 ноября 1918 года Совнарком, под председательством Ленина, постановляет: дать Реввоенсовету республики директиву — в десятидневный срок начать наступление для поддержки рабочих и крестьян Украины, восставших против правительства гетмана. В Москве созывается совещание членов Реввоенсовета с украинцами-коммунистами. На совещании присутствует Сталин. Под руководством Сталина создается Реввоенсовет Украинской армии. В его распоряжение командуются двадцать коммунистов — участников героической обороны Царицына...

Пока командующий Резервной армией Глаголев ждал разрешения Реввоенсовета республики на движение войск, Богунский полк самочинно, без всякого приказа сверху, утром 13 ноября с развернутыми флагами, под духовой оркестр двинулся через нейтральную зону. На околицах сел Лыщичи и Кустичи-Брянновы его встретили не менее возбужденные немецкие солдаты. Перед отправкой Щорс отбил в Кремль телеграмму:

«Прибыла немецкая делегация в числе 9 человек от 106-го и 19-го немецких полков с первым красным революционным знаменем в Богунский полк, где оно и хранится. Была оказана торжественная встреча, на вокзале был устроен митинг, на котором присутствовали делегаты, местные коммунисты Богунского полка и остальных воинских частей, после чего был устроен ужин. Переночевав, делегация с музыкой и знаменами с Богунским полком в полном боевом составе отправилась в 9 часов утра 13 ноября на манифестацию за демаркационную линию в села Лыщичи и Кустичи-Брянновы, откуда прибыли представители немецких частей. Меры, указанные в теле-

грамме, приняты. С утра высланы представители, коммунисты-агитаторы. Немецкие солдаты соглашаются арестовать своих офицеров. Дальнейшее сообщим.

Командир Богунского полка Щорс».

Богунский полк обратно в Унечу не возвратился. Штаб и политотдел остановились в селе Найтоповичи. Батальоны разместились в Лыщичах и Кустичах. Схлынуло возбуждение — начались переговоры. В Лыщичах состоялось заседание Совета немецких солдат 106-го ландверского полка совместно с делегацией украинских повстанцев — от пограничного ревкома и командования Богунского полка. Председательствующий, немецкий солдат Пильц, сказал на открытии:

— Немецкие солдаты-рабочие должны взять власть в свои руки, иначе через несколько лет нас погонят снова на бойню. Российская революция указывает нам путь, по которому мы должны идти.

Приняли резолюцию о передаче всей власти Советам, совместно с первой социалистической республикой бороться с международной буржуазией. За неделю немцы надеялись провести все выборы солдатских комитетов вплоть до созыва армейского съезда в Киеве.

На словах выходило одно — на деле другое. Прошли все сроки, а дальше полкового солдатского Совета в 106-м выборы не продвинулись. Из пяти близлежащих гарнизонов гарнизон села Робчик колебался. Офицеры, правда, отстранены и не участвуют ни в переговорах, ни в выборах в комитеты. А мер против них не принимают, они тут же, при своих частях. Вдобавок в полковом Совете оказались и шейдемановцы — сторонники Ф. Шейдемана, одного из лидеров правого оппортунистического крыла социал-демократической партии Германии.

Оторвавшись от дивизии, не испытывая локтя Таращанского полка, среди кадровых немецких частей богунцы ощущали неопределенность своего положения. Нет связи, кроме конной с Унечой. Из штаба дивизии, из Орла никаких распоряжений. Там сами ждут результатов их перегово-

воров. А переговоры затягиваются на глазах: слова, слова, а доходит до конкретных сроков... Пока здесь немцы, ни о каком продвижении и речи быть не может: в Клинцах, в Новозыбкове — бронепоезда, артиллерия. Известно, под их крылышком пребывают и гайдамацкие части.

Как быть? Этот вопрос не дает покоя. Действовать совместно, как обговаривали, немецкие гарнизоны в Лыщичах и Кустичах не решаются. На встречах в их словах начали проскальзывать мотивы «нейтралитета». Силу в Совете забирали шейдемановцы.

Ломали головы Щорс с Петренко. Петренко, оставив дивизию, догнал полк уже в Лыщичах. По прибытии подключился к агитации среди немецких солдат. Убедившись, что переговоры приняли затяжной характер, он выразил желание связаться с Москвой. Николай черкнул записку председателю Унечской чрезвычайной комиссии Трифонову: *«Прошу немедленно запросить округ об имеющихся свободных телеграфных аппаратах Морзе и проводах, которые могли бы начать работу с Москвой — Кремлем из штаба 2-й бригады из Лыщич. Если свободных не имеется, то пусть укажут, в какой включить»*.

Проволочную связь с Москвой наладить не удалось. А дни шли. В штабе полка отчетливее раздавались голоса о наступлении. Подавали их командиры, неистовствовал Зубов, возбуждая других комбатов — Гавриченко и Кошечева. Раздвоение наметилось среди политотдельцев. За продвижение ратовали Константин Лугинец, Михалдыка, остужал горячие головы Барабаш. Политкомиссара поддерживал Петренко.

В первую же ночь, когда они остались одни, Николай вызнал о дивизионных делах. Петренко не особо из разговорчивых, но кое-что прояснил. Оказалось, приказ о переброске дивизии отпал сам собой. Под Льгов успели перекинуть только полк червонных казаков с Примаковым. Вместо червонцев теперь формируется Новгород-Северский пехотный полк, командир из унтер-офицеров, Тимофей Черняк. Нежинскую роту тоже разворачивают в полк. Обе повстанческие дивизии влились в Резервную армию.

Армия та формируется в Орловском военном округе. Командует ею Глаголев.

— У нас тут слухи... Что с Крапивянским?

— А что с ним... — уклонился от ответа Петренко, укладываясь спать. — Командую пока я.

Николай погасил лампу...

Советская Россия незамедлительно аннулировала грабительский Брестский мирный договор, развязав себе руки. Совнарком дал указание Реввоенсовету республики о подготовке к наступлению советских войск, предназначенных для освобождения Украины, Белоруссии и Прибалтики. 17 ноября был создан Реввоенсовет группы войск Курского направления. В него вошли В. Антонов-Овсеенко, И. Сталин, В. Затонский. На третий день РВС направил директиву революционным повстанческим организациям Украины о мобилизации сил для борьбы за освобождение украинского народа.

Создавались два направления: Киевское и Харьковское. Войска Киевского направления составила 1-я Украинская советская дивизия, Харьковского — 2-я дивизия под командованием Ауссема.

Революционное брожение захватывало немецкую оккупационную армию. Главнокомандующий Восточного фронта был вынужден издать приказ об эвакуации из Украины. Немецкая армия откатывалась на запад. Безнадежнее становилась власть гетмана Скоропадского. Кровавый режим, державшийся на иноземных штыках, встал поперек горла даже собственной буржуазии и помещикам — не мог гетман потопить в крови революционное движение.

В ноябрьские дни, тревожные для контрреволюционных сил Украины, вновь всплывает фигура Симона Петлюры. Подготавливается новая оккупация Украины. Воскрешается контрреволюционная буржуазная Рада. Ее «головной атаман» Петлюра, заключивший договор с англо-французскими капиталистами, формирует банды на Правобережье. Маскируясь революционными лозунгами, он пытается захватить руководство повстанческим движением

украинских крестьян. Кое-где повстанческая масса поддается на провокацию. Гетман Скоропадский, переодевшись немецким офицером, скрывается из Киева. Столицу Украины занимают петлюровские банды.

Тайно Украинский национальный союз образовал Директорию — контрреволюционное националистическое правительство под председательством бывшего главы Украинской рады Винниченко. Петлюра, вошедший в состав Директории, взял в руки булаву «главного атамана войск Украинской народной республики».

Петлюра открыто, еще при гетмане, начал формировать армию. К нему густо повалили сыны кулаков, белогвардейцы и всякий сброд, скопившийся в Киеве. Стержень армии явился полк сечевых стрельцов — галичан — под командованием атамана Коновальца. Полк тот некогда использовал Скоропадский для подавления восставших крестьян в Тараще и Нежине. Обманутые националистической пропагандой, обещаниями, в армию шли и середняки. Под парчовые стяги Петлюры встало до 300 тысяч человек.

Директория едва не с первого дня своего существования негласно от народа повела переговоры с Деникиным, с США и странами Антанты — Англией и Францией. Связь эта вела к войне с Советской Россией и новой оккупации — англо-французскими войсками.

29 ноября 1918 года Временное украинское рабоче-крестьянское правительство выпустило манифест о восстановлении Советской власти на Украине. Именем восставших рабочих и крестьян, именем революционной армии Украины власть гетмана была объявлена низложенной.

Наступление советских войск на Украину началось. Навстречу выдвигались петлюровские полки гайдамаков. Обильно полилась украинская кровь... Украинская советская армия, созданная в нейтральной полосе, перешла в наступление. В голове первой дивизии наступает на Киев Богунский полк Щорса.

Ноябрь 18-го года на Черниговщине выдался холодный. Изнурительные дожди внезапно сменились снегопадами, ударили морозы.

Получив сообщение, что Таращанский полк с боями занял Стародуб, богунцы приободрились. Со слов вестового узнали подробности. Вскрылось, что немцы способствовали местной буржуазии эвакуировать город — вывезти в Новозыбково банки и казначейства, склады продовольствия. Сами немцы, помимо хлеба и скота, забивают вагоны машинами и товарами. Гребут все, что попадает под руку.

Николай видел, как загорелись глаза у Зубова. Именно он досаждал больше всех: не полагайся на немцев! Бить их заодно с гайдамаками. Так думает и сам Щорс. Но ему хотелось бы использовать самую малую возможность избежать крови. А ведь ее избежать можно, как показывали эти дни, нужно иметь великое терпение. Немцы народ особый, отличимый от них, живет больше рассудком, нежели чувствами. В поведении их преобладает расчет. Зубов прав, утверждая, что они «уважают» силу, бить только крепче их надо. Лопается терпение и у него. Отдаст сейчас приказ о наступлении на Клинцы. А там сильный гарнизон, штыков 500 немцев и гайдамаков, две трехдюймовые батареи. По ветке Клинцы — Новозыбково курсируют бронепоезда. В Ардоне попробует столкнуться с полковым Советом...

Задолго до рассвета Богунский полк выступил на Клинцы. От поселка Ардон верст пять. Полпути шли в колоннах побатальонно, потом развернулись в боевой порядок. При приближении к железнодорожной станции немецкий бронепоезд, видневшийся на фоне побелевшего неба, бесшумно уполз за березняк, в сторону разъезда Святец. Николай, зачехлив бинокль, обернулся к Зубову. Во взгляде его — торжество, лукавая усмешка: «Что? Фома неверующий, говорил тебе...»

— Неизвестно, сколько синежупанников в городе. За ночь, могло быть, подвалили... Уж больно тихо, что-то душа ноет.

Станцию заняли без боя. Города не видеть за сосновым бором, еще версты две. Не останавливаясь, цепи вошли в лес. Внезапно, разрывая лесную тишину, зачастили взрывы. Орудийная пальба доносилась не только из города, но и с тыла, со стороны станции. Засада! В пылу Николай даже не подумал, что это мог вернуться немецкий поезд. С «льюисом» в руках поднялся над залегшей в снег цепью.

— Батальон, за мной!

Увязая в глубоких сугробах, он шагом направился через открытую опушку к видневшимся садам. Оттуда, из окопов, усилился ружейно-пулеметный огонь...

Пока батальон Кощеева, прижатый к снегу, отбивал контратаки, батальоны Зубова и Гавриченко с правого фланга, со стороны кожевенного завода, ворвались в город. Но, не выдержав штыкового натиска гайдамаков, они отступили в лес.

С тыла сгущался орудийный огонь. Снаряды рвались кучно, прицельно. Закравшееся подозрение подтвердили разведчики: да, бьют немцы! Вернулся бронепоезд. За стрелками, в березняке, скапливаются темно-зеленые фигурки в касках.

Надвигались сумерки. Боясь окружения, Николай отвел полк назад в Ардон. В штабе вскрылось полностью коварство немецкого командования в Клинцах: пленный молодой солдат, знавший лично Пильца, председателя полкового Совета, ничего не скрывал, поведал как на духу. Разгневанный неудачей, напрасными жертвами, обуреваемый обидой на словоотступников, Николай написал в Стародуб комполка Боженку. Сообщил, что в Клинцах немцы продались за 2 миллиона рублей для защиты фабрикантов. При попытке вступить в город богунцы были встречены орудийным и ружейным огнем. Из Новозыбкова подогнали бронепоезд с пехотой. В самих Клинцах сильный гарнизон — человек 500 немцев и гайдамаков и 8 орудий. Он намерен жестоко расправиться. С этой целью стягивает все силы бригады в Клинцы. Попросил с этим

же кавалеристом передать ответ, когда прибудет, и о передвижении.

Перечитав, остался недоволен: всего-навсего донесение равного равному, в лучшем случае — просьба. На другом листе написал: «С получением сего — двигаться по маршруту — с. Блинка на Большую Топаль и Туросну. Цель — Клинцы. Дойдя до ст. Займище, дашь мне знать». С силой нажимал чернильным карандашом: «Командир 2-й бригады Николай Щорс».

Наутро Николай почувствовал себя плохо. Душил кашель, потел. Дался вчерашний день. Украдкой поглядывал на носовой платок. Скрывая недомогание и дурное настроение, провел разбор неудавшейся операции. Не давая воли гневу, придерживал и срывавшихся на крик комбатов. На Зубова прищипнул, будто на мальчишку. Не обиделся, сидел важный, скрестив руки, — его батальон действовал выше всяких похвал. Первая рота у Кощеева подвела. Тыкалась бестолково меж сосен, боясь высунуть нос на опушку, когда соседи со штыками шли на гайдамацкие окопы.

Комиссар полка, перетирая в пальцах клочок бумаги, предложил сместить комроты Середу с должности.

— Круто, товарищ Барабаш, — вступился за чужого ротного Гавриченко. — Первый бой у парня. Обломается, войны на его век еще хватит.

— Середа начал ее с трусости.

— Может, растерялся?

Это голос Кощеева. Николай, кутая горло шарфом, делал вид, что не замечает взглядов, обращенных к нему. Ждут его решения. Комиссар в одиночестве. Чувствуя это, он морщит лоб, с трудом сдерживается, чтобы не поднять на него, командира, глаз. Конечно, берет он круто: Середа в самом деле растерялся. Вчера сам вывел из соснового бора топтавшуюся без дела роту. Можно бы его и оставить, удовлетворившись крепким разговором. Нет, падет авторитет Барабаша. Ротного подобрать легче, нежели комиссара полка. Есть подходящие из вернувшихся с двухнедельных курсов.

— Кого предлагаешь? — спросил он у Барабаша.

— Выдвинуть помкомроты Ковшера.

В полдень хоронили павших под Клинцами, среди них помощник командира третьей роты моряк Иванов, пулеметчик Исаенко Василий. Их немного, кого удалось вынести с поля боя. Провожал их в последний путь весь полк...

Болезнь не свалила Николая в постель. Пропарившись в хозяйской баньке, отошел за двое суток в тепле. Горло успокоил топленным молоком со смальцем. Камень с души сняли хорошие вести. Таращанский полк, выполняя его предписание, из Стародуба выступил на Клинцы. Заняв поселок Елинку, распространяется в села Гулевка, Туросна и Смотрова Буда. Помощь кстати. Тут же приказал таращанской конной сотне захватить разъезд Святец — отрезать отступление немцам и гайдамакам на Новозыбково. Ответить той же самой ловушкой, какую они устроили ему.

Обида ворохнулась на Крапивянского. Николай был назначен им командиром бригады. Кроме давнего приказа, никаких на то признаков. Практически, как был командиром Богунского, так и остается. Палец о палец не стукнул для другого полка — Таращанского. Не бывал в нем, ни сном ни духом не ведает, что там делается. Никакой связи меж полками, никакой подчиненности. По сути, нет бригады как таковой. Два самостоятельных, не связанных оперативно друг с другом полка. Чехарда и с командирами: Баляса сменил Барон, Барона — Боженко. За каких-нибудь два месяца. Начдив вершит сам, не соизволив даже ставить его, комбрига, в известность. На днях прорвалось, черкнул: «Комбриг я или не комбриг?» Ответа от Крапивянского не получил...

События под Клинцами захватили Николая. Ночами, после сутолочного дня, его одолевали сомнения, где-то глубоко обвинял себя за то, что так получилось с немцами. Не хватило выдержки, поторопился, пошел на поводу у своего комсостава, бряцавшего оружием, поддался резкому голосу пребывавшего в полку в те дни начштаба дивизии Петренко. Немцев, Пильца и его окружение в пол-

ковом солдатском Совете, тоже надо понять. Не так уж велика и сила их в войсках, крепко сколоченных, стойких, бездумно подчиняющихся своим офицерам. Революция, скинувшая кайзера Вильгельма с престола, не всколыхнула до самого дна всей гущи солдатской массы. Кадровики, в большинстве дети зажиточных бауэров, фермеров, не хватившие лиха в окопах Мазурских и Пинских болот, они по духу далеки от революционных веяний, не трогают их эти события не только на чужой земле, которую они топчут, но и у себя в фатерлянде. Рабочих от станков, заводского пролетариата, мобилизованных в годы войны, в частях доля малая, и не они составляют силу.

Все это узнали от Пильца. Из рабочих он, человек левой, честный. За дни, проведенные вместе в Лыщичах, они подружились, поверили друг другу. За случившееся в Клинцах винить Пильца навряд ли стоит. После недолгого колебания Николай, посоветовавшись с Барабашом, отпустил пленного с запиской. Пильц ответил незамедлительно: полковой Совет готов встретиться, договориться о солидарности и совместных действиях. Посыльный — тот самый молодой немец — на словах передал, что делегацию возглавит Пильц. Прибудут они в поселок Ардон 7 декабря.

Завтра, значит. Допоздна обговаривали пункты, которые предъявят. Силились предугадать, что выставят немцы.

— Что бы ни выставили, — заявил категорично Константин Лугинец, — гнать их в три шеи из чужой хаты.

По недоброму взгляду семеновца Николай понял, что метит он в Барабаша. Как-то сразу не сложились у них доверительные отношения. Лугинец-младший болезненно воспринял назначение Барабаша — Унечский ревком утвердил того в должности политического комиссара полка. Михалдыка и то легче перенес свое смещение. Барабаш не лезет на рожон — выдает усмешка: что бы, мол, тут ни говорили, его слово, политкомиссара, последнее. Николай бессилен был что-либо поправить, изменить. На Константина Лугинца не цыкнешь, как на Зубова, — на десяток лет старше. Барабаш не дает повода для откровенного

разговора. Как-то попробовал — тот пожал плечами, сделал вид, что не понимает, о чем речь.

— Легко сказать — гнать, — покрутил тяжелой головой Михалдыка. — Высыпали они нам уже по первое число.

Заметив усмешку в глубоко посаженных глазах Барабаша и наперед зная, что она непременно объединит спорщиков, Лугинца с Михалдыкой, Николай поспешил вмешаться.

— Высыпали поделом. Будем учиться воевать. Речь о другом. Что предьявим? Главное, на мой взгляд, очистить Клинцы. Указать сроки.

— Сроки жесткие, — поддержал Барабаш.

Кивнул ему в знак согласия.

— О пленных наших... Отпустить. Раненые пленные тоже должны быть освобождены. Возвратить оружие.

— Мосты чтоб не взрывали, гады, — отозвался позади Квятек. Адъютантская должность отучила его разговаривать — часами может обходиться без слов за командирской спиной.

— Да, мосты и порча путей. Не взрывать мостов, не портить телеграфов, телефонов и вообще всех средств передвижения и сообщения.

— Не вывозить средства производства, — добавил Барабаш. — Машины, станки.

В штабную комнату ввалился заиндевелый человек в полубубке, закутанный по самые глаза башлыком. Не раздеваясь, вынул из-за пазухи пакет. Вскрыл Квятек. Протягивая командиру полка сложенный вчетверо листок, недовольно оглядывал вестника, свалившегося, по поговорке, как снег на голову.

— Вызывают в Стародуб, — объявил Николай. — Нас с комиссаром. Штаб дивизии туда перебрался.

Жаль, не встретятся с Пильцем. Надо ехать: что-то срочно, назавтра. А признаться, давно не терпелось самому побывать. Кроме Крапивянского и Петренко, никого из управления и в глаза не видал. Хотелось войти в контакт со снабженцами.

Понимая важность встречи с немецкой делегацией, Николай подобрал заместителя — в годах, из сельских учителей, Брилова. Надеялся на уравновешенный нрав его, душевный такт. Обговорили все до мелочей, посоветовал подобрать людей степенных, чтобы не обострять дела.

Выехали с рассветом. Божора принарядил было в охрану отделение конников, но Николай, отчитав его, сунул под сено свой неразлучный «льюис», велел Квятеку прихватить больше запасных лент.

В штабе дивизии, оказывается, кипели свои страсти. Все перевернуто вверх дном, похоже, как после погрома. Крапивянский оставил все-таки пост, новый и начальник штаба, Фатеев, вместо Петренко. Он и распоряжается здесь, выполняя роль гостеприимного хозяина. С драгунской выправкой и усами, украшавшими смуглое, сухощавое лицо, его голос можно слышать из любого места в богатом купеческом доме, отведенном под штаб дивизии. Пожимая руку, пристально вглядывался в глаза.

— Товарищ Щорс? Иван Семенович ждет.

— А Иван Семенович — кто это? — спросил Николай.

— Локатош. Начдив.

Словоохотливый начштаба сообщил, что заседание закрытое, при узком круге приглашенных, с участием представителя Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Аверина. Политкомиссаров он, Фатеев, собирает отдельно. Заседание уже идет.

Николай открыл указанную дверь. Круг, правда, узкий — все вместились за столом. Человек восемь. Ближе всех Петренко, моргает, приглашая рядом с собой на свободный стул. Оглядевшись, угадал еще одного — Боженко. Пожалуй, он самый пожилой тут. В августе, в Юриновке, их представляли, как бы даже не Петренко. В те времена, не будучи еще таращанцем, Боженко ходил в нейтральной зоне при больших должностях — командующий всеми повстанческими отрядами на участке Унеча — Зерново. С тех пор он заметно помолодел, защитный френч с бое-

выми ремнями поубавил грузное тело, тугой высокий ворот скрыл рыхлый подбородок. Что-то его сейчас угнетало, сидел распаренный, неловкий, глаз не отрывал от рук, сложенных на коленях. Явно не должность смущала.

Освоившись, Николай понял, что говорит Локатош. Слова жесткие, как гвозди. Николаю казалось, что их вбивают ему в виски.

— ...до сих пор дивизия, ее командный состав почти не считались с центральными органами власти. Этим главным образом объясняется безалаберщина и дезорганизация дивизии. Инциденты, инциденты! На каждом шагу инциденты. Командный состав не согласовывает своих действий с органами революционной гражданской власти на местах. Во избежание печальных инцидентов прошлого я требую полного контакта с ревкомками, исполкомками. А что получается? Крапивянский объявляет мобилизацию за одни годы, Щорс — за другие, а командир какой-нибудь части — тоже по своему усмотрению. Необходимо уяснить себе, что повстанческая армия представляла и представляет орган Красной Армии.

В командном составе наблюдаются нелады, взаимное неподчинение. Они отражаются на массах, в конечном счете разлагают их. И это нужно в корне изжить. То, что совершилось в Стародубе, в дальнейшем иметь места не может. Повальный грабеж, мародерство, бандитизм! Других слов у меня нет. Как нет и оправдания такому явлению. В Красной Армии за подобные явления — расстрел на месте. Без суда и следствия. Я за такое наказание. И требую от вас, командиров, исполнения его. Идет народная армия, идут освободители... С хлебом-солью встречает народ. А таращанцы?!

Невольно покосился на Боженко. По всему, разгон уже был. Локатош повторяет для него, опоздавшего. Слухи доходили и в Ардон о погромах в Стародубе. Ломали, крушили, предавали огню все, что не могли увезти немцы. Почему Боженко не встанет и не объяснит? Честь всего полка... С трудом удерживал себя, чтобы не вступить-

ся. По виду вину таращанец признает. Что-то было, чего он, комбриг, не знает.

— Я призываю командный состав вверенной мне дивизии к сознательному отношению к революционным органам власти, — закончил успокоенным тоном Локатош.

О взаимоотношениях между командным составом и революционными органами власти записали в постановлении: *«Разграничить сферу влияния, избегая всячески какого бы то ни было вмешательства во внутреннюю жизнь и распорядок ревкомов и т. п., подчинив всю работу фронта установлению самой теснейшей связи с тылом, зная, что победа будет обеспечена в том случае, если фронт и тыл будут представлять одно целое и, если фронт, опираясь на тыл, будет черпать из него материальные, физические и духовные силы».*

По второму вопросу тоже выступил Локатош. Он просто зачитал распоряжение Военного Совета армии о сворачивании их дивизии в бригаду. Не давая устояться гнетущему молчанию, слово взял Петренко.

— Не нахожу это нужным. Необходимо оставить остов существующих полков. Пополнение идет быстрым темпом. Полки растут. Возможно, что их придется развернуть в бригады.

— Центр совершенно не знает о количестве штатов, — хмурясь, сказал Локатош.

— Сведения я посылал. Что касается слияния артиллерии и кавалерии, то такое возможно.

— Кавалерию сведем. Это является первой необходимостью. — Гораздо выгоднее иметь крупное соединение кавалерии. На Дону возьмите! Я только что из Царицына. В 10-й армии кавдивизия уже действует. Думенко, слышали?

— Из газет знаем, — кивнул Петренко.

Локатош предоставил слово соседу Николаю, штатскому:

— Товарищ Аверин.

— Мое дело, сами понимаете... — заговорил тот, не вставая. — Убедить вас выполнить все-таки распоряжение Военного совета — свернуть дивизию в бригаду. Но

вы вправе отстаивать свою точку зрения. Я доложу ее... Высказывайтесь, товарищи военные.

Николай, переняв на себе его взгляд, поднял руку, как школьник.

— Полагаю, свертывание дивизии технически невыполнимо, — сказал он. — Для этого нужно стянуть все части в Стародуб. А такое может повлечь за собой занятие противником уже нами занятых местностей.

Постановили: просить Аверина доложить Военному совету о технической и стратегической невозможности реформирования дивизии в бригаду. Название изменили — 1-я Советская дивизия. Полки: 1-й советский Богунский; 2-й советский Таращанский; 3-й советский Новгород-Северский. По предложению начдива Нежинская рота вливается в Богунский полк.

Начальник штаба Фатеев подписал приказ по политотделу о назначении политического состава частей дивизии. Барабаш утверждался политическим комиссаром Богунского полка на основании полномочий Военного совета группы Курского направления.

Из Стародуба Николай выехал в ночь. Как идут переговоры с немцами? До чего договорились?

Порадовался разговору в штабе: резкие, жесткие слова, оценивающие их дела, как ни странно, не тяготили, не подействовали так, как на Боженко, напротив, вызвали в нем приток душевных сил, будто ощутил спиной стену, опору. Прошло чувство одиночества, неуверенности, какие прижились в нем издавна, с того часа, как ранней весной неподалеку, в Семеновке, выкликнули его имя. Видел только то, что было перед ним — врага знал в лицо, но ничего, кроме пустоты, не ощущал за спиной. Не на что было облокотиться, чтобы вздохнуть, глотнуть свежего воздуха. Совсем паршиво чувствовал себя в дни недавней заварухи в полку...

Кутаясь в тулуп, толкал в спину кучера: поднажми. «Что же там с немцами? — вновь возвращался мыслями в Ардон. — Что выдвигают? Как ведет себя Брилов?» Бо-

женко получил недобрую весть. Вчера немцы разоружили на разъезде Святец два взвода его кавалеристов. А ведь по его распоряжению, комбрига, Боженко направил полк под Клинцы. Сообщая, старик не преминул подчеркнуть это. Нынче, определяя у карты боевые задачи, Локатош не отменил того распоряжения, приказал не топтаться у Клинцов, а добиваться главной цели — Чернигов — Киев.

— Наша дивизия входит в полосу Киевского направления. Таращанский и Богунский полки — ее острие, — сказал он на прощание...

Предчувствие не обмануло. Достигнута обоюдоприемлемая договоренность с немецким солдатским полковым Советом о солидарности и совместных действиях. Пильц приводил с собою трех делегатов. Брилов тоже выставил равное число. Протокол совместного заседания по всей форме, с подписями, печатями. Мы оставляем немцев в покое, даем им возможность уехать. Они, в свою очередь, обязуются завтра очистить Клинцы, обещают пробыть в Новозыбкове одну ночь, оставлять на пути отхода все мосты, телеграф и телефон в полной сохранности. Гарантируют нас от столкновения с гайдамаками. Вчера отпустили наших пленных, а сегодня привезли раненых.

— А что на разъезде Святец? — спросил, едва сдерживая ликование.

— Вернули немцы оружие, — ответил Брилов. — Квятек от вашего имени дал предписание эскадрону Таращанского полка отойти из Святеца, освободить целиком дорогу для эвакуации.

В его отсутствие в полку произошло событие. Сыграл в нем не последнюю роль Яков Зубов. Как-то по-иному взглянул на него. В бывшей роте Квятека перепились бойцы. Вскрылось, угостил хозяин, у кого стояли на постое. В подвале, под зимней кухней, обнаружили целый перегонный завод — гибла чистейшая пшеница, какой не дашь цены. В сердцах Зубов размолотил прикладом гадюшник, а «заводчика» приказал вывести на огород и расстрелять. Сам Зубов умолчал — докладывал Петро Лугинец. По его,

подобный способ ни больше ни меньше как самоchinство. Судить и рядить — дело трибунала.

— Ты требуешь наказания Зубова?

— Да не, мера вообще-то правильная, — не выдержал Петро взгляда командира. — Закон военного времени...

В полдень строем, с песнями Богунский полк вошел в Клинцы. Все население встречало на улицах с красными флагами. Делегация от рабочих преподнесла хлеб-соль. Заводы, фабрики, электрическая и телефонная станции работали.

Пока идет по писаному. На сутки немцы затянули. Ночью из Унечи пошла телеграмма в Москву, наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину:

«10 декабря с. г. в с. Туросна Черниговской губ. немецкими солдатами обезоружены гайдамацкие отряды, заявив им: «Довольно маскироваться, бегите куда глаза глядят. Мы вас больше не защищаем, вас защищает Скоропадский».

Немецкие солдаты требуют переизбрания соглашательского Гомельского немецкого Совета. В с. Туросна наши повстанцы соединились с немецкими солдатами и довольствуются с одной кухни, поют интернациональный гимн.

*Командир бригады Щорс.
Политический комиссар Барабаш» ...*

Выполнялось немцами все, кроме сроков. Затягивали, урывали сутки, двое на каждом населенном пункте, на каждом полустанке, разъезде. Неотступно, шаг за шагом следовали за ними богунцы и таращанцы. У Локатоша лопалось терпение — даешь Чернигов! У Новозыбкова немцы нарушили еще один пункт — взорвали мост.

Николай стоически выдерживал натиск начдива и холодную рассудочность немецкого командования, он предпочитал молчаливое упорство. Даром время не терял — в освобожденных поселках устанавливал Советы, ревкомы, делился с ними последним.

От Новозыбкова пошло веселее. Заслонившись от гомельской группировки немцев небольшими силами, Богунский полк оторвался от железной дороги. Круто взял на юго-запад, напрямую — Городня. Путь пролегал по знакомым, хоженным местам, через Злынку на Спиридонову Буду. Левее, от поселка Климово, устремился Таращанский полк. В Городне полки-побратимы должны встретиться. Таращанцы опередили. Получив сведения от разведчиков, Василий Боженко отправил конного в Семеновку, в штаб дивизии: *«Доношу, что в городе Городня имеется до 2 тыс. человек гайдамаков и офицеров, а также и петлюровские отряды. С петлюровцами надеюсь поладить и переубедить их, заставив перейти на нашу сторону. Гайдамаков думаю там бить. Срочно затребовал один батальон Богунского полка. Следовало бы сюда стянуть и Нежинскую роту — к сахарному заводу, в Корюковку. Предлагаю именно там отрезать гайдамацким бандам отступление. Стянуть сюда Нежинскую роту следовало бы сейчас же, ибо время не терпит».*

Локатош сообщил, что Щорс занимает Спиридонову Буду и будет двигаться по направлению Городни. Нежинский батальон овладел селами Холмы и Авдеевка. Посоветовал связаться с ними и узнать лучше о Городне. Если слабая оборона, то занять, а если нет, то укрепиться до подхода богунцев. В случае перехода петлюровцев на нашу сторону, то командный состав арестовать, солдат обезоружить и отправить под конвоем в штаб.

Боженко, не ожидая соседей, кинул на рассвете эскадрон Баляса на Городню. Конники ворвались на железнодорожную станцию, захватили вокзал. До трех десятков петлюровцев дружно подняли руки. После недолгих переговоров пленные были освобождены под честное слово не сражаться с красными. Они заявили, что перейдут все на нашу сторону — 600 человек. В город выехала делегация с политкомиссаром полка Шафранским.

Богунский полк вступил в Городню 2 января. Рукой подать до Сновска. Не может Николай вырваться даже на час. Одолевали окрестные партизанские отряды. Попада-

лись и свои, сновские. Где-то возле Злынки неожиданно-негаданно предстал перед глазами не кто иной, как Сашка Мороз. Год назад отказался с ними уходить на Семеновку, теперь принесла какая-то нужда. Из беглого разговора оказалось, что он ушел из дому от гайдамаков. Хотели расстрелять. За что, Сашка так и не ответил. От него вы узнал и о Константине. Как предрекал, на то и вышло: не удержался брат долго на середине реки, приблизился к берегу — чужому. Мороз толком не мог объяснить, не гайдамаки взяли — какое-то «офицерье». Укатил с ними в Екатеринослав. На отца, на младших хотелось взглянуть...

Немало хлопот доставляли немцы. Из Бахмача все тянут на Гомель. Нынче остановились два эшелона. Командование заявило, что им необходимо занять станцию и линию железной дороги для урегулирования эвакуации остальных полков, следующих из Конотопа и Бахмача. Николай послал с ответом Константина Лугинца: они-де не уполномочены решать такие вопросы и воспрепятствуют силой оружия. После долгих пререканий немцы постановили увезти эшелоны в Гомель и оттуда ходатайствовать перед рабоче-крестьянским правительством в Курске о скорейшей эвакуации оставшихся германских войск.

Ближайший рубеж — губернский центр Чернигов. До полуночи просиживали с начальником штаба Данилюком над картой. За малым побольше полсотни верст. На полпути — местечко Седнев. Каждое утро конные разведчики Горянкина доставляют сведения. Постепенно прояснилось. В Чернигове полторы тысячи войск: офицерский отряд — 300 человек; петлюровцев — 200; батальон Черноморской дивизии — 400 штыков; местной охраны — 250; немцев — 100; остальные — сброд. В Седневе небольшой заслон петлюровцев и гайдамаков. Вызнали: офицерский отряд морально подавлен. Половина из местной охраны не настроена воевать с большевиками.

Сила в Чернигове немалая, если учесть пушки и пулеметы. В городе колонна автомобилей, панцирный и бро-

невой дивизион. Чувствовалось, при подходе к Киеву сопротивление врага растет.

Николай днями не покидал рот, батальонов, ночи проводил в штабе. С приходом Локатоша из тылов скудной струйкой потекли грузы — сапоги, шинели, белье. Всех не одеть, но на малые дыры — заплаты. На строжайшем учете каждая пара бязевого белья, простыня. Легче поделить боеприпасы между бойцами, хлеб, нежели обмундирование. Сапоги, шинель, комплект верхнего выдавались как высокая награда за боевой подвиг. И он, комполка, делил, распределял, награждал. Тратил время на эту работу, приравнивая ее к оперативным делам. Стужа набирала силу, а нужда брала за горло.

Среди ночи в штабную ввалился Петро Лугинец. У порога тер нещадно рыжей собачьей шапкой уши, не кричал, как обычно, входя с мороза в тепло.

— На огонек, Петро Потапович? — встретил начальник штаба.

Лугинец не отозвался. Николай, взглянув ему в лицо, насторожился: с чем занесло? Движимый непонятным желанием оттянуть, по всему, недоброе сообщение, сказал укоряюще:

— Спал бы уж давно.

— До сна тут...

Так и есть, стряслось. Чутье подсказало, что случившееся касается его лично. Подтвердил взгляд, брошенный Петром на Данилюка. Этого еще не доставало — старший адъютант помешал.

— Что у тебя? — строго свел брови Щорс.

— Не обрадую, Николай Александрович... Снабженец наш, Гольдштейн, не докладывал?

— Смотря о чем.

— Вот-вот, бестия, ужом улизнул. Другие нехай...

Даже Данилюк, с проволочными нервами человек, и тот не выдержал:

— Не тяни, Петро Потапович.

— Обчистили снабженца. Охапок простыней! Один из помощников...

Обухом по голове. В глазах зарябило. Сашка Мороз! Искал ему применения, намеревался еще в строй. Окрутил снабженец Гольдштейн, окурил сладким дымом: без Мороза-де снабжение полка совсем захиреет. На тебе! Коварнее преступления не придумаешь. У себя же, своего се-рошинельного...

Лугинец тем временем выкладывал подробности:

— Все из-под полы пустил. Даже нестиранные, из лазарета. Простыни что-о... От седел у разведчиков подкрылки пообрезал! Эти — сапожникам городнянским. Кожаный костюм зато справил себе, тужурку, галифе. Зараз бражничает в Сновске, «комиссарит» в хrome...

— Через час... на стол приговор ревтрибунала.

— Да приговор что, вот он...

Не видел Николай слов, отбитых на машинке, подпись ставил внизу листа наугад. Не слышал и собственного голоса:

— К утру доложишь исполнение.

Местечко Седнев лежало в низине, крайние хаты выходили на берег Снова. Родная река. Сердце защемило у Николая, когда поймал в бинокль заснеженную излучину, опушенную на том боку желтым камышом. Версты две до огородов.

Короток январский день. Уже вечереет, а ведь Городню оставили на рассвете. Малиновое солнце над зеленой щеткой сосняка. И вся картина выглядит такой мирной, безмятежно-покойной, что в голову полезли мысли, далекие от действительности. Мальчишкой он бывал в этом местечке, летом, на телеге, с дедом Михайлом. Вспомнил и хату, у кого останавливались, поили коня, сами сидели за столом под камышовым навесом. Конопатая девчонка, без передних зубов, с красной тряпочкой в волосах, вела его огородом... Столб врытый, не то сухое дерево, наверху шапкой колесо, ворох хвороста — гнездо... Знает, вели его к аистятam. Не может вспомнить, видал ли их?..

За березняком — ружейная стрельба, прошил дважды короткими очередями пулемет. «Максим», — определил, сдерживая всполохнувшегося коня. Поступило донесение

от головного разъезда: полчаса назад в Седнев по дороге из Чернигова вступил курень гайдамаков со станковыми пулеметами на снях, одним орудием и обозом. Орудие и обоз на площади. Синежупанники кучно размещаются по хатам, часть пулеметов выдвинута на восточную окраину.

— Что за стрельба? — спросил Данилюк у разведчика.

— Пристрелка обыкновенная, ориентиры приглядывают...

Николай с адъютантами среди конников Божоры. опередил пехоту, тащившуюся следом на крестьянских обывательских подводах. Взяла тревога: пока подоспеют да развернутся для наступления, стемнеет, гайдамаки могут выскочить без потерь. Поделившись с начальником штаба, он послал распоряжение комбату Кошечеву пересадить первую роту на сани с лучшими лошадьми и гнать что есть мочи.

— Мы атакуем с тыла. Зайдем этой балкой.

— Лошадью не пробьешься, — выразил сомнение Божора. — Снегу по брюхо.

— Спешимся.

Дали большой крюк по балке. Вывела она их к южной окраине, к реке. Десятков до четырех спешенных конников. Подождав последних, негромко, осиливая одышку, Николай подал команду:

— В цепь...

Бежал, увязая в глубоком снегу, полы шинели путались в ногах. Огородами, садами достигли крайних дворов. Слышали, с правой руки разгорелась стрельба. Мешали плетни, клуни, проулки куда-то подевались. Не успели перекрыть главную улочку, уводившую на черниговский шлях. Гайдамаки густой вязкой массой уходили той же самой дорогой, какой недавно пришли; одуревшие от страха ездовые нахлестывали сытых коней. Пол обоза с дымящимися кухнями осталось на площади, кинули впопыхах и пушку-трехдюймовку с упряжкой и зарядными ящиками.

Подбежал командир первой роты Процек, размахивая карабином, выдал:

— Николай Александрович... Боялся опоздать... Гнал вовсю!

— Мы вот опоздали... Ушли ведь! Балка подвела...

— Не жалкуй... Все в Чернигове окажутся.

На ночь штаб расположился в школе. Укладывались уже и штабные. Квятек собирался тушить лампу. Вбежал в расхристанном полушубке Константин Лугинец. Лица на нем нет.

— Яков... Зубов! Застрелился...

Квятек пугнул матюком. Николай не сводил остановившегося взгляда с черного вестника...

Терял Николай близких и дальних, немало уже оставил после себя могил, братских и отдельных. Но эта утрата... Уму непостижима. Потрясла нелепостью. Дуло — в висок. Возмущение, гнев, дикая душевная боль, оторопь, жалость — все смешалось, спеклось в груди кровавым клубком.

Из Городни Зубов, напросившись, ездил в Семеновку, в штаб дивизии, заскакивал домой, дома узнал новость: невеста, ради которой ехал, вышла замуж. Вернувшись, с горя напился, куролесил на квартире. В политотделе высыпали ему все дружно. Вроде обошлось. А случилось дня через три... Как теперь выяснилось, у Зубова произошел еще разговор. Кто-то из бойцов во всеуслышание ему швырнул в глаза: сам-де, мол, хлещешь, сходит с рук, а человека за самогонный аппарат на огород вывел...

До Киева оставалось около трехсот километров. На пути Богунского полка, в районе Чернигова, стоял гетманский корпус гайдамаков, а дальше, на подступах к Киеву, «головной атаман» Петлюра сосредоточил свои наиболее боеспособные кулацкие банды, которые, для пущей остротки, он называл «куреньями смерти».

Заняв Новозыбков, Щорс повернул свой полк на Злынку, Городню, Седнев, Чернигов. Гайдамацкие отряды отходили вслед за спешно эвакуировавшимися немцами, не принимая боя, скрывались в метели. Зима уже разошлась вовсю. Выдалась она ранняя, лютая, многоснеж-

ная, с пронизывающими насквозь ветрами. Ветры, воя и крутясь, подымая снежные вихри, неслись по дорогам, полям, просекам в белой мгле метели, застилавшей все вокруг: и небо, и землю.

Лесными дорогами мчались на санях бойцы щорсовского полка.

Сани только что выпущены с завода. Еще в ту пору, когда Щорс формировал в Унече свой полк, однажды пришли к нему пробравшиеся через границу молодые парни — рабочие обозного завода в поселке Ардоне, пригороде Клинцов. Щорс, узнав, кто они, сейчас же велел им отправляться обратно на завод. Как ни упрашивали парни, в полк их не приняли.

— Добровольцев у меня хватает, а обозов нет, — сказал Щорс.

Он строго наказал парням никуда не уходить со своего завода, беречь его, как зеницу ока, а в случае, если немцы при эвакуации вздумают вывезти оборудование, поднять всех на защиту завода.

И вот началось наступление. Богунский полк вступил в Клинцы. Рабочие ардонского обозного завода получили от Щорса срочный заказ на пулеметные санки. В долго бездействовавших цехах закипела работа. Санки изготавливались по щорсовскому чертежу.

Теперь на этих санках сквозь метель, ныряя в сугробах, мчались богунцы. Как снежный ком, разрастался по пути полк. Едва влетят богунцы в село, а на площади уже выстроились взвод или рота повстанцев, ожидающих приказа Щорса о зачислении их в полк. Принимая на ходу новые взводы и роты, Щорс спрашивал:

— Знаете, за что идете бороться?

— Знаем, товарищ Щорс.

— Ну, так вот, кто из вас трус, тот сразу ушивайся, потому что богунцы идут в наступление.

И полк мчался дальше, как вихрь, гоня перед собой гайдамацкие отряды, исчезающие в метели. Щорса беспокоило то, что враг не принимает серьезного боя. Он часто повторял:

— К Киеву должно отойти как можно меньше войск противника, как можно меньше.

В штабе полка, когда он располагался в селе, не было отбоя от крестьян. Они вваливались толпой в избу.

— В чем дело, дядьки? — спрашивали их.

— А мы до товарища Щорса, — отвечали они.

Если Щорса не было, они терпеливо ждали его. Являлись в штаб и посланцы отдаленных сел. Они приезжали верхом, занесенные снегом, с обледеневшими бородами, и тоже говорили:

— Мы до товарища Щорса.

Какими только вопросами не приходилось Щорсу заниматься в эти дни! Только успеет продиктовать приказ, указать комбатам пути наступления, дать задание конной разведке, принять новый взвод или роту, как вокруг него уже толпа крестьян, и каждый спрашивает о своем, настойчиво просит помощи, совета.

Щорс терпеливо разъяснял, советовал, наставлял, помогал. Ведя наступление, он одновременно организовывал низовые органы советской власти, инструктировал людей, контролировал их.

Разговаривая с крестьянами, он оставался таким же, каким был всегда в полку, — сдержанным, строгим, говорящим все прямо, открыто, без прикрас, без желания расположить к себе людей, приноровиться к их понятиям и желаниям. Однако, крестьяне, в первый раз видевшие Щорса, рассказывали своим односельчанам с уважением о «молодом командире красных, который сильно суровый с виду, но справедливый, правильный человек».

В одном из сел пришла в штаб толпа крестьян. Кто-то из толпы подал Щорсу большую, исписанную каракулями бумагу. Читая ее, Щорс ничего не мог понять. Список каких-то фамилий и рядом — перечисление коров, лошадей, свиней, их кличек, мастей, примет.

«...Антропов Иван Федорович, корова бурая, пятна белые, рога малые, дужками. Нетель белая, по заду яблоко черное, кабан двухгодовалый...»

— В чем дело? — спросил Щорс.

— Весь чисто скот угнали, ироды, — сказал один.

— Гайдамаки, значит, — пояснил другой.

— Будь милостив, всем обществом тебя просим, уважаемый наш товарищ Щорс. Недалеча, чай, ушли, проклятые. Поймай их и скотину отыми, — заговорили все, перебивая друг друга.

— Низко кланяемся тебе, красный герой. Отыми у грабителей.

— А это, значит, — пояснил кто-то из толпы, показывая на бумагу, — мы опись учинили, какая у кого скотина угнана, с ейными приметам, чтобы недоразумения не было, когда скотину нам вертать будешь.

В том, что Щорс вернет им скотину, никаких сомнений ни у кого, видимо, не было.

Население местности, по которой наступали богунцы, хорошо знало Щорса. Полк проходил районы первых боев щорсовского отряда с войсками оккупантов. Легенды о «дядьке Мыколе» передавались здесь из уст в уста.

На пути из Злынки в Городню приток добровольцев не прекращался. Наступая, полк продолжал разрастаться. Щорс не успевал формировать новые роты. Оружия хватало — гайдамаки, отступая, бросали его, — но с обмундированием было плохо. Морозы все крепчали, вьюга утихала ненадолго, а многие богунцы были одеты по-летнему. Шинелишки у всех были старые, изношенные, ветер насквозь продувал их. Сапоги стали редкостью. Одни ходили в опорках, другие в лаптях. Красноармейцы замерзали на посту.

Как-то ночью, в метель, Щорс, проверяя посты, нашел занесенного снегом красноармейца. Из сугроба торчал только штык. Щорс вытащил из-под снега уже застывший труп. Красноармеец был в лаптях и в шинели, не прикрывавшей даже колен. По гигантскому росту и седой бороде Щорс сразу узнал Прокопенко, того самого деда, который пришел вместе со своим внуком. С трудом подняв труп на лошадь, Щорс привез его в штаб и положил на скамейку. Долго, молча, с обнаженной головой, стоял он перед замерзшим на посту стариком-красноармейцем. Все вхо-

дившие в штаб, взглянув на Щорса, тоже снимали фуражки, папахи. Никто не решался заговорить. Щорс мял в руках полы ветхой шинели красноармейца.

Прокопенко-внук, прибежав в штаб, грохнулся на колени перед дедом.

— Один я теперь остался, дидуся! Один на всем свете белом из всего нашего милого семейства... Тятюку и матку немцы шомполами заporоли... И ты, дидуся, на посту своем погиб от мороза лютого!

Поднявшись, Прокопенко-внук вытер кулаками слезы и сказал, обращаясь к неподвижно стоявшему Щорсу:

— Товарищ командир, разрешите мне с дедом винтовку поменять. Может, заговорена она. Больно уж метко бьет.

Щорс взял стоящую в углу винтовку деда и молча передал внуку. Потом пожал ему руку и сказал:

— Насчет заговоров это ты выкинь из головы. Помни, что дед твой был хороший стрелок...

В эту же ночь замерзли на посту еще два красноармейца. Их хоронили на рассвете. Вьюга продолжала бушевать. Щорс стоял над могилой с непокрытой головой. Когда бойцов опустили в могилу, он сказал только одну фразу:

— Богунцы замерзают на посту, но они никогда не покидают пост.

Начались серьезные бои. Еще в Новозыбков полк вступил, как на парад, торжественно встреченный местными рабочими, но Городню уже пришлось брать с боем, а у Седнева отчаянные атаки богунцев несколько раз захлебывались в огне. Здесь дорогу на Чернигов закрывали офицерские части гайдамаков. Только с наступлением темноты полк, во главе со Щорсом, ворвался в местечко, из которого гайдамаки, бросая орудия, пулеметы, обозы, бежали по дороге на Чернигов.

Ведя полк в атаку, Щорс всегда был впереди. У него было несколько нигде не записанных, но твердых, обязательных для всех правил. Одно из них гласило: «Командиры и коммунисты должны быть всегда впереди».

Людей, которые уклонялись от этого правила, Щорс презирал, в полку они долго не удерживались. Однако, он не любил красоваться своей отвагой. Удалим атакам, рассчитанным на эффект, он предпочитал обдуманность и расчет, ошеломляющую внезапность нападения.

В полдень 12 января Чернигов был взят. Операция повторилась седневская. Там участвовали конная разведка да одна рота, а здесь — весь полк. Первый батальон, на санях, с пулеметной командой и конниками, дав за ночь двадцативерстный кружный путь, на рассвете вышел к Десне и перекрыл шоссе на Киев, второй батальон ворвался в город по гомельскому шоссе; третий наступал на восточную окраину. Полуокруженные петлюровцы на улицах не оказывали сопротивления. В помощь наступающим выступил подпольный ревком. Упорный бой завязался на Десне, за Киевский мост. Стемнело уже, когда Николай по льду повел батальоны в атаку...

Генерал Терешкович, командовавший гетманским корпусом, расположенным в Чернигове, был убежден, что красные еще далеко. Чтобы поднять настроение офицерства, он решил устроить банкет. А в это время Богунский полк стоял уже в нескольких километрах от города.

Из окон губернаторского дома лился на улицу яркий свет, доносились звуки бравурной музыки. Бал был в разгаре, когда Щорс с конным эскадроном подошел к губернаторскому дому. Бесшумно снял часовых, оцепил здание и в сопровождении одного только адъютанта поднялся по широкой мраморной лестнице. Двери в танцевальный зал распахнуты. Тысячи радужных искорок вспыхивают в хрустальных подвесках, которые, точно льдинки, свисают с пирамидальной люстры. На хорах играет духовой оркестр. По залу кружат офицеры в ярких мундирах, девушки в белых воздушных платьях. Они выписывают замысловатые фигуры на скользком паркете. Вдоль стен — старики во фраках, в цветных свитках.

С улицы ударил винтовочный залп: так было условлено со Щорсом. В зале поднялся переполох. Танцующие кинулись к стенам, музыка замолкла.

Поднялся во весь свой огромный рост генерал Терешкович.

— Сечевики балуются, — сказал он и, распахнув дверь на балкон, крикнул: — Прекратить стрельбу! Перевешаю вас, бисовых сынов!

Тут выступил вперед Щорс, стройный, подтянутый, в черной кожанке и с красной звездой на кожаной фуражке.

— Кончайте бал, — сказал он спокойно. — Большевики пришли.

Генерал бросился в открытую дверь смежной комнаты и исчез в темноте...

Богунцы стремительно ворвались в город. Начался бой на улицах. Застигнутые врасплох гайдамаки не могли оказать серьезного сопротивления. На одной из центральных улиц взвод богунцев во главе со Щорсом преследовал отступавших юнкеров. Было еще полутемно. Падал снег. Верхом на лошади метался какой-то генерал. Как выяснилось потом, это был скрывшийся Терешкович. Приняв богунцев за петлюровцев, он гневно накинулся на них:

— Що ж вы робите, паны атаманы? Вы ж щє не бильшовыки! Мы ж боремся з вами за одну идею.

— Продерите очи, пан генерал, — сказал Щорс, подъезжая к нему на лошади, — Я же ведь уже говорил вам, что город занят красными.

— Что за глупые шутки!.. — Генерал сразу заговорил по-русски.

— Шутить я не собираюсь, а расстрелять прикажу.

В это время на одной из соседних улиц духовой оркестр вдруг заиграл «Интернационал». Дело произошло так: гайдамацкий оркестр, бежавший из губернаторского дома, попал под пулеметный огонь. Музыканты распластались на снегу, пряча головы за медные трубы. Богунцы, прекратив огонь, приказали музыкантам встать и играть «Интернационал». Приказание было выполнено моментально. Повеселевшие музыканты стали по местам. «Интернационал» они сыграли отлично.

Богунцы-конвойные, оставленные при оркестре, сейчас же завязали с музыкантами дружескую беседу. Оказа-

лось, гайдамацкий оркестр, ожидая прихода красных, сумел тайком разучить «Интернационал».

Беседу прервал Щорс, прискакавший со своим адъютантом.

— Молодцы, хлопцы! — крикнул он. — Зачисляю в штат полка! Адъютант, пиши приказ. Конвой, шагом марш! Оркестр — «Интернационал».

Щорс махнул рукой.

Кругом шел бой, трещали пулеметы, ухали ружейные залпы, а оркестр гремел «Интернационал». Как только он затихал, Щорс махал рукой, и музыканты снова надували щеки.

Воодушевляемые «Интернационалом», богунцы очищали город от гайдамаков, сгоняя их на скользкий лед Десны под огонь батальона, направленного Щорсом в обход. Щорс сам со своим эскадром спустился к Десне, куда сбегались гайдамаки. Как заранее было договорено, Черниговский подпольный большевистский комитет вывел на улицу рабочих. Они блокировали казармы, возводили баррикады на перекрестках, уничтожали телефонную связь между петлюровскими частями, перехватывали конных связных. Гайдамацкие командиры рвались к Десне: одни для того, чтобы построиться для контратаки, другие — чтобы вывести свою часть из-под огня, уйти на несколько верст и со свежими силами вернуться в Чернигов. Но уйти за Десну им не удалось: два батальона богунцев уже стояли на том берегу и внимательно следили за отступающими.

Обеспечив Десну, Щорс вернулся в центр города, где галицийские части оказывали упорное сопротивление.

Но... недолго: к утру они сдались...

Взят Чернигов, последний большой город на пути к Киеву.

После боя, как и после любой операции, Щорс собрал своих командиров на беседу. На таких беседах возрождаются детали проведенной операции, обсуждается поведение участников. Даже в самой удачной операции быва-

ют зевки, промахи, ошибки, и именно об этих промахах и ошибках говорилось на собеседованиях больше, чем об отдельных успехах.

Сегодняшняя беседа пошла по иному руслу. Бой за Чернигов — первое большое сражение бригады — оказался многим командирам из молодежи чуть ли не мировым событием. Они упивались победой, о ней только и говорили. Молодость ревнива к славе, и поэтому некоторые юноши считали, что вмешательство черниговских рабочих в какой-то мере умаляет их храбрость, их славу.

Выступил Щорс. Он сказал, что молодости свойственно увлекаться, но в увлечении некоторых молодых товарищей, подчеркнул он, таится большая опасность. Эти товарищи не понимают, сказал он, что народ — источник нашей силы, корень, который нас питает. История — это рассказ о поступках народа. Он, народ, творит эту историю, а отдельные личности, большие или малые, лишь выполняют его волю. Геройство отдельного человека — только вспышка, она ослепляет, но не согревает, геройство масс — это священный огонь, который поддерживает жизнь. Трудящиеся Чернигова проявили массовое геройство во имя той великой цели, которая и нас привела сюда. Этому надо радоваться, ибо в массовом геройстве людей труда — залог скорой победы...

Да, по иному руслу шло обсуждение Черниговской операции — по более широкому, и детали только что завершенного боя слились в сознании участников с той огромной и благородной задачей, которую поставил перед собой трудовой народ...

Таращанский полк задержался под Нежином, но Щорс решил, не дожидаясь его, двигаться к Киеву. Боеприпасы были на исходе, мела пурга, но Щорс знал, что его бойцы готовы преодолеть любые препятствия, что их воля к победе возрастает с каждым днем.

Дорога на Киев открылась. Начдив Иван Локатош денно и ночью подгонял части, не давая отдыха. 10 января в поселке Семеновка издал приказ о формировании дивизии, тем самым узаконил ее существование.

Из Чернигова Щорс наступал на Киев через Козелец, Дымерцы, Бровары. Теперь богунцам пришлось иметь уже дело с пестрыми петлюровскими войсками. Посадив один из батальонов на сани, Щорс мчался во главе его сквозь метель, глубоким снегом, в обход петлюровских «курений смерти» и бил их во фланг и в тыл.

Последнюю неделю января 1-я бригада не выходила из боев. Богунцы заняли Козелец. В тот же день таращанцы овладели Нежином. Петлюра уже не помышлял о сохранении Киева, терзала его одна мысль — подольше продержаться, чтобы вывезти из столицы не столько напуганную до смерти Директорию, как ценности, склады с оружием и продовольствием. Под пригородные села Семиполки, Дымерку, Богдановку и Пуховку бросал все новые и новые силы...

Как ни умел Щорс сдерживать свой горячий темперамент, но часто в бою прорывалась наружу пылкая юношеская удаль. В такие моменты остановить Щорса было невысказано. Дерзость, отвага его тогда не знали границ. Однажды, приказав полку наступать на занятое петлюровцами село, он взял ручной пулемет и куда-то ускакал со своим коноводом. В тот момент, когда богунцы под покровом темноты кинулись в атаку, среди петлюровцев началась паника. Потом оказалось, что Щорс вместе с коноводом пробрался в тыл к петлюровцам и открыл огонь из ручного пулемета.

Сотни обманутых Петлюрой крестьян бросали оружие. Щорс выстраивал пленных, объясняя им, за что борется Красная армия, а потом говорил:

— Идите обратно и расскажите об этом всем, обманутым Петлюрой.

Это были незабываемые дни героического наступления полка. Чем ближе подходили к Киеву богунцы, тем больше перебежало к ним петлюровских солдат. Несмотря на потери в боях и от мороза, полк вырос уже в три раза.

Так же вырос и Таращанский полк...

До Киева оставалось около двадцати километров. Петлюра еще надеялся отбросить красных. На подсту-

пах к Киеву он сосредоточил все свои наиболее боеспособные части. Густые колонны петлюровцев перешли в наступление. У села Бровары разыгрался упорнейший бой. Под ураганным огнем рвущегося вперед врага богунцы с трудом удерживали свои позиции. Кое-кто уже поглядывал на Щорса, ожидая его приказа об отходе. Но Щорс как будто не замечал этого.

В один из самых напряженных моментов боя Щорс наблюдал в бинокль за полем, битвы, выбирая направление для контратаки. Заметив недалеко петлюровский пулемет, он показал на него плеткой стоявшему рядом командиру батареи:

— Снять пулемет.

Только он сказал это, как вдруг плетка куда-то исчезла. В руках Щорса осталось лишь «козлиное копытце». Плетку срезал снаряд. Он влетел в окно стоявшего рядом домика и разорвался внутри. Щорс, удивленно посмотрев на зажатое в руке «козлиное копытце», сказал:

— Что-то в ушах у меня сильно звенит, — и снова поднес к глазам бинокль.

В этот момент Щорс, видимо, даже забыл, что он стоит под вражеским огнем. Он просто не замечал рвавшихся вокруг него снарядов. И никто не смел ему указать на это. Каждый богунец, лежавший рядом в цепи, знал, что сейчас вся воля Щорса, все силы его ума сосредоточены на одной мысли: победить.

Щорс внимательно смотрит в бинокль, наблюдая за боем. Идут петлюровские полки. Правым флангом они охватывают деревню Княжичи, левым — упираются в Днепр. Там правый фланг богунцев, они встретили врага дружным огнем. Начали постреливать и на левом фланге.

Второй и третий батальоны богунцев рвутся в бой. Командиры шлют к Щорсу ординарцев: «Начинать?» Но Щорс молчит. Минуту, две. Он заметил, что перед Княжичами вышла какая-то заминка. Сечевики подошли к ней почти вплотную и вдруг остановились, отступили. Отступают петлюровцы и с левого фланга, и все они перемещаются к центру.

В любом бою возникают мелочи, детали, которые в зависимости от быстрой реакции на них полководца могут в корне изменить результат всей операции. В общей обстановке не произошло ничего такого, что бы бросилось в глаза, но настоящий полководец именно тем отличается от рядового командира, что он особым чутьем умеет угадать приближение бури по легкому трепету листьев на кусте. На поле боя не произошло ничего такого, что ставило бы под сомнение добротность выработанного плана операции, но в мгновенном полководческом озарении Щорс уловил победу не там, где он сам и командиры его штаба ее искали.

Он сказал громко:

— Второму и третьему батальону отступить к лесу, — и рукой указал на лесок по дороге на Киев. — Отступить немедленно! — повторил он решительным тоном, видя недоумение в глазах своих штабных.

И было чему удивляться: фланги — крепкие, центр — непробиваемый, а комбриг приказывает оголить центр, приказывает отступить тем, которые привыкли только наступать. Зачем? Почему?

Приказ выполнили. Батальоны богунцев отступили к лесу.

Щорс помчался верхом к конному полку. Не сходя с коня, выехал на пригорок и наблюдал в бинокль, как сечевики, стягиваясь с флангов, всей своей массой набрасываются на центр. Их артиллерия, бьющая откуда-то справа, расчищает перед ними путь ураганным огнем. «Центр» молчит, ибо там, где по расчетам петлюровского командования должны находиться батальоны богунцев, никого уже не было. И молчание неприятеля воодушевляло сечевиков: они двигались сплошной массой, плечом к плечу, растекаясь по долине, прочесывая перелески и заросли.

Когда со стороны Киева прекратился подход новых петлюровских полков, Щорс взмахнул нагайкой:

— Замкнуть кольцо! Фланги в бой!

Сам помчался во главе конного полка, чтобы отрезать попавшим в ловушку сечевикам путь к Днепру.

Двинулись богунцы, тарашанцы, новгородсеверцы. Они громили, уничтожали петлюровские роты, полки. Боженко, вздымая снежное облако, несся по полю впереди своей Таращи.

И петлюровцы, разгромленные, бежали без оглядки...

1 февраля в 2 часа дня бригада ворвалась в Бровары. Впервые так тесно, локоть к локтю, сошлись в бою полки-побратимы — Богунский и Тарашанский.

Тарашанцы соревновались своей славой с богунцами. Но когда командование армией назначило в селе Бровары смотр полков первой дивизии, богунцы, стоявшие на снежном поле против тарашанцев, затмили их своей строгой воинской выправкой. Большинство богунцев было в старых, обтрепанных шинелях, многие были в опорках, лаптях, но сразу видно было, что это бойцы регулярной части Красной армии, спаянные сознательной дисциплиной.

Щорс в своей неизменной кожаной куртке, неподвижно стоявший перед строем богунцев, по сравнению с Боженко, лихо гарцевавшим на коне, выглядел очень скромным. На батьке была богатая бекеша, вся оплетенная ремнями, оправленная в серебро шашка. В руке дрожала нагайка.

Спрыгнув с коня, Боженко подошел к Щорсу:

— Здорово, Мыкола!

— Здравствуй, батько!

Пышные усы Боженко не скрывали хитрой улыбки.

— Ну, Мыкола, ось вин, наш древний Киев! — радостно тряс его Боженко. — Кидай клич — утром буду со своей тарашой звонить во все колокола, встречать богунцев.

— Не торопись, батько. В Киев войдем со своей музыкой. В Чернигове богунцы трофеем обзавелись — духовым оркестром.

— Чув. Дують вже, розучують «Интернационал».

— Займись, Василий Назарович, строем. Приодень, подтяни бойцов. Гости до нас... Антонов-Овсенко.

— Не богато живешь и ты, Мыкола. Подывись, як обдрыпалысь твои хлопцы...

— Подожди, батько, скоро приоденемся.

Боженко, сообразив, что Щорс намекает на киевские запасы Петлюры, сразу забеспокоился. Щорс целился и попал в самое большое место батька. Все знали, что Боженко не признавал победы без трофеев и к трофеям относился со страшной ревностью. Его вечно мучил страх, что кто-нибудь захватит их раньше, и он был горд, когда мог сообщить в донесении о захваченных у врага богатых трофеях.

— На киевские склады заришься! — воскликнул батько. — Так тарашанцы ж уперед пидуть!

— А я слышал, что богунцы.

— Хто то балакае?

— Чего там балакать, если приказ уже есть!

Теперь хитро улыбался Щорс. Боженко совсем разволновался.

— Ой, хитришь, нема ще такого приказа. — И, наклонившись к Щорсу, шепнул ему на ухо: — Знаешь що, Мыкола, пидѐм до Києва разом...

А в голос добавил:

— Мужественно дерешься, Мыкола, по-геройски!

— А что такое мужество, батько? Я думаю, — это способность сопротивляться страху и одерживать над ним верх, а вовсе не бесстрашие или героичество. Храбрость делает честь лишь тому, кто в глубине души немножко трусит.

— От за что я тебя люблю, Мыкола, так это за твою золотую голову!.. Только зря не подставляй ее под пули.

— Так я у тебя учусь, батьку! — улыбнувшись, ответил Щорс.

Комфронта Антонов-Овсенко нагрязнул среди ночи. Николай, не искушенный в таких делах, был застигнут врасплох. Выручил вездесущий, пронырливый комендант штаба Гофман. Пока приездие оттирали с холода уши, отводили душу табачком, он накрыл в соседней комнате стол. Получился ни поздний ужин, ни ранний завтрак.

Николая смутил внешний вид командующего фронтом. На военного он никак не похож, скорее на сельского учителя — длинные, по плечи, волосы, худое, в очках,

лицо не вяжутся с защитным френчем, с огромными накладными карманами, модного покроя со времен Временного правительства. Посидев какое-то время возле него, послушав, ощутил обаяние, внутреннюю силу. Бубнов, помнит, производил такое же впечатление. Куда подевались небрежные рыжие космы, жилистая шея, длинные костлявые кисти рук. Говорил он не о Киеве поверженном, а о борьбе, которую они ведут, о тех сложностях во взаимоотношениях отдельных людей. В поведении некоторых советских руководящих учреждений по отношению к Украине, по его мнению, сказываются еще до сих пор колебания. Им, непосредственным работникам по восстановлению здесь Советской власти, приходится серьезно опасаться за будущее этой работы. Колебания те обусловлены тем преувеличенным значением, какое придают некоторые национально-сепаратистским тенденциям на Украине. Он лично в ее рабочей среде тех тенденций не видит, в крестьянстве они в громадной степени изжиты за месяцы жестокой оккупации, когда «своя» национальная власть показала реакционное обличье.

— «Самостийность» и помещичья кабала, — продолжал он, протирая носовым платком очки, — для громадного большинства украинского народа стали синонимами.

Потому Красная Армия, помогающая сбросить начисто эту кабалу и, по существу, сознательно, ни в чем не посягающая на самобытность Украины, встречает радушный прием со стороны ее крестьянских масс.

Им, непосредственным работникам по восстановлению здесь Советской власти, нужно быть чуткими, лояльными. Петлюровская пропаганда во все колокола звонит о «самостийности», ратует за «самобытность Украины», тем самым вносит в мысли трудящихся вредные идеи, колебания.

Разговор перекинулся на политику Петлюры и Винниченко. Начдив Локатош выразил удивление по поводу того, как они умудряются находить еще поддержку в среде трудового народа.

— Только не в среде трудового народа, а у помещиков и их слуг — подал голос его сосед, член Реввоенсовета фронта Щаденко.

Николай знал, Локатош и Щаденко оба «царичане», в конце ноября они появились целой группой вместе с бывшим командующим 10-й армией Ворошиловым. Из их разговоров, Ворошилов отошел якобы от военных дел и сейчас в составе Временного украинского правительства.

После ужина вернулись в штабную комнату. Прикуривая от лампы, Щаденко обнаружил ленту. Николай готов был сгореть от неудобства. Помнит, сам засунул ее в ящик стола. Пройдоха этот Гофман подсунил высокому начальству не без умысла.

— Владимир Александрович, читайте! — Щаденко выставил над головой широкую алую ленту с текстом, написанным белыми масляными буквами: «За храбрость товарищу Щорсу от товарищей красноармейцев 8-й роты 12 января 1919 г.». — Во! Бойцы награждают своих командиров... Знаете, это весьма знаменательно. У нас в Царицыне такое считалось высокой наградой. Иван Семенович, подтверди.

Локатош возился с портсигаром, не ответил. Антонов-Овсеенко, ощупывая тонкими длинными пальцами прохладный шелк, мягко усмехался:

— Да, награда. Двенадцатое. За Чернигов, выходит.

Не хотелось Николаю поднимать разговор, но вызвал Щаденко — поинтересовался жизнью бригады.

— Хвалиться нечем, товарищ член Реввоенсовета, — начал Щорс.

— Обмундирование?

— На то жаловаться не намерен. Утром сами посмотрите.

— А что? — повернул голову Антонов-Овсеенко.

— Неуютно чувствую себя в качестве командира бригады. Бригада на бумаге. Фактически два самостоятельных полка. Тут в Броварах нас свела боевая обстановка. Нет штаба бригады, нет политорганов.

— Думается, товарищ Щорс, — комфронта перевел взгляд на Локатоша, — это временное явление, период организационного роста. Так, Иван Семенович?

— Да, да, — закивал начдив... — Текучка заедает, товарищ комфронта...

Днем в Бровары прибыла из Киева делегация от подпольного комитета. Петлюровские войска эвакуируются. Опасаются, сечевики могут учинить погром. Комфронта дал свое согласие к выступлению.

Щорс получил приказание: на рассвете 6 февраля атаковать и взять Киев.

Но уже 5 февраля высланная в Киев разведка донесла, что петлюровцы оставили город.

Щорс повел богунцев в город.

Утром 5 февраля богунцы и таращанцы начали входить в оставленный город. В тот же день командование Украинского фронта послало представление о награждении 1-го Украинского советского полка, на что был незамедлительно дан ответ:

«Постановлением Временного украинского правительства от 7 февраля Богунскому и Таращанскому полкам за героически-доблестные действия против врагов рабочих и крестьян вручаются Почетные Красные знамена. Командирам названных полков тов. Щорсу и тов. Боженко за умелое руководство и поддержание революционной дисциплины во вверенных им частях вручается почетное золотое оружие. Богунскому и Таращанскому полкам сохраняется их наименование».

Локатош был назначен начальником гарнизона Киева, Щорс — комендантом города.

Войска входили в Киев. Февральское солнце радовало, слепило, потеплевший ветер трепал флаги, далеко разносил звуки духового оркестра. Киевляне вышли на улицы. От Подола, пристанища бедноты, народ шел сплошной стеной. На Крещатике — Царской площади — состоялся митинг. С балкона Рады, увитого кумачом, кромсал ку-

лаком воздух Андрей Бубнов. Прибыл в город он раньше войск, еще ночью, своими хоженными путями, тотчас вывел из подполья исполком Совета. Сиплый от волнения и важности момента голос его не доставал края площади, забитой до отказа. Разгоряченный, после речи обнимал тут же на балконе Боженко и Щорса...

Не имел еще пристанища, крыши над головой, а комендантские обязанности уже навалились на Николая. Обступили у здания Рады какие-то гражданские и военные, тыча бумажки, на кои нужны немедленно печать и подпись коменданта города.

В этот же день горластые мальчишки размахивали на всех перекрестках свежей газетой «Киевский коммунист». На самом видном месте — приказы от имени Временного Советского правительства Украины.

Приказ № 1

Объявляется гражданам г. Киева, что вся власть в Киеве принадлежит исполнительному комитету Совета рабочих депутатов. Органы прежней власти упраздняются. Все приказы и постановления исполкома беспрекословно должны исполняться.

Виновные в неисполнении таковых подлежат суду военно-революционного трибунала.

Приказ № 2

г. Киев объявляется на осадном положении. Хождение по городу разрешается до 7 час. вечера. Предлагаем гражданам сдать все имеющееся оружие, бинокли, военное снаряжение и т. п. коменданту города в 24 часа. Виновные в неисполнении данного распоряжения подлежат суду военно-революционного трибунала.

Приказ № 3

Приказываю всем солдатам и офицерам войск гетмана и Петлюры немедленно явиться для регистрации к коменданту.

За укрывательство такие виновные подлежат суду.

Приказ № 4

Обыски, выемки, реквизиции, аресты и т. п. будут производиться по ордерам чрезвычайной комиссии.

Лица, пытающиеся произвести обыски, реквизиции и т. п. без ордеров или по ордерам, выданным не чрезвычайной комиссией, должны быть задержаны и доставлены в чрезвычайную комиссию для привлечения к законной ответственности.

Приказ № 5

Приказываем караульным частям по охране революционного порядка г. Киева грабителей беспощадно расстреливать на месте преступления.

Приказ № 6

Продажа спиртных напитков безусловно воспрещается. Винные склады, магазины и распивочные должны быть закрыты. Граждан в нетрезвом виде арестовывать. Продающие спиртные напитки будут преданы военнореволюционному суду, а имущество конфисковано.

*Начальник гарнизона г. Киева И. Локатош
Комендант г. Киева Н. Щорс.*

Один из первых приказов, изданных Щорсом в Киеве, гласил:

«Районным комендантам взять на учет все буржуазные дома, особняки, флигели. Учесть их как в стратегическом отношении, так и для переселения рабочих из подвалов и хат, где они гниют посейчас».

Всеведущий комендант полка Гофман предложил разместиться штабу в бывшей резиденции Петлюры.

— Я все там осмотрел. Нас ждут.

Данилюк, переняв построжавший взгляд Щорса, поддержал хозяйственника.

— Николай Александрович, все одно дворец тот охранять нам. Ценности, хоть и царские...

— Бывшие, — обрадовался Гофман. — А теперь наши.

— Не наши, а народные, — заметил Щорс.

Николай молча потянул с вешалки шинель.

Мрачный на вид дворец занимал целый квартал в аристократической части города — Липках. Не один десяток лет он служил царствующей фамилии резиденцией в Киеве. Недолго довелось «царствовать» в нем Скоропадскому, а еще меньше — Симону Петлюре. Вошли в парадный подъезд. В большом зале, по-видимому приемной, уже выстроилась длинная шеренга людей, одетых в одинаковые, темно-синего цвета, фраки с блестящими пуговицами. От шеренги отделился осанистый седой человек.

— Я дворецкий, — с поклоном сказал он. — Являюсь старшим из прислуги. Всех нас сорок человек. Мы много лет обслуживаем дворец и его хозяев. Петлюровские молодцы хотели вывезти отсюда ценности, но мы их прятали и отстояли. Во дворце все цело и в порядке. Надеемся, что и вы останетесь нами довольны. Все ключи у меня. Как будут от вас распоряжения?

Николай усмехнулся.

— То, что вы бережете дворец и его ценности, — правильно. Теперь этот дворец со всем, что в нем имеется, принадлежит трудовому народу. Нам же никакой прислуги не нужно, обслуживаем себя мы сами. Мы осмотрим дворец и зайдем три-четыре комнаты. Все остальные помещения заприте. За их целость вы отвечаете.

— А как же с нами? — оторопело спросил дворецкий. — Ведь мы все здесь живем.

— Ну и живите пока, как жили. Советская власть обеспечит вас жильем и работой.

День и ночь Николай пропадал в комендатуре. Редко появлялся в царских хоромаш. Норовил к обеду. Штабисты собирались в дворцовой столовой — просторном зале, отделанном мореным дубом и цветным мрамором, с лепным потолком. Сидя небольшой кучкой за огромным столом, который мог вместить целую роту, ели борщ и кашу из походной кухни комендантской команды полка. Со стен, казалось, с неудовольствием, как на дворовых людей, глядели на них из богатых рам все украинские гетманы. Портрет последнего — Скоропадского — у всех

вызывал усмешку: к его губам какой-то шутник-богунец прилепил махорочный окурок.

Из комендантской чаши Николай хлебнул в первую же ночь. С темнотой в городе поднялась стрельба. Карательные сперва кидались на каждый выстрел. Кто стрелял? В кого? Больше стрельба бесцельная, бессмысленная: палят свои же, из озорства — сдернул винт с плеча, нажал пальцем, в темный свет как в копейку. Прихватили до десятка. Другие стреляют, мол, вот в ответ. Что велишь? Посадить на гауптвахту? Всех не пересажаешь. Гоняясь за любителями-стрелками, упускали матерых белогвардейцев-провокаторов, паливших в темных закоулках, а то и убийц, грабителей, охотников до чужих душ и кошельков. Оказалось, ночью перед вступлением советских войск в город бежало из Лукьяновской тюрьмы немало бандитов-рецидивистов. Утром вскрылась еще беда — массовые хищения дров, заготовленных для Киева. В Совете ухватились за голову: через неделю город нечем будет отапливать.

Следующая ночь не принесла облегчения. Начались повальные грабежи, убийства. Промышляли «лукьяновцы» и шайки, сбежавшиеся со всей голодной России в сытый край. Под видом грабителей орудовали петлюровцы, офицеры без роду и племени. Поползли слухи один другого страшнее — о тучах китайцев-нехристей с кривыми ножами, состоявших на службе у евреев-коммунистов, в Одессе высаживаются какие-то черные из-за дальних морей-океанов, волосатые, зубов полон рот.

Случались ночи, когда Николай добавочно подымал в ружье ротами таращанцев и богунцев. Сам с вечера и до утра не покидал автомобиля, мыкаясь по черным тесным тупикам городских окраин. Газеты пестрели приказами: об ответственности за хищение дров, о сдаче оружия, о борьбе против антисемитизма, о привлечении к ответственности военнослужащих за бесцельную стрельбу, об учете отпуска горючих и смазочных материалов, о правилах проезда военнослужащих в трамваях, об ответственности за распространение провокационных слухов...

Приемная комендатуры всегда битком. Толкались жалобщики, просители, частные и от всяческих обществ.

Нужда в крепкой комендантской руке ощущалась у вновь создаваемых советских учреждений. По-прежнему густо вились журналисты, сторожили они у дверей кабинета, на перекрестках, зная в глаза комендантский автомобиль.

Нынче с утра Николай побывал в Казенной палате. Тревожные вести получил от комиссара по охране культурных учреждений и организаций Мазуренко. Какие-то элементы, по всему из «лукьяновцев», рвались ночью в архив. Служащие, боясь открытых нападений, отказывались выходить на работу. Там же выдал главному архивариусу охранное свидетельство: *«Архив бывшей Киевской Казенной палаты, который имеет историческую ценность, находится под нашей охраной. Служащие архива должны продолжать свою работу и охранять архив от порчи и уничтожения. Ни один документ не может быть выдан из архива без разрешения комиссара по охране культурных учреждений и организаций».*

В приемной, проталкиваясь к своей двери, Николай споткнулся взглядом о знакомое лицо. Уже в кабинете, стаскивая шинель, вдруг ощутил горячий прилив к щекам. Никита Буряк! Соученик по фельдшерской школе.

Шел тот на год старше, но это не мешало им водить одну компанию. Из Чернигова Никита. Помнил, по окончании его направляли в военный госпиталь, за крепостной вал. Укорял сам себя: до сей поры не проскочил на Гору. Четыре года! Приказав помощнику вызвать того из приемной, с напряжением глядел на дверь.

Ввалилось человек пять. Ба! Еще один — Петруня Андрей. С этим и вовсе был близок. Сдерживаясь, чтобы не кинуться на шею, крепко жал однокашникам руки, выискивая взглядом в возмужалых лицах сохранившиеся мальчишеские приметы. Находил, восстанавливал в памяти. У Андрея шрамик над бровью давний, глубокая морщина, похоже, как ножевой порез, разделила на равные доли выпуклый лоб. Не было ее...

— Бороду к усам вырастил, — оголял в улыбке обкуренные зубы Петруня. — И не угадать. А был чистеньким, румяным хлопчиком...

— Возмужал, — нашелся Никита Буряк.

Однокашники щадили. Выводя их из неловкого положения, Николай перевел разговор на давнее. Школа, как и госпиталь, существует, но едва тянет ноги. Тот же и начальник, генерал Калашников. Постарел, правда, до ветхости. На месте многие воспитатели, врачи. Перебрали всех по кличкам. Николай, не выбиваясь из веселой беседы, мельком окидывал бумагу, подsunутую Петруней. Нужда, нужда. Нет дров, нет госпитального белья, нет медикаментов, нет продовольствия... В палатах до сотни больных.

— Петлюровцы? — спросил он.

Напряженное молчание разрушил самый пожилой из просителей, с голым теменем, бритый кругом старикан, с густыми темными клочками бровей. Представили как врача. Не помнил его, ни в школе не видал, ни в госпитале на практических занятиях. Обдавая горячим дыханием стекла пенсне, шевеля бровями, напомнил с укором:

— Гражданин комендант, долг врача... выше всякой политики.

— Лаврентий Капитоныч! — ухватил его за рукав Петруня. Виновато моргая припухлыми веками, сглаживал, — Этих всего — до сотни. С красными. А из тех, и двух десятков не оставалось. Кого надо, Петлюра эвакуировал.

— Напрасно встревожились, — успокоил Николай. — Долгу врача нас вместе обучали... Правда, не помню, чтобы долг отрывали от политики.

Получив охранное свидетельство, ходоки покинули кабинет.

Поздно вечером в комендатуру нагрянул с какими-то гражданскими Шафранский. Высокий, смуглолицый, с роскошной черной шевелюрой, он с первой встречи лег на душу Николаю. Еще в Стародубе того назначили политическим комиссаром в Таращанский полк. Видя, что у Барабаша не клеится, все чаще поглядывал на Шафранского — общительный, жизнерадостный, таким людям легче пробиваться к красноармейским сердцам. С Барабашом расстался без сожаления.

— Кого привел! — ослепляя с порога улыбкой, заговорил громко Шафранский. — Сотрудников Украинского телеграфного агентства. УТА называется. Не могут тебя

прихватить. Все подступы на Крещатике перекрыли к комендатуре, «форд» твой ловят.

— По Крещатику пешком я хожу.

— Не хмурься, Николай Александрович, нужен им комбриг, не комендант. А признаться, и сам я рад глянуть, в штабе не появляешься. Засосало...

Выйдя из-за стола, Щорс усадил сотрудников УТА к кафельному камину, недавно прогоревшему.

— Товарищ Щорс, — с лету навалился рыжебородый толстяк в волчьей дохе, пристраивая на коленях пухлый, затасканный блокнот, — нарисуйте, пожалуйста, в общих чертах картину наступления советских войск на Украину вообще и на Киев в частности.

— Исчерпывающий ответ вам могут дать только в штабе фронта.

Шафранский, оглаживая ладонями теплый кафель, кивал: давай, мол, иначе от этого народа не отбояришься. Пришлось рисовать «общую картину». Еще с лета 18-го в районе Курска началось формирование группы войск Курского направления. А с ноября повелось наступление по всему Украинскому фронту.

— Из кого комплектуются советские войска? — спросила единственная среди журналистов женщина, молодая, с нервным худым лицом.

Николай понимал тайный смысл вопроса: одолевают черные слухи не только мещан.

— Преимущественно из селян. Рабочих мало. По пути наступления к регулярным частям присоединялись партизанские отряды, организованные подпольными ревкоммами. Отряды эти сливались с армией.

— Как осуществлялось наступление? — рыжебородый в дохе будто сушняку подбросил в костерок.

— Наступление на Украину велось по двум направлениям: Киев и Харьков. На путях к Киеву мы не встречали особого упорного сопротивления. Более или менее крупные боевые столкновения происходили в Городне, Седневе, Чернигове, Бахмаче, Нежине, Краснове, Дымерке, Богдановне и Семиполках.

— В иных из этих мест бои были упорные и напряженные, — не утерпел Шафранский. — Бывало, немецкие гарнизоны помогали петлюровцам.

— И что в таких случаях?

— Немецкие части обезоруживались и отправлялись на родину. Петлюровцы целыми куренями переходили на нашу сторону. Не принимали их, так как бойцы относятся с презрением к перебежчикам. Распускали по домам.

— О боях за Киев несколько слов, — подали голос.

— Бои за Киев велись в районе Броваров. Спротивление оказали сечевые стрельцы. Сечевики самые стойкие части в войсках Директории. От Броваров пути к Киеву были свободны. В феврале мы вступили в город.

Последние слова Николай говорил уже на ходу, направляясь в боковую дверь, откуда делал жесты дежурный телефонист...

Щорса редко можно было застать в комендантском управлении.

Вот он в военном госпитале, пришел навестить тяжело раненного Живонога, приславшего ему записку: *«Товарищ командир! Я ранен осколком. Снаряд разорвался в пяти шагах. Получился дефект черепа с повреждением целостности кости в левой височной доле и еще поврежден левый глаз.»*

Если можете, зайдите. Слышать, что на жизнь дело без надежды. К сему пулеметчик Живоног».

Вот он мчит на автомобиле к кварталу, где богунцы осаждают обнаруженную ими петлюровскую банду. Вдогонку ему стреляют из окна. Щорс даже не оглядывается.

Вот он, как в Унече, ходит по складам с блокнотом в руке, переписывая захваченные трофеи.

На каком-нибудь заводе митинг, и здесь вдруг, встречаемый бурными овациями, появляется Щорс.

Вот он возле городских бань, у которых толпятся богунцы, получившие приказание размещаться по квартирам только после того, как вымоются.

На ротном собрании обсуждается поступок красноармейца, укравшего у своей квартирной хозяйки серебряную

ложку. Никто не заметил, как вошел Щорс. Стоит, слушает, глаза сухо блестят. Все замолкают. Щорс говорит:

— Болтать тут нечего — этот человек будет расстрелян.

И у Щорса такой вид, что никто не решится заговорить о пощаде.

А вот Щорс в кинотеатре, где демонстрируется короткометражный фильм «Богунцы в Киеве». На экране проходят богунцы, рота за ротой, приветствуемые толпами рабочих. Богунцы кричат, топают ногами. Каждый узнает на экране самого себя.

Не разошлись еще красноармейцы из кинотеатра, а Щорс уже сидит на совещании высшего командного состава, созванном штабом армии. Сидит в задних рядах, скромно, внимательно слушает, сам не выступает, а спустя несколько часов он уже в печерских казармах поднимает на кухне бурю из-за грязных котлов.

Вот мимоходом он заглянул в штаб полка и попросил адъютанта сыграть на скрипке. Сидит и слушает несколько минут, задумчиво опустив голову. Потом подымает голову — и как весело сияют его большие серые глаза!

Другим как будто стал Щорс. Не узнать его. Вытащит из кармана вяленую воблу, ударит ею о стол, и все уже знают, что сейчас, обдирая воблу, Щорс расскажет новый, выдуманный им анекдот.

Щорс рассказывает, все хохочут. Смеется и сам Щорс, да вдруг, другой раз, закашляет и сразу как-то потускнеет.

— Ну, я пойду — разболтался тут с вами.

Кто-нибудь из новых людей, еще мало знающих Щорса, скажет:

— Отдохнуть бы вам, подлечиться надо, товарищ командир.

Щорс не выносил соболезнования.

— Революция не дает нам отпуска. Революция диктует, советская власть приказывает, а мы обязаны исполнять и побеждать. Лечиться будем после победы. Не беспокойтесь, молодой человек, я продержусь еще дольше вас.

Щорс, снова уже сдержанный, подтянутый, говорит сухо. Но как ни скрывал он свою болезнь, она нет-нет, да

и скажется. Приходилось ложиться в постель. В такие дни он писал Фруму Хайкиной, с которой не встречался после выступления из Унечи:

«Немножко нездоровится, так что я немножко полеживаю, и кашель. Я, очевидно, простыл, но ничего... Я чувствую себя удовлетворительно».

Даже от Фрумы Хайкиной он не перенес бы жалости, соболезнования.

«Жалости к человеку не должно быть. Жалость для человека ниже всего. Ниже всякого презрения», — писал он Фруме.

Нежная дружба, давно уже связывавшая Щорса с девушкой-чекисткой, перешла в любовь. Он писал ей:

«Я больше чем люблю тебя. Я чувствую и испытываю родство души. Я люблю, я уважаю, я дорожу тобой. Одна надпись, вещь твоя вызывает у меня умиление».

Когда, надорвавшись на работе, Фрума Хайкина тоже серьезно занемогла, Щорс ни словом не выдал своей тревоги. Но как она чувствовалась во взволнованном стиле письма!

«Живи, живи! Живи ради общего блага пролетариата, которому мы отдаем всю энергию своей жизни».

«Благо пролетариата» — эти слова Щорс очень часто употреблял в письмах к своим близким. Его личные письма часто были похожи на боевые донесения, на газетную информацию. Он скрывал от Фрумы свою болезнь, почти ничего не писал о ней, но когда по радио получил сообщение об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, потрясенный, сейчас же послал ей телеграмму:

«Сообщаю тебе очень печальную весть: Карл Либкнехт и Роза Люксембург варварски убиты. Беспощадный террор мотивируется попыткой к бегству».

Отдавая все свои силы борьбе за освобождение Украины, сначала от немецких оккупантов, потом от контрреволюционных банд Петлюры, Щорс напряженно следил за событиями в Германии, за революционной борьбой в Венгрии. Он глубоко верил в силы мирового пролетариата. Сообщение об установлении в Венгрии пролетарской диктатуры вызвало в нем необычайный подъем сил.

— Богунцы, глаза на Запад! — кричал он в этот день на красноармейском митинге. — Советская Украина протянет братскую руку Советской Венгрии. Наш путь наступления к галицийским границам — путь к мировой революции!..

В середине февраля богунцы выступили из Киева, получив приказание наступать вместе со всей 1-й Украинской дивизией на Фастов.

Фронт звал. Богунцы и таращанцы, отдохнувшие, добыв в последних боях — как награду — свои наименования, выступили в поход. Мало удавалось поспать самому комбригу. Комендантская жизнь оказалась колготной, сутолочной, ночью даже не распоряжался собой. Очутившись в своем штабном вагоне, Николай впервые за десять суток заснул как убитый...

Докладывал Данилюк. Прикрепив в простенке карту, разрисованную цветными карандашами, он раскрывал общую стратегическую обстановку на Правобережной Украине, касаясь своей и чужой сторон. Сведения его самые свежие — вернулся из штаба дивизии. Николай, оторвавшись от дел фронта, теперь слышал многое впервые. События меняются каждый час как на фронте, так и в тылу. Вести хорошие: петлюровские войска, не принимая боя, бегут на Фастов, Житомир, Винницу, Умань. Сколачиваются группировки противника в районе Житомир — Бердичев, где верховодит атаман Коновалец, тысяч 10 сечевиков, под Уманью атаман Волошенко собрал 15 тысяч, на левом фланге, в районе Коростеня, сосредоточено шесть полков. Сам Петлюра с Директорией прижились в Виннице.

Данилюк, копаясь в бумагах, продолжал:

— Армия Петлюры в полном разложении. И, как видим, раздроблена на отдельные отряды. В лучшем состоянии у него два полка пехоты с сильной артиллерией, один полк конницы и четыре бронированных поезда в районе Житомир — Коростень. Перед нашей бригадой на Фастов — Казатин откатывается до 12 тысяч деморализованных синезупанников. Но угроза — вот.

Энергичным жестом он провел тупым концом карандаша по западной границе от Одессы до Сарн, Ровно.

— Все темные силы ополчились на Советскую Украину. Подключилась и церковь. Митрополит Платон обратился к империалистам с посланием:

«К вам, благородные американцы... к вам, доблестные французы и англичане, к вам, героические итальянцы, мое моление:

— Помогите и поддержите вашу союзницу Россию!

И к вам, наши единоверцы греки — потомки древних мудрецов, заложивших фундамент культуры всего современного мира, а также единокровные и единоверные братья — сербы, словаки, хорваты, черногорцы — моя особая просьба:

— Не оставьте когда-то великую Россию в беде!»

«Союзники» конечно же вняли молению митрополита, хотя и без его моления уже англо-французо-американцы слали оружие на Дон и снабжали Петлюру боеприпасами через Румынию, высаживали десанты.

По имеющимся сведениям, галицийское правительство Голубовского прекратило войну с поляками, начинает переброску освободившихся полков для поддержания Директории. Фактически Директория распалась, образовалась военная диктатура Петлюры с Грековым. В Галиции до 200 тысяч войск — «галицийская армия» так называемая. Хорошо вооружены и обучены. Неизвестно, сколько выставит Польша. Зато в Одессе, по последним данным, тысяч до 20 всяких там французов, англичан, итальянцев. Французские колониальные войска составляют сенегальцы. Из Константинополя прибыл на днях транспорт с греческими войсками. Численность не установлена.

— Чем располагаем на сегодня мы? — поставил вопрос Данилюк. — В киевскую группу входят, как известно, 1-я и 2-я украинские дивизии, Особая кавбригада Крючковского — четыре полка, Отдельная стрелковая бригада Маслова — три полка. Харьковскую группу составляют 26 отрядов Григорьева, два полка Махно и бригада Такенджанца. Есть, разумеется, и резервы у фронта, но о них на совещании велили помалкивать.

— Не густо, — вздохнул Боженко, выразив мнение всех присутствующих.

Николай говорил мало. Поставил ближайшую задачу полкам — овладеть Фастовом, крупным железнодорожным узлом. Вся дивизия развивается в дальнейшем наступление на Казатин, Бердичев, Житомир, Винницу и Коростень.

— Фронт слишком широк, — он указал кивком на карту. — Используйте каждый час, пока противник бежит, не оказывает сопротивления. Гнать, гнать и гнать!

В руки богунцев попала телеграфная лента, на которой был записан разговор двух петлюровских атаманов — Оскилко и Коновальца. Оскилко сообщил: «При виде нескольких богунских казаков мои войска сотнями снимаются и разбегаются. Что делать?» Коновалец предложил произвести чистку. Оскилко спросил: «Что значит чистка?» Коновалец ответил: «Чистка — значит чистка. Расстрелять, повесить, наказать нагайками, а все лучшее оставить для боя».

20 февраля бригада без боя вошла в Фастов. Петлюровцы уходили на Казатин, за ними неотступно следовали конники Баляса и Божоры, сопровождаемые бронепоездом. На другой день в Фастов нагрянуло начальство — начдив Локатош и военкомдив Панафидин. Пришлось на сутки задержать движение. Под смотр попали Богунский полк и батальон тарашанцев. Богунцами Локатош остался доволен, батальон тарашанцев нашел плохо одетым, без шинелей и сапог.

— Вид красноармейцев великолепный, настроение бодрое, строй и дисциплина вполне заслуживают звания регулярных частей, — заявил он. — За образцовый революционный вид частей, дисциплину, порядок и специальную подготовку командиру бригады выражаю особую коммунистическую признательность революционера.

Вид у самого Локатоша был неважный. Земля слухами полнится. Шепнул Петренко: вновь назначенный командующий Киевского направления Мацилецкий недоволен, мол, действиями Локатоша, дал ему разгон...

1-я Украинская дивизия наступала уже на Казатин, Бердичев. В Ходаркове богунцев встретил красный парти-

занский отряд. Когда полк вступил в местечко, партизаны взяли «на караул». Богунцы прошли мимо них торжественным маршем. Погода стояла уже весенняя. Жители выносили на площадь столы, покрытые белыми скатертями. Для богунцев был приготовлен праздничный обед.

Разрушая мосты и водокачки, петлюровцы бежали по линии железной дороги на Бердичев и Винницу. Казатин богунцы взяли без боя. Здесь Щорс получил из штаба армии приказание вступить в командование Первой Украинской советской дивизией. Исакович исполняет обязанности военкома дивизии. Как раз в эту пору год назад он вышел из Сновска в Семеновку с немногочисленным отрядом. За один год он прошел путь от командира маленького партизанского отряда до командира дивизии.

Назначения не столько обрадовали Николая, сколько ошеломили. Назначен и новый начальник штаба. Кассэр, Сергей Васильевич. Из «бывших». Уже у Казатина со всем штабным хозяйством, ночью с бронелетучкой прибыли вагоны со штабом дивизии. К утру Николай сочинил свой первый приказ:

*Войскам 1-й Советской Украинской дивизии
г. Казатин 11 марта 1919 г.
№ 64*

§ 1

Я с 8 марта вступил в командование 1-й Советской Украинской дивизией.

Основание: постановление Реввоенсовета группы войск Киевского направления от 5 сего марта за № 356.

§ 2

Товарищи красные командиры и красноармейцы! Я обращаюсь к вам с товарищеским приветом и в то же время прошу твердо помнить, что вся наша общая работа в дивизии против врагов революции и народа тогда лишь будет продуктивна и крепка, когда будет основываться не только на взаимном доверии друг к другу, но и на ак-

тивном участии всех товарищей красных командиров и красноармейцев. Каждый товарищ должен проникнуться той мыслью, что только при той сплоченной, тесной централизации и сознательной товарищеской дисциплине мы сильны и нам никакие силы неприятеля не страшны.

Товарищи красноармейцы, твердо помните, что в рядах революционных красных войск находятся лучшие сыны рабочих и крестьян, которые в борьбе за осуществление идей коммунизма отдают свою жизнь.

Товарищи красноармейцы, я более чем уверен, я убежден в том, что общими силами, участием всех сознательных товарищей мы создадим твердую, мощную, сознательную товарищескую дисциплину — мы дети семьи трудовой, «мы армии народной коммуны, мы желаем, мы можем, мы умеем и мы создадим».

Да здравствует власть Советов на Украине и во всем мире!

Да здравствует Красная Армия со своей мощной, сознательной товарищеской дисциплиной!

*Начальник 1-й Советской Украинской дивизии Щорс.
Начальник штаба Кассэр.*

В день вступления Щорса в командование 1-й Украинской дивизией ее части уже выдвинулись на линию Махновка — Зарудница, в районе Бердичева, и должны были наступать на Винницу.

Осматривал начдив полки на походе. Войска тащились вдоль железнодорожной насыпи. За бронепоездом катили летучки с боепитанием и продовольствием. Грунтовые, лесные дороги с каждым часом дурнели, речушки, низкие места набухали от талой воды. Колеса вязли по ступицу. Выручал, как и всегда, конь.

У богунцев не задерживался. Назначил Квятека в Богунский полк, в помощники ему оставил Данилюка — уступил настырному. Недолго побыл и у Боженко: комсостав таранцев помнил в лицо вплоть до командиров отделений. Мало чего мог сказать о 3-м и 4-м полках. Памятуя о своих переживаниях, про себя называл их по старинке — нов-

городсеверцы и нежинцы. Добьется восстановления и им наименования: представит после первых же удачных боев ходатайство Реввоенсовету фронта. Поближе узнал обоих комполков — Тимофея Черняка, новгородсеверца, и Гергуля, нежинца. Впечатление от смотра удручающее: бойцы разуты, раздеты, плохо вооружены. Приток пополнения радовал. В Богунском полку 2400 штыков, в Таращанском — 3100, у новгородсеверцев — 1986, у нежинцев — 1721. Есть пятый пехотный полк — 22-й, насчитывает 1100 штыков. В глаза даже не видал. Стоит он где-то в Бруславе, доформируется. У Петренко один полк уже в седле — около 900 сабель. Около 600 бойцов в батареях.

Внушительное хозяйство. Людей надо не только вести в бой, их надо кормить, одевать...

Винница неожиданно обрела стратегическое значение. Помимо того, что там нашла приют Директория, основав политический центр Воыни, Подолии, город держал в руках узел железных дорог, уводивших на юг, в Одессу, и на запад, в Галицию. Петлюра, заламывая пальцы, считал часы, когда потекут по тем дорогам эшелоны с войсками. Галиция начала помалу отзываться, Одесса помалкивает. Ни куют, ни мелют новые союзники, грузы поступают, но вместо солдат пока обещания. А держаться все труднее и труднее.

В военном отношении особое значение Винница приобретает в штабах как на той, так и на этой стороне. Едва представившись, начальник штаба дивизии Кассэр налег локтями на карту. Винница, Винница! Николай, не перебивая, следил за вялыми движениями белых припухлых кистей рук. Их дивизия, Особая кавалерийская и Отдельная стрелковая бригады не разбили бердичевско-житомирскую группу атамана Коновальца, а отодвинули. Тем самым выдался правый фланг фронта далеко вперед. А в Виннице сосредоточилась южная группа петлюровцев под общим руководством атамана Волошенко. Она и преградила дорогу от Умани на запад 2-й советской дивизии.

— Пока Запорожский корпус у атамана Волошенко существует, Винница будет нам, правому крылу, угрожать.

Сохраняется угроза и Киеву. Захват Винницы разорвет Петлюре связи с союзниками на юге и с Галицией. Мало того, устранит опасность захода нам в тыл, во фланг. Уяснили задачу, товарищ начдив?

Есть же вот такие люди, оторванные от всего на свете, живут только тем, что лежит у них под руками. Кассэр — тот человек, кроме карт и директив, ничего не знает. А может, первое впечатление обманчиво? Наверяд ли он хотел его обидеть вопросом своим. Что ж, не будет с ним резок.

— Вполне, товарищ начальник штаба дивизии. Эту задачу Богунский и Таращанский полки уже выполняют. Сегодня утром они были в двадцати верстах от Винницы. Задержал взорванный железнодорожный мост через Южный Буг. Я срочно отправляюсь туда. Сергей Васильевич, займитесь тылами. Черт ногу сломает... Ей-богу. Отзовусь из Винницы...

Щорс, вызвав в штаб командиров полков, приказал Боженко наступать с таращанцами с юго-востока на западную окраину Винницы.

— Добре, — сказал батько и, подозрительно посмотрев на Щорса, спросил: — А богунцы?

— Богунцы наступают по шляху на Калиновку и Стрижавку, — ответил Щорс.

Он рассматривал карту.

Боженко толкнул локтем своего начальника штаба:

— Подывись, бо у мэнэ очи болять.

Сам Боженко пренебрегал картой, потому что плохо разбирался в ней. Начальник штаба таращанцев объяснил батьке задачу. Проведя пальцем по карте прямую линию, он показал на Щорса, а сделав загогулину, кивнул на Боженко. Батько махнул рукой.

— Цэ нэ грае роли. Таращанци перши будуть у Винници.

Щорс приказал наступать на рассвете. Но было еще темно, когда Боженко, прорвав петлюровский фронт, помчался во главе таращанской конницы в направлении Винницы, которую он жаждал захватить первым.

Перешли в наступление и богунцы. Калиновку они заняли на следующий день после учиненного здесь петлюровцами еврейского погрома. Местечко было завалено трупами и, как снегом, засыпано пухом из распоротых подушек и перин. Весенние лужи и грязь местами были окрашены кровью. По базарной площади бегал в нижнем белье старый еврей, потерявший от горя рассудок.

Узнав от населения, что петлюровские банды сейчас громят евреев в местечке Стрижавке, командир Богунского полка решил ускорить наступление. Он собрал всех конных разведчиков и во главе отряда в 180 сабель поскакал по дороге на Стрижавку — Винницу. В Стрижавке богунцы застали ту же картину, что и в Калиновке. Преследуя погромщиков, они перешли мост через реку Буг и днем ворвались в город, вырубая по дороге бегущих в панике, скидывающих на ходу синие жупаны петлюровцев. Со стороны вокзала донеслись гудки паровозов. Изменив направление, отряд поскакал на станцию. Эшелоны с петлюровским имуществом ему удалось захватить в тот момент, когда они уже трогались. Богунцам достались богатейшие трофеи. Проезжая на конях вдоль эшелонов, подсчитывая захваченные аэропланы, пушки, они вдруг заметили подходившие к городу дрезины. С дрезин соскочили люди, приняли боевой порядок и стали наступать на станцию вдоль полотна железной дороги. Впереди бежал человек в кожаной куртке, с револьвером в руке.

— Да это же Щорс! — в один голос воскликнуло несколько богунцев.

Командир полка доложил начдиву, что Винница уже захвачена богунцами, и начал перечислять трофеи.

Щорс засмеялся:

— Ну, теперь наш батько не найдет себе покоя.

В это время доложили, что с востока на Винницу наступает крупный кавалерийский отряд.

Щорс посмотрел в бинокль.

— Так и есть, батько мчится. Надо его встретить по-торжественнее.

Когда Боженко галопом подскакал к вокзалу, навстречу ему вышла группа богунцев. Один из них, коварно улыбаясь, держал в руках каравай хлеба и соль.

— Добро пожаловать, батько. Богунцы просят вас в Винницу.

Боженко огорченно воскликнул:

— Хлопцы, тут вжэ богунци!

Командир Богунского полка, подмигнув Щорсу, стал перечислять захваченные им трофеи.

Боженко так разволновался, что даже вспотел.

— Немыслимо! — закричал он. — Начальник штаба, ступай до мэнэ! Я з тэбэ, чортяка, голову зниму.

Начальник штаба не решился приблизиться к Боженко, размахивавшему нагайкой.

— Легче, батько, легче, — тихо сказал Щорс.

— Так вин же, чортяка, мне голову задурыв своєю картою, а то я вжэ давненько був бы у Винници.

— В Виннице богунцы, а в Жмеринке петлюровцы, — сказал Щорс...

Винница была взята 18 марта. Стиснутые богунцами и таращанцами со всех сторон, не ожидавшие в такую распутицу наступления, петлюровцы не успели эвакуировать город. Комполка Квятек с конниками Божоры первый влетел на вокзал. Синежупанники, набитые в теплушки, так и остались на путях. Успел укатить на соседнюю станцию, в Жмеринку, только штабной состав.

Петлюра, потеряв вторую свою столицу, оказался в тяжелом положении. Войска его были разрублены, будто шашкой, на две неравные доли. Успевшая отойти винницкая группа под командой атамана Волошенко попала под удар 2-й Украинской советской дивизии в районе Вапнярки.

На следующий же день таращанцы лихим налетом захватили Жмеринку. Щорс получил донесение, в котором батько сообщал о богатых трофеях.

Всю Подолию охватили крестьянские восстания. Убежавшая в Проскуров Директория вынуждена была срочно перебраться в Каменец-Подольский. Но и там тоже она не нашла покоя: восстали мобилизованные Петлюрой кре-

стьяне. В городах и селах восставшие устанавливали Советскую власть. Революционные выступления проникли и в Бессарабию — против румынских бояр.

Поздно вечером в Винницу прикатил штабной поезд. Со штабом прибыл и Исакович. Навалившиеся приказы, тревожные телеграфные разговоры не давали выкроить у ночи и полчаса, чтобы посидеть мирной компанией, как это случалось в Унече. Своя победа здесь, под Винницей, вызвавшая радостное чувство, глушилась бедой со стороны — неладно под Коростенем. Срочно требуется помощь войск. Исакович, явившись из Киева, знал больше, нежели то доносили бумажные ленты.

— Киев в опасности, — объявил он, едва успев поздороваться. — Выручай, Николай Александрович. Сечевики Коновальца жмут на Бородянку. Полста верст от Киева. Резервов у Мацилецкого нет.

— Ты раздевайся, на ногах, гляжу, не стоишь. — Николай принял его шинель, повесил на крюк. — Богунцы грузятся в вагоны. В двадцать три ноль-ноль отправляется первый эшелон. Завтра погрузку начнут нежинцы. Погорняка не хватает. Проходи к столу, отогреем тебя...

Ужин собрали тут же у Кассэра, в оперативном салоне. Николай сразу заметил обнову на начальнике штаба: суконная офицерская гимнастерка, совершенно новая, темно-синие галифе с хромовыми леями. Отбывая тогда из Казатина, шепнул своим снабженцам, чтобы позаботились о начштадиве. Определенно и в лице его что-то изменилось — ожило, стало сосредоточенно-энергичным. Слушавшая военкома, тот делал пометки в блокноте, косился на карту, сдвинутую на край стола...

Петлюра все-таки дождался помощи. Боярская Румыния развернула по Днестру две дивизии, панская Польша, обеспокоенная победой большевиков, двинула свои войска на Ковель, Пинск и Сарны, навстречу отступающим сечевикам. Подняв голову, Петлюра вздумал взять реванш. Для контрудара он выбрал удачный район — Коростень. Железнодорожный узел, откуда идут ветки на Киев, Москву, Одессу, в Галицию. Место самое уязвимое — стык

фронтов, Западного и Украинского. Захват Коростеня выводит его войска прямо на Киев, а это значит в тыл советским войскам. К тому же там нет достаточных сил. Два полка 17-й дивизии, соседей, Западного фронта, да два нашего, Украинского, — 11-й и 20-й пограничные 3-й пограндивизии.

— Как это нет сил! — возмутился Николай. — Куда смотрит штаб Мацилецкого? Кто этот Дубовой, начальник штаба у него?

— Симпатичный парень, — сказал Исакович, желая не вносить смуту. — Великан с бородой. Загляденье. Тоже «царичанин».

— Без сомнения, просчет штаба армии налицо, — подержал начдива Кассэр, подтягивая ближе карту. — Ему-то виднее всех должно быть... Вот она, дыра, в самом стыке фронтов. Шагай по коростеньской ветке, как по плацу. Тем более выступления Польши ждали с часу на час.

Теперь уже Николай свернул этот разговор, ни к чему, кроме заглазной ругани, не приведший бы.

— Давайте-ка к своим делам непосредственным поближе. Пока время терпит. Боюсь, к утру сам Антонов не то еще потребует от нас при такой обстановке...

Судьба Киева висела на волоске. Из Коростеня атаман Коновалец все силы бросил вдоль железной дороги. За бронепоездами двигались эшелоны сечевиков. Богунцы успели добраться до станции Бородянка — пятьдесят верст от Киева; под обстрелом петлюровских бронепоездов выскакивали из вагонов, ротами вступали в бой. Совместно с наспех сколоченной дружиной железнодорожников, поддерживаемые огнем бронепоездов, штыками опрокинули передовые курени петлюровской армии. Наутро подкатили из Винницы нежинцы, из Киева отряды рабочих. Отступая, сечевики пытались взорвать железнодорожный мост через реку Тетерев. Смельчаки богунцы из третьего батальона Гавриченко, перебежав мост, оборвали уже шипящие бикфордовы шнуры и разбросали пироксилиновые шашки.

У моста, срезанный в ногу из пулемета, упал Квятек. Залитого кровью, вытащила его из огня Соня Алтухова, сестра милосердия. В командование полком вступил Данилюк.

Бои под Коростенем затянулись. Весенняя ростепель, невылазная грязь, прочно укрепленные позиции и два бронепоезда, раскатывающиеся по пяти выходящим веткам, затрудняли наступление. Зато к Киеву поставлен прочный заслон.

В последние дни марта петлюровцы повели наступление из Житомира на Бердичев. Бельмом в глазу торчал у Петлюры Бердичев. 2-я Украинская советская дивизия, заняв у Проскурова городки Литин и Летичев, северо-западнее Винницы, совместно с войсками бердичевского боевого участка выходила на тылы куреней атамана Коновальца. Это и толкало Петлюру к захвату города. Как и Коростень, Бердичев имел стратегическое значение на подступах к Киеву.

Не меньше значил город и для советского командования. Узел дорог и опорный пункт прикрывали фланг и тыл дивизии Щорса. Лишись его, враг рассекает фронт — 2-я дивизия в районе Вапнярки оказалась бы в окружении. Поэтому сюда спешно стянули полки кавбригады Крючковского и пехоту Маслова. Сил тех явно не хватало.

Николай, получив приказание возглавить боевой участок, срочно прибыл с одним батальоном таращанцев в Бердичев. Его глазам предстала страшная картина. Гнутая линия обороны проходит сразу за городом. Полки самовольно оставляют позиции и атакуют свои теплушки. Распаренный, шинель по пояс в грязи, с наганом в руке, он метался как одержимый, силой загоняя в окопы разнуданную пехоту. Поработали тут крепко петлюровские лазутчики, нагнали страху, нагородили обещаний. Под местечком Райки в штыки встретил с таращанцами передовой курень из корпуса атамана Оскилко. Подымал бойцов из окопов, подбадривая, призывал за собой в атаку. Город переходил из рук в руки. Отдавали и тут же брали обратно. За белый день не успевал расходиться над головой едущий черный дым, пушечная пальба рвала ушные перепонки...

Киев обил все провода, требуя переброски из Винницы остальных полков, Таращанского и новгородсеверцев. Терпел куда можно. Сперва запросил Боженко, за ним вслед прибыл и 3-й полк Тимофея Черняка.

Напор сечевиков на Бердичев не ослабевал. Петлюра бросал свежие пополнения, прибывающие из Галиции. Кроме оружия, он действовал и словом — в воззвании, обращенном к советским войскам, лживо писал, что Киев окружен, борьба напрасна, и советовал разойтись по домам. Ему-де «не хочется убивать своих людей».

Укладываясь спать, Николай вдруг вспомнил:

— Василий Назарович, а что писали запорожские казаки султану?

— То ж турку. И матюком можно было тогда пугнуть... Ты первый зараз на дыбы встанешь.

— Без матюков. Слог верный взять.

В исподнем кинулись к столу. Вспоминая врезавшиеся в память места, нахотались до слез. К ним прибились разбуженные в соседнем купе комиссары — Исакович и Коцар. Утром машинистка размножила под копирку письмо — ответ таращанцев и богунцев пану гетману Петлюре.

«Мы, таращанцы, богунцы и другие украинцы, казаки, красноармейцы, получили твое похабное воззвание.

Как встарь запорожцы турецкому султану, так и мы тебе отвечаем.

Был у нас гетман Скоропадский, сидел на немецких штыках, згинул, проклятый.

Новый пан гетман объявился — Петлюра. Продал галицийских бедных селян польским панам, заключил с паннами-помещиками мир. Продал Украину французским, греческим, румынским жукам, пошел с ними против нас — трудовых бедняков Украины.

Продал мать-родину, продал бедный народ. Скажи, Иуда, за сколько грошей продал ты Украину?

Сколько платишь своим наймитам за то, чтоб песьим языком мутили селянство, подымали его против власти трудовой бедноты? Скажи, предатель!! Только знай: не пановать панам больше на Украине!

Мы, сыны ее, бедные труженики, голову сложим, а ее защитим, чтобы расцвела на ее вольной земле рожь, на свободе сжата была вольным крестьянством на свою пользу, а не жадным грабителям, кровососам, кулакам, помещикам.

Да, мы братья русским рабочим и крестьянству, как и братья всем, кто борется за освобождение трудящихся.

Твои же братья — польские шляхтичи, украинские живоглоты — кулаки, царские генералы, французские буржуи.

И сам ты брехлив и блудлив, как польские шляхтичи, — мол, всех перебьет.

Не говори гоп, пока не перескочишь! Лужа для тебя готова, новый пан гетман буржуйской, французской да польской милостью.

Не доносить тебе штанов до этого лета. Мы тебе хорошо бока намяли под Коростенем, Бердичевом и Проскуровом. Уже союзники твои оставили Одессу...

Освобожденная Венгрия протягивает к нам братские руки, и руки ограбленных панями крестьян Польши, Галиции тянутся к горлу твоему, Иуда!

Прочь от нас, проклятый, подавись, собака!

Именем крестьян, казаков Украины командиры

Щорс, Боженко, Квятек и др.».

Борьба за Бердичев продолжалась девять дней. Город переходил из рук в руки. Щорс называл эти бои «бердичевским кошмаром».

Были такие моменты: в лоб на таращанцев наступала несколькими густыми цепями отборная пехота петлюровских синежупанников, на левый фланг неслась кавалерия, а в тыл, под прикрытием бронепоезда, заходили роты юнкеров. Таращанцы не выдерживали, поворачивались, бежали. Щорс, осаживая на всем скаку коня, преграждал дорогу бегущим, стреляя из револьвера в воздух, и кричал охрипшим голосом:

— Ни шагу назад!

И таращанцы останавливались, рассыпались цепью и шли за Щорсом.

Были моменты, когда Щорс, скомандовав: «За мной, в атаку!», бежал впереди, задыхаясь от приступа кашля. На него страшно было смотреть. На давно не бритом, осунувшемся от бессонных ночей лице, лихорадочно блестящие большие глаза.

Были моменты, когда Щорс действовал, как рядовой боец. Видели, как он подползал к железнодорожному полотну, наперерез заходившему в тыл бронепоезду. Видели, как он клал на рельсы пироксилиновые шашки, как поджигал бикфордов шнур, и видели, как потом вздрагивал от взрыва бронепоезда.

Были моменты, когда все силы таращанцев иссякали, они отходили, охваченные паникой, но у самого города неожиданно появлялся Щорс со свежей поддержкой. Он пополнял поредевшие ряды таращанцев еврейской рабочей молодежью Бердичева. Пережившая кошмарные дни петлюровских погромов, молодежь бралась за оружие.

— Щорс бежал впереди нашей роты, — рассказывал после боя какой-нибудь таращанец.

— Не может этого быть, — возражал другой, — в это время Щорс был у нас.

И люди спорили до хрипоты, каждый был убежден, что он прав. Послушав таращанцев, можно было подумывать, что Щорс вездесущ. Воспитанные Боженко, обожавшие своего батьку, они пели о Щорсе:

То не сокол, не орел
Кружит крылом,
Сам Щорс вдоль фронта
Летит верхом.

И батько Боженко тоже пел эту песню о Щорсе. Когда таращанцы рассказывали о боях под Бердичевом, трудно было правду отличить от вымысла. Вчерашний день превращался уже в легенду.

«Погода была холодная и сырая. Снег только что растаял, была грязь, — писал в письме один из рядовых участников борьбы за Бердичев. — У многих бойцов распухли

ноги и заостенели руки. С большими потерями мы отходили к Бердичеву. Ночью мы видели зарево над теми селами, где нас принимали особенно радостно. Сердце сжималось, когда мы смотрели на багровое небо. На рассвете человек сто отступивших бойцов собралось на станции. Вдруг под красным флагом к перрону подъезжает бронепоезд. Не ожидая никакой провокации, мы радостной толпой высыпали к нему навстречу. Но вместо приветствия на нас посыпались горячим градом пули и картечь. Поднялась паника. И вот откуда-то появился Щорс с наганом в руке. Его суровый голос сразу привел нас в себя. Он сумел нас задержать и рассыпать в цепь. Я бежал, неся на плече тело пулемета „максим“. А мой товарищ тащил станок. Указав высокое место, Щорс приказал нам собрать пулемет и открыть убийственный огонь. Через минуту наш пулемет уже работал, а Щорс командовал: „Цепь вперед, за мной, ура!“ Никогда не забуду я этого торжественного момента: с наганом в руке летит Щорс впереди, и все напрягают силы, чтобы не отстать от своего молодого начдива. Дав задний ход, петлюровский бронепоезд поторопился исчезнуть с наших глаз».

В таком стиле рассказывали о боях под Бердичевом все дравшиеся под командой Щорса.

На девятый день боев за Бердичев Щорсу позвонили из Киева:

— В Елизаветграде восстал Григорьев, в Триполье поднял мятеж Зеленый, в Христиновке восстание. Мы бросили туда все наши силы, но этого мало. Снимите с фронта два полка и направьте их в Киев, в распоряжение группы.

— Слушаю! — отрапортовал Щорс. — Приказ будет выполнен.

Штабные недоумевали: как можно, говорили они, «отдать дяде» лучшие полки в то время, когда трещит собственный фронт! Даже храбрый Боженко ворчал: «Это что? Отступление? Отступай сам, а Тараща не отступит от Бердичева».

Щорс улыбнулся своей обычной ясной и немного стеснительной улыбкой.

— Нам тут трудно, но будет еще труднее, если враг ударит нам в тыл. Вот для того, чтобы обеспечить свой тыл, я и посылаю два полка. А об отступлении не может быть и речи.

Утро следующего дня началось, как уже повелось в последнюю неделю, с артиллерийской канонады. Но опытное ухо Щорса уловило в сегодняшнем гуле что-то новое: из-за монастыря били две свежие восьмиорудийные батареи. Щорс быстрым глазом просмотрел последние донесения. Петлюра ночью выдвинул против новгородсеверцев недавно прибывший к нему Белоцерковский полк. Устали, измотаны новгородсеверцы. Как бы не дрогнули! Щорс отправился к ним.

Петлюровцы начали атаку по всему фронту, но особенно нажимали на новгородсеверцев: обе восьмиорудийные батареи, точно огненным колпаком, накрывали все подходы к ним. У Щорса не было резервов: он приказал командирам полков стоять насмерть, а сам во главе новгородсеверцев то отбивал атаки белоцерковцев, то поднимал своих в контрнаступление.

Щорсу, да и всем другим командирам приходилось туго. Но стояли, кровью истекали, но стояли. А к вечеру прокатилось по всему фронту победное «ура»: в распоряжение Щорса прибыл полк иваново-вознесенских рабочих!

Петлюру отогнали от Бердичева. Наступила короткая передышка.

Выдохлись, как видно, петлюровцы. В канун пасхи, 5 апреля, атаман Оскилко начал отчаянные попытки прорваться в Коростень. На рассвете под колокольный звон сечевики бросились в атаку у села Могильно. Богунцы встретили их свинцом и штыками. Поубавив спеси, сами перешли в наступление. Вместе с нежинцами 10 апреля ворвались в Коростень.

Затухали атаки и под Бердичевом. Таращанцы и новгородсеверцы оставили у города окопы и двинулись за отступающим противником. Николай, грязный, утомленный до крайности, но с облегченным чувством, вернулся в штаб.

И тут ждали добрые вести: взяты Одесса, Проскуров, Староконстантинов. Подписав распоряжение войскам дивизии и подчиненным полкам Особой и Отдельной бригад о движении на Житомир, Новгород-Волынский и Шепетовку, прошел в санитарный вагон, к Квятеку.

— Вспомнил вот, — сказал, будто оправдываясь, — отправляют тебя в Киев... Выздоровливай да вертайся.

По вспыхнувшему лицу Сони и взгляду самого раненого понял, что разлучать этих двух людей нежелательно. Первые же слова, произнесенные сестрой милосердия, подтвердили догадку.

— Николай Александрович, рана заживает... Врач не видит уже нужды в эвакуации.

— Коль врач, я бессилен перед медициной.

Ночь Николай провел дурно. И напарился в бане, и в чистой постели. Рад за Квятека. Рад и за Соню. Мыслями сам был в Унече, Новозыбкове. Мало выпадало времени вспоминать о Фруме, а еще меньше — писать. Утром, сев за бумагу, почувствовал, что вместо тех слов, не сказанных еще меж ними, получается донесение по начальству с налетом яканья. Переписывать некогда — начштаба уже стоит за спиной, — да и марасть строчки неудобно...

Между тем Щорс, выбившись из сил, слег тяжело больной в штабном вагоне на станции Житомир. В письме Фруме Хайкиной Щорс сообщал:

«У нас на бердичевском фронте произошла заминка. Киев оказался под сильной угрозой. Все взоры устремились на нас. 29 марта приезжаю в Бердичев — о, ужас! Все войско в вагонах, и никакой власти нет. Дело происходило в 3 часа ночи. Получив полную информацию, я взялся за дело. Когда товарищи красноармейцы узнали о моем приезде — воспрянули духом. Я бросил их в наступление и сам цепями оттеснил неприятеля за 18 верст от Бердичева, где и остановились на ночь.

Наутро Петлюра сам на броневике подвез превосходящие численностью силы и оттеснил наш левый фланг. Наши полки дрогнули и обратились в бегство. Видя такое положение, я сразу сообразил, чем эта история мо-

жет кончиться. На лошади верхом я останавливаю бегущих и с великим трудом все же добиваюсь своей цели. Под сильным артиллерийским огнем я вторично повел цепи в наступление и опять выбил противника. Бои завязались сейчас же за городом. Участие принимали с нашей стороны 5 броневиков и дивизион артиллерии, а со стороны неприятеля — 5 броневиков и 32 орудия разного калибра.

В течение девяти дней шел сильный и упорный бой с утра до ночи. Но все-таки противник был разбит, не смотря на то, что город переходил из рук в руки.

Ты знаешь, что я не люблю писать, но если я уж пишу тебе, то вообрази, что могло здесь быть, — я назвал это „бердичевским кошмаром“. Здесь смешались в кучу и наши и враги. Но я был глубоко уверен в победе — и победил — и с кем же? К концу боя у меня осталось всего-навсего 175 человек, 3 орудия, 2 броневика и я».

Только в конце письма Щорс между прочим сообщал о своей болезни: *«После всего этого я захворал, и захворал серьезно. Не думай, что я ранен, нет, я тебя уверяю, что нет... Врачи сообщают, что я счастливее, что у меня железный организм... За мной хорошо ухаживают, следят, кормят и т. п. Теперь я почти здоров».*

О железном организме Щорса врачи вряд ли говорили ему. Во время «бердичевского кошмара» он получил острый колит, и его организм, подточенный процессом в легких, с трудом боролся с новой болезнью.

Вот свидетельство гарнизонного врача, лечившего в эти дни Щорса:

«Будучи одержим острым колитом при очень высокой температуре, он находился в крайне тяжелом состоянии, неизменно страдал от нечеловеческой боли в животе. Меня поразила его выдержка. Несмотря на свои ужасные переживания, он отдавал приказания спокойно, твердо, ясно».

Разговаривая как-то с врачом, Щорс неожиданно воскликнул:

— Вы знаете, доктор, о чем я сегодня размышлял? Окончится вот гражданская война, — что мы победим,

в этом нет сомнения, — и ведь я смогу учиться, где мне только вздумается! Так вот я и размышлял: продолжать ли мне медицинское образование, поступить в университет, — я ведь давно мечтал о нем, — или идти в Академию генерального штаба. Пожалуй, академия перетянет... Эх! Доктор, как хочется учиться! Знаете, мне кажется, что я горы сверну.

Строя планы на будущее, Щорс никогда не говорил о возможности смерти в бою. Он как будто даже не предполагал, что его могут убить, хотя редко выпадал день, когда бы он не рисковал своей жизнью...

Учитывая состояние его здоровья, Николаю разрешили несколько дней побыть в Киеве под присмотром врачей. В Киеве его уже ждала Фрума. Когда ему доложили о приезде Фрумы, оказалось, что это не сюрприз для него, — он ее ждал.

Товарищи, знавшие о чувствах, связывавших Щорса и Хайкину, и не раз еще в Унече поговаривавшие о женитьбе, опять начали намекать на это.

— Можете успокоиться, — засмеялся Щорс, — я сделаю Фруме предложение.

Войдя в купе вагона, в котором приехал Щорс, Хайкина поздоровалась сразу со всеми:

— Здравствуйте, товарищи богунцы!

Она ничуть не изменилась. И одета была так же: кожаные куртка и фуражка, грубые сапоги, у пояса маленький браунинг в кобуре.

— Знаешь, Фрума, хлопцы донимают меня, покоя не дают, требуют, чтобы мы с тобой поженились, — сказал Щорс.

Фрума улыбнулась.

— Придется, видимо, подчиниться их требованию.

— Придется, Фрума, конечно.

— Что ж! По рукам?

Фрума протянула руку, Щорс крепко сжал ее.

В тот же день комендант доложил Щорсу, что ему приготовлена квартира из четырех комнат около вокзала. Щорс расхохотался.

— Что такое? Что такое? Повтори-ка!

— Товарищу начдиву отведена квартира, потому что как он теперь вроде семейный будет.

— Слышишь, Фрума? — крикнул Щорс. — Придется тебе скоренько сматываться отсюда, а то они меня замучают.

Однако, друзья Щорса, решившие во что бы то ни стало уговорить его пожить в человеческой обстановке хоть несколько дней, пока есть для этого возможность, добились все-таки своего. Щорс переселился в отведенную ему квартиру, но занял с Фрумой только две комнаты, а другие две отдал семейному железнодорожнику.

Дети железнодорожника — три девочки и мальчик — сейчас же заявили к Щорсу.

— Правда, что вы товарищ Щорс? — спросила старшая девочка.

— Меня зовут дядя Коля, — сказал Щорс.

— Значит, вы, дядя, не Щорс?

— Дядя Коля Щорс. Давайте дружить.

— Давайте, — сказала старшая. — Поиграйте с нами.

— Во что?

— Можно в кошки-мышки.

Щорс сделал испуганное лицо и замахал руками.

— Ни за что! Страшнее кошки зверя нет.

Дети засмеялись.

— Это же такая игра...

— А разве вы, дядя, боитесь кошки? — спросил, мальчик.

— Ужасно. Больше всего на свете.

— А у нас есть кошка, — сказала старшая.

— Черная? — испуганно спросил Щорс.

— Да, черная. Глаза желтые.

Щорс схватился за голову.

— Что же мне теперь делать!

Дети закричали:

— А мы сейчас принесем кошку. Принесем! Принесем!

Выбежав, они вернулись с жалобно мяукающей кошкой и кинули ее на Щорса.

Щорс вскочил на стул, со стула на стол, замахал руками, крича:

— Караул! Помогите!

Дети ликовали. Щорс так естественно изображал испуг, что нельзя было не поверить ему.

Вечерами у Щорса иногда собирались друзья. Как-то раз они явились с пакетами яблок, печенья, конфет.

— Я вижу, вы решили устроить настоящий пир, — засмеялся Щорс. — Ничего не имею против. Придется тебе, Фрума, похозяйничать. Ставь-ка самовар.

Тысленко, бывший командир роты Богунского полка, недавно назначенный Щорсом на должность начальника снабжения дивизии, шепнул что-то на ухо Фруме.

— Конечно, — сказала она.

Щорс погрозил шутя.

— Смотри, Тысленко, попробуешь моей плетки.

— Я говорю товарищу Фруме, что не грех бы нам сегодня и по рюмочке портвейна.

Тысленко, человек атлетического телосложения, говоривший всегда громовым басом, сказал это так тихо и робко, что все засмеялись.

— Фрума! — крикнул Щорс. — Спасай меня! Они устроили настоящий заговор. Я запрещаю командирам возить с собой жен, — они заставили меня жениться. Я за пьянство предаю суду трибунала, — они хотят меня самого сделать пьяницей. Заговор! Настоящий заговор!.. Фрума, что ты делаешь? Ты заодно с ними? Теперь я пропал.

Откуда-то появилась бутылка, Фрума раскупорила ее.

— А ты не бойся, Николай, мы тебе не дадим, — сказала Фрума.

— Нет уж, извините, если ты с ними заодно, я тоже запысь с горя.

Щорс соорудил такую мрачную физиономию, что все опять прыснули. И смех весь вечер не прекращался в комнате.

Взяв рюмку портвейна, Щорс понюхал его, выпил глоток и, передернувшись от отвращения, выскочил из-за стола, отплевываясь.

— Нет уж, вы пейте вино, а я буду пить молоко... Фрума, дай мне молока — запить отраву.

Фрума поставила перед ним кувшин с молоком, и онпил стакан за стаканом, облизывая от удовольствия губы и приговаривая:

— Пейте, Николай Александрович, молочко, пейте, проживете сто лет и еще столько же, если не умрете раньше.

— А у вашего муженька, товарищ Фрума, локти-то протерлись, — заявил вдруг Тысленко, — пора бы костюмчик переменить.

Несколько голосов сразу подхватило:

— Да, Николай, пора переменить.

Щорс оглядел себя в зеркало.

— Что вам нужно? Костюм чистый, дыр нет, пуговицы все, как часовые на посту, сам проверяю караулы.

— А вот примерь, не лучше ли будет? — пробасил Тысленко, торжественно вытаскивая из-под стола новенькие хромовые сапоги и военный костюм, сшитый специально для Щорса по секрету от него.

Щорс удивленно смотрел на костюм, застыв в нерешительности на какое-то время.

— Тысленко, ты как фокусник в цирке! Настоящий снабженец. Думаю, будет лучше. И мерить нечего! — воскликнул Щорс. — Давайте, сейчас же облачусь в него.

В этот момент Николай напоминал мальчишку, которому показали красивую игрушку.

Щорс вышел в соседнюю комнату и вернулся в новом костюме.

— Это же черт знает что такое! Как будто на меня шит... Сознвайтесь, как мерку снимали?

— Не угадаешь!

— Угадаю.

— Ну?

— Когда спал.

— Угадал.

Все громко рассмеялись. Щорс опять подошел к зеркалу.

— Теперь, Фрума, мне стыдно с тобой на улице показаться.

— Ну, это мы быстро уладим, — сказал Тысленко и сунул голову под стол. — А это что? А это?

Фрума были преподнесены: шляпа с широкими полями, шелковое платье и изящные туфельки.

— Извольте переодеться, товарищ.

Фрума замахала руками:

— Что вы! Что вы! Ничего более подходящего не нашли для меня?

— Ну, без разговоров, Фрума, переодевайся, — сделал строгое лицо, приказал Щорс. — Сегодня у нас вечер сюрпризов!

— Есть, товарищ начальник.

Вскоре Фрума вернулась, лукаво пряча глаза под полями шляпы. Пышное шелковое платье ее было опоясано ремнем, на котором висел в кобуре браунинг. В туфлях на высоких каблуках она переступала осторожно, точно боялась споткнуться.

Фруму встретили аплодисментами.

— Музыка, вальс! — крикнул Щорс.

Он подскочил к Фруме и обнял ее за талию. Но напрасно друзья старательно высвистывали на губном оркестре вальс — ни Щорс, ни Фаня не умели танцевать. Они оттоптали друг другу ноги. Наконец, Щорс выпустил из объятий свою даму и, безнадежно махнув рукой, сказал:

— Нет, Фруня, плохие мы с тобой танцоры. А жаль!..

Перед отъездом Фрумы они решили пройтись по набережной Днепра. Солнце опускалось к горизонту, отражаясь яркими бликами в мелких волнах могучей реки. Шли молча, взявшись за руки. Фрума о чем-то задумалась. Она чувствовала, что в ней что-то изменилось. Мечтательница превратилась в серьезную женщину с разумными взглядами на свое нынешнее положение жены командира Красной Армии. И до того велика, до того ощутима была эта перемена, что девушка только теперь стала казаться самой себе действительной личностью, тогда как недавно она была только тенью Николая Щорса. А Николай смотрел на горящий в лучах солнца Днепр. Вдруг он остановился и начал читать Шевченка:

...Як понесе з України
У синее море
Кров ворожу... отоді я
І лани і гори —
Все покину і долину
До самого бога
Молитися...

— Много крови пролилось в Днепр, и вражеской, и крови рабочих и крестьян... — к никому не обращаясь, промолвил Щорс. — Но вот молиться... Тут бы я поспорил с Тарасом. Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай. В этом смысле мне больше по душе слова нашего гимна, Интернационала:

Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой...

— Да, своею собственной рукой! — сказал твердо Николай.

— Ты сегодня, Коля, совершенно на себя не похожий, — глядя удивленно влюбленными глазами на Николая, улыбаясь, сказала Фрума.

— Это потому, что я люблю тебя... Скоро ты уедешь, и кто знает, когда увидимся...

Вскоре Фрума уехала.

Щорс выздоровел, посвежел, энергия снова была в нем ключом.

Большую часть времени он опять проводил в частях дивизии, наступавшей в это время на Новоград-Вольнск, Шепетовку, Старо-Константинов. Щорс всегда появлялся неожиданно, в разгар боя, там, где сопротивление врага было всего сильнее. Опять, как во время наступления на Киев, он какими-то путями устанавливал через фронт связи с подпольными большевистскими организациями,

формированными повстанческие роты, батальоны, и они вливались в дивизию во время боя, занимая заранее указанные участки на флангах.

Фронт дивизий все время расширялся, бригады расходились на сотни километров друг от друга, и Щорс, пересаживаясь из своего вагона в легковую машину, по неделям не бывал в Житомире, отдавая приказы, связываясь со штабом по телефону и по прямому проводу телеграфа.

После разгрома петлюровцев у Бердичева и Коростеня дивизия Щорса наступала фронтом, ширина которого достигла 250–300 километров. По существу, щорсовская дивизия превратилась в армию. В ее полках насчитывалось около двадцати тысяч бойцов. Среди них старые богунцы, получившие щорсовскую закалку, были каплей в море. Наступая, дивизия впитывала в себя бывших петлюровских солдат, переходивших на сторону красных целыми частями. В большинстве эти обманутые Петлюрой крестьяне были очень темный народ. Некоторые из них, например, серьезно уверяли старых богунцев, будто Щорс оттого всегда побеждает, что он заговорен от пуля. Среди перебежчиков немало было и специально подосланных людей: они ловко использовали низкий культурный уровень бойцов, не прошедших еще красноармейской школы.

На одном митинге, происходившем в Житомирском городском театре, выступил красноармеец 1-го Богунского полка, Иван Миныч. Многие его уже знали. Одни считали его чудачком, другие сумасшедшим. Но было немало, темных, неграмотных красноармейцев, которые считали его колдуном и среди которых он пользовался уважением. Он всем рассказывал о том, что немцы расстреливали его шестнадцать раз и что, наконец, им наскучило стрелять, потому что пули его не брали. И вот на митинге он вдруг торжественно провозгласил:

— Я бог богов и царь царей! Дайте мне эскадрон белых коней и всадников во всем белом, и я покорю весь мир до океана. Ни одна пуля не возьмет меня.

В зале поднялся хохот, но «бог богов» не смутился. Он заявил, что если ему не верят, то могут его испытать, и

предложил выставить против него сколько угодно стрелков и пулеметов. А когда кто-то крикнул: «Да он спятил!», «бог богов» развел руками:

— Вот видите, братья красноармейцы, меня гонят, как Иисуса Христа.

Шум усилился. Но наряду с возгласами: «Отправить его в сумасшедший дом», — раздавались голоса:

— Почему не испытать, если человек домогается этого?

— Патронов жалко? А может быть, он и, правда, знает секрет и народу облегчение даст.

Спустя несколько дней по городу были расклеены афиши, извещающие о том, что красноармеец Иван Миныч приглашает всех, желающих стрелять в него, прибыть в воскресенье на площадь за тюрьмой с любого рода оружием.

Нарядившись в белый халат с красной лентой через плечо, «бог богов» разгуливал по городу в сопровождении толпы красноармейцев. Некоторые из них уже поверили в его чудодейственную силу. «Иначе не согласился бы человек добровольно под пулеметы стать», — рассуждали они. Некоторые понимали, что «бог богов» готовит какой-то фокус, и, сгорая от любопытства, ожидали представления. Командиры и коммунисты относились к нему тоже по-разному: одни, считавшие «бога богов» юродивым, дурачком, не беспокоились о последствиях готовившегося представления, другие, подозревавшие провокацию, не могли понять, в чем она может заключаться.

«Бог богов» совсем обнаглел. Он заявлял:

— Вот испытают меня братья красноармейцы, и я поведу их покорять весь мир.

Дело принимало серьезный оборот. Если бы затеваемый «богом богов» фокус удался, он действительно мог бы увести за собой часть полка. В это время прибыл в Житомир Щорс. Страсти уже так разгорелись, что изолировать «бога богов» теперь было бы опасно, Щорс решил позволить «представление», но организацию его взял в свои руки.

Комендант штаба Михеев, выполняя полученные от Щорса указания, в назначенный день собрал всех красно-

армейцев, желающих стрелять в «бога богов», и повел их на площадь под командой.

«Бог богов» уже приготовился к представлению. Белая лошадь и сам он, облаченный в белый халат, были увешаны бесчисленным количеством зеркал и призматических стекол. Поднявшись на бугор, он исчез в ослепительном блеске отражавшихся от него солнечных лучей. Стрельба по такой цели действительно могла оказаться безрезультатной.

Михеев подъехал к «богу богов» и приказал ему спуститься с бугра. «Бог богов» заартачился.

— Тогда я застрелю тебя без всякого представления. Моя пуля верная, — сказал Михеев, расстегивая кобуру.

«Бог богов» вынужден был выполнить приказание. Сообразив, что фокус его теперь вряд ли удастся, он откровенно воскликнул:

— Откуда ты взялся на мою шею!

Михеев, вернувшись к бойцам на линию огня,скомандовал:

— По богу богов, царю царей, черту чертей — огонь!

Белая лошадь взвилась на дыбы, и «бог богов», весь изрешеченный пулями, как куль, свалился на землю.

Выступление «бога богов» и вызванные им разговоры в полку заставили Щорса задуматься. Воспитание бойцов дивизии, разбросанной на широком фронте, зависело главным образом от среднего командно-политического состава. Между тем его не хватало во всех полках. Зачастую командиры взводов и рот Щорс вынужден был назначать людей не только без необходимой военной подготовки, но даже не умеющих как следует читать и писать.

Беседа на эту тему с работниками политотдела, Щорс сказал:

— Ждать, пока нам пришлют людей, нельзя. Надо готовить их самим. Придется создать в дивизии свою школу красных командиров. Жизнь показывает, что я не могу обойтись без нее. Я не смогу приучить людей к порядку регулярной части, если не буду иметь подготовленного младшего и среднего комсостава.

Кто-то заметил, что вряд ли дивизия сможет создать такую школу.

— Если другие не понимают, что бездеятельность — преступление перед революцией, то нам не стоит следовать их примеру. Я решил создать школу — и, значит, создам ее.

И работа закипела. Щорс вызвал к себе одного из опытных строевых командиров и спросил его:

— Ты знаешь недостатки ребят?

Командир, подумав, ответил:

— По-моему, стреляют плохо.

Щорс засмеялся:

— Правильно, но, конечно, дело не только в этом. Я хочу создать школу красных командиров, которые будут не только хорошо драться, но и воспитывать бойцов в коммунистическом духе. Она должна быть моей гордостью. У нас есть еще необученные, не одетые бойцы, а школа должна показать, какой вскоре будет вся Красная армия. Я хочу, чтобы буржуазия Житомира рты разевала, когда мои курсанты будут маршировать по улицам. Понятно?

— Так точно. Понятно!

— Ты ведь коммунист?

— Да.

— А как ты отнесешься к этому делу, если я поручу тебе подбирать людей в школу? — спросил Щорс.

— Очевидно, надо издать приказ о выделении людей.

— Никаких приказов. Сам ищи.

И Щорс тут же стал перечислять, кого надо взять в школу. Он знал в лицо не только всех командиров своей дивизии, но и большинство старых бойцов. Знал недостатки и достоинства каждого. В школу отбирали преимущественно коммунистов.

Школе краскомов Николай отдавал всего себя. Не поспешил на лучших людей в дивизии. Взоры всех остановились на Фатееве, бывшем начштадиве, а ныне помогающем Кассэру. Толковый начальник. Видный, бравый, подтянутый, старогвардейская гусарская выправка будет образцом для курсантов. В помощники ему выделили

Кирпаноса, молодого, боевого командира. Ломали голову над комиссаром. Свободных нет. Обещает политуправление армии. Исакович, обив телеграфные аппараты и телефоны, связывающие с Бердичевом (штабом армии), махнул с досадой рукой.

Николай склонен был ослабить на время политотдел — перекинуть Коцара или Залевского, — не поворачивался язык. Политкомиссар сам пришел к такому выводу:

— Больше некого — Залевского или Никиту...

Выбор пал на Залевского. Коцар возглавит политотдел дивизии.

— Чур, Николай Александрович, — не скрывая огорчения на бритом худом лице, попросил Исакович. — Не подгоняй. Откроем школу и без комиссара. Народу там достаточно. Срамота: Коцар один останется в политотделе... Смотаюсь в Бердичев, выколочу хоть парочку подходящих людей.

Подолгу засиживались над составлением учебных программ, боевой и политической. К этому делу привлекались как штабисты, так и политкомиссары. Предметы ни у кого не вызывали возражений. Николай, помня программу ускоренного курса Виленского военного училища, предложил четыре предмета: стрельба, фортификация, топография, тактика.

— Конечно, и политзанятия, — глянул он предупредительно на Исаковича, сделавшего было свой излюбленный жест — сжал кулак. — Политическим занятиям и культурпросвету отводим все вечера.

— Коль собираемся выпускать взводных и ротных командиров, я полагаю, курс обучения рассчитывать четырехмесячный? — уточнил начальник штаба Кассэр.

— Дай-то бог, Сергей Васильевич, — Николай поправил повлажневшие от духоты волосы. — Планируйте. В сентябре где-то сделаем первый выпуск.

Подобрали преподавателей. Усадив в легковой автомобиль, Николай возил их за город — наметили подходящие полигоны для стрельбы, строевой и тактической подготовки. Хлопот доставили и снабженцы. Гонял по каждой

малости — мыло, полотенца, простыни, матрацы, белье. Со всех богатых домов свезли кровати, столы, тумбочки, зеркала, даже фикусы и герани в кадках. Перешивали новехонькое обмундирование, подгоняя на каждого курсанта. Сам прикидывал Николай на бумаге выкройку формы, петлиц и нарукавных нашивок. Гордостью было новшество — пилотки. Сбитые к правому уху, они лихо сидели на ребячьих подстриженных головах.

Просматривая списки, присланные из полков, Николай наткнулся на знакомую фамилию: Воробьев, Сергей Максимович. Вызвал в штаб. Да, сновский, дворы их напротив. Этот младший. Дружил-то сам с Никитой, одним из средних братьев. Как и все Воробьевы, Сергей рыжий крепыш с насупленным взглядом. Чай распивать недосуг, пожелав успехов в учебе, отпустил засмущавшегося парня.

Через несколько дней старое здание бывшего житомирского епархиального училища, отведенное под школу красных командиров, было отремонтировано. Общежития курсантов были обставлены с удивительной для того времени тщательностью. Клуб школы украшали зелень, мягкая мебель, ковры.

Спустя дней десять после решения Щорса о создании школы ему доложили, что триста курсантов готовы приступить к занятиям.

На площади, против городского театра, выстроились роты школы. Курсанты были в новом обмундировании, в шапках-пилотках.

Щорс поздравил курсантов с открытием школы.

Боевая и политическая учеба в школе началась по программе, выработанной самим Щорсом. Каждый день курсанты ходили в поле для стрелковых и тактических занятий. Обычно в поле и обратно шли с оркестром. Толпы житомирцев провожали роты школы, любясь выправкой, твердым и четким шагом щорсовских питомцев.

Все жители города знали, любимую песню курсантов:

Красное знамя собой означает
Идею рабочего люда.

Щорс относился к школе удивительно любовно, потцовски. Он отдавал ей все свободное от боевой работы время. Возвращаясь с боевого участка, он обыкновенно прежде всего заезжал в школу. Чаще всего это бывало ночью. На цыпочках, бесшумно ступая, он проходил мимо рядов коек, останавливался, чтобы поправить упавшее одеяло, и иной раз долго прислушивался к неровному дыханию какого-нибудь курсанта. И в строгих серых глазах Щорса чувствовалось тогда столько товарищеской заботливости и теплоты! Но если Щорс замечал какой-нибудь непорядок или хотя бы плохо сложенную на тумбочке одежду, дневальный сейчас же получал приказание доложить о замеченном непорядке командиру взвода. «Наш суровый и ласковый Щорс», — с гордостью и любовью говорили о нем курсанты.

Как-то Щорс уехал на боевой участок, и три дня о нем ничего не было слышно. Вся школа поднялась на ноги. Группы курсантов выехали на розыски. Можно было опасаться, что Щорс попал в руки одной из банд, оперировавших в районе Житомира. Действительно, это так и было. Но ехавший на машине Щорс, отстреливаясь, сумел ускользнуть. Шофер дал машине предельную скорость. Курсанты встретили своего начдива, когда, почерневший от пыли, он был уже вне опасности.

— Товарищи, среди нас есть волк в овечьей шкуре, — сказал Щорс, собрав курсантов. — Бандиты знают все, что у нас делается. Только выскочишь за город, тебя уже обстреляли. Надо проследить, и вообще будьте осторожны и бдительны.

Через несколько дней предатель был разоблачен. Он оказался бывшим юнкером, ловко скрывавшим до сих пор свое подлинное лицо, и был связан с одним шпионом, капитаном царской армии, работавшим в городе дворником.

Нередко курсантам приходилось выходить по тревоге из-за школьных парт, менять учебные патроны на боевые. В боях с бандами Соколовского, Колесниченко и других кулацких главарей курсанты проводили под руководством Щорса свои тактические занятия. Они говорили:

«Щорс принимает от нас зачеты в бою». Бывало так: отправив курсантов против бандитов, Щорс тайком следовал за ними, на лошади или в автомобиле, издали наблюдая их действия. Но в решительный момент он всегда неожиданно появлялся в цепи и увлекал курсантов в атаку.

После одного боя Щорс выделил из толпы захваченных в плен бандитов несколько человек и приказал отправить их в школу. Сразу было видно, что выделенные люди — крестьянская беднота, попавшая в банду по своей темноте.

— Примите их, как гостей, — сказал Щорс. — Разъясните им толково, за что борются большевики, а потом распустите по домам.

Пленные прожили в школе дней пять. Каждый день с ними проводились беседы. Одной из них руководил сам Щорс.

— Расскажите своим односельчанам, что вы видели и слышали у нас, — сказал он, прощаясь с пленными.

В борьбе с партизанской анархической стихией курсанты школы были самым надежным оплотом Щорса. Так было и в случае, когда один из полков дивизии, Нежинский, разложенный петлюровскими агентами, отказался выполнить приказание командования и самовольно ушел с боевого участка. Бандиты, проникшие в Нежинский полк, убили комиссара и повернули штыки против Житомира. Положение осложнилось тем, что вблизи Кодни, где были расквартированы нежинцы, орудовала крупная банда Соколовского. Объединись они — беда неминуема. Штабные работники советовали Щорсу перебросить в Кодню два полка. Николай Александрович решил эту задачу по-своему. Он вышел навстречу бунтовщикам с ротой курсантов. Встреча произошла около Житомира. Курсанты построились развернутым фронтом против сбившихся в кучу нежинцев. Щорс вышел вперед в своей аккуратной гимнастерке, туго перехваченной широким ремнем, с кавалерийской шашкой на боку и приказал бунтовщикам положить оружие. Нежинцы зашумели, а пре-

датель, поднявший мятеж в полку, держа маузер на весу, переминался с ноги на ногу, и лицо его корчилося от злоградской гримасы. Щорс приближался спокойно, прогулочным шагом и, не доходя метров пять до предателя, сказал отрывисто:

— Клади оружие, бандит!

В это мгновение грянул выстрел: кто-то из нежинцев с тыла выстрелил в спину предателя.

— Считаю до трех, — сказал тогда Щорс и приказал курсантам приготовить пулеметы.

Щорс считал быстро: «Раз, два, три». Со счетом «три» нежинцы начали складывать оружие.

Через несколько дней Щорс докладывал по прямому проводу командующему армией Семенову:

«Я разоружил Нежинский полк: первое — взял все как есть оружие, до последнего патрона, второе — отобрал все документы, третье — выделил всех нестроевых и командный состав, выделил всех бандитов и подозрительных, четвертое — всех остальных построил в две шеренги на плацу, подал команду „смирно“ и начал рассчитывать по взводам, отделениям, полностью по сто двадцать человек в роте и по триста шестьдесят в батальоне».

Войска шли на запад. Подступавшее лето брало свое. Давно улеглись речки в берега, запылились проселки, лиственные деревья зашелестели новыми нарядами. В полдень лес манил с раскаленного шляха в живительную прохладу. Но нет опаснее места среди бела дня, чем лес. Петлюровцы, отступая, откалывались от куреней, сбивались ватагами в лесных чащобах, глухомани. Ночами выходили на большие дороги, заглядывали в села.

К середине мая 1-я Украинская советская армия встала на рубеже Радовель, Городницы, Плужное, Лановцы, Волочиск и далее по реке Збруч через Гусятин, Жванец, потом по Днестру — Старая Ушица, Могилев-Подольский. Войска сосредоточивались на боевых участках: Коростеньском, Корецком, Шепетовско-Ровненском, Гусятин-Волочискском и Бессарабском. На начдива Щорса возлага-

лось руководство центральными участками — Корецким и Шепетовско-Ровненским.

Используя короткую майскую передышку, Николай занялся реформированием. Согласно приказу командарма, создал три трехполковые бригады — 1-я Богунская, 2-я Таращанская и 3-я Новгород-Северская. Возглавили бригады повоевавшие уже командиры — Константинов, Боженко, Шкуть...

Автомобиль ходко шел по проселку, оставляя за собой хвост желтой пыли. Николай из седла пересел в машину. С исчезновением весенней слякоти ослабли нудное противное покашливание, ночные потения. Днями пекло плечи и голову, но не искал тени. Радовало солнце, бездонная свежая синь, по-летнему белые легкие облака. Понимал: истинная радость в другом. Благополучно складываются обстоятельства на фронте. Таращанцы и новгородсеверцы опрокинули петлюровцев в реку Горынь, бегут сечевики на Ровно и Дубно. Считанные версты остались, когда войска дойдут до старой русско-австрийской границы.

С облегченным чувством возвратился Николай в Житомир — в штаб дивизии. Конец похода. Ткнут бойцы штык в землю, вытрут рукавом пот... Сам, не теряя времени, этой же осенью сядет на студенческую скамью.

В штабе ждали невеселые вести. За спиной у Петлюры — прочная стена Антанты! На Дону, у Ростова, захлебнулось наступление Красной Армии, подымает голову генерал Деникин... Да, рано штык в землю. Неумный нрав, скрытая страсть его уже искали физические силы, чтобы как можно энергичнее и полнее использовать ожидаемую передышку. А будет ли она? Польский корпус генерала Галлера стоит наготове за Стырью...

Видел, войска устали, идут на последнем дыхании. Сохранить наступательный порыв во что бы то ни стало. Тылы, тылы... Резервы. Петлюровцы сдаются в плен. Густо пылят по проселочным дорогам. Целыми куренями, с оружием, обозами. Принимает. Формирует маршевые батальоны. Разбавляет ими свои старые полки, только что развернутые в бригады. Обует, оденет, накормит... А как

распознать душу селянина, вчерашнего врага? Петлюровская пропаганда ржавчиной покрыла все его нутро. Приказом не пробьешься. Слово нужно, сердечное, теплое, к каждому в отдельности. А где те, кто мог бы донести это слово?

Никита Коцар с Исаковичем недавно вернулись из Киева, где проходил I съезд политработников Украины. Забыв об усталости, Николай напряженно слушал, стараясь вникнуть в смысл тех новшеств, какие предлагает съезд в повседневной работе среди красноармейцев. Строительство Красной Армии может проходить нормально тогда, когда внутри самой армии будут созданы крепкие, жизненные комячейки. Только они могут спаять красноармейские ряды. Комячейки, по существу, — боевые органы партии, активные органы Советской власти. Повседневная работа их сводится к повышению среди красноармейцев понимания необходимости дисциплины и порядка, необходимости поднятия авторитета командного состава.

— Как это все мыслится? — спросил Николай, поправляя фитиль в лампе.

— Поднимать культурный уровень красноармейцев, — ответил Никита. — Создавать школы грамотности, кружки, клубы, читалки, библиотеки.

Поворотив свои записки, добавил Исакович:

— Культурно-просветительная работа в армии должна проходить под руководством единого органа...

— Имеется в виду политотдел дивизии?

— Да.

— Директивы это? Рекомендации?

— Покуда только выступление товарища Подвойского.

Наступило молчание, но уже через мгновение его прервал Щорс:

— Да, вы правы... Ломаный грош цена тому коммунисту-командиру, который не воспитывает воинов в коммунистическом духе...

Разговор для Николая тотчас обрел практическое значение. Со дня существования 1-й Украинской дивизии в

ней не было центрального политоргана, который руководил бы всей политической и просветительной работой в частях. Велась политработа в полках, батальонах, главным образом агитационного характера, в каждой роте самостоятельно проводились «душеспасительные» беседы, без общей системы, без надлежащего руководства. Знает по Богунскому полку: говорунов с лихвой, и каждый дудит в свою дуду, кто во что горазд.

Понимал, недостаток политработников не позволит организовать скоро центральный политический орган в дивизии. Но малый аппарат ведь можно. По глазам видит, такие же мысли обуревают и политкомиссаров. Даст высказаться, не будет опережать. Кто первый из них? По всему, меж собой они уже обговаривали, наверняка есть и предложения. Ждал от Исаковича — начал Коцар.

— Николай Александрович, мы тут в общем-то обмолвились... Пока суд да дело, придет приказ, подошлют штаты...

Привык к смущающемуся взгляду Никиты. Нет, так и разбирает уколоть усмешкой. Одолев соблазн, Николай обращается к Исаковичу:

— Что думаете, Владимир Николаевич?

— Люди есть. Двух могу назвать смело. Редактора дивизионки, Залевского. И вот Коцара.

На другой день политотдел дивизии был создан. Заведующим политотдела дивизии назначен Залевский, отозванный из дивизионной газеты «Красная правда», Коцар возглавил пока единственный отдел информации. Работа закипела. Учитывались находившиеся в частях политработники, распределялись прибывающие. Прежде чем отправить в часть, новичков инструктировали, давали советы и указания. Приходилось первое время действовать самостоятельно — никаких инструкций из политуправления фронта и армии не поступало.

Вскоре в политотделе появился третий сотрудник. Допоздна Николай задержался в штабе. Весть сообщил начальник политотдела Залевский.

— Николай Александрович, у вас гости...

По тому, как тот недоговаривает, догадался. Не проявили любопытства и штабные, обсевшие просторный круглый стол, заваленный картами. Сделали вид, что это их не касается. Шел через двор, поправляя под ремнем гимнастерку. Знал: где-то в дороге, и все же...

— Вот приехала... — улыбаясь, сказала Фрума.

— И хорошо сделала. Наверяд ли выполнил бы я обещание...

— Я поняла это из письма.

За ужином Николай хвалился делами на фронте, сетовал на нехватку командного и политического состава, с увлечением, как мальчишка, говорил о своем сокровенном: о школе краскомов.

Утром, когда Николай собирался в штаб, Фрума спросила:

— В качестве кого мне представляться?

— Как кого... Жены. Этого мало?

— Нет, не мало...

Во взгляде ее было такое, от чего он оставил дверную ручку.

— Конечно, сидеть без дела, чувствовать себя чужой среди моего окружения... Политотдел задыхается без людей. Залевский да Коцар. Пойдешь секретарем к ним. Издадим приказ. Поговорю с Исаковичем.

Он привлек ее за хрупкие плечи.

Завертели Николая тыловые будни. Политотдел один забирал уйму времени. На третий день своего существования провели съезд комиссаров. Собрали всех, кого доставили конноарочные и телеграфные провода. Кое-кто явился даже из наступающих частей, с Горыни. Спешно создавались комячейки в полках. Торжественно открыли клуб в одном из красивых зданий на городской площади. Клуб предназначался в первую очередь для курсантов. Политотдельцы тотчас взялись за устройство библиотеки, читальни. Все свободные помещения приспособляли под культурно-просветительные кружки. Встал вопрос об учителях. Дошло дело до приказа войскам об укомплек-

товании школ грамотности в частях дивизии преподавательским составом. Учителя должны набираться из среды красноармейцев. Добровольцы. В случае невозможности брать профессионалов через местные биржи труда. Установили и жалованье, временно, впредь до получения ставок из центра.

Там, где стояли войска, инструкторы-политотдельцы укрепляли Советскую власть — создавали комячейки, местным коммунистам помогали при сельисполкомах открывать народные дома, избы-читальни, делились литературой.

Победное шествие дивизии каждый день прибавляло забот. Политработники пробирались в самые глухие и отдаленные села и поселки, куда никогда не проникал светлый лучик. Не только читать — газет сельяне не видят.

Начальник политотдела дивизии, измотавшийся, приставал с ножом к горлу. Газет! Газет! Брошюр! Новых революционных пьес, песен. Исакович с усмешкой разводил руками:

— Сам газетчик, знаешь возможности типографии...

— Ничего я не знаю! — кипятился Залевский, ища взглядом поддержки у начдива. — Сколько освобождаем сел!.. Невежество, темнота. Хоть бы дивизионку нашу! Люди печатного слова не видали сроду.

— А бумага?

— Вагон-типографию оставил нам Симон Петлюра, — пояснил Николай. — Сегодня-завтра подгонят. Разжились и бумагой. Тысяч до тридцати увеличим тираж газеты. Выход ежедневный. Рассчитывай и на брошюры, воззвания, листовки. Пьес не обещаю.

— Писать их еще надо, революционные, — поддержал Исакович...

Дивизия Щорса выходила с боями к старой галицийской границе. В июле богунцы, тесня петлюровцев по линии Старо-Константинов — Проскуров, достигли пограничного местечка Волочиск. Таращанцы, наступавшие со стороны Новоград-Волынска на Дубно, захватив его, вы-

шли к границе у местечка Радзивилов. Под властью не вылезавшего из вагонов петлюровского правительства, которое носило громкое название «Директория», оставался только небольшой клочок украинской земли в районе Каменец-Подольска. Богунцы и таращанцы смеялись: «В вагоне Директория, а под вагоном территория».

Расстроенное петлюровское войско откатывалось в Галицию. Дивизия Щорса блестяще выполнила свои боевые задачи. Однако, в штабе армии некоторые военные специалисты начали распространять слухи, что Щорс не считается с оперативными планами высшего командования, действует по-партизански и т. п. Щорса редко можно было видеть взволнованным, но такие разговоры выводили его из себя. Однажды он вызвал по прямому проводу командарма Семенова и заявил ему:

«Товарищ Семенов, не знаю, как вы, но в штабе армии, как мне неоднократно приходилось слышать, почему-то считают, что я не подчиняюсь командованию армии. Я вам заявляю, что нет ничего подобного. Никакой партизанищины я не допущу. Люди, замеченные в ней, будут мною арестовываться и рассматриваться, как провокаторы. Безусловно, если бы я получил приказ, противодействующий общему делу революции, я бы его не исполнил, кто бы мне ни приказывал, что бы мне ни угрожало за неисполнение подобного приказа. Но я бы донес в ту инстанцию, от которой получил приказ. Закулисных интриг я не веду».

Командарм, успокаивая Щорса, передал:

«Тут глубокое недоразумение. Реввоенсовет армии считает вас главным и самым надежным оплотом на западе. Пока вы бодрствуете, мы спокойны. Ни о каких подкопах не может быть речи».

Однако, подкопы кто-то вел.

Одно обвинение не удалось — посыпались другие. Начались разговоры о том, что в дивизии Щорса очень трудно работать военным специалистам, что Щорс выживает их, никому не доверяет. Как ни старался Щорс не обращать на эти разговоры внимания, но они возмущали, нер-

вировали его. Правда, бывали случаи, когда он отсылал обратно бывших царских офицеров, прибывших с предписанием о назначении их на должность «не ниже командира батальона». Бывали случаи, когда он, посылая в свои части на командные должности недостаточно проверенных им бывших царских офицеров, предупреждал командира полка и комиссара: «Смотрите за ним в оба». Однако, к тем военным специалистам, которые работали честно, преданность которых не вызывала у него сомнений, Щорс относился по-товарищески, чутко. Обвинения были явной клеветой. И Щорс чувствовал, откуда она идет.

Как раз в это время зачастили к нему из центра инспекторы с мандатами от Троцкого. По их поведению видно было, что им важно только одно: дискредитировать Щорса и его ближайших помощников. Но Щорс быстро отваживал этих людей. Он принимал инспекторов вежливо, но сухо, терпеливо отвечал на вопросы, однако, далеко не на все. Когда речь заходила о том, что Щорс считал военной тайной, он переводил разговор на другую тему. Словно предчувствуя предательство иудушки Троцкого, он с большой настороженностью и недоверием относился к его представителям, разъезжавшим в отдельных вагонах по тылам фронта. Настороженность Щорса заставляла их быстро прощаться с ним, рассыпаясь в комплиментах, заявляя, что тут им делать нечего и что они поедут прямо в бригады.

— Прекрасно, — говорил Щорс, — но предупреждаю: в дивизии начальник — я. Все указания давать только через меня.

Однажды инспекция нагрянула в бригаду Боженко. Батько сидел в своем штабном вагоне и беседовал с только что приехавшим из штаба дивизии начснабом Тысленко. Комендант доложил, что прибыла инспекция и просит принять ее.

— А что, Мыкола принимает их? — спросил батько у Тысленко.

— Ну, конечно, — ответил Тысленко.

— Добре. Так и я приму. Пусть идут. Побалакаем, — сказал батько.

Он положил на стол нагайку, закрутил свои пышные усы и, видимо, для пущей важности, закурил сигару.

Вошли несколько военных, судя по внешности — бывшие царские офицеры.

— Сидайте, — сказал Боженко, — дужэ радый вас ба-чыты.

Вошедшие покрутили головами, отыскивая, на что бы можно было сесть, но ничего подходящего для этого не обнаружили.

— Сидайте, сидайте! — настойчиво предлагал батько, окутанный клубами сигарного дыма.

Представившись, старший из инспекторов сообщил, что он должен прежде всего ознакомиться с личным составом бригады.

— Придется начать с вас, товарищ комбриг.

— Попробуйте, — согласился батько.

Разговор происходил в таком духе:

— Ваше образование?

— Брехать не буду, что шибко важное. Ниже среднего.

— Но все-таки? Где учились?

— У дьячка. Щэ як подпаском був. Пидписуваться у нього навчився.

— А ваше военное образование?

— Тоже пониже среднего. Просто сказать — царский каземат.

— Простите, но я не понимаю: при чем здесь каземат?

— А так нас же, арестантив, в каземати на прогулку строем гонялы, пид команду: тут я и навчився командовать.

Старший инспектор пожал плечами.

— Ну, а как, товарищ Боженко, вам не трудно командовать бригадой, не имея более серьезной подготовки?

— Спытайте у Мыколы, вин вам скажэ, — сказал батько и, наклонившись к Тысленко, спросил шепотом:

— Нэ вжэ ж у Мыколы така ж история?

Тысленко кивнул.

Боженко взял нагайку и, ударив ею два раза по столу, вызвал коменданта.

— Прицепить вагон инспекторив до мого состава. Через пять хвылын дайте отправление.

Инспекторы растерянно переглянулись.

— Куда, товарищ Боженко?

— На передовые позиции, — сказал батько, играя нагайкой.

Старший инспектор пытался что-то возразить.

— Як я сказав, так и будэ. Побачытэ сами, як я команду... Я вас прикреплю до батальонив. А як живи останеться, побалакаем щэ.

Когда перепуганные инспекторы вышли, Тысленко сказал:

— Смотри, батько, Мыкола осерчает.

Боженко серьезно взволновался:

— Да ну? Не брешешь?

— Факт. Осерчает.

— Що ж мени робыты?

— Отмени приказ.

— Ой, як не хочеться!.. Але придется.

Боженко опять вызвал коменданта.

— Приказ одминяю. Хай идуть куды вгодно, а паровоза не давать. — Батько хитро улыбнулся. — Тут вжэ Мыкола до мэнэ не причэпытэся. Вин сам паровоза цым господам не дае.

Тысленко понял, на что намекает батько. В Житомире был такой случай.

Щорс, занятый подготовкой боевой операции, получил телеграмму из Бердичева от инспекции с требованием прислать ей паровоз.

— Выясните состав инспекции и доложите мне, — приказал Щорс своему начальнику штаба.

Оказалось, что инспекция следует в трех классных вагонах, состоит из восемнадцати бывших офицеров и возглавляет ее известный Щорсу бывший царский генерал.

— Коммунисты есть? — спросил Щорс.

— Один, состоящий при генерале, — доложил начальник штаба, разговаривавший с Бердичевым по прямому проводу.

Щорс зло рассмеялся:

— Один коммунист, состоящий при генерале?.. Между прочим, это его политика, он генералам доверяет больше, чем нам.

Все знали, что под «его политикой» Щорс подразумевает «политику» Троцкого, чье имя было ему ненавистно.

— Как же быть? — спросил начштаба.

— Пошлите телеграмму: «Паровозы нужны для выполнения боевой операции. Свободных нет».

Передышка оборвалась. 1-я Украинская дивизия, обновленная, увеличенная вполонину, в начале июня встала по старой русско-австрийской границе.

Весенними боями была освобождена от петлюровцев почти вся Правобережная Украина.

Не такими мирными, как виделись издали, оказались синие гребни Карпат.

Выступил польский корпус генерала Галлера. Формировался он во Франции, со времен мировой войны, из пленных поляков, в нем до 50 тысяч штыков. Солдаты хорошо обучены, одеты, обуты.

Поднял голову и Петлюра...

Штабной вестовой застал Щорса в губкоме. Член Волынского губернского комитета партии, Николай Щорс, помимо военных и политических, разрешал вороха вопросов хозяйственных. В разгаре весна, с окончанием сева навалились заботы иные. Отнимали много времени комиссии по наделу земли, приходилось выезжать и в села, помогать местным властям налаживать новую жизнь.

Записка от Кассэра. Всего десяток слов. У Николая они вызвали больше недоумение, нежели тревогу. На рассвете петлюровцы прорвали фронт у Проскурова. Почему у Проскурова? Откуда у «головного атамана» свежие войска? Не удивил бы прорыв на реке Стыри. Генерал Галлер готов к активным действиям. Есть чем ему ударить.

Но Петлюра... Разбитый, выброшенный за Збруч вместе со своей Директорией. Послал записку председателю губкома, перенеяв его взгляд, покинул зал заседаний.

В штабе многолюдно. Кассэр успел собрать уже состав Богунской бригады. По его мнению, формированию ее пришел конец. Перебирая телеграфную ленту, Николай еще не был настроен выводить из резерва все три полка богунцев. 1-й — ладно, но два других еще слабые. У сел Ямполь, Лановцы петлюровцы теснят Нежинский полк, отступает из-под Кременца Особая кавбригада.

— Дыру ту можно заткнуть и одним полком, Сергей Васильевич, — тыча в карту карандашом, Николай мучительно морщит лоб. — Пока не вижу причин срывать всю бригаду. Другое меня мучает... Что случилось? Почему отступают нежинцы? Как они отступают?!

— Николай Александрович, мы не знаем, что делается на Стыри... Молчит Боженко, молчит Черняк...

Ожидать вестей долго не пришлось. Одно тревожнее другого пробивались в Житомир сообщения. Причин для тревог оказалось более чем достаточно. Северо-западнее Проскурова, в районе Шумск — Ямполь — Теофиполь, крупные силы Петлюры взломали фронт. Сечевики и запорожцы, соединяясь с кулацкими бандами в горыньских лесах, продвигаются на Изяслав, Шепетовку, Старокопстантинов. Неожиданный удар не только создал серьезную угрозу Проскурову — петлюровцы вышли в тыл Таращанской и Новгород-Северской бригадам, находившимся у Дубно и Ровно.

К вечеру через штаб армии стало известно о наступлении легионов генерала Галлера. В первый же день пали Сарны и Давид-Городок. Продвигаясь по железной дороге, легионеры угрожают станции Житковичи — важному узлу, связывающему войска Западного фронта с Гомелем, Киевом и Москвой. Командующий 1-й Украинской армией отдал приказ начальнику 3-й пограничной дивизии приостановить белополяков на правом берегу реки Стыри, помочь отступающим частям соседнего фронта. Еще сложнее задачу поставил Дубовой дивизии Щорса: ликвидиро-

вать прорыв петлюровцев. Для этой цели он распорядился передвинуть в эшелонах 1-й Богунский полк через Бердичев в Шепетовку. Находящийся в Житомире бронепоезд «Богунец» должен следовать совместно с полком.

Всю ночь колдовали с начальником штаба у карты. С каждым часом прояснялся план Петлюры. Главный удар наносит на Проскуров. В случае успеха захватывает железнодорожные магистрали в глубь Украины. Тем самым он получает возможность перебрасывать свои тылы — галицийские части.

— Чуешь, Сергей Васильевич, куда клонит Петлюра? — энергичным жестом Николай наносит на карте жирную стрелку синим карандашом. — Проскуров! Ворота на Украину. Ближайшая дорога к Киеву. Вот для чего стоят те две дивизии галичан за Збручем. Генерал Галлер, захватив Львов и поживившись за счет галицийской армии, на том, кажется, успокоился. Понятно, откуда у Симона Петлюры прыть...

Вошел Исакович. Политкомиссар провожал эшелоны с богунцами на Шепетовку, задержался у пушкарей в бронепоезде. Обговаривали с начдивом утром вместе двинуть автомобилем вслед за полком. Зашел узнать, нет ли изменений. Николай, устало щурясь, взглядом подтвердил: «Утром отбываем».

Кассэр недоверчиво взглянул поверх очков.

— Риск, Николай Александрович...

— Риск. Тоже используем внезапность. И тоже ударим в тыл. Таращанцы совместно с 5-м кавполком наваливаются на тылы прорвавшихся сечевиков. Богунцы встретят их на реке Случи. Зажмем в тиски.

— Да... Но оголять участок Боженко... Чревато. Весьма чревато.

— Выбирать нам из всех зол наименьшее, Сергей Васильевич, — сказал Исакович, поняв замысел начдива. — Лучше отступить на Стыри, чем оставить Проскуров. По моему, самого Боженко и сделать исполнителем этой операции.

— Готовь, Сергей Васильевич, приказ. Утром я отбываю в войска.

Николай, поднявшись, с хрустом распрямил плечи...

Завязались бои на реке Случи. Петлюра, усилив запорожцев галицийскими частями, 6 июня овладел Проскуровом. Богунская и Таращанская бригады встали заслоном, напрягая силы, чтобы не допустить углубления противника в свой тыл. Все попытки петлюровцев утопить богунцев в Случи были тщетны.

В разгар боев на участок 1-й Украинской армии прибыл военный комиссар Украины Подвойский. В сопровождении Дубового и Щорса он объехал весь фронт. О главном, что привело его сюда, кроме официального инспектирования, нарком делиться не торопился. Высказался по возвращении в штаб армии, в Бердичеве. Перед этим отправил докладную записку предсовнаркома РСФСР, в Реввоенсовет республики и Советскому правительству Украины. Ободренное вниманием высокого начальства армейское командование навалилось было с просьбами, приукрашивая на все лады свою нужду, нехватки. Нужны свежие части! Обмундирование! Командный и политический состав!

— Все вижу, товарищи... Беды ваши все записал. Помогать будем. По мере возможности, конечно. Но сейчас я приехал к вам... — Подвойский внимательно вглядывался в лица командиров, — ...за помощью. Да, да, не ослышались. Петлюра, галичане и даже легионеры генерала Галлера все вместе не стоят одного Деникина. Полная катастрофа в Донбассе. Донская и Кавказская армии белых подошли к Царицыну на Волге. Сию минуту части Добровольческой армии рвутся в Таврию и Крым. Под угрозой Правобережье Украины. Словом, Южный фронт задыхается. Ждет помощи от нас.

Переждав нудное молчание, Подвойский продолжал уже другим тоном:

— Я объехал фронт вашей армии. Всесторонне оценил положение, изучил действующие части. С заместителем командарма Дубовым и начдивом Щорсом проанализи-

ровали тактическое и стратегическое положение. Я решительно предлагаю теперь же снять на этом фронте дивизию Щорса и передать ее на Южфронт. Это единственно боевая дивизия. В нее входят лучшие в боевом отношении и наиболее слаженные полки.

На вскинутую руку начальника штаба армии Купреянова комфронта поспешил отозваться:

— Понимаю, дивизия втянута в бои. Богунцы взяли обратно Староконстантинов. Не сомневаюсь, завтра-послезавтра они восстановят положение Проскуров — Волочиск. И сразу же дивизия может начать переброску.

Штабист все же подал голос:

— По крайней мере, еще два условия необходимы... Сократить участок фронта армии. Раз. И нужна замена. Какие-то части.

— Много не обещаю. Нами сформированы два интернациональных полка, особого назначения и караульный. Еще дивизион легкой артиллерии. Взвод тяжелой. Что касается участка, район Сарн постараемся передать Западной армии.

Детальями по переброске Подвойский делился после совещания. Сидели в тесной беседке, в вишневом саду за обеденным столом. Оглядывал исподволь начдива, кивал подбадривающе, встречаясь с его усталым взглядом.

— В Киеве получите командсостав и красноармейцев из двух бригад 4-й дивизии. Бойцы в бане помойтса, получат обмундирование, — сулил он. — Станет дивизия на Южфронте спаянной и технически снаряженной, мощной, с полным комплектом штыков, увеличенным комплектом пулеметов, артиллерии, подрывными саперными батальонами, авиагруппами...

— Николай Ильич, вы будто молодую сватаете, — посмеялся Дубовой, могучий, бородатый здоровяк. — Жених у нас не из строптивых. Половину из обещанного дадите в приданое, и то ладно.

— Зачем половину... Укомплектуем полностью. Я уже в Кремль доложил.

Разговор коснулся политработы. Подвойский поделился своими наблюдениями, вынесенными из поездки по фронту, из встреч с населением, пленными. Петлюровцы, против прошлого, изменили свое отношение к селянам. Не грабят, не убивают. За все конфискованное платят сполна. Не случайно.

— И для нас в том таится немалая опасность, — предупредил Подвойский. — Ветер-то дует с той стороны... Антанта знает, чем взять. Петлюровские проповедники развивают бурную антисоветскую агитацию, агитируют против коммун, чрезвычайных комиссий, в защиту церкви от комиссаров, ведут пропаганду против русских. Красноармейцам они внушают, что кровь льют напрасно — врагто у них общий... И кажется, агитация та имеет успех, вызывает нездоровые настроения в наших войсках. Нужны контрмеры. Засыпать окопы врага листовками, вскрыть его подлинное лицо, хитрые, лживые намерения...

Дивизия Щорса так и не была переброшена на Южный фронт. Борьба за Проскуров затянулась. Вывести части из боев было трудно, к тому же не хотелось расставаться с дивизией и командованию.

Положение с каждым днем становилось все более угрожающим. С фронта — Галлер, за спиной — Петлюра. Полками, даже батальонами приходилось рвать дивизию. От Дубно до Винницы богунцы и тарашанцы составляли самую ударную силу. Разбросанность на лесной неудобной местности, без средств связи требовала от Щорса огромного напряжения. Мотался из края в край, не зная ни сна, ни отдыха, из седла вскакивал на бронепоезд или в машину, сломя голову мчался на мотоциклете. Поднимая боевой дух, вел бойцов в штыковую.

Рядом истекала кровью 44-я стрелковая дивизия, малочисленная, слабая в боевом отношении, сформированная из остатков 1-й Украинской армии. В командование ею вступил последний командарм, Иван Дубовой...

В августе над Киевом сгустились тучи. Украинские войска вели борьбу одновременно на двух фронтах: на за-

паде — против генерала Галлера и петлюровцев, на востоке — против деникинцев. Противник, имея перевес в силах и вооружении, развивал наступление на Винницу, Киев, Житомир, Николаев и Одессу. Деникинские войска стремились отрезать основные силы 12-й армии в южной части Правобережья.

1-я и 44-я дивизии отходили, оставляя шаг за шагом землю, недавно отнятую, политую уже своей кровью. Отступление крушило дух войск, разлагало их. Утомленные донельзя, голодные, оборванные, самые стойкие продолжали отбиваться из последних сил. 31 июля Николай Щорс докладывал в РВС армии: «У меня на фронте дела скверны. Части окончательно деморализованы и не могут выдержать натиска противника, я вынужден отходить, взрывая по дороге все мосты и уничтожая дороги и забирая по пути все мужское население от 18 до 46-летнего возраста. Если я сейчас не отдам такого приказа, то завтра части будут продолжать бежать таким же порядком, и тогда уже никто и ничто их не остановит. Полки крайне устали».

Таяли полки. Путь отступления отмечался свеженасыпанными могилами. Убывали из строя и соратники, с кем Николай начинал, к кому успел привязаться. Одна за другой пришли тяжелые вести: в Ровно предательски убит комбриг Тимофей Черняк. Не успел прийти в себя — еще хлестче — Боженко. Комбрига внезапно свернула болезнь. Отравление... Лежал в Житомире, четверо суток боролся его крепкий организм — рвался все к своей «тараше». Скончался. Похоронили на городском кладбище с воинскими почестями. Наутро оставили город...

Незадолго до сдачи Житомира и Бердичева опять состоялся у Щорса разговор с командармом Семеновым.

Щорс: У аппарата начдив 1-й, начдив 44-й и военком 44-й. Создавшееся положение на фронте обеих дивизий не дает возможности исполнить ваш последний оперативный приказ. Части окончательно измотаны, босые и голые, до настоящего времени не снабжены, продолжают отходить. Связь с Шепетовкой отсутствует, судьба ее не-

известна. Только свежие части могут спасти положение. Просим указать стратегический отход обеих дивизий...

Командарм: Какие резервы имеются в 1-й Украинской дивизии?

Щорс: Кроме разоруженного Нежинского полка, который сейчас не боеспособен, я ничего не имею.

Командарм: Во имя революции надо просить бригаду задержать противника от быстрого продвижения вперед в тот самый момент, когда все войска республики начинают наступление на важнейшем фронте. Судьба сражения генерального решается не здесь. Надо собрать невероятное усилие и задержать врага. Какие силы наступают против 2-й и 3-й бригад?

Щорс: Поляки наступают исключительно конницей. Стоящие у них на высоте галлеровские войска, располагаются, начиная от Сарн и кончая Дубно. А с Дубно и правее к Збаражу — польско-галицийские.

Командарм: Местность, на которой вы действуете, самая неудобная для конницы... Повторяю, каждый день, выигранный вами, для нас дорог...

Щорс: Все меры приняты, но надежды очень мало, почти нет. Просим указать линию стратегического отхода обеих дивизий, ибо здесь сейчас скопление хозяйственных частей полков и бригад дивизий...

Командарм: Все лишние тяжести направлять на Мозырь — Гомель — Брянск, не забывая Киевского узла. В этом же направлении прикрывать железную дорогу должны части, действующие теперь в Сарнах. Остальные же части должны иметь направление на Киев. Иметь в виду, что Коростень имеет громадное значение для разгрузки Киева, а потому необходимы сверхчеловеческие силы, чтобы не дать этот узел противнику...

Щорс: Товарищ Семенов, дабы поднять боеспособность и уничтожить деморализацию, страх в частях, необходимо соединить обе дивизии в одну, из которых выйдет мощная крупная боевая единица. Дивизия четырехбригадного состава, при наличии двух полков кавалерии. Имея в виду наличие тех реальных работников, как

политических, так и технических, мы с полной уверенностью можем сказать, что дело облегчится и мы сумеем ценою нечеловеческих сил создать сильную, мощную боевую единицу, с одним мощным штабом и одним мощным снабжением. При наличии свежих сил в виде пополнения с уверенностью скажу, что я, Щорс, выведу весь тот сумбур, который получился. Мы пришли к такому заключению и уверены, что иного исхода быть не может, и вы с этим согласитесь.

Командарм: Сообщите намеченных начальников и какие части сводятся в бригады.

Щорс: Сегодня к 12 часам, если вы дадите согласие, проект будет вам представлен. Как вы, в принципе согласны с этим?

Командарм: Я вполне согласен.

В тот же день 19 августа 1919-го войскам 12-й армии был объявлен приказ о слиянии 44-й стрелковой и 1-й Украинской дивизий. Начальником вновь сведенной — 44-й дивизии назначен Щорс, его помощником — Дубовой, военкомом — Бужко-Жук, комбригом-1 — Волков, комбригом-2 — Васич, комбригом-3 — Антонюк, комбригом-4 — Божков. Своим приказом начальником штаба дивизии Щорс утвердил Кассэра. В школе краскомов оставил Фатеева. Школе и дивизионной военгазете местом расположения наметил Клинцы.

Истомленные боями, обескровленные, войска 44-й дивизии встали под Коростенем, преградив дорогу на Киев обезумевшему от крови и успехов врагу...

Вражеское кольцо сжималось вокруг дивизии Щорса все тесней. Измотанный, истощенный опять обострившейся болезнью, Щорс носился в своем запыленном, дребезжащем автомобиле из бригады в бригаду, из полка в полк. Там, где положение было особенно напряженным, где тревожные слухи о готовившихся маневрах врага вызывали растерянность неопытных командиров, где вот-вот бойцы могли поддаться панике, вдруг появлялся Щорс, как всегда спокойный, сдержанный, подтянутый,

хотя и с посеревшим от усталости лицом. Снимая автомобильные очки, вытирая со лба пот, он говорил, смеясь:

— Ну и погода, черт возьми! В такую погоду только босиком и можно воевать.

Дни стояли безоблачные. От зари до зари яркое и горячее, как в июле, солнце заливало своим спокойным, ровным светом золотое жнивье уже убранных полей, а ночью, когда черное небо уходило в бесконечную звездную даль, безветренный воздух был сух, как порох. Взрывались снаряды, а казалось, что это лопаются иссушенная земля.

29 августа 1919 года Щорс приехал в 3-й Богунский полк, расположившийся на позициях около железнодорожного полустанка. Настроение у бойцов было подавленное. Кто-то распространил слух, что чуть ли не два корпуса отборных войск врага уже окружили полк и этой ночью все бойцы будут перебиты. Люди готовились к бою, как к смерти, не надеясь на победу.

Ознакомившись с обстановкой, Щорс приказал секретарю полкового партийного комитета сейчас же собрать всех коммунистов.

В помещении станционного буфета, тускло освещенном керосиновой лампой, собралось девять человек. Молча и хмуро они ожидали Щорса.

Стекла дрожали от артиллерийской канонады и взрывов снарядов. Красный бронепоезд перестреливался с петлюровским. Снаряды рвались у семафора.

Вошел Щорс.

— Ну что, сдрейфили? — спросил он сухо.

Кто-то глухо отозвался:

— Мы не трусы.

— Я знаю, — сказал Щорс, — вы богунцы, а богунцы всегда спрашивают не сколько врагов, а где враги.

Щорс сел к столу, сняв фуражку.

— Ну, подвигайтесь ко мне. Кто в школе за партией не сидел, учись сейчас. Карандаши и бумагу на стол.

Все уселись за стол, и все как-то сразу повеселели, почувствовали себя увереннее, сильнее.

И, не торопясь, спокойно, как будто он сидел далеко от фронта, в школе, за учительским столом, Щорс начал беседу:

— Обстановка создалась такая, что от судьбы значительной станции Коростень зависит судьба Южного и Западного фронтов. Коростень — последняя дверь: распахни Петлюра эту дверь, ворвется смерть на Украину. Против нас пока сегодня, завтра одни петлюровцы. Их мы привыкли бить. Против них мы выстоим, сколько бы их ни было. Но к нам рвутся деникинцы, к нам рвутся белополяки. Страшны они нам? Нет, товарищи, они нам не страшны до тех пор, пока удерживаем Коростень. По этой железнодорожной ниточке спешат к нам части Красной Армии, спешит к нам братская помощь из Советской России, — он взял со стола телеграмму, — вот последнее донесение. Если не сегодня, так завтра сюда прибудет дивизия Красной Армии, и вместе с нею мы не только прогоним петлюровскую нечисть, но и до самого Черного моря дойдем. Никаким петлюрам, деникиным и пилсудским вкупе с их империалистическими хозяевами не сломить нашей воли к победе! — закончил он резко, словно вдруг увидел врагов, преграждающих ему путь к победе.

За окном усилилась канонада, снаряды рвались уже около самой станции.

Какой-то командир вбежал в вокзальное помещение с испуганным лицом.

— Разрешите доложить, товарищ начдив.

— Я сейчас занят. Доложите после.

Окончив беседу, Щорс сказал:

— А теперь вот что: спать вам эту ночь, конечно, не придется. Надо сейчас же разъяснить бойцам обстановку и политический момент. Силы противника преувеличены, но бой будет суровый. Предупредите всех, что отступать нам некуда...

Командиры разошлись. Щорс вышел из вагона. На августовском небе ярко горели звезды. Где-то рядом кто-то пел:

То не хмара солнце вкрыла,

То не грим гуде,

То робоча наша сила
На Петлюру йде...
Витер буйный повива,
Диброва шумить —
То богунці й таращанці
Идуть панів бить...

День 30 августа 1919 года выдался солнечный, ясный. Ночью прошел обильный дождь, прибав знойную дорожную пыль, освежив сосновые перелески.

В полдень Щорс решил выехать на позиции. Автомобиль Щорса был в ремонте, поэтому поехали на машине командира кавалерийской бригады Петренко. На заднее сиденье автомобиля сели заместитель Щорса Дубовой и политический инспектор Реввоенсовета 12-й армии инспектор Танхиль-Танхилевич, рядом с шофером Кассо уместился хозяин машины. На участке Богунской бригады Щорс решил задержаться. Договорились, что Петренко на машине уедет в Ушомир и оттуда пошлет машину за ними. И тогда они приедут в Ушомир в кавбригаду и захватят Петренко обратно в Коростень...

Танхиль-Танхилевич Павел Самуилович, двадцати шесть лет, родом из Одессы. Щеголь. Закончил гимназию. Довольно сносно изъяснялся по-французски и по-немецки. Летом 1919 года стал политическим инспектором Реввоенсовета 12-й армии. Прибыл в дивизию Щорса накануне с обычной проверкой. Танхиль-Танхилевич был близко знаком с членом РВС 12-й армии Семеном Араловым, доверенным лицом Троцкого. Он дважды хотел снять «неукротимого партизана» и «противника регулярных войск», каким называли Щорса троцкисты, но побоялся бунта красноармейцев. После одной из инспекционных поездок к Щорсу, продолжавшейся не более трех часов, Семен Аралов обратился к Троцкому с убедительной просьбой подыскать нового начальника дивизии — только не из местных, ибо «украинцы» все как один «с кулацкими настроениями». В ответной шифровке Троцкий приказал провести строгую чистку и освежение командного состава

ва: Примирительная политика недопустима. Хороши любые меры. Начинать нужно «с головки».

После прибытия в бригаду Танхиль-Танхилевич имел продолжительный разговор с заместителем Щорса Дубовым.

— Как вы, товарищ Дубовой, относитесь к своему командиру, товарищу Щорсу?

— Как подчиненный к начальнику. Уважаю его за смелость, умение организовать солдат...

— Не замечали ли вы за товарищем Щорсом каких-либо националистических устремлений, партизанщины?

— Вроде бы нет...

— Вы не удивляйтесь моим вопросам. Дело в том, что у товарища Троцкого есть другая информация. Более того, он уверен, что такие как Щорс не должны возглавлять серьезные воинские соединения Красной Армии. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем...

— Щорса надо отстранить от командования дивизией... В интересах революции... Любой ценой... У меня приказ.

— Как?..

— Трудный вопрос... Думаю, при поездке на передовые позиции... Пули там летают с разных сторон...

— Не совсем понимаю... Убить?..

— И я предлагаю это сделать вам... Товарищ Троцкий сказал, что он гарантирует назначение вас командиром дивизии... Кроме того...

— Нет, нет... Я этого делать не буду... Нет... Вы не представляете, что с вами и со мной сделают солдаты, если им об этом станет известно.

— Подумайте...

— Нет... Я этого не смогу сделать...

— Ну, что ж, считайте, что этого разговора у нас не было. Надеюсь, вы понимаете всю меру ответственности?

— Да, вполне...

Коростень — крупный железнодорожный узел, стягивающий всю Украину. На десятиверстке пестрые ветки напоминают растопыренные пальцы. Глянув на план-

шет, лежавший на коленях, Щорс об этом и подумал. Карта свежая, необтрепанная, исчеркал ее ночью чернильным карандашом. Три пальца уже отрублены: Сарны, Новоград-Волынский и Житомир. Подступили петлюровские курени стеной. За спиной две ветки — на Киев и Мозырь. Единственная ниточка, связывающая с Советской Россией. Ради той ниточки тысячи бойцов вкопались по пояс в жесткую, иссушенную за лето землю.

«Сутки, час выстоять — великое дело!» — стучала мысль в голове Щорса.

Бесперебойно, дено и ночно из Киева идут составы на Мозырь. Теплушки набиты ранеными, военным и городским имуществом. Успеть бы эвакуировать. Знал: Киев защищать нечем. Жидкая цепочка правого фланга 60-й дивизии да сбитые на скорую руку части пехоты, конницы и моряков под Фастовом. Выдвинуться он не может: у самого более полтыщи верст участок! На четыре-то бригады, измотанных, обескровленных.

Стратегическое положение Коростеньского узла с каждым часом обретает значение. Последний клочок Советской Украины, единственный плацдарм Красной Армии. Деникинцы прут на Чернигов. Не нынче-завтра они войдут в Киев. Рвутся в столицу со стороны Белой Церкви и петлюровцы. Эти могут оказаться там и сегодня. Через день-два жди, скопом навалятся на Коростень. Вот едет, осмотрит на месте укрепления. Верст с десятков всего от станции. Опаснейший участок. Нарочно поставил богунцев. А в резерве пусто, все, что имел, уложил в окопы. Держит роту курсантов на последний час. Поведет в атаку сам...

Позавчера обрадовал разговор со штабом армии. Южной группе 12-й армии — три дивизии, 45-я, 47-я и 58-я, — оказавшейся отрезанной где-то в районе Умани, командарм Семенов по радио шифром отдал приказ пробиваться на север, к ним. Соединиться бы. Полармии! Из-за одного этого стоит держать Коростень. Но радость заглушают сомнения. Получен ли окруженцами тот приказ? Связи со штабом Якира совсем нет. Что, как не зна-

ют? Будут ломить левее, восточнее Киева. Тревогой своей не делился даже с Дубовым. По лицу замечает: гложет и его неизвестность. Хмуρο уставился в сцепленные руки, не принимает участия и в беззаботном разговоре гостя с Петренко.

На околице села Могильное их встретил Квятек с комиссаром Довгалевским. После поправки Квятек вернулся в свой полк, угодил в самое горячее, когда оставляли Житомир. Данилюка пришлось передвигать на 2-й Богунский полк.

— Принимай пополнение, Казимир Францевич. Обмундированы, с оружием, — улыбаясь, обратился Щорс к Квятеку.

Здоровался Николай с шутливой веселостью, но спросил серьезно давнего побратима:

— Как тут? Терпят богунцы?

Квятек, кивнув головой, ответил:

— Можется, Николай Александрович.

Довгалевский, худой, с диковатыми глазами студент, принял шутку начдива за чистую монету.

— Не откажемся от пополнения. Да такого! Перед каждым пеньком готовы шапку ломать, лишь бы умел стрелять.

Хохотнул в ответ только инспектор Реввоенсовета, разглаживая голубые, помятые в дороге бриджи.

Зашли в крайний двор. В саманной хате под соломенной нахохленной крышей обдало приятной прохладой. У стола хлопотала Соня Алтухова. Она уже не скрывала своего положения хозяйки. И опять, как некогда в вагоне, Николай ощутил что-то похожее на зависть. Не различаются. Все время вместе. Тотчас оказался мыслями в Новозыбкове... Отправил Фруме разрешение на въезд в расположение дивизии. Томительно ожидание. Через сутки-двое прибудет...

— За борщ спасибо. Недавно от стола. — Желая смягчить упавшее настроение хозяйки, он сжался: — Испить бы... Не откажемся.

Осушив вспотевшую крынку холодного молока, Петренко укатил в село Ушомир — в кавбригаду.

Квятек раскинул было на столе карту.

— Погоди, — Щорс, подымаясь с табуретки, надел фуражку. — В окопы. По дороге введешь в обстановку.

Богунская бригада перекрыла житомирскую ветку. Батальоны первого полка окопались сразу за огородами села Могильное. Южнее укрепились другие два полка богунцев. Окопы их, переваливая железнодорожную насыпь, уходили к селу Белошицы. Именно этот участок вызывает у Николая тревогу. Бросил сюда все, вплоть до комendantских и хозяйственных команд. Конницу Петренко сосредоточил в селе Ушомир, в глубине обороны дивизии, на случай кинуть в подмогу таращанцам и новгородсеверцам, заседлавшим железные дороги на Новоград-Волынский и Сарны.

— Мирно, слышу, живете тут с петлюровцами, — сказал Танхиль-Танхилевич, полдня нудившийся возле мало-разговорчивого начдива.

— Со вчерашнего что-то утихло. — Квятек виновато покосился на щеголеватого одетого политотдельца. — По-стреливают... Я приказал не отвечать, не тратить даром патроны.

Николай, переняв взгляд командира полка, одобрительно кивнул. Не убавляя шага, обратился к нему:

— Завтра тут будет жарко. Задача твоя... не только выстоять. Измотать здесь и отбросить. Якиру приказано пробиваться на Житомир... Ударим навстречу.

Позиция первого батальона выгодная, на возвышении, скрытые подходы — селянские садики и огороды. Бойцы ловко приспособили для сообщения канавы. Николай, всматриваясь, вспомнил:

— Окопы-то наши. В апреле стояли...

— Они самые, — подтвердил комбат Кошечев. — И дальше до самых Белошиц угодили... Роты едва не каждая вселились в свои.

В тихом предвечернем небе послышался треск. Аэроплан. Тянет со стороны Киева. Темнел стрекозой.

— Командарм Семенов, — сказал политотделец, защищаясь от солнца.

Резкий звук мотора и пулеметная очередь заставили опять вскинуть бинокли — хорош командарм! Аэроплан, упав едва не до земли, поливал свинцом железнодорожный разъезд — виднелись невдалеке тополя и водокачка. На требовательный взгляд начдива Квятек упавшим голосом произнес:

— Тылы наши... Боепитание. Подорвет, гад...

Снизу поднялась ружейная пальба. Аэроплан, взмыв, отогнул к селу, переваливаясь с крыла на крыло, уходил вдоль житомирской ветки.

— К Петлюре подался... На вареники.

Слова Лихуты, командира 2-го батальона, встретившего начальство у прудка, внесли оживление. Танхиль Танхилевич нисколько не смутился своей промашки:

— У Деникина с Петлюрой разные идеологии.

— У каждого своя, так сказать, чашка и ложка.

Окопы второго батальона извивались по гребню вымоины, заросшей терновником и бурьянами. Подходы тоже скрытые. Шестая рота на голом месте как на ладони. Насквозь просматривается.

— Углубить ходы сообщения.

— Товарищ начдив, кремень земля-то. Лопата не лезет...

Николай взглядом оборвал словоохотливого комбата.

— Врываться... Завтра уже не будет времени...

Сделав знак Квятеку подойти, тихо спросил:

— Вижу нежинцев... Как они?

— Бойцы чего?.. Перемешались с богунцами, не различить. Дурь в наших головах, командирских... — Не выдержал усмешку Щорса: — Правильно ты поступил... Расформировал нежинцев, раскидал по бригадам.

На стыке второго и третьего батальонов ждал их комбат Ковбаса с ротными. Доклад его оборвала пулеметная очередь. Пришлось лечь. Николай, уstraиваясь локтями, прислонил к глазам бинокль. Петлюровский пулеметчик у железнодорожной будки, за каким-то сараем. Метко кладет очереди. Не оборачиваясь, Щорс приказал кинуть пару снарядов. Видал, как второй взрыв в щепы разнес сарай. Ожила винтовочная перестрелка. Возле Щорса лег-

ли Дубовой с одной стороны, с другой — политинспектор. Щорс повернул к Дубовому голову и сказал.

— Ваня, смотри. Как пулеметчик метко стреляет.

В грохоте взрывов и пулеметной стрельбы почти неслышно раздался пистолетный выстрел. Красноармейцу на голову упала стреляная гильза.

— Какая это сволочь с ливорверта стреляет?.. — возмущенно сказал солдат.

В это время бинокль выпал из рук Щорса, голова поникла...

Выстрел, которым был убит Щорс, раздался после того, как артиллерия красных разнесла в щепки железнодорожную будку, за которой находился пулеметчик

— Щорса-а убило-о! — раздался истощный голос из ближнего окопа.

Дубовой подполз к Щорсу. Увидел, что голова комдива прострелена насквозь. Пулевое "выходное" отверстие у виска было больше, чем «входное» на затылке. «Значит стреляли сзади... Политинспектор...» — сразу догадался Дубовой.

Голову мертвого Щорса тут же, на поле боя, лично забинтовал сам Дубовой, боясь огласки и солдатской мести. Когда медсестра Богунского полка Розенблюм Анна Анатольевна предложила перебинтовать аккуратнее, Дубовой ей не разрешил...

Шепотом, от одного к другому, передавалась весть: «Товарищ Щорс убит», «начдив погиб». Цепи богунцев замерли. Но вот кто-то поднялся во весь рост, крикнул голосом нечеловеческой силы: «Да здравствует товарищ Ленин! Да здравствуют большевики! За Коммунистический интернационал — ура!», взмахнул над головой винтовкой и побежал вперед. Он упал, сраженный пулей, в нескольких шагах от окопов, но окопы уже опустели: по полю молча, с винтовками наперевес бежали в атаку поднявшиеся без команды богунцы. Несколько минут захлебывались лаем петлюровские пулеметы, испуганно трещали винтовки. В поле разорвалось, поднимая фонтаном землю, с десятков снарядов, а потом все затихло. Богунцы все бежали

вперед. Позади остались петлюровские пулеметы и батареи с переколотой прислугой.

Последний полученный Щорсом боевой приказ был выполнен: дивизия отстояла Коростеньский железнодорожный узел. Через несколько дней, прорвав окружение, она соединилась с частями Красной армии, действовавшими на Правобережной Украине.

Письмо пулеметчика Живонога отцу в деревню Заречное на северной Черниговщине:

«Любезный папаша! Шлет вам поклон ваш сын, красный пулеметчик, эвакуированный из Киева для излечения смертельных ран в уездный военный госпиталь города Клиницы. Пронеслась у нас в госпитале страшная весть о безвременной смерти нашего молодого начдива, дорогого товарища Щорса, смертью храбрых павшего в бою под Коростенем. Но никто из пребывающих тут на излечении своих ран богунцев не мог поверить этой вести, бойцы встали с коек и запели песню о командире-большевике:

*То не сокол, не орел
Кружит крылом,
Сам Щорс вдоль фронта
Летит верхом.*

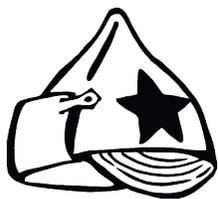
Но я, будучи нем, не мог, папаша, петь: челюсти рта моего еще не работают, так что приходится употреблять в пищу молоко, а хлеба незначительно, продавливая мякоть за зубы, пребывающие в сжатом состоянии. Голова у меня, папаша, все еще забинтована. Открыт один только правый глаз, начинающий привыкать к белому свету. И что же? Страшная весть оказалась горькой правдой. В наш уездный город Клиницы прибыл траурный поезд с прахом героя. Поседевшие в боях командиры и бойцы несли последний почетный караул у гроба Щорса, поставленного в гостинице, чтобы тысячи рабочих и крестьян соседних уездов Черниговской губернии могли прийти и отдать ему низкий поклон. Мы, бойцы, пребывающие на излечении от ран в военном госпитале, кто

мог ходить на своих ногах или костылях, тоже пришли с большой любовью и грустью — поклонились праху дорогого начдива, залитого спиртом в гробу.

Много старых бойцов нашего семеновского отряда и других большевиков встретилось у гроба начдива. Стояла тут, отдавая честь своему супругу, наша храбрая Фрума Хайкина. Слышать, она понесла от Щорса дитя. Встретился я тут со своим другом, Казимиром Табельчуком, рисуящим масляными красками картины нашей военно-революционной жизни. Он сидел у гроба и рисовал на большом холсте Щорса, скакавшего на вороном коне с обнаженной шашкой по зеленому полю-степи. Мне очень понравилась эта картина, изображающая Щорса в героическом виде.

Теперь сообщаю вам, папаша, чтоб не ждали меня в скором времени по излечении от ран домой, потому что, как однажды сказал перед боем Щорс свою большевистскую формулу: „Революция диктует, советская власть приказывает, а мы, большевики, должны выполнять и побеждать“. Со всех концов наступают войска белых генералов так, что наша Советская страна стала узка. Но вы, папаша, можете не сомневаться, мы твердо стоим на большевистской формуле и освободим трудящихся, всюду жаждущих свободы и счастья, до самого Тихого и Ледовитого океанов.

*К сему любящий ваш сын красный пулеметчик
Живоног».*

Эпилог

Дубовой стал невольным соучастником преступления. Сколько таких случаев было во время Гражданской войны! Дубовой казался человеком честным. Но он был слабостью, без особых талантов. Его выдвигали, и он хотел выдвигаемым быть. Вот почему его сделали соучастником. А у него не хватило мужества не допустить убийства. Без содействия Дубового убийства не могло быть...

Тело Щорса отвезли в Коростень. Его положили на диван в его вагоне. Голова Щорса оставалась забинтованной.

Дубовой пришел почему-то в вагоне комбрига Петренко. Он производил впечатление человека возбужденного, растерянного, несколько раз повторял, как произошла гибель Щорса, задумывался, подолгу смотрел в окно вагона. Его поведение тогда казалось нормальным для человека, рядом с которым внезапно убит его товарищ. Не понравилось только одно... Дубовой несколько раз начал рассказывать, стараясь придать юмористической оттенок своему рассказу, как он услышал слова красноармейца, лежащего справа: «Какая это сволочь с ливорверта стреляет?..» Поскольку красноармейцу на голову упала стреляная гильза. По словам Дубового стрелял из браунинга политинспектор. Даже расставаясь на ночь, он вновь рассказал Петренко, как стрелял политинспектор из браунинга по противнику на таком большом расстоянии...

По приказанию Дубового тело Щорса без медицинского освидетельствования подготовили для погребения... Сначала тело поместили в крепкий соляной раствор и положили в цинковый гроб, который запаяли... Бойцы, как дети, плакали у его гроба. Подготовили специальный поезд.

Командира не стали хоронить на родине, поскольку опасались, что его могила, находясь в зоне активных боевых действий, может стать объектом вандализма со стороны неприятелей, как это произошло с погибшим в Житомире в августе 1919 года Боженко. Над трупом последнего жестоко надругались петлюровцы: они извлекли тело Боженко из могилы, привязали к двум лошадям и разорвали на части. Это были тяжелые времена для молодой советской республики. Враг, чувствующий близкую гибель, делал последние отчаянные усилия. Озверевшие банды жестоко расправлялись не только с живыми бойцами, но издевались и над трупами погибших. Друзья не могли оставить Щорса на надругательство врагу... Политотдел армии запретил хоронить Щорса в угрожаемых местностях. С гробом товарища поехали на север. У тела, положенного в цинковый гроб, стоял бессменный почетный караул. Было принято решение похоронить его в Самаре.

У супруги Щорса — Ф. Хайкиной, в то время в Самаре жили родители, бежавшие из Новозыбкова весной 1918 года при подходе к городу немцев. Именно поэтому было принято решение о похоронах Щорса в городе на Волге. К тому же Хайкина на тот момент уже была беременна, и ей вскоре предстояло рожать, поэтому она предпочла уехать на это время к родителям. Вскоре родилась там же и их дочь — Валентина Щорс. С началом Великой Отечественной войны Фрума Хайкина эвакуировалась с дочерью из Москвы не куда-нибудь, а именно в Куйбышев.

Хоронили Щорса 12 сентября 1919 года на Всехсвятском православном кладбище в Самаре. И было ему от роду всего лишь 24 года. Полководца похоронили при помощи командования Туркфронта с отдачей всех воинских почестей.

Много лет за кладбищем никто не ухаживал, и место захоронения Щорса затерялось. Через почти 20 лет городские власти спохватились. Начались поиски захоронения Щорса. Дело в том, что 27 марта 1935 года в «Правде» появился романтический очерк о Щорсе писателя Всеволода Вишневского, автора знаменитых пьес «Первая Конная» и «Оптимистическая трагедия». Вскоре на экраны вышел кинофильм «Щорс». Мало того, это имя было названо самим Сталиным в перечне выдающихся героев Гражданской войны. Неустанные поиски были безрезультатными. Власти расписавшись в собственном бессилии, потеряв даже малейшую надежду на успех поисков. В газете «Известия» 13 марта 1937 года было опубликовано сообщение, что поиски гроба с останками Щорса прекращены из-за невозможности точного установления места захоронения.

Но наступил 1949 год — 30-летие гибели легендарного комбрига. Московские власти дали команду разыскать захоронение Щорса и установить на нем памятник.

На розыски были брошены немалые силы. Перешерстили все городские кладбища. Но все безрезультатно. Потом совершенно случайно вышли на некоего Ферапонтова, который мальчишкой-беспризорником помогал сторожу старого православного кладбища.

Он вспомнил, как в 1919 году проходили те похороны. Но повел представительную комиссию не на кладбище, а к проходной Куйбышевского кабельного завода. Дело в том, что кладбище к тому времени стало заводской территорией. Ферапонтов долго бродил по территории завода. Потом остановился в нескольких метрах от стены электроцеха. «Кажется, здесь должно быть», — неуверенно вымолвил он.

И закипела работа. После вскрытия нескольких захоронений, под почти полуметровым слоем щебенки на полтораметровой глубине было обнаружено захоронение цинкового гроба. Все с облегчением вздохнули.

В акте эксгумации, датированном 5 мая 1949 года, было записано: «... установлено, что... на территории

Куйбышевского кабельного завода (бывшее православное кладбище) в 3-х метрах от правого угла западного фасада электроцеха найдена могила, в которой в сентябре 1919 года было похоронено тело Н.А. Щорса...

Гроб изъят и доставлен в помещение судебно-медицинской экспертизы, где и произведено медицинское исследование».

Была произведена эксгумация, составлен акт судебно-медицинской экспертизы, в котором, в частности, сказано следующее: «...на территории Куйбышевского кабельного завода (бывшее православное кладбище) в 3-х метрах от правого угла западного фасада электроцеха найдена могила, в которой в сентябре 1919 года было похоронено тело Н.А. Щорса... Смерть Н.А. Щорса последовала от сквозного огнестрельного ранения затылочной и левой половины черепа... Отверстие в области затылка следует считать входным, за что говорят овалы ровные края у костного дефекта, в области затылочного бугра. Отверстие, расположенное в левой теменной области следует считать выходным, на что указывает форма отверстия с отломкой наружной костной пластинки... Можно предположить, что пуля по своему диаметру револьверная... Выстрел был произведен в направлении сзади наперед, снизу-вверх и несколько справа налево, с близкого расстояния, предположительно 5-10 шагов».

Таким образом, эксгумация подтвердила, что Щорс был убит не пулей белогвардейцев, а по указанию Троцкого его подлым прислужником Танхиль-Танхилевичем.

10 июля 1949 года состоялось торжественное перезахоронение останков героя. Местом погребения было избрано новое городское кладбище. Сюда на орудийном лафете был доставлен прах начдива и при большом стечении народа перезахоронен со всеми воинскими почестями. В траурной церемонии принимала участие большая делегация Украинской ССР, руководство Куйбышевской области и Приволжского военного округа. Приехали жена, дочь и сестра героя, его боевые друзья. На могиле была установлена мемориальная мраморная плита, а в последствии и памятник.

В советское время народ отдал дань уважения своему герою. В 1954 году в Киеве возведен конный памятник Щорсу. Его имя носит село Щорсовка Коростенского района Житомирской области. Его именем назван посёлок городского типа Щорск в Криничанском районе Днепропетровской области. Его именем названы улицы в городах: Чернигов, Балаково, Быхов, Находка, Новая Каховка, Коростень, Москва, Днепропетровск, Баку, Ялта, Гродно, Дудинка, Киров, Красноярск, Донецк, Винница, Одесса, Орск, Брест, Подольск, Воронеж, Краснодар, Новороссийск, Туапсе, Белгород, Минск, Брянск, Калач-на-Дону, Конотоп, Ижевск, Ирпень, Томск, Житомир, Уфа, Екатеринбург, Смоленск, Тверь, Ейск, Богородск, Тюмень, Бузулук, Саратов, Луганск, Рязань Белая Церковь, детский парк в Самаре, парк имени Щорса в Луганске.

Сегодня бандеровская власть на Украине старается стереть память о Щорсе, уничтожая памятки и переименовывая поселки и улицы, но в памяти народа он остается прежним — мужественным, смелым, страстным защитником интересов этого народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Часть первая. Детство и юность	9
Часть вторая. На фронтах Первой мировой	73
Часть третья. За Советскую власть!	160
Эпилог	346